s t u d i a s e m i o t i c a

А. Е. Бочкарев

Семантика
Основной лексикон

деком
Нижний Новгород
2014

ББК 81.2 Рус-5
Б86

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор *В. М. Бухаров*

Рецензенты
доктор филологических наук, профессор *Т. Б. Радбиль*
доктор филологических наук, профессор *Т. В. Романова*

А. Е. Бочкарев. Семантика. Основной лексикон. –
Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. – 320 с. (серия Studia semiotica)

ISBN 978-5-89533-333-4

Лексикон ориентирован на основной круг проблем, связанных с интерпретацией языковых произведений – слов, высказываний и текстов, с целью соизмерить и обобщить возможности отдельных принципов и методов семантического анализа.
Предлагаемый читателю научный аппарат представляет интерес для специалистов разных областей гуманитарного знания – лингвистов, филологов, психологов, логиков и философов, так или иначе обращающихся по роду деятельности к процедурам и операциям интерпретации.

ISBN 978-5-89533-333-4

© Бочкарев А. Е., автор, 2014
© ДЕКОМ, оформление, 2014

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Для человека, далекого от семантики, многие из предлагаемых в Лексиконе понятий могут показаться непонятными, а для искушенного специалиста – само собой разумеющимися и потому не требующими разъяснений. Но стоит попытаться их определить, как возникают сложности: что такое знак? как понимать дискурс? как зависит от установки мнения истинностное значение суждения? В известном смысле к обсуждаемым в Лексиконе понятиям применимы слова св. Августина о времени – понятии на первый взгляд само собой разумеющемся, но приводящем в замешательство, как только требуется его определить. «Что такое время? Пока меня никто о том не спрашивает, – пишет св. Августин, – я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» (Исповедь, XI, 14, 17).

Выбор обсуждаемых в Лексиконе понятий не случаен, как не случайны и предъявляемые к ним автором требования.

- Представленные в Лексиконе понятия историчны в том смысле, что отражают основные этапы развития науки о значении, фокусирующейся в зависимости от избираемой исследовательской позиции на самых разнообразных аспектах изучаемой проблематики. Структурная семантика, например, делает ставку на систему значимых противопоставлений, внутренние связи и отношения между знаками, формальная семантика – на операции по исчислению высказывания, условно-истинностная семантика – на условия истинности, компонентная семантика – на декомпозицию значения, когнитивная семантика – на хранимые в памяти когнитивные аналоги знания, интерпретирующая семантика – на интерпретирующие возможности контекста и т. д.

  Действительно, увидеть предмет в многообразии различных его определений можно только в исторической перспективе – через «историологическую компоненту самопознания» (Н. Ю. Бокадорова). Без такого самопознания лингвистической семантике не обойтись. Отвечая общей тенденции к рефлексии, исторический ракурс позволяет соизмерить возможности отдельных принципов и методов анализа с общей логикой развития науки о значении, а в пределе, обобщив накопленные знания, построить в рамках общей теории

значения такую интегративную модель, в которой учитывались бы в единстве многообразия возможности разных принципов и методов анализа.

- Представленные в Лексиконе понятия не номенклатурны, а диалектичны. И не только потому, что им не соответствуют предуготовленные определения, но еще и потому, что свидетельствуют в пользу диалектически подвижного понимания изучаемых семантикой явлений. Возьмем, например, значение. В зависимости от избираемого в исследовании подхода под данное понятие подводят и обозначение, и референцию, и эмпирический опыт, и таксономические знания, и ассоциируемые со словами не всегда достоверные мнения и представления, и отношения между знаками, и условия употребления, и интенциональные состояния, и даже совершаемые с языковыми выражениями преобразования. Синтетически разрешить противоречия можно только в русле антиномического подхода. Совпадая с такими интегральными свойствами значения, как становление и развитие, антиномии позволяют должным образом отразить динамику эволюции научного знания и тем самым обосновать необходимость построения такой модели значения, в которой интегрировались бы в единстве многообразия самые разные подходы к значению – и формальная семантика, и дескриптивная лингвистика, и условно-истинностная семантика, и когнитивная семантика, и семантика возможных миров.
- Представленные в Лексиконе понятия образуют вспомогательный научный аппарат разных семантических теорий – значимости, знака, истины, референции, прототипов, фреймов, идеализированных когнитивных моделей... В качестве инструмента познания они указывают на стоящие перед семантикой проблемы, как решаются эти проблемы с использованием разных методов и принципов анализа, но не должны подменять их, дабы избежать односторонности, сугубо цеховым, пусть и лидирующим, определением. Только так можно понять, как варьируется с исследовательской позицией формат толкования, насколько совместимы разные подходы к значению и целесообразно ли вообще говорить о возможности построения единой науки о значении с использованием разных методик и процедур анализа.
- Круг обсуждаемых в Лексиконе проблем можно, разумеется, расширить вплоть до включения сюда понятий из смежных дисциплин, как поэтика, формальная логика, прикладная лингвистика, исследования в области искусственного интеллекта, нейропсихология, психоанализ, антропология или литературная критика. В условиях современного знания междисциплинарный подход действительно необходим. Герменевтика, например, позволяет нам понять, как постигается в движении по кругу смысл, когнитивные исследования – как оперируют в понимании когнитивными аналогами знания, исследования в области искусственного интеллекта – как строятся для представления знаний семантические сети, компьютерная лингвистика – как устанавливаются в значительном корпусе текстов межтекстовые связи.

  В условиях современного состояния науки междисциплинарный подход необходим, но построить интерпретирующую семантику на федеративных принципах можно только путем подчинения всех входящих сюда отраслей знания общей цели.
- Излагаемые в Лексиконе понятия взаимно пересекаются. Например, чтобы понять, что собой представляет текст, нельзя не обратиться к автору и читателю, типам систематики, межтекстовым связям, прагматическому контексту и т. п. Благодаря таким отсылкам, когда определение одного понятия отсылает к другому, Лексикон можно читать в любой последовательности. Неважно, в сущности, с какой статьи начинать; главное – охватить круговым движением предлагаемый набор взаимосвязанных понятий. В таких перекрестных отсылках как бы утрачивается система иерархических отношений между главными и второстепенными, центральными и периферийными понятиями: Знак отсылает к Тексту, Текст к Социальным нормам, Социальные нормы к Пресуппозициям, Пресуппозиции к Правилам сочетаемостных ограничений и так до тех пор, пока мы не вернемся к исходному понятию.

Читателю судить.

Абсурдные высказывания. — Абсурдными называют бессмысленные, а порой и просто нелепые или сумбурные высказывания вида *У сургуча всегда грудь горяча. У пера два прекрасных бедра* (А. Введенский) или *…служанка вывихнула себе бедра по требованию маленьких икроносных рыбок, которые именно с тех пор и были признаны необходимыми для понимания конструкции старых башмаков* (Ф. Рабле). В логическом исчислении таким высказываниям нельзя даже придать истинностное значение «ложно» [→ Истина и правдоподобие]. Они бессмысленны[1].

Классическим примером абсурдного высказывания является широко обсуждаемая фраза Н. Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* «Бесцветные зеленые идеи яростно спят». Синтаксически правильная конструкция аномальна по причине нарушения правил построения высказывания, в том числе ограничений на лексическую сочетаемость [→ Сочетаемостных ограничений правила]. Налицо логическое противоречие: (i) между субъектом суждения и приписываемыми ему свойствами в статусе семантического предиката[2]: ‘ideas’ /абстрактный/ *vs* ‘green’ /конкретный/, ‘ideas’ /абстрактный/ *vs* ‘sleep’ /конкретный/; (ii) между приписываемыми субъекту суждения свойствами: ‘colourless’ /бесцветный/ *vs* ‘green’ /цветной/, ‘sleep’ /спокойный/ vs ‘furiously’ /беспокойный/. В семантическом отношении такое высказывание аллотопно [→ Аллотопия].

Означает ли это, что подобные высказывания не поддаются вообще интерпретации [→ Интерпретация]. Именно так и обстоит, если придерживаться словарного значения [→ Значения «значения»]. Но если принять во внимание вероятные акцидентные значения, которые можно приписать словам и всему высказыванию в целом в каком-то вероятном прагматическом контексте [→ Контекст], возможным становится и самое истолкование.

Преобразование абсурдного высказывания совершается путем перифразировки. Так, в метафорической интерпретации Р. Мартена *яростно спящая идея* – это забытая идея, тогда как *зеленая* наводит на мысль, не отправиться ли на лоно природы (цит. по Растье 2001: 169). Рейнхарт, со своей стороны, предлагает истолковать *green* «зеленый» по аналогии с незрелым яблоком как «неразвитую идею» (цит. по Миллер 1990: 277–278). Можно к тому же вообразить и контрафактический универсум вроде Зазеркалья Льюиса Кэрролла, в котором зеленые идеи и в самом деле бесцветны и яростно спят. Акт предикации задается в таком случае по законам фиктивного универсума с иными требованиями к значению истинности.

[1] Недаром, кроме значений истины и лжи, в многозначных логических системах выделяют еще и значения «бессмыслица», «нелепость» или «абсурд».

[2] В таких случаях говорят, что субъект суждения не заключает в себе основание предиката (Лосский 1991: 223–225, 227).

Такую функцию «абсурд» получает, в частности, в театре абсурда, причем не только в пьесах Ионеско или Беккета, но и в русском довоенном театре абсурда. Задолго до «Лысой певицы» (1950) в театральных опытах Введенского, Хармса, Заболоцкого и других участников «Объединения реального искусства» (1927) встречаем немало абсурдных сценических действий, подрывающих привычные механизмы сознания. Из самовара вместо пара вылезает пара рук, мужик произносит речь по-латыни, министр воет по-волчьи и ходит на четвереньках. Подстать и речевое поведение героев. Так, в пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых» (1938), бессмысленный поэтический ряд создается на основе исключительно формального критерия, в том числе рифмы: ср. *А еще молода. А еще недурна. А еще хороша. А еще струна. А еще как душа.* Чтобы понять, зрителю не остается ничего другого, как попытаться по возможности восстановить нарушенную семантическую связность [→ Когезия], т. е. установить общий характеризующий признак, на основе которого столь разнородные понятия сводятся в общее контекстуальное множество.

Короче говоря, интерпретация абсурдных высказываний не только возможна, но и необходима, особенно когда эти высказывания означают больше, чем просто бессмыслицу. Истолкование совершается путем актуализации какого-то общего акцидентного признака, по которому можно построить семантическую изотопию [→ Изотопия].

Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Аномальные» высказывания: проблемы интерпретации // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 437–451.

Кондаков Н. И. Абсурд // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 14–15.

Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990.

Мейлах М. Б. Русский довоенный театр абсурда (К пятидесятилетию пьесы Александра Введенского «Елка у Ивановых) // Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990. С. 356–385.

Радбиль Т. Б. Языковая аномальность и художественный дискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2005. Вып. 1 (6). С. 110–116.

Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Изд-во МПГУ, 2006.

Растье Ф. Абсурдные высказывания // Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 168–170.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Автор. — С образом автора связаны в основном литературоведческие исследования, прежде всего генетического толка, а его именем называют охотно психоаналитическую модель, разработанную на основе произведений, а затем применяемую для их же интерпретации [→ Интерпретация]. Будь то физиологические опыты Сент-Бёва, психокритика Морона, психоаналитическая концепция Башляра или психобиографические этюды Фернандеса, смысл разбираемых произведений сводится к различным сторонам «личности» автора, а явные или скрытые его интенции объясняются в согласии со знаменитым тезисом Бюффона: *стиль – это человек*[3].

Действительно, литературные произведения нередко автобиографичны, а авторы похожи, по словам Гёте, на медведей, сосущих собственную лапу. Но даже изображенного под видом *я* субъекта нельзя отождествлять, даже в автобиографических сочинениях, с автором. И не только потому, что автор пишет «историю своей души» (Потебня 1976: 321), но еще и потому, что автобиографический характер произведения – такая же, в сущности, литературная условность, как и тип художественного изображения. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, всякое «я» художественного произведения есть образ; причем не образ-имя, а образ-местоимение, о котором судят не по номинативному содержанию, а по присоединенным предикатам (Виноградов 1971: 128). Вот почему автора нельзя отождествлять с повествователем, ни тем более принимать на веру якобы имевшее место знакомство с героями[4].

Действительно, произведение литературы и искусства несет на себе отпечаток личности автора, а автор порой настолько сживается со своими персонажами, что ему приписывают слова вроде *г-жа Бовари – это я*[5]. Такая самоидентификация допустима разве только с многочисленными оговорками. Даже если автор и присутствует в произведении, то исключительно только в качестве созидательного начала. Поэтому вряд ли

[3] Такая формулировка совпадает отчасти с другим не менее известным тезисом эпохи кватроченто: *каждый художник себя изображает.*

[4] Например, в «Замогильных записках» *я* встречается с Вашингтоном, тогда как в действительности Шатобриан с ним лично никогда не встречался.

[5] В действительности это утверждение – не более чем фикция, поскольку не значится ни в одном из известных текстов Флобера.

правомочны попытки объяснять плодовитость Бальзака многочисленными долгами, трагические образы Бодлера – житейской несостоятельностью, усложненный синтаксис Пруста – астматическими приступами удушья, экспрессионизм Ван Гога – душевным недугом. Житейские факты, пусть и отраженные в тексте, являются всякий раз художественно обработанными вплоть до радикального их преобразования с помощью системы остраняющих приемов[6].

Именно установка на выражение[7] служит для новой критики доводом в пользу отказа от автора как биографического или психологического начала. На смену Автора приходит Скриптор, на смену произведения – Текст [→ Текст] и Письмо (Барт 1989: 384–391). Активность автора в роли скриптора – в творческом отношении к языку, способам его понимания, преобразования и поэтического использования[8].

В художественных текстах употребление языка и фигур стиля является действительно настолько специфичным, что становится приметой стиля [→ Идиолект], своеобразной культурной маской, за которой автор скрывает свое лицо[9]. Например, в частном употреблении имперфектных

[6] Не случайно Кокто пишет: «Когда вы смотрите на Мадонну Рафаэля, вы не говорите: “Вот Мадонна”, а говорите: “Вот Рафаэль!”. Когда вы смотрите на “Девушку в тюрбане” Вермеера, вы не говорите: “Вот девушка в тюрбане”, а говорите: “Вот Вермеер!”. Когда вы смотрите на анемоны Ренуара, вы не говорите: “Вот анемоны”, а говорите: “Вот Ренуар!”. И, наконец, когда вы смотрите на женщину без глаза, вы не говорите: “Вот женщина без глаза”, а говорите: “Вот Пикассо!”» (Jean Cocteau, *Picasso*, Paris, Ecole des lettres, 1996, p. 70–71).

[7] Установка на выражение не означает, конечно, подмену образной системы языком. Наивно было бы полагать, замечает М. М. Бахтин, что «художнику нужен один только язык и знание приемов обращения с ним». Отношение автора к языку есть «отражение на данной природе материала его художественного стиля» (Бахтин 1979: 166–169).

[8] Разумеется, свобода проявления личностного начала, даже в самом что ни на есть самобытном употреблении языка, не бывает никогда полной. Бесспорно одно, заключает Ж. Женетт, каждое отдельно взятое произведение служит всегда иллюстрацией сразу нескольких стилей, поскольку отсылает одновременно к разным «значимым комплексам» – автору, эпохе, жанру или отсутствию жанра (Женетт 1998, 2: 442).

[9] См. в этой связи программную работу Ильи Груздева «Лицо и маска» в сб. Серапионовы братья: Заграничный альманах. Берлин. 1922. С. 205–237. Такую маску, комментирует Оге А. Ханзен-Лёве, не следует смешивать с личностью или позицией автора как исторической, биографической или мировоззренческой величиной: «…она скорее представляет собой некую сумму всех остраняющих приемов, которые ведут к деформации и обнажению подобного отношения “отражения” и его каузальности. Маска также лишает абсолютности и трансформирует включаемый фактический материал, который может обретать в “маскированном тексте” новые смысловые связи» (Ханзен-Лёве 2001: 267).

форм М. Пруст усматривает особенность Флобера, а в употреблении гипаллаг Ж. Женетт видит особенность самого прустовского стиля. И даже, добавим, возведенную в абсолют обезличенность во французском новом романе, в том числе в текстах А. Роб-Грийе, можно принять за «минус-прием» и соответственно расценить как примету стиля – «письма» (франц. *écriture*).

Короче говоря, в художественном тексте проблема автора неотделима от средств выражения, образ автора – от «формы словесного построения» (Виноградов 1971: 189), от того, как писатель преодолевает «сопротивление старых литературных форм, навыков и традиций» (Бахтин 1979: 170). В таком преодолении – залог индивидуально-авторского стиля как особого «в*и*дения вещей».

Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.

Бахтин М. Проблема автора // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 162–180.

Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе // О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 105–211.

Грифцов Б. А. Психология писателя. М.: Художественная литература, 1988.

Мукаржовский Я. Личность в искусстве // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 501–521.

Démougin J. (sous la direction de), Ecrivain, in *Dictinnaire des littératures*, Paris, Larousse, 1994, p. 485–486.

Souriau A., Auteur, in Souriau E., *Vocabulaire d'esthétique*, Paris, P.U.F., 1990, p. 198–200.

Аксиология (от греч. *axios* «ценный»). — Под аксиологией обычно понимают систему ценностей, на основе которой совершается оценка [→ Оценка] окружающих нас в мире вещей и явлений. В этическом отношении аксиологические системы отвечают на вопрос, что есть благо, в эстетическом – что есть красота. При этом аргументом в пользу того или иного аксиологического суждения служит какая-то возведенная в абсолют установка мнения – что считать более или менее ценным в данной системе представлений.

Без обращения к аксиологическим системам нельзя сегодня представить ни теорию истины [→ Истина и правдоподобие], ни теорию и практику интерпретации [→ Интерпретация]. Во всяком суждении о мире содержится не только информация о существующих в мире объектах, но и мнение по поводу этих объектов – объект мнения; и релевантным

[→ Релевантности критерий] является, как следствие, не сам по себе факт, о котором идет речь, а отношение к этому факту в виде ценностного суждения[10].

В качестве примера возьмем такое высказывание поморского охотника и рыболова: *Мало того что малый ребенок умеет веслом владать, баба, самая баба – уж чего бы, кажись, человека хуже?! – а и та, что белуга, что нерьпа, – лихая в море. Смело давай ей руль в лапу и спать ложись, не выдаст: не опружит и слезинки тебе единыя не покажет…* (С. В. Максимов). Будучи в целом противоречивой, оценка задается оценочными предикатами *человека хуже, лихая в море, не выдаст* и др. в отношении уступительной конъюнкции *уж чего бы…, а и та…*, позволяющей если не подавить, то хотя бы компенсировать общеотрицательную оценку какими-то частными достоинствами. Причем понять, почему в суждении о женах и дочерях поморов отбираются такие, а не какие-то другие свойства, почему рус. *баба* характеризуется в общей оценке отрицательно (*человека хуже*), в частной – положительно (*лихая в море, не выдаст…*) и почему положительная оценка задается, наконец, в сравнении [→ Сравнение] с морскими животными (*что белуга, что нерьпа*) можно только обратившись к сложившимся в аксиологической системе поморов нормативным установкам [→ Нормы социальные].

Интерпретантом [→ Интерпретант] отношения ‘баба’ → /–/ (в контексте «человека хуже») является, по всей видимости, мнение: *по сравнению с мужиком баба слаба*; интерпретантом отношения ‘баба’ → /+/ (в контексте «не выдаст: не опружит и слезинки тебе единыя не покажет») – *баба вынослива и терпелива, на нее можно положиться в трудной ситуации*; интерпретантом транспозиции ‘баба’ → ‘белуга’, ‘баба’ → ‘нерпа’ – такое весьма существенное обстоятельство, что для обозначения отважных гребцов в речевом обиходе поморов нет иного класса вспомогательных существ, кроме разве только морских млекопитающих подотряда зубатых китов или ластоногих млекопитающих из семейства тюленей.

Действительно, наряду с аксиологическими операторами типа «хорошо» или «плохо» таксономия оценки проявляется предельно наглядно и в том, как создаются в контексте [→ Контекст] компаративные классы. В качестве примера возьмем такую строфу Ш. Бодлера: *La nature est un temple où de vivants piliers / Laissent parfois sortir de confuses paroles ; / L'homme y passe à travers des forêts de symboles / Qui l'observent avec de regards familiers* «Природа – дивный храм, где ряд живых колонн / О чем-то

[10] Недаром в определении Э. Гуссерля *вещи* – это не просто-таки вещи природы, а непосредственное в*и*дение – не просто чувственно, постигающее опытным путем смотрение: «мир для меня – не просто *мир вещей*, но <…> и *мир ценностей, мир благ, практический мир*» (Гуссерль 1999: 52–53, 67).

шепчет нам невнятными словами, / Лес темных символов знакомыми очами / На проходящего глядит со всех сторон» (*Correspondances*, 1952). Несмотря на принадлежность разным семантическим областям, аналогия между *природой* и *храмом* представляется вполне приемлемой[11], поскольку пересекающиеся области находятся традиционно в том же оценочном пространстве: второе понятие в связи с первым приводит к третьему понятию – Богу – как необходимому своему выводу.

Ориентация метафорической коннекции [→ Метафора] может, впрочем, идти вразрез с традиционной деонтологией, как это происходит, например, во фразе Г. Гейне: *Католический священнослужитель ведет себя скорее как приказчик, который служит в большом торговом предприятии. Церковь, этот большой торговый дом, шефом которого является папа, дает ему определенную работу и определенное жалование за исполнение ее* («Луккские воды»). Элементы области //церковь// приводятся здесь в соответствие с элементами области //торговля// по формуле вида $x_1 \rightarrow y_1, x_2 \rightarrow y_2, x_n \rightarrow y_n$[12].

Семантический эффект такой транспозиции может быть только пейоративным. И не только потому, что //церковь// занимает в оценочной шкале несравненно более высокую позицию, чем //торговля//, но еще и потому, что пересекающиеся в высказывании семантические области находятся традиционно в разном оценочном пространстве[13]. Основанием такого сближения служат, очевидно, протестантские настроения лютеранской паствы. Сообразуясь с такими настроениями римско-католическую церковь можно уподобить, по Гейне, торговому предприятию, священнослужителей – приказчикам, папу – главе предприятия по эксплицированному в контексте общему признаку: /исполнять какую-либо работу за вознаграждение/.

Подобные коннекции позволяют судить, как задается под воздействием аксиологических норм востребованное в контексте значение и насколько радикальным может быть, наконец, его отличие от предписанного системой языка узуального словоупотребления.

---

[11] Умозаключение строится в таком случае по модели: x_1 наделяется в категории *X* такой же оценкой, как y_1 в категории *Y*. Так создаются в языке высказывания вида «*x* есть *y* для *z*». Классическим примером такой пропорции служит, в частности, высказывание вида *Хомский – это де Голль лингвистики* (Растье 2001: 176).

[12] Так выстраивается серийная аналогия *церковь* : *торговый дом :: католический священнослужитель : приказчик :: папа : шеф*, в которой первый термин так относится ко второму, как третий к четвертому, пятый к шестому.

[13] По таким засвидетельствованным зонам пересечения можно судить, как функционируют в языке аксиологические системы и насколько радикальным оказывается их преобразование в том или ином идиолекте [→ Идиолект].

Так приходим к следующим установлениям.

- Аксиологические системы суть дополнительные системы нормирования, которыми мы руководствуемся, пока не появятся более веские причины для отказа от них, в повседневной речевой деятельности.
- Аксиологические суждения строятся по типу «базисных суждений» (А. Айер) какой-то возведенной в абсолют системы ценностей.
- Аксиологические суждения содержат не только информацию об окружающих нас в мире вещах, но и мнение по поводу этих вещей в релевантном для человека контексте жизни.
- Пониманию в аксиологических суждениях подлежит отношение говорящего к объекту, интерпретации – квалификация этого объекта в суждении.
- Установить, насколько адекватна в данном контексте мнения квалификация объекта, можно только путем подгонки к соответствующей системе представлений.
- Условия, которым должны удовлетворять аксиологические суждения, сводятся только к требованию взаимной их согласованности в рамках заданной системы представлений.
- Применяемые в сообщении аксиологические нормы служат для интерпретатора если не верификатором истинности суждения, то хотя бы достаточным его основанием.
- Аксиологические установки интерпретатора могут не совпадать с аксиологическими установками говорящего.

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984. С. 5–23.

Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.

Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов. Коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Kerbrat-Orecchioni C., *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage,* Paris, Librairie Arman Colin, 1980.

Аллотопия (от греч. *allos* «другой» + *topos* «место»). — Аллотопией в микросемантическом анализе [→ Семный анализ] называют явление, противоположное изотопии [→ Изотопия], а именно: сочетание семем с несовместимыми семами. Например, словосочетание *визгливый колодец* (С. В. Максимов) аллотопно, поскольку образующие его семемы не только не имеют общих сем, но и содержат несовместимую родовую

сему: ‘визгливый’ /одушевленный/ vs ‘колодец’ /неодушевленный/. Аллотопия строится, таким образом, на отношении исключающей дизъюнкции между двумя или несколькими синтаксически связанными семемами с несовместимыми родовыми признаками[14].

Между тем в языке немало выражений, подпадающих под разряд аллотопных и потому не поддающихся проверке на истинность [→ Истина и правдоподобие]. Заведомо ложным в двузначном исчислении приходится признать и дескрипции вида *рыба-кит*, и метафорические определения вида *женщина-цветок* или *человек-медведь* [→ Метафора]. Во всех подобных случаях синтаксически связанные семемы входят в отношение аллотопии по несовместимым родовым признакам: /рыба/ *vs* /млекопитающее/, /человек/ *vs* /животное/, /человек/ *vs* /растение/ и т. п., поскольку принадлежат по определению разным системным классам (таксономиям): //рыбы// *vs* //млекопитающие//, //люди// *vs* //животные//, //люди// *vs* //растения// и т. п.

Разумеется, эффект семантической аномалии можно отчасти сократить с помощью выражений в функции ограничителя [→ Ограничитель] – компаративных связок *как*, предикативов *подобно*, *похож* и т. п. Так, по сравнению с выражением *человек-медведь* перифразировка вида *такой, как медведь* кажется, если здесь вообще возможна градация, более истинным. Семантические операторы позволяют если не устранить аллотопию по несовместимому родовому признаку, то хотя бы установить изотопию по какому-то востребованному в контексте [→ Контекст] общему видовому признаку.

Без экспликации здесь не обойтись. Скорректировать в контексте требования семантической связности [→ Когезия] позволяют некоторые востребованные по случаю фоновые знания [→ Фоновые знания] в функции прагматической пресуппозиции [→ Пресуппозиция]. Так, при квалификации человека как медведя в определениях вида *человек-медведь* или *такой, как медведь* отбору подлежат не таксономические свойства медведя, а востребованные в контексте социально нормированные афферентные признаки, по которым какого-то индивидного представителя рода человеческого можно уподобить при необходимости представителю семейства медвежьих. Во всяком случае, из утверждения *Собакевич – медведь, совершенный медведь* не следует, что помещик, пригласивший Чичикова на обед, ест сырое мясо, ходит на четвереньках, лохматый как медведь, а разве что выглядит сходным образом: ходит вкривь и вкось, наступает беспрестанно на чужие ноги и в довершение всего носит фрак медвежьего цвета. Так аллотопное

[14] В этом смысле аллотопия совпадает с нарушением ограничений на сочетаемость слов [→ Сочетаемостных ограничений правила].

высказывание (в одном отношении) становится изотопным высказыванием (в другом отношении)[15].

Аллотопия преодолевается в истолковании [→ Интерпретация] путем актуализации какого-то общего видового признака, по которому Собакевич приводится в соответствие с медведем: ‘Собакевич’ /неуклюжий/ ≅ ‘медведь’ /неуклюжий/. Причем понять, почему для квалификации Михаила Семеновича Собакевича избирается такой образец, можно только по засвидетельствованной в речевом обиходе установке мнения[16]. В противном случае невозможно понять, почему говорящие прибегают вопреки постулату семантической связности к аллотопным построениям и как вообще истолковать семантически бессвязные высказывания.

Так приходим к следующим выводам.

- Эффект аллотопии возникает при нарушении семантической связности между синтаксически связанными семемами высказывания.
- Семемы в отношении аллотопии несовместимы по родовым признакам.
- Устранить аллотопию можно при условии построения локальной изотопии по какому-то пусть и афферентному видовому признаку.
- Языковым ресурсом по преодолению аллотопии служат семантические операторы в функции ограничителя.
- Аргументом в пользу истолкования аллотопных высказываний служит какая-то избираемая по случаю установка мнения.
- За отсутствием специальных установлений в качестве инструкции по истолкованию аллотопных высказыванием может выступать лингвистический или прагматический контекст.
- Поскольку допустимость аллотопных высказываний задается относительно установки мнения, верифицировать такие высказывания можно только на соответствие речевому узусу, требованиям жанра и прочим социальным установлениям [→ Нормы социальные] в данном культурно-историческом контексте.

[15] Аллотопию устанавливают по таксономическим знаниям, изотопию – по обыденным представлениям типа *doxa*.

[16] Допустимость такой дескрипции объясняется не столько реально подмеченным соответствием, сколько конвенциональным характером такого соответствия. В этой связи нелишне заметить, что избираемый по случаю образец подходит как нельзя лучше для определения Собакевича, поскольку для квалификации неуклюжих людей в русской языковой картине мира нет другого класса вспомогательных существ, кроме хищных животных семейства медвежьих. Во французской языковой картине мира наилучшим образцом служит скорее утка или краб: ср. *marcher en canard, en crabe*. За отсутствием таких знаний эффект семантической аномалии возрастает.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986.
Dubois e. a., *Rhétorique de la poésie : Lecture linéaire, lecture tabulaire*, Paris, P.U.F., 1977.
Greimas A.-J., *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966.
Greimas A.-J., *Du sens*, Paris, Seuil, 1970.

Анаграмма. — В традиционном определении анаграмму понимают как произвольную перестановку звукобуквенных обозначений в каком-то слове или словосочетании с целью намеренного его преобразования в другое слово или словосочетание. Например, анаграмматический псевдоним Франсуа Рабле образуется путем преобразования François Rabelais в *Alcofribas Nasier*; псевдоним Антиоха Кантемира анаграммируется как *Харитон Макентин*; имя Сальвадора Дали преобразуется усилиями изобретательного Андре Бретона в *Avida dollars* (sic!) и т. п.

В качестве конструктивного приема анаграммирование широко применялось в составлении стихов на латинском, санскрите и других древних индоевропейских языках. По наблюдениям Ф. де Соссюра[17], можно взять наудачу любой гимн «Ригведы» и убедиться, что слова подбираются здесь таким образом, чтобы в них повторялись с определенной закономерностью звуки или слоги какого-то ключевого слова, чаще всего имени бога, которому посвящается данный текст. Например, гимн, посвященный *Agni* (Ригведа, I,1), представляет собой ряд созвучий подобно *aṅgiras, giraḥ* и *aṅga*, свидетельствующих о главной заботе автора – подражать слогам священного имени *Agni* (Starobinski 1971: 36). По методу анаграммы построены и наиболее древние образцы римской поэзии, в том числе сатурнов стих. Отгадать зашифрованное имя на основании повторяющихся элементов требуется, например, в надписи на гробнице Сципиона, полностью воспроизводящей в слогах ci + pi + io имя *Scipio: Taurasia Cisauna Samnio cepit* (Starobinski 1971: 29).

Во всех случаях анаграммы создаются как своего рода загадки [→ Загадка][18], отгадать которые можно с известной вероятностью лишь путем рекомбинации означающих текста по регистрируемому в них

[17] Черновые заметки Ф. де Соссюра частично опубликованы впервые Старобинским в 1964 г. (J. Starobinski, Les anagrammes de Saussure, *Mercure de France*, février 1964, p. 243–262), а несколько лет спустя прокомментированы Кристевой (J. Kristeva, Pour une sémiologie des anagrammes, *Tel Quel*, 29, 1967).

[18] Отличие загадки от анаграммы состоит, по В. Н. Топорову, в таком весьма существенном обстоятельстве: если в обычных анаграмматических текстах реконструировать ответ удается лишь с известной вероятностью, то в загадках вида *То* ***блин****, то полблина* (Луна) ответ заведомо известен и однозначен (Топоров 2004: 739, 754).

созвучию. В поисках правильного решения анаграмматический текст «читают», пока не обнаружат запрятанное в нем ключевое слово, в любой последовательности – и слева направо, и справа налево – как «картину во всех направлениях» вплоть до построения сложной фигуры особого типа в виде разветвленной сети буквенно-звуковых соответствий[19].

С публикацией черновых записей Ф. де Соссюра анаграмма переосмысливается в принципиально ином ключе, прежде всего в аспекте текстообразования [→ Текст] и в целом семиозиса [→ Семиозис]. Отныне исследовательский интерес вызывает не сама по себе техника анаграммирования, а смысловое ее преломление в тексте. Как замечает В. Н. Топоров, «искать анаграмму просто так, сугубо эмпирически, вне определенного принципа, опираясь исключительно на факт наибольшего звукового подобия криптограммы и неких фрагментов предлежащего текста, бессмысленно». (Топоров 2004: 709). В таком лишенном смысла поиске реконструкция анаграммы сводится к простому кунштюку. Иное дело, когда ее изучают как фактор смысла в ракурсе активированных в понимании динамических отношений: (i) между означаемым и означающим (если говорить о внутритекстовых отношениях); (ii) между текстом и выступающим в качестве дешифровщика читателем (если говорить о прагматическом аспекте семиотического исследования текста). В этом случае «анаграмма обращена к содержанию, она его сумма, итог, резюме, но выражается это содержание не словарно или грамматически институализированными языковыми формами, имеющими обязательное значение для всех членов данного языкового коллектива, а как бы случайно выбранными точками текста в его буквально-звуковой трактовке» (Топоров 2004: 709).

Примечательным тому примером является, в частности, реконструкция анаграммы *Рим – мир* как глубинного смысла Рима в «Энеиде» Вергилия. По наблюдениям В. Н. Топорова, тень и отзвуки Рима можно встретить в «Энеиде» повсюду. Анаграмматическими структурами здесь служат с очевидностью созвучные слова и словосочетания подобно *Roma, Romulus, virum, superum, memorem, maxima, magnae, mater, imperium terris, urbem* и т. д., так или иначе моделирующие слово-лейтмотив *Roma* в отношении к особо значимым для вечного города

[19] В этом отношении анаграмматический текст сближается, по меткому замечанию В. Н. Топорова, с изобразительным искусством, особенно в варианте «нефигуративная <живопись> с лейтмотивом» (Топоров 2004: 744). Фигуративным изображение становится в т. н. *carmina figurata*, в том числе знаменитом произведении поэта раннего средневековья Рабана Мавра *De laudibus sanctae crucis*. Посредством соответствующего расположения буквенные знаки образуют здесь эмблему распятия, а в завершающей песни – контурное изображение преклонившего колени монаха в молитве. Подробнее см. P. Zumthor, Carmina figurata, *Change* XIV, 1969: 148–159.

концептам – миру, памяти, прошлому и будущему, судьбе, предназначению (Топоров 1987: 193–238).

Не чужды такого рода эксперименты и литературе XX века. Например, по наблюдениям Вяч. Вс. Иванова, четверостишие Мандельштама, посвященное Воронежу, строится на звуковых вариациях собственного имени *Воронеж*, обыгрываемого в отношении к близким по звучанию словам вида *уронишь, проворонишь, выронишь, вернешь, блажь, ворон* и *нож*: *Пусти меня, отдай меня Воронеж: / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь – / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож* (1935). Раскрыть тему города в судьбе поэта позволяет при этом как бы случайно подмеченное сходство по звучанию, прежде всего с *ворон* и *нож* в конце стихотворения. «В них запечатлены знаки трагической роли Воронежа в судьбе поэта» (Иванов 2000: 437).

Анаграмматические исследования позволяют прийти к некоторым выводам общего свойства.

- Закамуфлированное в анаграмматическом тексте слово прячется за словами текста.
- Анаграмматическая структура выстраивается по созвучию некоторых означающих текста путем последовательного их преобразования в означающее другого означаемого: ключевое слово анаграмматического текста.
- В качестве вторично-конструктивного приема (forma formalissima) анаграмма оборачивается перестройкой текста на формальном уровне, деформирует, точнее: «суперформирует» текст путем рекомбинации его означающих по принципиально новым комбинаторным возможностям.
- Отбирая повторяющиеся с определенной закономерностью звукобуквенные обозначения, анаграмма создает поверх внешне упорядоченной последовательности знаков фигуру особого типа вне всякой логической связи между «разбросанными» по всему тексту образующими ее элементами.
- В анаграмматическом построении смысл текста пульсирует между двумя принципиально разными прочтениями – и в плане линейного развертывания следующих друг за другом знаков, и по установленным поверх этой последовательности наиболее «сильным» точкам в буквенно-звуковом выражении.
- Анаграмма функционирует как своего рода загадка с таким лишь весьма существенным отличием, что решение здесь не является никогда заведомо известным и однозначным.

Иванов Вяч. Вс. Теория анаграмм в индоевропейском стихе // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. Звуковые системы. Кино. Поэтика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 617–627.

Иванов Вяч. Вс. Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 435–441.

Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по этимологии и семантике. Т. I. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 708–755.

Starobinski J., *Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure*, Paris, 1971.

Ассумптивный универсум (от лат. *assumptio* «мнение»). — Ассумптивным в семантическом анализе обычно называют семантический универсум речевого субъекта[20], отчасти совпадающий или отличающийся от семантического универсума другого речевого субъекта. Например, в стандартном универсуме *женщина* – «лицо, противоположное мужчине по полу» (С. И. Ожегов), а в ассумптивном универсуме поэта – *кошка*, точнее: женщина-*кошка*. Причем понять, что служит основанием подобного утверждения, можно только путем воссоздания установки мнения[21], задающей выбор такого сингулярного термина для квалификации определяемого понятия [→ Концепт]. В противном случае нельзя понять, почему женщина уподобляется домашнему животному семейства кошачьих и на основе каких свойств устанавливается отношение подобия вида $a \cong b$ Def.

Модус полагания может быть предпослан любому утвердительному суждению. Поэтому даже за отсутствием эксплицитно выраженных ментальных предикатов *думать*, *считать*, *верить* или *полагать* с общим значением «иметь мнение»[22] можно полагать, что если кто-то говорит, что *P*, он и в самом деле думает (считает, полагает, убежден, верит), что *P*. Достоверно или нет такое суждение в смысле объективном, заранее знать нельзя, зато можно утверждать безусловную его достоверность как данного чьего-то сознания.

Разумеется, субъективная достоверность – не ручательство за онтологическую истинность суждения [→ Истина и правдоподобие], а лишь

[20] Причем не только реального, но и фиктивного, каким является, например, нарративный субъект (деятель) в художественном тексте.

[21] В этом смысле ассумптивный универсум совпадает отчасти с универсумами веры (Martin 1983), ментальными пространствами (Fauconnier 1984), ментальными состояниями (Серл 2002), верой (belief), мнениями и убеждениями (Putnam 1990).

[22] Ср. «Если предложение начинается с оборота “я полагаю, что”, то, что следует за словом “что”, является предложением, означивающим суждение, а высказанное суждение – тем, по поводу чего мы имеем мнение» (Рассел 1999: 199).

подтверждение того, что говорящие полагают достоверным в момент речи. В истинностном отношении степень соответствия суждений реальному положению вещей различна. И вряд ли кто удосужится сегодня утверждать, что знание равнозначно вере, мнению или убеждению. По замечанию Г. Рейхенбаха, эти установки обладают разным «весовым числом», но остаются тем не менее необходимыми «эпистемологическими предпосылками», которыми говорящие руководствуются, пока не появятся более веские причины для отказа от них, в суждениях об окружающих нас в мире вещах. В этом смысле, согласимся с А. Айером, «в ментальных состояниях мнения и знания нет различия» (цит. по Дмитровская 2003: 47). За исключением заведомо ложных сведений это необходимые и достаточные основания суждения [→ Пропозициональная установка].

В свете концепции возможных миров ассумптивный универсум есть не что иное, как возможный мир без иных ограничений, кроме условий собственного существования. Существуя как бы параллельно, он обретает порой такую убедительность, что кажется говорящим не менее реальным, чем действительный мир. Например, в известном эпизоде из романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» *деревья* предстают *дриадами*, парижские модницы – *нимфами Булонского леса*. Такое допущение противоречит, конечно же, действительному положению вещей: в реальном мире деревья – не дриады, дамы полусвета – не нимфы (разве только в переносном значении). Отношение эквивалентности между ‘arbre’ *дерево* и |‘femme’| *женщина*, ‘mondaine’ *светская дама* и ‘arbre-dryade’ *дерево-дриада* возможно только при условии референции [→ Референция] к воображаемому миру. Причем предпосылкой к существованию такого мира здесь оказываются даже не мифологические представления о растительной сущности лесных нимф, еще меньше дань романтической традиции, а детская вера Марселя в истинность таких представлений: *croyante jeunesse*. С помощью такого оператора контрафактическую пропозицию можно перифразировать в итоге следующим образом: ‘mondaine’ *светская дама* (в стандартном универсуме) есть ‘arbre-dryade’ *дерево-дриада* (в ассумптивном универсуме)[23].

Так приходим к следующим установлениям.

[23] Существенной в таком случае оказывается не референция к объекту, а мнение по поводу этого объекта: объект мнения, его выделение и спецификация. В терминах семантики возможных миров это означает: чтобы осуществить функцию идентифицирующей референции, некоторый концепт c_1 (‘mondaine’ *светская дама*) выбирает в качестве интенсиональной функции объекты, соотносимые в данном контексте мнения с x_1 (‘arbre’ *дерево*) и x_2 (‘dryade’ *дриада*); при этом замена одного термина на другой оказывается возможной в данной системе исчисления только при сохранении той же установки мнения.

- Ассумптивный универсум говорящего задается как совокупность базисных, пусть и не всегда достоверных, мнений о предмете суждения.
- Базисные мнения одного ассумптивного универсума могут совпадать или входить в противоречие с базисными мнениями другого ассумптивного универсума.
- Базисные мнения суть необходимые и достаточные основания суждения.
- За разными суждениями скрываются разные установки мнения.
- В высказываниях мнения установка мнения может выражаться посредством вводящих пропозицию ментальных предикатов *знать*, *думать* или *полагать*, а за отсутствием эксплицитно выраженных ментальных предикатов со значением «иметь мнение» – выводиться непосредственно из утверждаемого в высказывании положения вещей.
- Установка мнения преобразует высказывание в объект мнения.
- Интерпретация высказываний мнения совершается относительно обусловившей их установки мнения.
- Каким бы ни было истинностное значение суждения, эвристически ценными в контексте мнения можно признать как объективные, так и субъективные суждения: одни в силу объективного положения вещей, другие – как факт чьего-то мнения.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988.
Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
Павилёнис Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.
Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
Fauconnier G., *Espaces mentaux*, Paris, éd. de Minuit, 1984.
Martin R., *Pour une logique du sens*, Paris, P.U.F., 1983, ch. III.

Верификация. — В узком специально-научном смысле под верификацией понимают проверку языкового выражения на соответствие стандартным условиям истинности [→ Истина и правдоподобие], а в предельно широком – проверку на соответствие каким-то возведенным в абсолют требованиям, которым должно удовлетворять в той или иной системе исчисления данное выражение. Принципиально важно в таком случае уяснить, какими должны быть критерии

верификации и насколько эпистемически адекватным[24] является тот или иной способ верификации. Исходя из приоритетов, проверять языковые выражения можно и на соответствие правилам сочетаемостных ограничений [→ Сочетаемостных ограничений правила], и на соответствие морально-этическим и идеологическим нормам [→ Нормы социальные], и на соответствие требованиям «кооперативного» общения[25], и на соответствие условиям прагматического контекста, и на соответствие излагаемого в суждении мнения знанию, верованию и убеждению.

Разногласия начинаются на стадии верификации. Причем не в пределах какой-то отдельно взятой научной системы, а при конфронтации разных систем. В условно-истинностной семантике [→ Семантика условно-истинностная] за основу анализа принимают знание условий истинности, в аналитической философии – пропозициональные установки говорящих [→ Пропозициональная установка] в отношении к ментальным состояниям, намерениям и контекстам мнения, в семантике возможных миров – отношения достижимости между мирами, в интерпретирующей семантике [→ Семантика интерпретирующая] – условия истолкования [→ Интерпретация], в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] – когнитивные аналоги знания. Причем утверждать, какой из способов верификации является наиболее адекватным, можно только путем уяснения его применимости в пределах заданной предметной (концептуальной) области[26].

Только так можно понять, как должен выглядеть корректный анализ и какими должны быть критерии эпистемической его адекватности в заданной научной парадигме. В известной степени это проверка на соответствие способов и процедур анализа базисным теоретическим установкам. Для «истории и эпистемологии науки о языке» (С. Ору) интерес здесь представляют, безусловно, все без исключения модели анализа. Хотя бы потому, что позволяют понять, как зависит от исследовательской позиции формат толкования, как соотносятся между собой язык-объект и всевозможные его «рациональные реконструкции» (Г. Рейхенбах), насколько верно моделируется в теории объект и какие надобно вообще предъявлять к анализу требования как условию, обеспечивающему эвристическую его ценность, объяснительную силу и простоту.

[24] Ср. в этой связи разрабатываемый в аналитической философии критерий эпистемической адекватности (Пап 2002: 148–153).

[25] В том числе искренности, ясности, краткости и полноты (Грайс 1985: 217–236).

[26] Хотя бы по причине ограниченности любого знания пределами собственной предметной сферы (Хайдеггер 1993: 142).

Только так можно ответить на как-то заданный Д. Э. Муру вопрос: *В чем заключается анализ понятия корректного анализа?*

Принципиальными остаются, во всяком случае, такие положения.

- Познавательно значимым может быть только верифицируемое высказывание.
- Каждому виду анализа соответствует свой способ верификации.
- Верификационная модель значения релятивизируется необходимым образом относительно парадигмы научного знания.
- Сообразуясь с исследовательскими задачами, в качестве критерия верификации анализируемых языковых произведений можно в равной степени избирать и стандартные условия истинности, и аппроксимацию к эмпирическому опыту, и когнитивные аналоги знания, и разного рода установки мнения, ментальные состояния и намерения, а верификационную модель анализа соответственно выстраивать в пределах заданной концептуальной сферы: в отношении к условиям истинности, эмпирическому опыту, установке мнения или намерению.
- Эпистемически адекватной может быть только такая верификационная модель, которая не подменяет собой объект, а проясняет условия его существования в ряду подобных ему объектов.

Бочкарев А. Е. О значении как «экране знаний» // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 37–42.

Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.

Сёрл Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 242–263.

Соловьев В. С. Достоверность разума // Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 797–813.

La notion de recevabilité en linguistique, Paris, Klincksieck, 1978.

Герменевтика. — С герменевтикой связывают теорию и практику толкования священных, философских, юридических, литературных, а затем и всех прочих семиотических произведений [→ Семиотика]. В предельно общем виде это правила и процедуры понимания и истолкования [→ Интерпретация], а в частном – применение этих правил и процедур в приложении к какой-то области знания. Именно установка на понимание, присущая всем отраслям знания, позволяет говорить

о герменевтичности всех наук[27] и тем самым преодолеть разрыв между науками о культуре и природе (Rastier 2001: 100).

Исторически герменевтика восходит к христианской экзегезе, призванной толковать Священное писание в согласии с догматами Церкви. Задача такого толкования – не только показать, как Новый завет соотносится с Ветхим заветом[28], буквальный смысл с духовным смыслом [→ Теория двух смыслов], но и по возможности прояснить темные места, устранить противоречия [→ Контрадикция], которыми изобилуют библейские тексты. С этой целью отцы церкви, в том числе Ориген, Климент Александрийский, Фома Аквинский, Августин, формулируют ряд постулатов и правил вывода смысла. Но подлинно герменевтическую науку, общую герменевтику, основывает, по определению В. Дильтея, Фридрих Шлейермахер (1768–1834).

В рамках сложившейся многовековой традиции в герменевтике выделяют такие основные установки: *subtilitas intelligendi* «понимание», *subtilitas explicandi* «истолкование» и *subtilitas applicandi* «применение». Разумеется, эти установки взаимосвязаны. Как справедливо замечает Х.-Г. Гадамер, понимание всегда является истолкованием, истолкование – эксплицитной формой понимания, а понимание – применением к исторической ситуации, в которой находится интерпретатор (Гадамер 1988: 364).

Остановимся подробнее на каждой из этих установок.

Понимание. С проблемой понимания сталкиваются, причем независимо от специфики изучаемого предмета, разные дисциплины: лингвистика, литературная критика, психоанализ, юриспруденция, философия... Вопросы, связанные с пониманием, возникают даже в повседневном общении, когда хотят уяснить намерения собеседника по жестам, мимике и модуляциям голоса. И разного рода вербальные и мимические движения, случайная реплика, оговорка или брошенный украдкой взгляд, говорят порой больше, чем желает того говорящий. Например, в знаменитом романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» Марсель понимает тайные пристрастия барона де Шарлю по тому, как тот треплет за щеку племянника; Сван осознает, что прав, по непроизвольным телодвижениям возлюбленной; поспешность, с какой Альбертина отрицает еще не высказанное предположение о тайных пристрастиях своей подруги, позволяет Марселю истолковать высказывание *Эта женщина – совсем не то, что я о ней думаю* как косвенное признание лесбийских наклонностей. Разумеется, сложность того, что требуется понять, различна; и в специально-научном анализе требуется, безусловно, больше специальных знаний, чем в повседневном межличностном общении. Но какой бы ни была область применения, проблема остается повсеместно сходной: *что* и *как* надо понимать?

[27] Ср. «…герменевтическая рефлексия была повсеместно обнаружена в научной практике», «…вся наука включает в себя герменевтический компонент» (Гадамер 1989: 616, 624).

[28] Ср. «В Ветхом Завете скрыт Новый, в Новом Завете раскрыт Ветхий» (Августин 1976: 29).

Ф. Шлейермахер определяет понимание в плане целесообразности: «…я не понимаю того, в чем не вижу необходимости, и что не могу построить» (Schleiermacher 1989: 12). Понимание должно осознавать, что его направляет, а осознавать оно себя начинает, когда сталкивается с каким-то проблемным высказыванием [→ Неоднозначные высказывания], требующим осмысления. За отсутствием особо оговоренных инструкций гарантировать правильное понимание может лингвистический и/или прагматический контекст [→ Контекст]. Как гласит правило «технической» интерпретации Ф. Шлейермахера, каждое слово должно пониматься на основе ближайшего своего окружения. Например, в Евангелии от Матфея Христос говорит Петру: *ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф 16, 18). Нельзя не задаться вопросом, почему апостол Петр уподобляется камню. Такая аналогия объясняется, очевидно, не только напрашивающейся звуковой аналогией[29], но и предшествующим контекстом. В изложении Л. П. Карсавина означенное высказывание можно понять из происшествия, о котором в Евангелии говорится на предшествующей странице (Мф 14, 25–31). Плывшие ночью по морю в лодке ученики увидели Христа, Который шел к ним прямо по воде. Из всех бывших в лодке учеников один Петр захотел идти навстречу по воде, но, испугавшись, стал тонуть. Вскоре после этого Христос и сказал: *ты – камень*, а затем добавил: *на сем камне Я создам Церковь Мою*[30].

Понимание может обернуться вместе с тем недопониманием, разумение – недоразумением, reading – misreading (Eco 1992: 39–40, 43–45). В пределе здесь возможны два крайних случая: либо переоценка, либо недооценка каких-то излагаемых в сообщении фактов. Например, стремление пояснить «трудные» места может привести к обратному результату. Как остроумно замечает Кант, «некоторые книги были бы ясными, если бы их не старались сделать слишком ясными» (Кант 1999: 28). Причиной непонимания может оказаться, кроме того, и недооценка простых вещей. По Ф. Шлейермахеру, понимание затрудняется, а некоторые места становятся невнятными за отсутствием должного

[29] Ср. *Petrus* «Петр» *vs* греч. *petra* «камень».

[30] *А. Ванеев.* Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине // Наше наследие. 1990. № 3. С. 76.

внимания к простым вещам: «…некоторые места являются трудными только потому, что не были поняты более простые» (Schleiermacher 1989: 33). Самые что ни на есть «простые» места могут к тому же сослужить дурную услугу по той причине, что кажутся чересчур простыми. Перифразируя Л. Витгенштейна, можно, как это ни парадоксально, сказать, что нечто важное упускается из виду лишь потому, что находится «на виду»[31].

Как бы то ни было, понимание начинается с «набрасывания смысла»: «…тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла» (Гадамер 1988: 318). Предварительный «набросок смысла» есть не что иное, как гипотеза [→ Гипотеза] в виде более или менее правдоподобной догадки, как надобно понимать. Основным условием ее выдвижения признается предвосхищение смысла: «…этот первый смысл проясняется <…> лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл» (*ibid.*). Так понимание становится отчасти «предпониманием» (М. Хайдеггер), «антиципацией смысла» (Х.-Г. Гадамер).

Истолкование. Понимание переходит в толкование, когда смысл высказывания нельзя вывести непосредственно из значения образующих его слов[32], когда наряду со знанием значения слов, отраженного в словаре, требуется еще и знание условий их употребления в данной коммуникативной ситуации. И можно, в сущности, сказать: *Я понимаю, что ты говоришь, но никак не пойму, что ты хочешь этим сказать* или спросить: *что ты имеешь в виду? что ты подразумеваешь? к чему ты это говоришь?*

Истолкование направлено на прагматический смысл. К нему прибегают, когда «необходимо не только понимание значения полученного сообщения, но и его интерпретация, расшифровка» (Арутюнова 1998: 184). Пытаясь понять слова, употребленные в прямом значении [→ Значения «значения»], гоголевский персонаж Подколесин пере-

[31] В этой связи возникает неизбежно вопрос, как избежать недоразумения, не упустить какую-то важную деталь, не приписать сверхзначение какому-то малозначительному факту. Без критерия релевантности здесь, конечно же, не обойтись [→ Релевантности критерий]. Причем вопреки пресловутому принципу рациональности, по которому учитывать в толковании следует только факты, которые согласуются с фактами того же порядка, релевантными могут порой оказаться и факты, не отвечающие принципу регулярности: якобы случайно оговоренные подробности, маловразумительные речения, несуразности, оговорки и даже умолчание [→ Умолчание].

[32] По определению Х.-Г. Гадамера, «интерпретировать следует там, где смысл какого-либо текста не может быть понят непосредственно» (Гадамер 1988: 397).

спрашивает: *Как это пошли вон? Что это значит пошли вон?* Если понимание языкового выражения обеспечивается семантической компетенцией, то есть знанием значения слов и предложений, то в истолковании требуется еще и участие прагматической компетенции: знание механизмов употребления слов и предложений в непосредственно данной прагматической ситуации. Поэтому, заключает Н. Д. Арутюнова, объект понимания – величина постоянная; интерпретация же направлена на переменный коммуникативный смысл слов в высказывании и самих высказываний (Арутюнова 1998: 184–185).

Понимание становится толкованием, как только сталкивается с проблемным высказыванием, требующим экспликации. Всякого рода несуразность переосмысливается при этом в согласии с известным герменевтическим постулатом: если какое-то высказывание не удовлетворяет требованиям ясности или кажется нелепым, необходимо задаться вопросом, не кроется ли здесь нечто иное[33]. Так истолкование сводится нередко к извлечению скрытого смысла из-под завесы буквального. Например, чтобы понять, почему рыжеватые пятнышки на чашечке цветка боярышника ассоциируются в романе Пруста с девичьими веснушками, лепестки – с губами и муслином, тычинки – с рассеянным взглядом или сузившимися от близорукости зрачками, аналитику предстоит установить, что общего может быть у кустарника семейства розоцветовых с этими поистине несовместимыми понятиями, а затем только судить, насколько оправдана в данном контексте мнения такая аналогия. В первом приближении аналогию можно, разумеется, оправдать исключительно внешним сходством, «иллюзией сходства», поисками выразительности, а в психоаналитическом толковании – еще и усмотреть завуалированный способ подавления инфантильной сексуальности.

Поиски скрытого смысла могут обернуться, впрочем, герменевтическим произволом, излишняя подозрительность – наделением малозначимых фактов несвойственным для них смыслом [→ Смысл и значение]. В этом случае интерпретатор уподобляется, позволим себе такое сравнение, полковнику Марселю из небезызвестного французского фильма про Блондина в черном ботинке. Исходя из презумпции тайны,

[33] Так, Августин поучает новообращенных: «…если он услышит в Писании нечто звучащее по-плотски, то пусть он, хотя бы и не понимая, верит, что тут вложен некий духовный смысл, имеющий в виду будущую жизнь и добрую нравственность» (Об обучении оглашаемых, 36, 3). Так христианская экзегеза стремится не только прояснить «темные» места Писания, но и осмыслить толкуемый текст как священный. Логическое исчисление становится в итоге теологическим, а выводимый смысл – духовным.

обнаружить «тайный» смысл можно при желании везде, даже в банальной надписи на подаренной любовницей фотографии: *les deux cœurs qui s'aiment s'unissent* «любящие сердца воссоединяются». Выдвигаемая гипотеза подтверждается, поскольку истинность исходной посылки не вызывает сомнений. Привлекаемые для доказательства факты не только не опровергают, но внутренне связываются друг с другом, вытекают друг из друга в согласии с законом достаточного основания: «ни одна вещь не возникает беспричинно, но всё возникает на каком-нибудь основании». Так набрасывание смысла, предваряя анализ, превращает толкование в применение: *subtilitas applicandi*.

Применение. Толкование становится применением, как только подчиняется сугубо внешним задачам: приспособить анализируемое произведение к политическим, идеологическим и прочим базисным установкам, проиллюстрировать положения какой-то научной теории, согласовать с общепринятыми представлениями, спроецировать собственные свои взгляды, мысли и устремления[34]. Во всех подобных случаях «имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор» (Гадамер 1988: 364).

Действительно, смысл текста неотделим от культурно-исторической ситуации, в которой совершается его понимание и толкование, от стоящих перед комментатором задач, так или иначе влияющих на выбор стратегии и процедур интерпретации. Например, в проповеди Священное Писание толкуется нередко в назидательных целях, дабы утешить, наставить и поучить на примерах священной истории всех страждущих, болящих и заблудших. В такой редукции нет, впрочем, ничего предосудительного, поскольку совершается она не вопреки возможным ипостасям духовного смысла, а в полном с ними согласии и гармонии.

Иначе обстоит с заведомо произвольным толкованием, навязыванием тексту несвойственных для него смыслов и видов кодирования. Так, обратившись к сонету Стефана Малларме « Prose pour des Esseintes », Ю. Кристева, например, произвольно перифразирует начальное слово *Hyperbole* как « I-père-bol » (Kristeva 1974: 243). Анализируемое выражение разбивается, как видно, на слоги, которые затем соотносятся по звуковой аналогии с символически значимыми в психоанализе понятиями. *Père* «отец» отождествляется с непререкаемым авторитетом «Сверх-Я», выражением которого считается по праву родительская власть, *bol*

[34] В этом случае назначение герменевтики состоит в том, чтобы показать, как общественная практика влияет посредством социальных норм [→ Нормы социальные] на рецепцию, как трансформируется в читательском сознании смысл и насколько радикальной оказывается всякий раз такая трансформация.

«чашка» – с просторечным фразеологическим оборотом *en avoir ras le bol* «сыт по горло», имплицитно указывающим на восстание против всякой авторитетной власти в рамках так называемого комплекса Эдипа. При этом внутреннее напряжение конфликтной ситуации аргументируется вдобавок особым мускульным напряжением реализации гласной фонемы /i/.

В подобной интерпретации можно только усомниться, поскольку содержание «на выходе» утрачивает всякую связь с содержанием «на входе». Поэтому выскажем вслед за Ф. Растье такое безобидное пожелание из области интерпретативной деонтологии: в адекватной интерпретации надлежит прежде всего правильно идентифицировать морфемы, а только потом приступать к возможному их толкованию в анализируемом высказывании (Растье 2001: 239–240).

Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001 (электронная версия).

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

Дильтей В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996.

Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.

Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1989. М.: Наука, 1989. С. 231–268.

Jauss H. R., *Pour une herméneutique littéraire*, Paris, Gallimard, 1982.

Rastier F., *Arts et sciences du texte*, Paris, P.U.F., 2001 (ch. IV. Herméneutique matérielle).

Ricœur P., *Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique*, Paris, éd. du Seuil, 1969.

Rochlitz R., *Herméneutique,* in Souriau E., *Vocabulaire d'esthétique*, Paris, P.U.F., 1990, p. 822–823.

Salanskis J.-M., Rastier F., Scheps R., *Herméneutique : textes, sciences*, Paris, P.U.F., 1997.

Schleiermacher F. D. E., *Herméneutique. Pour une logique du discours individuel*, Paris, éd. du Cerf, 1989.

Szondi P., *Introduction à l'herméneutique littéraire*, Paris, Editions du Cerf, 1989.

Герменевтический круг. — Под герменевтическим кругом обычно понимают круговой характер понимания. После Ф. Шлейермахера это испытанный метод толкования в герменевтике [→ Герменевтика]. В том

смысле, что в нем сходным образом предполагается взаимосвязь целого и частей: целое понимается на основе частей, часть – на основе целого (Schleiermacher 1989: 175 *sq*).

Круговая структура понимания очевидна на примере отдельной детали. В качестве примера возьмем такую, казалось бы, малозначительную деталь из «Мертвых душ» Гоголя, как колесо чичиковского экипажа, о котором рассуждают как бы между прочим два случайно подошедших к трактиру мужика: *доедет или не доедет то колесо в Москву или в Казань?* На первый взгляд, колесо как колесо: деталь случайна, и словоупотребление ничем не отличается от того, которое предписывается словарем. Как и во всех подобных употреблениях, значение сводится к предельно общей дефиниции: «…круг, вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозки или механизма» (С. И. Ожегов). «Никакого видимого касания к сюжету, – констатирует Андрей Белый, – пустяк оформления, которого не запомнить читателю». Но вместе с тем через шесть или семь глав «выскочило-таки *то самое колесо*, и в минуту решительную: Чичиков бежит из города, а оно, колесо, отказывается везти: *не доедет!* <…> колесо – не пустяк, а *колесо Фортуны*» (Белый 1996: 55). Отраженные в словаре ингерентные признаки /круглый/, /вращающийся/, /приводящий в движение/ оказываются, таким образом, несущественными по сравнению с афферентными признаками /судьба/ или /неудача/ [→ Семный анализ]. Так же, в сущности, обстоит и с ларчиком красного дерева, из которого Чичиков извлекает выпрошенную Коробочкой бумагу, на которой она затем настрочит на него донос. «Ларчик, как и колесо, – пишет А. Белый, – показательные детали, впаянные в сюжет» (Белый 1996: 56). И адекватное их осмысление, добавим, становится возможным только на фоне всего текста[35] в согласии с известным герменевтическим постулатом: «…чтобы понять в точности, что дается вначале, надобно усвоить целое» (Schleiermacher 1989: 192).

Круговая процедура понимания предполагает, как видно, не одно, а несколько прочтений. Первоначально схватывается основная мысль, а возвращение к прочитанным местам по возможности уточняет, какое значение принимает в контексте [→ Контекст] то или иное выражение и как смысл всего текста зависит от значения этих выражений (Дильтей

[35] Поскольку содержание семем ‘колесо’ или ‘ларчик’ определяется на фоне текста, глобальное задает локальное (Растье 2001: 285). Непригодным, как следствие, становится принцип композиционности, по которому смысл анализируемого выражения складывается «композиционным путем» из смыслов образующих его подвыражений.

2001: 143). Адекватная интерпретация [→ Интерпретация] возможна, в самом деле, только в движении по кругу: от части к целому и обратно к части. При этом часть может восприниматься как целое, а целое становиться частью. Вот почему значение слова проясняется в контексте словосочетания или высказывания, смысл высказывания – в тексте или прагматическом контексте, смысл текста – на фоне интертекстуальных связей [→ Интертекст] с другими текстами. В виде расширяющейся спирали всякий круг переходит, пока не воссоздастся в исчерпывающей полноте весь «горизонт мира», в более широкий круг, позволяя представить анализируемый текст в истинных его пропорциях[36].

В этом смысле герменевтический круг является не порочным, а легитимным. И можно с полным правом заключить вслед за Хайдеггером: «главное – не в том, чтобы выйти за пределы круга, а в том, чтобы правильно в него войти» (Хайдеггер 1993: 15б; ср. Гадамер 1988: 316; Szondi 1989: 10).

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 13–234.

Дильтей В. Возникновение герменевтики // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 235–254.

Schleiermacher F. D. E., *Herméneutique. Pour une logique du discours individuel*, Paris, éd. du Cerf, 1989.

Szondi P., *Introduction à l'herméneutique littéraire*, Paris, éd. du Cerf, 1989.

Гипаллага. — Гипаллагой в риторике называют стилистическую фигуру, в которой слова меняются установленными местами[37] вопреки правилам сочетаемостных ограничений [→ Сочетаемостных ограничений

[36] Ср. «Обладающий широтой горизонта способен правильно оценить значение всех вещей, лежащих внутри этого горизонта». Причем горизонт – «не застывшая граница, а нечто такое, что передвигается вместе с тобой и приглашает к дальнейшему продвижению вперед» (Гадамер 1988: 358, 296).

[37] Заменяться могут, впрочем, не только слова, но и морфемы. Ср. *…он зашлепал к окну в своих шарканцах* (*А. Белый.* Москва. Московский чудак, гл. I). В этом случае гипаллага смыкается с неологизмом: *зашаркал → зашлепал; шлепанцы → шарканцы.*

правила]. Нарушение семантической связности [→ Когезия] искупается эффектом неожиданности.

Типовой моделью (обоюдной) гипаллаги является замена элементов, расположенных в разных синтаксических узлах того же высказывания, например замена прилагательного одной именной группы на прилагательное другой именной группы. Советский график Владимир Милашевский вспоминает, как некогда в далеком двадцать первом году, гуляя вдоль реки Шелони, колонисты Дома искусств декламировали стихи Мандельштама. Излюбленная всеми литературная игра состояла в том, чтобы поменять местами слова: «...перепутать строфы и прилагательные и существительные, но не вносить ничего нового, о чем бы ни было сказано у Осипа Эмильевича». Вместо знакомых строк Милашевский неожиданно продекламировал: *Сухая ласточка в пустой чертог вернется / С слепым кузнечиком в беспамятстве играть!* В предложенной перифразировке определения меняются местами так, что *слепая ласточка* становится «сухой», *сухой кузнечик* – «слепым». Стилистический эффект такого «странного» построения заключается не столько в нарушении привычного порядка слов, сколько в неожиданности новообразованного сочетания, наделении определяемого объекта интенсиональным предикатом [→ Интенсионал], принадлежащим в языке объектам другого системного класса: ‘сухая’ //неодушевленный// *vs* ‘ласточка’ //одушевленный//.

Чем больше категориальный сдвиг, тем значительнее семантическая аномалия. Так, в сущности, обстоит и в стихах французского поэта Жака Превера: *Un vieillard en or avec une montre en deuil / Une reine de peine avec un homme d'Angleterre / Un des travailleurs de la paix avec des gardiens de la mer / Un huissard de la farce avec un dindon de la mort / Un serpent à café avec un moulin à lunettes...* (Cortège, *Paroles*, 1949). Как и в приведенном выше примере, семантическая связность нарушается путем формальной перестановки «определений» в попарно расположенных именах: *vieillard en deuil → vieillard en or, montre en or → montre en deuil; reine d'Angleterre → reine de peine, homme de peine → homme d'Angleterre; travailleurs de la mer → travailleurs de la paix, gardiens de la paix → gardiens de la mer; serpent à lunettes → serpent à café, moulin à café → moulin à lunettes.* Истолкование [→ Интерпретация] таких новообразованных сочетаний возможно либо путем обратного преобразования, либо путем метафорического переосмысления [→ Метафора]. В первом случае возвращаемся к исходным выражениям, во втором – получаем «приращение» смысла.

В микросемантическом отношении гипаллага оборачивается аллотопией [→ Аллотопия], преодолеть которую можно только путем построения локальной изотопии [→ Изотопия] по какому-то актуализированному в контексте [→ Контекст] акцидентному признаку [→ Семный анализ].

Растье Ф. Типология гипаллаги // Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 146–150.

Стихи о фигурах красноречия // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. С. 249–256.

Fontanier P., *Les figures du discours*, Paris, Flammarion, 1977.

Гипотеза. — Под гипотезой обычно понимают предположение в виде более или менее правдоподобной догадки относительно того, как следует понимать анализируемое произведение.

Всякое понимание начинается с набрасывания смысла (Хайдеггер 1993: 15; ср. Гадамер 1988: 318–319; Дильтей 2001: 143). Первым шагом на пути к истолкованию могут быть хотя бы предварительные суждения относительно заголовка, с которого начинается разбираемый текст [→ Текст]. Так, открыв новеллу Бальзака « Sarrasine », Р. Барт задается вопросом, почему новелла так называется и что, собственно, кроется под этим названием: имя нарицательное, имя собственное, вещь, мужчина, женщина или что-то другое (Barthes 1994: 555–742). Внимание привлекают, во-первых, несоответствие авторской транскрипции традиционному написанию: Sarra*s*ine *vs* sarra*z*ine, во-вторых – связанные с ней коннотации [→ Коннотация] женственности. Аналогично читатель вправе строить свои предположения по поводу *S* и *Z*, вынесенных в заглавие книги Р. Барта « S/Z » (1970). В первом приближении такое обозначение можно принять за фонологическую оппозицию, построенную по признаку /глухость/ – /звонкость/, а затем соотнести ее с написанием Sarra*s*ine в новелле Бальзака. Во всех случаях гипотеза подправляется в ходе прочтения, а читатель и критик удостоверяются в правильности выдвигаемой гипотезы. Тайное становится явным: оперная певица, по вине которой погибает влюбленный в нее скульптор Сарразин, оказывается в действительности кастратом. Название семиотического исследования перекликается, таким образом, с названием художественного произведения, поскольку оппозиция по фонологическому признаку /глухой/ – /звонкий/ соотносится в символической проекции с оппозицией по гендерному признаку /мужской/ – /женский/.

Гипотезы можно выдвигать самые различные. Догадка может казаться поначалу маловероятной и даже нелепой. Главное, чтобы ее можно было проверить в ходе прочтения. Выдвигаемые положения

сверяются в круговом движении с данными наблюдения, а «предварительный набросок» подвергается, пока не подтвердится, постоянному пересмотру. Вхождение в герменевтический круг [→ Герменевтический круг] зависит при этом от того, что направляет понимание и как осуществляется, говоря словами Хайдеггера, «набрасывание смысла». На антиципацию смысла влияет множество факторов: сведения об авторе [→ Автор], жанре, социально-исторической ситуации, условиях рецепции и т. п. Эти данные необходимы, а их применение оправдано, если они не уводят от текста, а предоставляют, напротив, инструкции по его интерпретации [→ Интерпретация].

В микросемантическом определении [→ Семный анализ] гипотеза сводится к презумпции изотопии [→ Изотопия], а ее проверка – к идентификации соответствующей семной рекурренции на протяжении всего текста. Разные изотопии оцениваются при этом на основе таких релевантных критериев [→ Релевантности критерий], как протяженность, соотношение ингерентных и афферентных сем, соотношение внутри- и внетекстовой информации, потребовавшейся для построения тех или иных изотопий.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980.

Кондаков Н. И. Гипотеза // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.

Дискурс (от франц. *discours* «речь»). — Под дискурсом в современной лингвистике понимают как засвидетельствованное в речевом обиходе языковое произведение: высказывание или текст, так и нормативную реконструкцию в виде совокупности требований, предъявляемых в общественной практике к той или иной социально значимой жанровой разновидности текста [→ Текст].

Обращение к дискурсу как объекту научного исследования намечается в шестидесятые годы прошлого столетия в связи с переориентацией лингвистического анализа от языка как системы значимых противопоставлений к непосредственным ее реализациям в речевой деятельности[38]. В этом смысле дискурсивный анализ смыкается наитеснейшим образом с теориями высказывания и речевых актов[39], а также исследованиями в области риторики, функциональной стилистики и лингвистической прагматики [→ Прагматика].

[38] В определении Цв. Тодорова, «специфика дискурса определяется тем, что он располагается по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания, т. е. дан *после языка*, но *до высказывания*» (Тодоров 1983: 367).

[39] В определении Э. Бенвениста акт высказывания – это «перевод языка в дискурс».

В качестве объекта дискурсивной лингвистики дискурс подлежит изучению и в плане функционального использования языковых средств, и с точки зрения участвующих в его построении социальных норм [→ Социальные нормы], и в плане моделирования ситуаций, установок мнения и стратегий понимания. В отношении к речевой деятельности это акт высказывания в совокупности с субъективными факторами говорения; в отношении к участвующим в семиозисе систематикам – мультимодальная семиотическая реализация; в отношении к речемыслительной деятельности – результат когнитивных операций, совершаемых участниками коммуникации; в отношении к социальной практике – целенаправленное социальное действие; в отношении к различным видам человеческой деятельности – совокупность типологически родственных текстов: политический дискурс, научный дискурс, юридический дискурс, военный дискурс и т. д.

Несмотря на различия толкований принципиальными остаются некоторые связанные с исследованиями дискурса положения.

- Языковые произведения суть мультимодальные социально-исторические произведения.
- С обращением к дискурсу язык выводится за рамки значимых различий и противопоставлений в область реального употребления.
- В дискурсивном измерении изучению подлежит «жизнь знаков в рамках жизни общества» (Ф. де Соссюр).
- Дискурсивные практики суть воплощенные в языке социальные практики.
- В каждом виде деятельности складывается свой тип дискурса: в политике – политический дискурс, в науке – научный дискурс, в военном деле – военный дискурс и т. д.
- Развитой теории дискурса требуется развитая теория жанров.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Греймас А.-Ж, Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 488–493.

Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Charolles M., Discours, *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, Presses univ. de France, 1998, p. 141–144.

Dubois J., Problèmes de l'analyse du discours, *Langages*, 13, mars 1969, p. 3–7.

Ducrot O., Les lois du discours, *Langue française*, 42, mai 1979, p. 21–33.
Harris Z., Analyse du discours, *Langages*, 61, 1969, p. 8–45.
Kerbrat–Orecchioni C., *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*, Paris, Armand Colin, 1980.
Maingueneau D., *Initiation aux méthodes de l'analyse du discours. Problèmes et perspectives*, Paris, Hachette, 1976.

Диффузные понятия. — Под диффузные понятия обычно подводят слова с размытым значением [→ Значения «значения»]. В определении К. Бюлера это «неясные понятия» разговорной речи (ungeklärter Begriff), в определении Л. Заде и Дж. Лакоффа – «расплывчатые понятия» (fuzzy concepts). В зависимости от сферы научных интересов их связывают с потенциальной многозначностью слова, асимметрией языкового знака [→ Знак], знанием и способами категоризации [→ Категоризация], а причину явления усматривают в особенностях обыденного сознания, размытости таксономической предикации, неопределенности интенсионала [→ Интенсионал] или экстенсионала [→ Экстенсионал].

О размытом содержании понятий можно судить хотя бы по актуальному словоупотреблению в повседневном речевом общении. Возьмем, например, такой разговор на рынке между покупательницей и продавщицей. Обсуждая прогноз погоды на ближайшую неделю, женщины сетуют на довольно прохладную погоду в июле, и даже предвещание жаркого августа их не утешает: *Август – ведь не лето*, – заключают они. С точки зрения условно-истинностной семантики [→ Семантика условно-истинностная] такое суждение ложно, поскольку в календарном исчислении *август* относится к летнему периоду. Но определяющим в актуальном словоупотреблении является не соответствие научной истине [→ Истина и правдоподобие], а общепринятые представления о том, что лето – самое теплое время года и что наиболее летним месяцем года является июль. *Лето* определяется, таким образом, по отношению к наиболее типичному для данного периода года месяцу, а в ряду *июнь – июль – август* таким месяцем признается *июль* как удовлетворяющий в наивысшей степени характеризующему лето свойству [→ Прототипов теория]. Так что «аномальным» оказывается в итоге не «странное» суждение [→ Неоднозначные высказывания], а несоответствие погодных условий нормативным показателям; и невзирая на тавтологию можно предаваться вместе с женщинами на рынке рассуждениям, будет ли будущим летом по-летнему летней погода.

Действительно, речевой обиход – не научный дискурс [→ Дискурс]. За исключением терминологического употребления[40] значения чуть ли не всех употребляемых нами в речи слов диффузны, а порой и ошибочны[41]. Взяв в качестве примера обозначения возраста, Л. Заде, в частности, констатирует, что между понятиями «очень молодой», «молодой» и «старый» нет четко очерченных границ (Zadeh 1971). Такое на первый взгляд тривиальное наблюдение позволяет прийти к принципиальному установлению: значения слов, пусть и стремятся к понятию как своему пределу, отличаются от научных понятий размытым содержанием; соответствовать им может только логика нечетких множеств [→ Определительное множество].

Семантическая неопределенность многообразна. Не претендуя на исчерпывающий обзор, остановимся на наиболее показательных случаях.

Экстенсиональная неопределенность. Затруднения нередко вызывает неопределенная[42], тем паче нулевая референция [→ Референция], когда неясно, с каким объектом соотносится употребленное в речи именное выражение: например, *какой-то человек* в высказывании вида *Какой-то человек вошел в комнату.* Но, как справедливо замечает Н. Д. Арутюнова, такую неопределенность довольно просто снять путем последующей идентификации (Арутюнова 1998: 820). В идентифицирующей дескрипции *какой-то человек* становится *соседом по лестничной клетке, Иваном Петровичем, отцом Ольги, мужем Марии Ивановны*.

Интенсиональная неопределенность. Намного сложнее обстоит с неопределенностью содержательной характеристики, когда неясно, по каким признакам, свойствам и состояниям надлежит определять

[40] Даже в терминологическом употреблении нельзя исключить размытости значения. Известно, например, с какими трудностями сталкиваются подчас юристы, чтобы с достаточной ясностью определить, что означают в законе «дом», «транспортное средство», «авария» (Бюлер 1993: 203). Недостаточно четкими в юридическом дискурсе являются, по свидетельству Ч. Дж. Филлмора, и такие понятия, как *intention* «намерение», *malice* «злой умысел», *clear and present danger* «явная и наличествующая опасность» (Филлмор 1983: 52).

[41] Ср. «Тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны (ср.: *рыба-кит*, *солнце поднялось* и т. п.)» (Кацнельсон 1986: 14).

[42] В языках с артиклем немаркированность референции выражается неопределенным артиклем, в языках без артикля – актуальным членением высказывания. Ср. *В комнату вошел человек.* — *Человек вошел в комнату.*

обозначаемый словом объект. И дело здесь даже не в том, что всякий обозначаемый словом объект обладает in potentia бесчисленным множеством свойств[43], а в том, что профилируемые в высказывании свойства предицируются нередко поверх установленных в таксономии категориальных границ[44]. В повседневном речевом обиходе собаку, например, определяют в отношении к членам семьи: ср. *мама любит своего сыночка* (реклама собачьего корма на центральном телевидении); человека – в отношении к минералам: ср. *не человек, а кремень*, животным: ср. *рабочая лошадка*, птицам или рептилиям: *рожденный ползать летать не может*; жизнь – в отношении к театральному представлению: ср. *жизнь – это театр*, карточной игре: ср. *жизнь – игра* и даже правилам дорожного движения: ср. *жизнь – это ответственность на дороге*. Для признака /родной/ в высказывании *мама любит своего сыночка* это функция от класса //члены семьи// к классу //домашние животные//; для признака /крепкий/ в определении *не человек, а кремень* – функция от класса //люди// к классу //минералы//; для признака /выносливый/ в определении *рабочая лошадка* – функция от класса //люди// к классу //лошади//.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Значения слов отличаются от научных понятий размытым содержанием.
- Нечетким понятиям соответствуют нечеткие множества.
- В отличие от классических категорий в основе комплектации нечетких множеств лежат не объективные, а случайно подмеченные связи и отношения между вещами.

[43] Ср. в этой связи размытость таксономической предикации в бытийных предложениях вида *Это цветок*. Пусть таксономический предикат *быть цветком* и задает некоторые параметры размера, формы и цвета, по которым можно охарактеризовать в частном суждении всякого представителя данного класса, такая параметризация настолько расплывчата, что некоторые логики и философы языка не без основания утверждают, что таксономические свойства не поддаются исчерпывающей формулировке и потому являются семантически размытыми и неопределенными (Лосский 1991: 195, 223–225, ср. Арутюнова 1998: 33).

[44] В области референции имен, отмечает Н. Д. Арутюнова, стихийные ошибки относительно природы тех или иных реалий находятся «за гранью языковой компетенции говорящих». Не зная, например, чем кит отличается от других обитателей моря, ни один помор не совершит ошибки в референции соответствующего имени. Сведения о том, что кит – не рыба, а млекопитающее, куда более значимы для соблюдения поста, чем для употребления имени. Даже «при известной семантической нестабильности, – заключает Н. Д. Арутюнова, – конкретные имена, и в первую очередь имена естественных объектов, обладают достаточной точностью и стабильностью своей референции. Иными словами, мера экстенсиональной и интенсиональной неопределенности этих имен различна и взаимно независима» (Арутюнова 1998: 26).

- Нечеткие множества суть переменные множества из сколков разносистемных парадигм.
- В нечетком множестве нет иерархии признаков: все признаки равны в функциональном отношении.
- Мера экстенсиональной и интенсиональной неопределенности различна.
- Неопределенность затрагивает преимущественно сферу значения, а не референцию.
- Семантическая неопределенность – свидетельство размытости знания.
- Семантическая неопределенность – условие неоднозначности.

Арутюнова Н. Д. Неопределенность: признаковая и модальная // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 814–846.

Kleiber G., Quelques réflexions sur le vague dans les langues naturelles, *Etudes de linguistique générale et de linguistique latine offertes en homage à Guy Serbat*, Paris, Société pour l'information grammaticale, 1987, p. 157–172.

Lakoff, G., Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts, *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Chicago, 1972, p. 183–228.

Zadeh L. A., Quantitative fuzzy semantics, *Information sciences*, 1971, Nº 3, p. 159–176.

Zadeh L. A., A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges, *Journal of Cybernetics*, 1972, 2, p. 4–34.

Загадка. — Под загадкой обычно понимают некоторое проблемное суждение, построенное по типу иносказания, в котором «говорится одно, а подразумевать следует иное» (Цицерон). Например, в детской загадке *Висит груша – нельзя скушать*, требуется уяснить, что подразумевается под *грушей*, которую *нельзя скушать*. Пытаясь истолковать именное выражение в прямом значении, можно, конечно, предположить, что грушу нельзя съесть, поскольку она висит высоко, неспелая или гнилая, а в переносном («загадочном») – попытаться найти нелексикализованный виртуальный аналог с заявленными свойствами формы и несъедобности: например боксерский снаряд, напоминающий форму плода грушевого дерева, или, что вероятнее, электрическую лампочку.

По наблюдениям Э. Тэйлора загадки появляются вместе с пословицами. В этих паремических текстах отражаются опыт и наблюдения человека над окружающей действительностью, а в пределе – весь вкладываемый в загадку смысл мира (Тэйлор 1939: 53–55; ср. Топоров 1999). Эти предельно компактные тексты воспринимаются и усваиваются

еще в детском возрасте в виде упражнений по обучению основным логическим операциям – утверждению, отрицанию, сравнению, уподоблению. Э. Тэйлор приводит такой пример из коллекции загадок зулусов. Вопрос: *Отгадайте, кто те люди, которых много и которые стоят в ряду; они танцуют свадебный танец и одеты в белые нарядные платья.* Ответ: *Это – зубы. Мы называем их людьми, стоящими в ряд, потому что зубы стоят как люди, приготовившиеся к свадебной пляске, чтобы лучше исполнить ее. Когда мы говорим, что они одеты в белые нарядные платья, мы говорим это для того, чтобы нельзя было тотчас подумать, что это зубы, мы отвлекаемся от мысли о зубах указанием, что это люди, одетые в белые нарядные платья.*

Загадки отличаются, безусловно, по области применения, функции, интенции, иллокутивной силе и познавательной ценности [→ Аксиология]. Одни задаются с целью ввести в заблуждение, испытать сообразительность или доставить удовольствие; другие преследуют познавательную, назидательную, игровую цель или, как архаические загадки, ориентируются на глубинные, сакральные смыслы, имеющие отношение к высшим ценностям мира. Более или менее сходным остается вместе с тем механизм построения, правила по сокрытию и извлечению иносказательного смысла из-под завесы буквального [→ Теория двух смыслов]. По определению Гегеля, загадка принадлежит области сознательной символики и отличается от подлинного символа тем, что «сочинитель загадки ясно и полностью знает смысл; и образ, посредством которого он должен быть угадан, *нарочно* выбран для того, чтобы скрывать этот смысл» (Гегель 1969, 2: 107).

Загадка как неоднозначное высказывание [→ Неоднозначные высказывания]. В известном смысле загадка строится по типу странного, подчас несуразного высказывания, требующего истолкования в согласии с известным герменевтическим постулатом [→ Герменевтика]: если сказанное кажется нелепым, следует задаться вопросом, не кроется ли здесь нечто иное. За невозможностью буквального толкования требуется установить, что означает, например, ‘дед’ в предикатной дескрипции во *сто шуб одет*, ‘груша’ в дескрипции *нельзя скушать*, ‘дом’ в дескрипции: *без окон, без дверей, полна горница людей*. Истолкование совершается по правилам символической транспозиции[45] путем преобразования внешне

[45] Символическая коннекция отличается существенным образом от метафорической [→ Метафора]. Ср. «...поскольку в символической коннекции одна из семем *a priori* нелексикализована, она имеет одну дистрибутивную позицию (исходной семемы); тогда как метафорическая – две позиции (исходной и итоговой семем); метафорическая коннекция обладает, таким образом, синтагматическим измерением, которого нет в символической коннекции» (Растье 2001: 202).

несуразных образных выражений в относительно приемлемые выражения[46]. *Дед* преобразуется в репчатый лук, *шуба* – в луковую шелуху, *груша* – в электрическую лампочку, *дом* – в семенной огурец и т. п.

Определяющее имя (в разгадке) становится в итоге чуть ли не равнозначным определяемому имени (в загадке). Но ни о каком логическом тождестве, ни тем более тавтологии [→ Тавтология], здесь не может быть и речи[47] в силу хотя бы принципиального различия в способах оформления смысла: фигурального в вопросной части (что говорится), прямого в ответной части загадки (что подразумевается). Между определяющим и определяемым именем устанавливается скорее отношение подобия по формуле вида $a \cong b$ Def[48].

«Предзнание» как необходимое условие толкования. В структурном отношении загадка оформляется нередко как вопрос, на который требуется найти более или менее вразумительный ответ[49]. Например, *что на свете всех быстрее?* (= ветер); *что в стену не вобьешь?* (= тень); *что в избе гадко?* (= кадка); *что в избе бодро?* (= ведро). Отгадать намного проще, конечно же, когда известен ответ[50]. В Книге Судей

[46] Неоднозначность может обернуться двусмысленностью. В произвольном толковании даже самая что ни на есть невинная загадка может прозвучать непристойно. Ср. франц. *poli quand il sort du lit*; рус. *стоит сноха, ноги развела; два брюшка, четыре ушка* и т. п.

[47] Ср. «…вопрос загадки и ее ответ суть тавтологии, но построенные таким образом, что обе тавтологические части разнонаправлены (по крайней мере на поверхностном уровне): разведение этих двух структур на максимально возможное расстояние не только “скрывает” аспект тождества, но и представляет собой своего рода аналог выведения смысла мира вовне или, точнее, удержание предельно большого расстояния между смыслом (ответом загадки) и вопросом о нем, в других терминах – сохранение такого максимального напряжения между тавтологическими членами, когда сама тавтологичность предельно скрыта» (Топоров 1999: 12).

[48] Недаром в определении Аристотеля загадки суть хорошо составленные метафоры (Ret. 2, 12; цит. по Цицерон 1972: 238). Не исключаются, впрочем, и случаи метонимии [→ Метонимия], анаграммирования и т. д. Подробнее см. Топоров 1999: 69–80.

[49] Отгадка в таком случае – не просто ответ, а ответ как свернутый знак всей процедуры экспликации скрытого смысла (Елизаренкова, Топоров 1984: 38).

[50] Исключением являются, пожалуй, только архаические сакральные загадки. По свидетельству исследователей, смысл таких загадок узреть можно только в откровении «очами сердца». Ср. «…найденный смысл всегда нов и единственен, он не кроется в вопросной части загадки, или, точнее, он не может быть эксплицирован из нее в соответствии с некоей типовой процедурой: открытие, обретение смысла всегда нечто сверхъестественное, всегда чудо, доступное лишь для носителей высшей мудрости <…> Смыслы, вскрываемые ответом загадки, всегда интенсивны, миро- и жизнестроительны» (Елизаренкова, Топоров 1984: 14–15).

рассказывается, как на свадебном пиру Самсон задал сотрапезникам загадку: *Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое* (Суд., 14, 14). Никто из присутствующих не сумел найти правильный ответ, поскольку Самсон сочинил загадку на основе только ему известных событий. Незадолго до пиршества он убил льва, а когда вернулся на место схватки несколько дней спустя, то увидел рой пчел в трупе львином и мед. Разгадку нашли с помощью жены Самсона; и в назначенный срок ответ был сформулирован в виде другой загадки: *Что слаще меда, и что сильнее льва?*

За отсутствием готового ответа ключом к разгадке служит сокрытый в вопросной части намек на особо примечательные признаки, свойства и состояния, которыми характеризуется подразумеваемый объект: *на свете всех быстрее* (ветер), *два конца, два кольца, а посередине гвоздик* (ножницы), *два брюшка, четыре ушка* (подушка) и т. п.

Такие знания суть необходимые условия по сокрытию и извлечению иносказательного смысла[51]. В качестве примера возьмем самую известную загадку – вопрос сфинкса Эдипу: *Кто ходит утром на четырех, в полдень на двух, а вечером на трех ногах?* Как следует из условия, какому-то субъекту *X*, имя которого требуется установить, приписываются разные свойства: ходить на четырех, двух и трех ногах. Без уточняющих оборотов *утром, в полдень* и *вечером* все части суждения взаимно исключают друг друга, поскольку по известному логическому закону одному и тому же объекту нельзя приписывать в одно и то же время и в одном и том же отношении взаимоисключающие свойства. Части суждения могут быть вместе истинными лишь при условии, если несовместимые предикаты поместить в разные временные интервалы: *утром* (t_0) на четырех ногах, в *полдень* (t_1) на двух ногах, *вечером* (t_2) на трех ногах. Под угрозой смерти Эдип дает правильный ответ: *Человек в младенчестве ползает на четвереньках, в расцвете сил ходит прямо, а под старость опирается на посох.*

Истолкование становится возможным при условии символической интерпретации выражений *утром, в полдень* и *вечером* в перифразировках вида *утро* → «младенчество», *полдень* → «средний возраст», *вечер* → «старость». Серийная транспозиция строится при этом как развернутая аналогия, по которой *утро* так относится к *полудню* и *вечеру*,

[51] В качестве востребованного знания может рассматриваться, кроме того, и широкий прагматический контекст [→ Контекст] в функции интерпретанта [→ Интерпретант]. С помощью такого контекста можно найти верный ответ и на такой, например, двусмысленный вопрос: *Что ужалила оса, влетевшая под юбку тетушки Салтанат? — Руку дядюшки Баграта* (цит. по Санников 1999: 402).

как *младенчество* к *среднему возрасту* и *старости*: ‘утро’ : ‘полдень’ : ‘вечер’ :: ‘младенчество’ : ‘средний возраст’ : ‘старость’[52].

Так приходим к следующим выводам.

- Загадка строится по типу иносказания.
- Вопреки пресловутому постулату ясности загадка намеренно вводит в заблуждение с целью испытать сообразительность, научить, наставить, поучить, инициировать, доставить удовольствие.
- Загадка менее всего связана с угадыванием и импровизацией, но со знанием процедур по сокрытию и экспликации закамуфлированного смысла.
- За невозможностью буквального толкования всякое означаемое (в загадке) переосмысливается по правилам символической транспозиции как означающее другого означаемого (в разгадке).
- Наряду с широким прагматическим контекстом ключом к разгадке служит сокрытый в вопросной части загадки намек на какие-то особо примечательные признаки, свойства и состояния, которыми обладает по умолчанию обозначенный в иносказании объект.
- За отсутствием готового ответа к той же загадке могут подбираться разные ответы.
- Понять, какому решению отдавать предпочтение, можно только в рамках какой-то определенной установки мнения.
- Эпистемологическая ценность загадки варьирует вместе с системой ценностей, областью применения, функцией и интенцией.

Гегель Г. В. Ф. Загадка // Эстетика. В четырех томах. М.: Искусство, 1969. Т. 2. С. 107–108.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа brahmodya // Паремиологические исследования. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 14–46.

Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1–2. М.: Изд-во Индрик, 1994–1999.

Кёнгэс-Маранда Э. Теория и практика анализа загадок // Паремиологические исследования. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 47–60.

[52] Так получаем две взаимоналоженные изотопии [→ Изотопия]: I_1 «дневной цикл» – I_2 «жизненный цикл». В изотопии$_1$ в семемах ‘утро’, ‘полдень’ и ‘вечер’ актуализируется ингерентный признак /время суток/; в изотопии$_2$ – афферентный признак /возраст/. Причем в отличие от изотопии $_1$ семемы изотопии$_2$ нелексикализованы. Их лексикализации отчасти способствуют устойчивые обороты вида *старость дня* (Эмпедокл), *вечер жизни* (Алексид), *закат жизни* (Платон) в функции затекстовых интерпретантов.

Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой. Происхождение и функции загадки // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 579–707.
Zumthor P., *Langue, texte, énigme*, Paris, Ed. du Seuil, 1973.

Знак. — За основу определения знака обычно берут известный с древнейших времен «заместительный» принцип: aliquid stat pro aliquo[53], а языковой знак соответственно определяют как отношение звукового или графического выражения к означаемой вещи по формуле вида «Всякий знак нечто обозначает» или «Всякий знак есть знак чего-нибудь»[54].

Остается только определить, чем может быть это «нечто» и насколько произвольным может быть, вообще, отношение между знаком и означаемым (designatum).

В первом приближении может сложиться впечатление, что означающее (signans) не связано каким-то необходимым образом с означаемым (signatum) и что за исключением звукоподражаний существующая между ними связь является *произвольной*[55]. Между тем, полагают сегодня, произвольность знака сильно ограничена. И не только потому, что со всяким «означающим» в сознании говорящих ассоциируется необходимым образом какое-то «означаемое» (Бенвенист 1974: 92; ср. Соссюр 1977: 101), но еще и потому, что знаки тесно связаны в языке с другими знаками[56].

[53] «Роль знака заключается в том, чтобы репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субститутом для сознания» (Бенвенист 1974: 76).

[54] Ср. «Всякий знак предполагает, что существует нечто внезнаковое и уж тем более нечто означаемое или значащее»; «Всякий знак функционирует как акт обозначения для чего-нибудь обозначаемого и уже тем более для всякого означаемого» (Лосев 1982: 34, 35).

[55] Доводом в пользу такого утверждения служит такое весьма примечательное обстоятельство, что для выражения того же означаемого разные языки используют разные означающие. Так, по наблюдениям Ф. де Соссюра, по одну сторону языковой границы означаемое «бык» выражается посредством означающего b-œ-f (франц. *bœuf*), по другую – посредством означающего o-k-s (нем. *Ochs*). Вот почему, заключает Ф. де Соссюр, «языковой знак произволен» (Соссюр 1977: 100). Произвольность языкового знака следует вместе с тем понимать не в том смысле, что «означаемое может свободно выбираться говорящим», а в том, что «означающее *не мотивировано*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» (Соссюр 1977: 101).

[56] Отношения между означающим и означаемым не являются к тому же симметричными. Симметрия языкового знака постоянно нарушается: в плане синонимии – два разных означающих стремятся иметь одно означаемое; в плане омонимии – одно означающее стремится иметь два разных означаемых (Karcevskij 1968; Степанов 2001: 303–304).

Взяв за основу знакового отношения связь между означающим и означаемым, нельзя не задаться также вопросом, что принимать за «означаемое»: только ли обозначаемую словом вещь или еще и связанные с ней представления? Весьма удобным решением здесь может быть восходящая к Аристотелю триада *vox – conceptus – res*, а точнее: складывающиеся внутри триады отношения [→ Семантическая триада]. В отношении имени к вещи за «означаемое» можно принять саму вещь (= значение знака), а в отношении к понятию – наиболее примечательные ее сущностные свойства (= смысл знака). А если под преобразованным в понятие (*conceptus*) аристотелевским «представлением в душе» понимать еще и обиходные представления, под «означаемое» можно, кроме того, подвести и хранимые в памяти схемы повседневного опыта в виде идеальных примеров, образцов, социальных стереотипов или прототипов [→ Прототипов теория]. Причем утверждать, какой из коррелятов знакового отношения подходит наилучшим образом на роль «означаемого», можно только решив, на каких позициях выстраивать изучаемое семантикой значение [→ Значения «значения»]. В референции [→ Референция] к вещи это референтное значение, в понятийно-рассудочном освещении – сигнификативное значение, в когнитивной проекции – ментальная репрезентация[57].

Со всяким знаком в сознании говорящих могут ассоциироваться действительно и обозначаемая словом вещь, и понятийно постигаемые ее свойства, и связанные с ней стереотипные представления. Но если изучать знак, как предлагает Ф. де Соссюр, по занимаемому им месту в системе[58], определять его тогда следует в отношении к знакам данной системы: «…не положительно – своим содержанием, но отрицательно – своими отношениями к прочим членам системы» (Соссюр 1977: 149). В «системе чистых значимостей» [→ Значимости теория] знак является всегда членом противопоставления.

[57] Так теория знака смыкается наитеснейшим образом с теорией знания.

[58] Так задается примат целого по отношению к части – системы по отношению к образующим ее элементам. Ср. «…взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьезным заблуждением. Определять подобным образом член системы – значит изолировать его от системы, в состав которой он входит; это ведет к ложной мысли, будто возможно начинать с членов системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до составляющих его элементов» (Соссюр 1977: 146). Отсюда следует, что способ бытия всякого входящего в систему элемента зависит от структуры целого. В этом состоит, по замечанию Э. Бенвениста, суть утверждаемой Соссюром структуральной концепции языка (Бенвенист 1974: 60–66).

Так приходим к следующим установлениям.

- Раз существует знак, должно существовать и нечто такое, что обозначается этим знаком.
- В зависимости от избираемой исследователем позиции под «означаемое» можно подвести и обозначаемую словом вещь, и понятийно постигаемые ее свойства, и ассоциируемые с ней не всегда достоверные мнения и представления.
- Понятийный субстрат языкового знака нельзя изучать в отрыве от языка.
- Судить, как эволюционируют в языке переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями, можно только по засвидетельствованному в речевом обиходе употреблению.
- Всякий знак получает полноценную значимость только в контексте других знаков.
- Поскольку языковой знак не является тождественным в различных своих употреблениях, к нему неприменим, как в логическом исчислении, принцип подстановки по формуле вида eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate.

Бенвенист Э. Природа языкового знака // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 90–96.

Лосев А. Ф. Аксиоматика знаковой теории языка // Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 28–64.

Лосев А. Ф. Аксиоматика теории языкового знака в плане его специфики // Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 125–144.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

Пирс Ч. С. Grammatica Speculativa // Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 40–223.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.

Уфимцева А. А. Знак языковой // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 167.

Eco U., *Le signe,* Paris, Gallimard, 1992.

Karcevskij S., Du dualisme asymétrique du signe linguistique, in *TCLP*, I, Prague; réédition : Kraus reprint, Nendeln/Liechtenstein, 1968, p. 88–93.

Rastier F., Signe, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998 , p. 374–376.

Rey A., *Théories du signe et du sens*, Paris, Klincksieck, 1976.

Значения «значения». — Поскольку семантику [→ Семантика] определяют как науку о значении, принципиально важно понять, что есть «значение», а вместе с тем и проследить, как варьируются в семантических теориях подходы к определению и установлению значения.

Обратившись к семантическим исследованиям, нельзя, в самом деле, не отметить, сколь многочисленны и разнообразны значения «значения». Под значение подводят и обозначение, и референцию [→ Референция], и эмпирический опыт, и таксономические знания, и ассоциируемые со словами мнения и представления, и отношения между знаками [→ Знак], и условия употребления, и пропозициональные установки [→ Пропозициональная установка], и интенциональные состояния, и даже совершаемые с языковыми выражениями преобразования, перекодировки и конверсии. Так «значение» становится, можно сказать, чуть ли не интенцией установить такое, а не какое-то другое значение.

Не претендуя на исчерпывающий обзор, рассмотрим некоторые сложившиеся в научном обиходе модели значения.

Значение как обозначение. В семантической концепции значения как обозначения значение анализируемого языкового выражения, прежде всего имени, задается в отношении к обозначаемой словом вещи по формуле вида «значить нечто – обозначать нечто»[59].

Действительно, значение слов усваивается наилучшим образом при соотнесении с обозначаемыми объектами. Например, чтобы объяснить, что такое «слон», можно, указав на обозначаемый объект, сказать: *Это слон*, а по визуально воспринимаемым признакам еще и установить наиболее примечательные его свойства: хобот, бивни, большие уши, внушительные размеры и т. п. Так путем идентификации обозначаемого словом объекта обозначение преобразуется отчасти в идентифицирующее значение[60].

В таком определении значение не растворяется, конечно же, в вещи, а подтверждает только факт ее существования – знание о том, что

[59] Ср. «…значение имени иногда объясняют, указывая на его носителя» (Витгенштейн 1994: 99); «…значение усваивается (или может быть усвоено) посредством сопоставления с объектами, которые обозначаются этими словами» (Рассел 1999: 24); «Всякий знак функционирует как акт обозначения для чего-нибудь обозначаемого и уж тем более для всякого означаемого» (Лосев 1982: 35). Остается только установить, каким условиям должно удовлетворять употребление анализируемого языкового выражения, чтобы гарантировать «правильное» обозначение. Таким условием становится, в частности, пресуппозиция существования [→ Пресуппозиция]. Ибо если именное выражение выполняет функцию обозначения, значит должно существовать и нечто такое, что им обозначается: какая-то реальная или воображаемая сущность, какой-то индивидный объект или класс объектов.

[60] Особую сложность вызывают вместе с тем такие случаи, когда одно и то же выражение соотносится с разными вещами, а одна и та же вещь обозначается разными именами.

именно эту вещь называют так-то, а не иначе [→ Номинация]. Но для сторонников экстенсиональной семантики этого достаточно, чтобы гипостазировать функцию обозначения, а за основу анализа значения взять определения вида «…обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению» (Шухардт 1950: 206) или «Имя обозначает объект. Объект – его значение» (Витгенштейн 1994: 12). Круг обсуждаемых проблем замыкается, как следствие, на референции, истинности [→ Истина и правдоподобие] и выполнимости. Теория референции, например, позволяет установить, как соотносятся с вещами обозначающие их выражения, как фиксируется в обычном или смещенном словоупотреблении референция имени в высказывании, какими могут быть виды референции, а в сочетании с теорией истинности еще и сформулировать необходимые и достаточные условия, которым должны удовлетворять все входящие в высказывание выражения[61].

Так задаются некоторые постулаты значения.

- Языковое выражение обладает значением, поскольку обозначает нечто, не являющееся им самим, как данность какой-то предметной области в реальном или возможном мире.
- Гарантировать «правильное» обозначение может лишь такое употребление, при котором можно говорить если не о тождестве, то хотя бы о соответствии имени вещи самой вещи.
- Основанием теории значения как обозначения может быть только «развитая в нужном направлении» теория референции.

Значение как отраженное знание о вещи. В семантической концепции значения как понятия [→ Концепт] значение анализируемого языкового выражения ставится в зависимость от отраженного в нем знания о вещи в определениях вида «Всякий знак есть смысловое отражение предмета» (Лосев 1982: 41) или «Значение слова стремится к понятию как к своему пределу» (Степанов 1975: 11). Остается только решить, что понимать под отраженным в значении знанием: специально-научное понятие или «наивное понятие о вещи»[62], совокупность наиболее примечательных

[61] Недаром истинностное значение высказывания определяют еще и как функцию референтов (экстенсионалов) входящих в него терминов (Хинтикка 1980: 70).

[62] Ср. в этой связи широко обсуждаемый в лексикографии вопрос, на каких знаниях строить толкование. В большинстве своем лексикографы убеждены, что лексическое значение не укладывается в рамки специально-научного знания и что отражать в системе словарных дефиниций следует преимущественно наивную картину мира. Ибо если лексикограф не желает, как замечает Ю. Д. Апресян, превратиться в энциклопедиста, ему надобно придерживаться общепринятых представлений, а в языковом значении отражать исключительно только «наивное понятие о вещи» (Апресян 1995, 1: 56–59).

сущностных свойств или данный нам в чувственном восприятии образ? От ответа на такой, казалось бы, простой вопрос, зависит как содержание исследуемого значения, так, собственно, и способы его представления в металингвистическом описании. Например, в онтологически ориентированной семантике под понятийно постигаемую в слове вещь подводятся онтологически сущностные свойства, а в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] – схемы повседневного опыта вроде идеалов, типичных примеров или образцов [→ Прототипов теория].

Разумеется, производное на их основе значение различно. Но для лингвистической семантики здесь важно даже не решить, что подводить под отраженное в значении знание – онтологические свойства вещи или ассоциируемые с ней не всегда достоверные представления, а уяснить, как коррелирует с системой представлений языковое значение, и тем самым установить, как эволюционирует со способом смыслополагания функция познания. Вот почему вместо догматического принципа *или – или*, с которым мы сталкиваемся нередко в теориях значения, наиболее адекватным представляется скорее принцип *и – и*, сообразуясь с которым разные системы представлений не только не отменяют, но предполагают друг друга в необходимом их различии. Например, в мифопоэтическом представлении рус. *медведь* определяется в отношении к тотемным животным по признакам /священный/, /предок/, /дух-хранитель/ или /оборотень/, в таксономическом – в отношении к хищным животным по признакам /животное/, /хищник/, /семейства медвежьих/, в наивно-обиходном – в отношении к человеческому характеру по признакам /неуклюжий/, добродушный/ или /ленивый/. Эпистемологически значимой оказывается при этом именно форма «понятийного» ряда, а точнее: устанавливаемые внутри ряда отношения. По таким отношениям можно судить, как эволюционирует в познании «живое знание» о предмете и как меняется с системой представлений содержание исследуемого значения.

Так задаются принципиальные для теории значения постулаты.

- Знания суть необходимые условия установления значения – одни в силу объективной наличности, другие как действительное состояние чьего-то сознания.
- В качестве отраженного знания о вещи значение сродни «понятию».
- Значение холистично, поскольку задается не каким-то одним, а всей совокупностью ассоциируемых со словом знаний.
- В контексте переменного знания исследуемое семантикой значение может быть только переменным. Вот почему под значение можно подвести и специально-научное понятие, и не всегда достоверные, но оттого не менее релевантные обиходные представления.
- Установить, как меняется с системой представлений содержание значения, можно только по засвидетельствованному в языке употреблению.

Значение как аппроксимация к эмпирическому опыту. В отношении к опыту значение анализируемого языкового выражения устанавливают индуктивно по так называемым «эмпирическим правилам» (Айдукевич 1999: 76–78). Например, рассуждает Б. Рассел, когда я говорю: *Мне жарко*, значение слова *жарко* приводится в соответствие с внутренним моим состоянием; причем именно тем состоянием, которое я выражаю посредством слова *жарко* (Рассел 1999: 229). Чтобы понять, собеседнику не остается ничего другого, как сообразоваться с собственными ощущениями, а затем только судить, насколько верно в условиях данной ситуации такое словоупотребление.

Значение становится, таким образом, предметом эмпирической проверки. Знание о самом факте ощущения ничем в принципе опровергнуто быть не может, зато последующие выводы могут быть подтверждены, оспорены или подвергнуты сомнению. В ответ на *Мне жарко!* собеседник может согласиться или, напротив, возразить, сказав, что сейчас не так и жарко, что жара была прошлым летом или наступит по прогнозам только в июне. За такими на первый взгляд тривиальными рассуждениями кроется принципиальный для эмпирической семантики вопрос: что понимать под подводимым под значение эмпирическим опытом: сиюминутные субъективные переживания или подтвержденный общественной практикой опыт?

Аппроксимация к эмпирическому опыту целесообразна, если такой опыт является разделенным всеми или почти всеми представителями данного языкового сообщества, когда говорящие признают, что при ощущении, например, холода или жары наиболее подходящим языковым выражением является *холодно* или *жарко*, при переживании зубной боли – *болит*. Критерием адекватности становится в таком случае «радикальный конвенционализм» (К. Айдукевич), готовность признать, что для конвенционального обозначения такого-то пусть и субъективного ощущения подходит именно это, а не какое-то другое языковое выражение[63].

Так задаются некоторые постулаты значения.

- За каждым значением стоит эмпирический опыт.
- В качестве факта субъективного переживания значение субъективно, а в сравнении с другими субъективными переживаниями – интерсубъективно.
- Значение диспозиционально, поскольку выражает предрасположенность слова ассоциироваться в сознании говорящих с какими-то определенными переживаниями.

[63] В этом смысле значение диспозиционально. В определении Н. Д. Арутюновой, «связь диспозиции с опытом образует прагматическую пресуппозицию диспозиционального значения, а ее отношение к действиям (поведению) может рассматриваться как прагматическая импликация этого значения» (Арутюнова 1998: 213).

- Связь диспозиции с опытом образует прагматическую пресуппозицию диспозиционального значения, а ее отношение к действиям (поведению) – прагматическую импликацию этого значения.

Значение как предрасположенность к какой-то определенной реакции. За невозможностью установить все сопряженные со значением знания[64] значение анализируемой языковой формы определяют в бихевиористской интерпретации «окольным путем» – по предрасположению вызывать у слушающего соответствующую вербальную или невербальную реакцию. В качестве иллюстрации Л. Блумфилд приводит такой ныне ставший хрестоматийным пример: «Джек и Джилл идут вдоль изгороди. Джилл голодна. Она видит яблоко на дереве. Она издает звук <…>. Джек перепрыгивает через изгородь, влезает на дерево, срывает яблоко, приносит его Джилл и кладет ей в руку. Джилл есть яблоко» (Блумфилд 1968: 37).

В излагаемой последовательности событий выделяются три составляющих:

A. Практические события, предшествующие речи.

B. Речь.

C. Практические события, последовавшие за актом речи.

В рамках модели $S \rightarrow R$ каждая из составляющих разбираемой коммуникативной ситуации может попеременно выступать и в качестве стимула, и в качестве реакции, а «стимул» и «реакция» соответственно принимать вербальное или невербальное выражение. Например, испытываемое Джилл чувство голода при виде яблока (A) – неречевой стимул для соответствующей речевой реакции (B) в рамках отношения $A \rightarrow B$; тогда как обращенная к Джеку просьба принести яблоко (B) – речевой стимул для последующей невербальной реакции (C) в рамках отношения $B \rightarrow C$.

Каким бы ни было выражение стимула и реакции, A и C суть корреляты значения[65]. Вот почему в бихевиористской модели значение языкового выражения можно определять и в терминах ситуации говорящего, и в терминах реакции слушающего, и как «ситуацию, в которой говорящий ее произносит», и как «реакцию, которую она вызывает у слушающего» (Блумфилд 1968: 142). Во всяком случае, пишет Л. Блумфилд, «если бы нам были точно известны ситуации каждого говорящего и реакции

[64] Ср. «…наше знание о мире, в котором мы живем, настолько несовершенно, что мы лишь в редких случаях можем точно сформулировать значение какой-либо языковой формы» (Блумфилд 1968: 73).

[65] Ср. «…речевое высказывание, тривиальное и несущественное само по себе, важно, так как оно имеет *значение*: значение складывается из тех немаловажных явлений, с которыми связано речевое высказывание (B), то есть из практических событий (A и C)» (Блумфилд 1968: 41).

каждого слушающего, <…>, мы могли бы просто зарегистрировать эти два факта как значение (*A* – *C*) любого данного речевого высказывания и четко отделить наше исследование от всех других областей знания» (Блумфилд 1968: 72). Остается только установить, какими могут быть все потенциально возможные ситуации, побуждающие нас произнести такую, а не какую-то другую языковую форму, и все потенциально возможные реакции на произносимую языковую форму. А поскольку, по признанию Л. Блумфилда, такое знание «эквивалентно всей сумме человеческих знаний», не остается ничего другого, как посетовать на невыполнимость такой задачи и тем самым признать, что определение значения – «уязвимое звено в науке о языке» (Блумфилд 1968: 72, 143).

Определяющими остаются вместе с тем такие положения.

- За невозможностью установить все ассоциируемые со значением знания его можно определять в терминах предрасположений (диспозиций) к соответствующей вербальной или невербальной реакции в причинной цепи событий: ситуация говорящего → речь → реакция слушающего.
- В рамках модели *S* → *R* значение анализируемой языковой формы можно определять и как стимул *S*, и как реакцию *R*. В отношении к ситуации, побуждающей произнести такую, а не какую-то другую языковую форму, это значение-*стимул*; в отношении к реакции на произносимую языковую форму – значение-*реакция*.
- Значение ситуативно обусловлено.

Значение как интенциональное состояние. С бихевиористской моделью смыкается отчасти и определение значения как интенционального состояния говорящего, как намерения выразить какую-то мысль, вызвать на произносимую языковую форму какую-то реакцию. Ибо, как полагают сторонники Дж. Остина, установить, что означает то или иное высказывание, можно только поняв, что имеет в виду, что подразумевает или что хочет этим сказать говорящий[66].

[66] Ср. «Грайс дает следующий анализ одного из осмыслений meaning. Сказать, что *A* что-то имел в виду под *x*, значит сказать, что “*A* намеревался, употребив выражение *x*, этим своим употреблением оказать определенное воздействие на слушающих посредством того, что слушающие опознают это намерение”. <…> это плодотворный подход к анализу субъективного значения, прежде всего потому, что показывает тесную связь между понятием значения и понятием намерения» (Сёрль 1986: 158); «…спрашивать о значении – значит спрашивать об интенциональном содержании, сопровождающем данную форму воплощения» (Сёрль 1987: 126); «При произнесении какого-либо высказывания мы очень часто намереваемся не только вызвать первичную реакцию *r* через посредство узнавания со стороны слушающего намерения вызвать эту реакцию, но также намереваемся оказать последующее воздействие через посредство этой первичной реакции *r*» (Стросон 1986: 143).

Разумеется, не может не признать Дж. Сёрль, значением обладает не само по себе интенциональное состояние, а производное на его основе высказывание (речевой акт), но именно интенциональное состояние побуждает говорящего высказываться таким, а не каким-то иным образом (Сёрль 1987: 125). Поэтому говорить о значении в терминах намерения – значит задаваться непременно вопросом: *К чему ты это говоришь? Что ты имеешь в виду? Что ты под этим подразумеваешь?*

В таком понимании языковое значение выводится за рамки конвенциональных представлений в область сиюминутных субъективных переживаний. Для сторонников теории речевых актов это существенный момент в определении иллокуции[67]. Особенно когда с исследуемым иллокутивным актом соотносятся сразу несколько конвенций или нельзя вообще подобрать ни одну из известных конвенций [→ Социальные нормы]. За отсутствием конвенции не остается ничего другого, как довольствоваться интенцией говорящего[68]. Поэтому П. Ф. Стросон предлагает, обратившись к грайсовскому понятию «субъективного значения» (meaning), релятивизировать значение неконвенциональных иллокутивных актов относительно намерения говорящего.

Анализ значения принимает в таком случае следующий вид: *S* выражает субъективное значение посредством высказывания *x*, если *S* намерен (i_1) произнесением *x* вызвать определенную реакцию (*r*) у слушающего *A*, полагает (i_2), что *A* опознает его намерение (i_1) и считает (i_3), что опознание его намерения (i_1) со стороны *A* является основанием для реакции *r* (Стросон 1986: 137). Отсюда и предписание из области коммуникативной деонтологии: «…при произнесении высказывания говорящий должен добиться того, чтобы слушающий осознал наличие у него сложного намерения определенного вида: намерения, направленного на то, что слушающий должен опознать (и понять, что такое опознание предполагалось) намерение говорящего вызвать у него, слушающего, определенную реакцию» (Стросон 1986: 144–145).

Так задаются некоторые постулаты значения.

- Наряду с конвенциональным содержанием в значении входящих в высказывание слов и словосочетаний учитывать следует и собственно субъективные факторы.

[67] «Именно осуществление акта произнесения с определенным множеством интенций превращает произнесение в иллокутивный акт и, таким образом, придает произнесению интенциональность» (Сёрль 1987: 126).

[68] Ср. «В случае иллокутивного акта, не являющегося по существу конвенциональным, акт коммуникации выполнен, если обеспечено усвоение, если распознано то сложное открытое намерение, с которым произнесено высказывание» (Стросон 1986: 148).

- Значение обусловлено не только конвенцией, но и интенциональным состоянием.
- В условиях переменной прагматической ситуации значение всех входящих в высказывание слов и словосочетаний может быть только переменным.
- Установив значение переменных, можно установить, каким является интенциональное состояние, побуждающее говорящих высказываться таким, а не каким-то иным образом.
- Интенциональное состояние говорящих можно исследовать в терминах пропозициональных установок.

Значение как пропозициональная установка. В отношении к пропозициональной установке значение анализируемого высказывания постулируется как объект мнения, как нечто, во что можно верить или не верить, в чем можно сомневаться или что можно предполагать. С помощью пропозициональной установки можно понять, какими представлениями руководствуются всякий раз говорящие и, главное, как задается в разных контекстах мнения пропозициональное содержание в определениях вида $m(P)$ (где m – тип ментального состояния, а P – пропозициональное содержание).

В контексте мнения нельзя не переосмыслить соответствующим образом и предъявляемые к условиям истинности (и верификации) требования [→ Верификация]. В высказываниях мнения критерием адекватности служит уже не действительное положение вещей, а высказываемое о них мнение. Разумеется, субъективное мнение можно оспорить или подвергнуть сомнению. Но для пропозициональной семантики важно даже не проверить, насколько объективно то или иное пропозициональное содержание, а установить безотносительно к реальному положению вещей, при каких условиях оно совместимо с тем, во что верит или в чем убежден говорящий. Так условия истинности релятивизируются необходимым образом относительно альтернативных реальному миру возможных миров – ассумптивных универсумов [→ Ассумптивный универсум], универсумов веры (Martin 1983) или ментальных пространств (Fauconnier 1984). Допустимой пропозицию считают, если в некотором мире W в момент времени t речевой субъект X имеет действительно ментальное состояние m с пропозициональным содержанием P.

Так задаются некоторые постулаты значения.

- В высказываниях мнения значение равнозначно мнению.
- Установки мнения служат если не условием истинности высказывания, то хотя бы достаточным его основанием.
- Постулируемая в контексте мнения система представлений – это не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели.

- Достоверна ли такая система в смысле объективном заранее знать нельзя, зато можно утверждать полную достоверность этой системы как данности чьего-то сознания.

Значение как употребление. В отношении к условиям употребления именно употребление задает значение анализируемого языкового выражения[69]. Ибо, как полагают, если под значением понимать то, что люди имеют в виду, когда употребляют слова, учитывать в толковании [→ Интерпретация] следует только условия употребления слов. Так складывается зависимость значения от употребления: знание значения задает правила употребления, по употреблению заключают к значению[70].

Остается только установить, каким требованиям должно удовлетворять употребление, причем заведомо правильное употребление. Таким условием может быть только знание, как используются в речевом обиходе слова. В дескриптивной семантике такое знание равносильно знанию дистрибуции и ограничений на сочетаемость [→ Сочетаемостных ограничений правила], в формальной семантике – знанию совершаемых с языковым выражением операций, в условно-истинностной семантике – знанию условий истинности и выполнимости[71], в референтной семантике – знанию области референции, в когнитивной семантике – знанию хранимых в памяти схем повседневного опыта.

Круг обсуждаемых проблем замыкается в таком случае на принятых в данном сообществе языковых нормах [→ Норма], дистрибуции, интерпретирующих возможностях контекста, эмпирическом опыте, семантической и прагматической компетенции, условиях истинности и выполнимости, операциях по исчислению высказывания, типовых сценариях общения [→ Фрейм], коммуникативных стратегиях и интенциональных состояниях говорящих.

Так задаются некоторые постулаты значения.

- Гарантией оптимального толкования может быть только речевой обиход.
- Значение языкового выражения есть функция его употребления.
- Значение языкового выражения равнозначно знанию контекстов и ситуаций, в которых употребляется это выражение.

---

[69] Под употреблением понимают как множество конкретных случаев употребления того или иного языкового выражения, так и определенные способы правильного употребления (Павилёнис 1983: 26).

[70] Ср. «Значение слова – это его употребление в языке» (Витгенштейн 1994: 99); «Значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ и есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык» (Витгенштейн 1994: 331); «…значение – это только постоянные, не меняющиеся условия употребления слов» (Вежбицкая 1997: 243).

[71] Ср. «…знание условий истинности некоторого предложения дают говорящему знание полного употребления этого предложения» (Даммит 1987: 134).

- По условиям употребления можно установить, какие устанавливаются между словами связи и отношения, а по этим отношениям заключить, какие компоненты значения входят в состав анализируемого выражения.
- Значение анализируемого языкового выражения задается дизъюнкцией возможных его употреблений: частное значение коррелирует с единичным употреблением, общее значение – с множеством потенциально возможных ситуативных употреблений.
- Значение нормативно, поскольку не имеет иных ограничений, кроме правильного употребления.
- Употребление зиждется на взаимном соглашении речевых субъектов.

Значение как аппроксимация к контексту. Развитием теории значения как употребления становится обращение к интерпретирующим возможностям контекста в определениях вида «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» (Лосев 1982: 61) или «Дайте мне контекст, в котором вы встретили это слово, и я объясню вам его значение» (Лайонз 1978: 434). В таких определениях только контекст позволяет, сняв принципиальную многозначность слова, уточнить актуальное значение.

Остается только установить границы и параметры контекста в толковании. В привычном понимании сюда относят лексическое окружение, локализованное в пределах высказывания, текста или корпуса текстов, а в расширительном – культурно-историческую ситуацию, социальные нормы и всякого рода сопутствующие знания [→ Фоновые знания].

Так задаются некоторые постулаты значения.

- Значение слова определяется потенциально возможными его сочетаниями с другими словами.
- За отсутствием контекста языковое выражение неопределенно и многозначно.
- Устранить потенциальную многозначность можно только в контексте употребления.
- По складывающимся в контексте отношениям можно судить, как преломляются в синтагматике установленные в парадигматике значения.
- По непосредственно данному «текущему» контексту можно установить частное значение, а по совокупности всех засвидетельствованных в речевом обиходе контекстов и способов употребления – общее значение.
- За каждым сфокусированным в контексте значением стоит какая-то установка мнения.

Значение как способ верификации. С изучением значения как употребления смыкается отчасти и его определение как способа проверки значения в суждениях вида «Значением высказывания является метод его верификации» (М. Шлик).

Остается только установить, что избирать в качестве критерия верификации. При общем, казалось бы, принципе соответствия разногласия возникают при выборе основания соответствия[72]. В условно-истинностной семантике это необходимые и достаточные условия истинности[73], в семантике возможных миров – возможные состояния возможных миров, в бихевиористской семантике – стимул или реакция на произносимую языковую форму, в эмпирической семантике – индивидуальный или коллективный опыт, в когнитивной семантике – хранимые в памяти схемы обыденного опыта, в интенциональной семантике – интенциональные состояния говорящих.

Основополагающими остаются вместе с тем такие положения.

- Значением высказывания является возможность его верификации, критерием верификации – совокупная область потенциально возможных условий верификации.
- В качестве верификационных критериев значения можно привлекать разные типы соответствия – и область применимости, и объективированные в общественной практике знания, и схемы повседневного опыта, и институциональные мнения и убеждения, и интенциональные состояния говорящих.
- В переменных условиях верификации общим критерием анализа может быть только критерий эпистемической адекватности.
- Требованию эпистемической адекватности отвечает такой способ (метод) верификации, в котором экспликация значения высказывания является адекватной знанию возможных познавательно значимых состояний данного высказывания.

Значение как отношение между знаками. Сообразуясь с соссюровским учением о значимости [→ Значимости теория], значение языкового знака надлежит определять не в отношении к вещи или понятию, а по положению в системе – в отношении к другим знакам: «…не положительно – своим содержанием, но отрицательно – своими отношениями к прочим членам системы» (Соссюр 1977: 149).

Такое на первый взгляд тривиальное установление принципиально для семантического анализа, прежде всего для статуса компонентов значения [→ Семный анализ]. Ибо, если к значению заключать от отношений

[72] Поэтому верификационный критерий анализа признают «крайне неоднозначным» и даже «неуместным» (Пап 2002: 362–366).

[73] В определении Б. Рассела, верификатор понимается как «какое-то событие, посредством которого мое утверждение оказывается истинным (или ложным) (Рассел 1999: 260). Ср. «…задание условий истинности есть способ задания значения предложения» (Дэвидсон 1986: 106); «…знать значение некоторого предложения – значит знать условия его истинности» (Даммит 1987: 135).

между знаками, вряд ли целесообразно тогда вопрошать, предельны ли вообще компоненты значения, следует ли определять их как референтные или понятийные признаки. Поскольку семантические признаки (семы) устанавливают в пределах области, покрываемой языковой семантикой, намного целесообразнее, согласимся, определять их по складывающимся между семемами отношениям.

Так задаются некоторые постулаты значения.

- Значимость – подлинная реальность языковых единиц.
- Значимость языковой единицы определяется положением в системе.
- Не существует никаких других факторов, кроме системы, по которым можно установить значимость.
- В системе чистых значимостей интерпретантом [→ Интерпретант] знака может быть только отношение к другим знакам.
- Понятийный субстрат языкового значения нельзя изучать в отрыве от языка.

Значение как возможность перекодировки. Взяв за основу переводимость знака в другие, более эксплицитные знаки, значение языковых выражений можно определять и как «перевод в другие символы» (Ч. Пирс), и как возможные «перекодировки» и «конверсии» (Р. Якобсон), и как «межуровневые преобразования» (А.-Ж. Греймас), и как «деструктивно-конструктивные» отношения между знаками (Ю. Кристева). Достаточным и чуть ли не объективным основанием совершаемых с языковыми выражениями преобразований может быть в таком случае только *intentio operis* – убежденность в необходимости таких преобразований с целью достижения искомого символического значения, деавтоматизации восприятия или просто ради постмодернистской игры в деконструкцию.

В качестве примера возьмем хотя бы выражение *le soleil noir de la mélancolie* «черное солнце меланхолии» из известного сонета Нерваля *El Desdichado* (1853). В тривиальном толковании это выражение аллотопно [→ Аллотопия]. Чтобы понять, читателю не остается ничего другого, как «скорректировать» нарушенную семантическую связность [→ Когезия] путем преобразования «странного» выражения в более приемлемое выражение. В символической проекции *le soleil noir de la mélancolie* «черное солнце меланхолии» можно, например, истолковать в антитезе к *полуденному солнцу* как аналог смерти, потустороннего мира, катастрофы и соответственно преобразовать вплоть до радикальной трансформации исходной семной структуры в подходящие по случаю выражения: «дисфория», «катастрофа», «смерть», «потусторонний мир» и т. п.

Так задаются некоторые постулаты значения.

- Совершаемые с языковыми выражениями семантические преобразования согласуются необходимым образом с базисными установками интерпретатора.
- В соответствии с избираемой позицией совершаемые с языковыми выражениями преобразования призваны преодолеть всякого рода несуразности, прояснить затрудненные для понимания «темные» места, эксплицировать символическое значение, извлечь какой-то тайный завуалированный смысл, приспособить анализируемую языковую последовательность к собственным представлениям или использовать ее как поле произвольной игры означаемых.
- Чем больше содержание «на выходе» отличается от содержания «на входе», тем значительнее преобразование и тем продуктивнее, стало быть, предлагаемая перифразировка.

Сопоставив различные подходы к значению, нельзя не заметить, что именно исследовательская позиция задает концептуальную схему анализа, способы постановки и решения исследовательских задач. Во всех случаях, идет ли речь об употреблении, референции, эмпирическом опыте, отношениях между знаками, пропозициональных установках или операциях по исчислению истинностного значения, все без исключения значения «значения» релятивизируется необходимым образом относительно парадигмы научного знания[74]. При этом интерес для лингвистической семантики представляют все без исключения значения «значения». Хотя бы потому, что показывают, как эволюционирует научное знание и как меняется с научной парадигмой круг выносимых на обсуждение научных проблем.

Апресян Ю. Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–22.

Даммит М. Что такое теория значения? // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.

Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

Лайонз Дж. Значение и употребление // Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. С. 434–435.

Льюис К. И. Виды значения // Семиотика: М.: Радуга, 1983. С. 211–224.

Сёрль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.

Стросон П. С. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986, С. 130–150.

[74] По образному выражению Э. Кассирера, «науке никогда не перепрыгнуть собственную тень. Она конституируется определенными теоретическими основоположениями, но именно к ним она поэтому привязана, в их стены заключена» (Кассирер 2002, 3: 37).

Хинтикка Я. Семантика пропозициональных установок // Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 68–101.

Dummett M., What is the Theory of Meaning, in Guttenplan S. (ed.), *Mind and Language*, Oxford, 1975, p. 67–137.

Значимости теория. — В соссюровской теории языка значимость (valeur) – неотъемлемое свойство знака [→ Знак] как части системы.

Действительно, если рассматривать язык как автономную и замкнутую в себе систему, значимость всякого входящего сюда элемента следует определять тогда в противопоставлении с другими элементами данной системы как результат взаимных оппозиций[75]. Весьма примечательна в этой связи аналогия с понятием позиции в шахматной игре. Как значимость той или иной фигуры, пешки, слона или коня, меняется в зависимости от положения на доске, так и значимость всякого элемента языка зависит от «его противоположения всем прочим элементам» (Соссюр 1977: 121). Иначе говоря, чтобы установить значимость слова, недостаточно констатировать, что слово соотносится с каким-то внеязыковым объектом или ассоциируемым с ним понятием [→ Семантическая триада]; «его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить» (Соссюр 1977: 148).

Ф. де Соссюр приводит такой пример. Англ. *sheep* совпадает по (денотативному) значению с франц. *mouton*, но имеет в языке иную значимость, поскольку о приготовленном и поданном на стол куске баранины англичане скажут *mutton*, а не *sheep*. Значимость англ. *sheep* устанавливается, таким образом, по отношению к англ. *mutton*, а различие значимости англ. *sheep* и франц. *mouton* состоит главным образом в том, что в английском языке наряду с *sheep* имеется другое слово, которого нет во французском языке.

Оппозитивный характер знака можно проиллюстрировать, конечно, и на примере антонимов. Но именно синонимия избирается в качестве довода в пользу теории значимости. Вероятно, не без влияния, заключает С. Ору, французских исследований синонимии в эпоху Просвещения (Ору 2000: 319–342; Auroux 1996: 111; ср. Rastier 1991: 100–101). Действительно, даже на примере англ. *mutton/sheep* можно с уверенностью утверждать, что Ф. де Соссюр был знаком с подобными изысканиями. Во всяком случае,

[75] В таком понимании значимость является логическим развитием структуралистской аксиоматики языка, в том числе: (i) «язык есть не что иное, как система чистых значимостей» (то есть различий); (ii) всякий входящий в систему элемент определяется «не положительно – своим содержанием, но отрицательно – своими отношениями к прочим членам системы» (Соссюр 1977: 144, 149).

с таким синонимическим рядом из статьи Даламбера в «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» (1751–1780):

добиваться сходства			действие
из уважения	по скудности мысли	забавы ради	основание
|	|	|	|
украшая	рабски	изменяя	способ
|	|	|	|
сочинения	картины	людей	объект
|	|	|	|
imiter	*copier*	*contrefaire*	Δ
«подражать»	«копировать»	«передразнивать»	

Разумеется, синонимисты руководствовались в первую очередь соображениями ясности, а в принципе выбора видели только залог точности выбора верного слова. Но пусть в классической теории синонимии ничего не говорится ни о внутрисистемных отношениях, ни об оппозитивном характере знака, установленные в синонимическом ряду противопоставления (по основанию, способу действия и объекту) предвосхищают оппозитивный подход к языку как «системе чистых значимостей», системе, в которой «нет ничего, кроме различий» (Соссюр 1977: 152).

Новаторство автора «Курса общей лингвистики» оттого не умаляется. Выходя за рамки синонимии к более широким обобщениям, соссюровская теория значимости позволяет сформулировать такие первостепенно важные для теории языка положения.

- Значимость – подлинная реальность языковых единиц.
- Не существует никаких других факторов, кроме системы, по которым можно установить значимость.
- Значимость языковой единицы определяется ее положением в системе.
- В системе чистых значимостей интерпретантом [→ Интерпретант] знака может быть только отношение к другим знакам.

Бенвенист Э. Понятие структуры в лингвистике // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 60–66.

Ору С. Две гипотезы о происхождении соссюровской концепции языковой значимости // История. Эпистемология. Язык. М.: Прогресс, 2000. С. 274–280.

Ору С. Даламбер и синонимисты // История. Эпистемология. Язык. М.: Прогресс, 2000. С. 319–342.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.

Идеализированные когнитивные модели. — В когнитивном отображении необходимые для понимания знания [→ Фоновые знания] задаются посредством разных моделей представления – опытных гештальтов, фреймов [→ Фрейм], сценарных типов, прототипов [→ Прототипов теория], социальных стереотипов [→ Социальные стереотипы], типичных примеров, идеалов и образцов. Обобщить такие поистине разнообразные модели представления знаний призвана по определению теория идеализированных когнитивных моделей (ИКМ). В определении Дж. Лакоффа такие модели подразделяются на несколько наиболее представительных типов: образно-схематические, пропозициональные, метафорические и метонимические[76].

Остановимся подробнее на каждом из указанных типов.

Образно-схематические модели. Образно-схематические модели образуются на основе телесного опыта. В определении Дж. Лакоффа это базовые структуры опыта, отражающие пространственное восприятие окружающих нас физических объектов: «наш пространственный опыт», «наш опыт функционирования в пространстве», «физическое движение тела», «отношения между объектами». Например, пространственное употребление англ. *on* «на» в выражении *the apple is on the table* «яблоко на столе» задается на кластере из кинестетических образных схем «над», «контакт» и «опора», сообразуясь с которыми можно понять, как складываются отношения между *apple* «яблоко» и *table* «стол».

Пропозициональные модели. Пропозициональные модели обеспечивают формат для представления знаний, определенных для какой-то предметной области по типу сетевых структур в вычислительных моделях мышления. Например, пропозициональная модель, характеризующая наше знание об огне, включает пропозициональную информацию о том, что огонь может представлять опасность, что его используют для приготовления пищи; модель, характеризующая знание о деньгах – информацию о том, что деньги зарабатывают, тратят, дают или берут взаймы и т. п. Посредством пропозициональных структур осмысливаются, таким образом, элементы какой-то предметной области, равно как и существующие между ними связи и отношения.

Метафорические модели. Метафорические модели строятся по правилам метафорической проекции (metaphorical mapping) путем когнитивного отображения (cognitive mapping) структурных элементов одной концептуальной

[76] Отправными ориентирами Лакоффу служат, в частности, теория прототипов Э. Рош, фреймовая семантика Ч. Филлмора, теория метафоры и метонимии М. Джонсона и Дж. Лакоффа, когнитивная грамматика Р. Лангакера, теория ментальных пространств Ж. Фоконье. С когнитивной грамматикой отчасти согласуется образно-схематическая модель, с фреймовой семантикой – пропозициональная модель, с теорией метафоры – метафорическая модель, с теорией прототипов – метонимическая модель.

области по образно-схематической модели другой концептуальной области [→ Метафора]. Так, англ. *time* «время», например, можно представить в терминах, подходящих скорее для *money* «деньги»: ср. *spent time* «тратить время», а охватывающие человека эмоции – в терминах телесной ориентации в пространстве по кинестетической образной схеме ВЕРХ–НИЗ: ср. *I'm feeing up* «букв. чувствую себя наверху», *I'm feeing down* «букв. чувствую себя *внизу*» или ВНУТРИ–СНАРУЖИ: ср. *I fell into a depression* «впал в депрессию».

Метонимические модели. Метонимические модели суть такие идеализированные когнитивные модели, в которых категория представляется в пределах единой концептуальной области наиболее представительной своей частью – членом категории или субкатегорией [→ Метонимия]. Например, в категории X, состоящей из элементов x_1, x_2, x_3, x_n, какой-то элемент, допустим x_1, замещает «для целей вывода или оценок» остальные элементы, поскольку воспринимается говорящими как наиболее представительный элемент категории [→ Категоризация].

В «заместительном» типе мышления, которым характеризуются по определению метонимические модели, «когнитивной точкой отсчета» могут быть социальные стереотипы (в понимании Х. Патнэма) или типичные примеры, идеалы и образцы (в понимании Э. Рош). В терминах типичных примеров категорию «птицы», например, можно представить малиновкой или воробьем, категорию «фрукты» – яблоком или апельсином. В терминах идеалов мужа можно охарактеризовать как хранящего верность жене и всемерно заботящегося о семье, в терминах социальных стереотипов – как располневшего, скучного и малоинтересного мужчину, в качестве образца – привести мужа знакомой. Причем, какой бы ни была когнитивная точка отсчета, метонимические модели базируются неизменно на общезначимых прототипических свойствах, которыми обладает в наивысшей степени «центральный» элемент и по которым всякий «периферийный» элемент ставится с ним в соответствие внутри изучаемой категории[77].

В подавляющем большинстве случаев привлекаемые для когнитивной обработки знания объединяются в пучок (cluster) по типу хранения конвергентных знаний в структуре человеческого опыта. Взяв в качестве примера англ. *mother* «мать», Дж. Лакофф, в частности, отмечает, что содержание анализируемого концепта [→ Концепт] выводится на основе сразу нескольких субмоделей, в том числе рождения, воспитания, супружеской модели, генеалогической модели:

– *родившая мать*: женщина, давшая рождение ребенку, но не обязательно занимающаяся его воспитанием,

[77] Умозаключение строится в таком случае в направлении от «центрального» элемента к «периферийным»: от прототипа – к другим элементам категории; от идеала, типичного примера или образца – к индивидным объектам.

– *приемная мать*: женщина, усыновившая (удочерившая) ребенка и занимающаяся непосредственно его воспитанием,
– *кормилица*: женщина, вскормившая ребенка,
– *мачеха*: женщина замужем за отцом ребенка,
– *суррогатная мать*: женщина, нанятая по договору для вынашивания и рождения ребенка,
– *генетическая мать*: женщина, предоставившая свою яйцеклетку для имплантации в матку другой женщины и не имеющая никакого другого отношения к ребенку[78].

Не будучи однородным, содержание анализируемого концепта раскрывается, таким образом, во взаимодействии всех входящих в кластер[79] субмоделей в определении вида «биологическая мать, которая ведет домашнее хозяйство и растит ребенка, не работает за плату и замужем за отцом ребенка» (Лакофф 2004: 117).

Принципиальными становятся в итоге такие установления.

- Идеализированные когнитивные модели суть хранимые в памяти оперативные структуры знания.
- В когнитивном отображении востребованные в понимании знания задаются в виде образно-схематических, пропозициональных, метафорических и метонимических моделей.

[78] Задавшись вопросом, какая из субмоделей характеризует наилучшим образом настоящую мать, можно предположить, что центральной является вероятнее всего модель рождения, по которой *mother* «мать» определяется как «женщина, давшая рождение ребенку». Истолкование выражения «настоящая» не подтверждает, однако, такую гипотезу. В качестве *настоящей* говорящими может характеризоваться также и женщина, вырастившая или воспитавшая ребенка. Так подтверждается, что, кроме ингерентного признака /дает рождение ребенку/ (⊂ генетическая модель), ‘mother’ *мать* содержит еще и социально нормированные афферентные признаки /занимается воспитанием/ (⊂ модель воспитания), /ведет домашнее хозяйство/ (⊂ модель матери-домохозяйки) и т. д. Причем проверить, насколько эти признаки отвечают культурным ожиданиям, можно посредством теста с противительным союзом «но». Ср. (1) *Она мать, но не занимается воспитанием ребенка* — (2) **Она мать, но занимается воспитанием ребенка*. В высказывании (1) противительный союз «но» не отменяет вообще признак /заниматься воспитанием/, а устанавливает лишь индивидное отклонение по данному признаку, тогда как в высказывании (2) противительный союз представляется, напротив, неуместным, поскольку ставит под сомнение общезначимый прототипический признак. Поэтому высказывание (2) воспринимается в целом как аномальное [→ Абсурдные высказывания].

[79] Кластерная модель не отменяет, разумеется, и случаи метонимического использования, когда категория замещается какой-то избираемой по случаю субкатегорией, например матери-*домохозяйки*, в соответствии с востребованными в контексте [→ Контекст] стереотипными представлениями.

- В условиях переменного знания переменными должны быть и образованные на его основе модели.
- Идеальной моделью понимания, которой удовлетворяли бы все без исключения случаи употребления анализируемого концепта, может быть только кластерная модель.
- За невозможностью применить все входящие в кластер субмодели в понимании мобилизуется преимущественно такая субмодель, которая востребована текущим контекстом.
- Установить, насколько эффективна в данном языковом сообществе та или иная модель, можно только по частотности употребления коррелирующих с ней дескрипций.
- За отсутствием подходящей по случаю когнитивной модели понимание затрудняется.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Идиолект (от греч. *ídios* «свой», «особый») — Под идиолектом обычно понимают индивидуальный речевой стиль, а именно: «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» (Виноградов 1990: 171, ср. Rastier 2001: 179).

Никогда не говорят действительно просто по-русски, по-немецки или по-французски, а говорят всегда на какой-то разновидности русского, немецкого или французского языка; и эта разновидность отличается не только специфическими признаками, присущими определенной социальной или территориальной общности говорящих, но и индивидуальными особенностями употребления тех или иных форм, слов и оборотов речи[80].

[80] Поэтому, не случайно, между социальной нормой [→ Нормы социальные] и высказыванием Э. Косериу включает в виде промежуточного звена еще и *индивидуальную норму* – «отвлечение, посредством которого устраняются новшества и окказиональные элементы, но сохраняется всё, что повторяется и представляет собой константную модель в речи индивида» (Coseriu 1969: 250; цит. по Растье 2001: 42). В когнитивной проекции индивидуальную норму можно изучать как когнитивный стиль. Ср. «Каждому человеку свойствен свой когнитивный стиль. <…> В широком смысле когнитивный стиль можно определить как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его “компетенции”. Для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, а то, как она достигается» (Демьянков 1994: 27).

В отличие от социального и территориального варьирования это сугубо индивидуальное употребление языка. Вот почему «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов» (Пауль 1960: 58).

Установка на индивидуальное употребление актуальна a fortiori в поэтике. В приложении к литературным произведениям идиолект совпадает отчасти с образом автора [→ Автор], тем более если автора понимать не как физическое лицо, а как скриптора (Барт 1989: 384–391), как «индивидуальную словесно-речевую структуру, пронизывающую строй художественного произведения и определяющую взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» (Виноградов 1971: 151–152, 211). Идиолект отождествляется в таком случае с «письмом» (франц. *écriture*) – перформативной деятельностью по специфически индивидуальному использованию возможностей языка без каких-либо других ограничений, кроме условий собственного существования[81].

Всякое словесное построение симптоматично в той мере, в какой отражает на фоне существующей традиции творческое использование языка [→ Литературность]. Вот почему в изучении индивидуально-авторской манеры письма особая роль отводится поэтическому использованию и преобразованию языка[82]. Особо примечательными здесь могут быть самые различные средства вплоть до употребления метафор [→ Метафора] и сравнений [→ Сравнение]. Особенности «письма» можно даже усмотреть в нарушении правил сочетаемостных ограничений [→ Сочетаемостных ограничений правила]. Не менее показательны и индивидуальные ассоциативные связи между словами. Так, возьмем пример П. Гиро, ‘gouffre’ *пропасть* ассоциируется у Бодлера с понятиями ужаса, тошноты и головокружения и соответственно определяется как «черная», «сумрачная», «ледяная» (Гиро 1980: 54). Новые смыслы могут складываться даже путем сближения слов, не имеющих или давно утративших всякую взаимную

[81] Индивидуально-авторское использование языка, пусть образ автора и не имеет, казалось бы, никакого отношения к лингвистике, является в действительности такой же лингвистической проблемой, как и речевые особенности индивидуальных речевых актов. По замечанию О. Г. Винокура, «если мы задаемся вопросом о “языке писателя”, то это не только законная, но и неизбежная задача языкознания <…> – проблема того отдела языковедения, который, по почину Женевской школы, именуется <…> лингвистикой речи в отличие от лингвистики языка» (Винокур 1991: 51). Ср. «Мы не считаем, что описание идиолектов находится исключительно в ведении пограничных с лингвистикой дисциплин – поэтики, семиотики, стилистики и т. д. Вполне возможно <…> и семантическое изучение идиолектов» (Растье 2001: 67).

[82] Разумеется, специфические особенности идиолекта реализуются не во всех авторских текстах. Например, в каком-нибудь частном письме Бодлера нет, в сущности, ничего бодлеровского.

связь. Г. О. Винокур (1991: 30–31) приводит такие примеры из русской литературы: «*Сокровище* мое! Куда *сокрылось* ты?» (Сумароков); «Не находите ли, что *ясень* по-русски очень хорошо назван? Ни одно дерево так легко и *ясно* не сквозит в воздухе, как он» (Тургенев); «*Вешается* на шею женатому!! У!! *Повеса*, право, *повеса*» (Горький). «*Гнев*, – соображал он, – *прогневаться*, *огневаться*, – вот он откуда, *гнев*, – из *огня*! У кого *огонь* в душе горит, тот и *гневен* бывает, А я бывал ли *гневен*-то? Нет во мне *огня*» (Горький). Излишне повторять, что между словами *гнев* и *огонь*, *сокровище* и *сокрылось*, *ясень* и *ясно* нет никакой этимологической связи. Слова сближаются в силу исключительно звукового сходства, а это сходство влечет за собой смысловую эквивалентность и тем самым порождает новые смыслы: *гнев* переосмысливается в отношении к «огню» как нечто опасное, *сокровище* в отношении к «сокрылось» – как нечто потаенное, *ясень* в отношении к «ясно» – как нечто прозрачное и т. п.[83]

Так приходим к принципиальным выводам.

- В антропоцентрическом подходе основу исследования образует не язык вообще, а человек в языке.
- В качестве эмпирических объектов анализируемые языковые произведения подлежат изучению не только в отношении к функциональной системе языка, но еще и в отношении к индивидуальным способам ее использования.
- Индивидуальное словоупотребление можно проверять и на соответствие «системе обязательных реализаций»[84] в приложении к литературному языку, и на соответствие социальному и региональному варьированию в приложении к социолекту и диалекту, а в отклонениях от некоторой возведенной в абсолют нормативной системы – усматривать специфику индивидуального стиля.
- В приложении к литературным произведениям отличительными свойствами идиолекта служат самые различные факторы: словоупотребление, построение фразы, излюбленные тропы и фигуры, круг избираемых мотивов и тем, строение сюжета, словом всё, что характеризует индивидуально-авторскую манеру письма на фоне существующей литературной традиции как стиль Флобера, Бальзака, Достоевского, Хлебникова…
- В пределе индивидуально-авторская манера письма является не только вопросом техники, но и в*и*дения вещей (М. Пруст).

[83] По установленному по случаю квалифицирующему признаку образуются классы ad hoc; причем такие новообразованные семантические классы [→ Семантический класс], пусть и не совпадают ни с одним из известных в языке системных классов, служат специфическим инструментом познания.

[84] Тому, «что уже “сказано” и что по традиции “говорится”» (Косериу 1963: 175).

Барт Р. Разделение языков // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 519–534.
Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 171.
Виноградов В. В. О художественной прозе // О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–175.
Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991.
Степанов Ю. С. Язык художественной литературы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 608–609.
Barthes R., La notion d'idiolecte : premières questions, premières recherches, *Œuvres complètes*, Paris, Seuil, 1993–1995, t. 2, p. 1275–1277.
Ducrot O., Todorov T., Idiolecte, *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Seuil, 1972, p. 79–80.

Изотопия. — Понятие изотопии характерно преимущественно для европейской, прежде всего французской семантики [→ Семантика]. С легкой руки А.-Ж. Греймаса данное понятие вводится в научный обиход в качестве необходимого и чуть ли не единственно возможного инструментария для изучения семной комбинаторики [→ Компонентный анализ, Семный анализ] в анализируемых языковых произведениях, прежде всего высказываниях и текстах [→ Текст].

Под изотопией понимают воспроизводство общих компонентов значения (сем) в составе двух и более семем. Минимальной изотопией при этом признают последовательность из двух семем, содержащих какой-то общий семантический признак, а минимальным контекстом [→ Контекст], позволяющим установить элементарное отношение изотопии – синтагму. Например, в высказывании *l'eau coule* «вода течет» 'eau' *вода* и 'coule' *течет* образуют минимальную изотопию по общему видовому признаку /текучесть/. Высказывание *l'eau chante* «вода поет» признается, напротив, аллотопным [→ Аллотопия], поскольку входящие сюда семемы не только не имеют общих сем, но и содержат к тому же несовместимый родовой признак: /неодушевленный/ *vs* /одушевленный/.

Необходимым и достаточным условием построения изотопии служит, таким образом, отношение эквивалентности между двумя и более семемами, установленное по тождеству между образующими их семами: напр. 'вода' /текучесть/ ≅ 'течет' /текучесть/.

Изотопия как избыточность. Как следует из ранних определений, изотопия коррелирует с избыточностью. Ср. «Под изотопией мы понимаем *избыточную* совокупность семантических категорий» (Greimas 1966: 30); «Под изотопией обычно понимают "пучок *избыточных* семантических категорий"» (Greimas 1970: 10); «Изотопию образует *избыточность* лингвистических единиц <…> плана выражения и плана содержания» (Arrivé 1973: 54).

Определяя избыточность в терминах теории информации, нельзя действительно не признать, что вероятность появления в сообщении единиц вроде букв или звуков в естественных языках настолько велика, что невозможно найти язык, который не был бы так или иначе избыточным. По подсчетам специалистов избыточность русского языка, например, достигает 40%, английского и французского – 55%, а в некоторых других языках доходит чуть ли не до 70% (Дюбуа и др. 1986: 74–79; Моль 1966: 83–85, 92).

Разумеется, по количеству информации на символ единицы выражения и содержания различны, но избыточность субстанции содержания остается вместе с тем достаточно большой. В этой связи нельзя не задаться вопросом, какую семантическую избыточность принимать во внимание, а какой пренебрегать? Например, надо ли учитывать в интерпретации [→ Интерпретация], замечает Ф. Растье, такой бесспорный факт, что первое и последнее слово в романе Ф. Саган «Смутная улыбка» содержат сему /множественность/ (Растье 2001: 115–116). Без критерия релевантности здесь не обойтись [→ Релевантности критерий]. Руководствуясь таким критерием, учитывать в микросемантическом анализе следует не случайную, вероятностно статистическую, а только релевантную семную итерацию. Так регистрируемая в связи с изотопией (изосемией) избыточность приводится в соответствие с семантическим согласованием[85], семантической связностью [→ Когезия] и в целом пониманием анализируемого языкового произведения.

Изотопия как семантическая связность. Всякая языковая последовательность, будь-то высказывание или текст, изотопна в той мере, в какой стремится к связности[86], аллотопна – в какой от нее уклоняется. Взяв в качестве примера франц. *boire* «пить», представители льежской группы μ констатируют, что данный глагол может сочетаться вероятнее всего с прямым дополнением в значении «жидкость»: напр. *un verre d'eau* в выражении *boire un verre d'eau* «выпить стакан воды». В противном

[85] Отчасти сходным с грамматическим согласованием в определении Ш. Балли: «…чтобы одно и то же понятие было выражено в одной и той же синтагме два или несколько раз» (Балли 1955: 169 и сл.; ср. Гак 1972: 379).
[86] Ср. «…текст семантически связен, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары синтаксически связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связен» (Апресян 1995, 1: 14–15; ср. Гак 1972; он же 1977: 23).

случае приходится констатировать если не порчу языка, то отклонение от правил сочетаемостных ограничений [→ Сочетаемостных ограничений правила]: ср. франц. *toute honte bue* «выпив всякий стыд» (Дюбуа и др. 1986: 76–77).

Скорректировать нарушенную семантическую связность можно, согласимся, только путем преобразования аллотопии в изотопию. В качестве примера возьмем *le soleil noir de la mélancolie* «черное солнце меланхолии» из сонета Нерваля *El Desdichado* (1853). В тривиальном толковании это выражение аллотопно. Чтобы понять, не остается ничего другого, как найти хоть какой-то общий афферентный признак, по которому можно установить отношение изотопии между несовместимыми семемами: ‘soleil’ *солнце*, ‘noir’ *черное* и ‘mélancolie’ *меланхолия*. Кроме уравнительного контекста в виде синтаксической конструкции N_1 *de* N_2 [→ Ограничитель], весьма уместным здесь оказывается и символическое значение *черного солнца* как антитезы *полуденного солнца*: ‘черное солнце’ → «катастрофа», «смерть», «потусторонний мир»; ‘полуденное солнце’ → «торжество жизни», «посюсторонний мир». В конечном счете, именно такое нетривиальное значение и объясняет, почему в сонете на смерть возлюбленной ‘soleil noir’ *черное солнце* сочетается с ‘mélancolie’ *меланхолия*, а также ‘desdichado’ *обездоленный*, ‘ténébreux’ *темный*, ‘veuf’ *вдовец*, ‘inconsolé’ *безутешный*, ‘Achéron’ *Ахерон* и ‘Orphée’ *Орфей*. Рекуррентным семантическим признаком, по которому устанавливается в контексте изотопия, является /дисфория/.

Изотопия как условие понимания. Формулируемый в связи с изотопией закон связности отвечает, кроме того, оптимальным условиям толкования[87] – «осмысления», «прочтения», «единообразного прочтения нарратива» (Greimas 1966: 30, 69; 1970: 188; ср. Arrivé 1973; Дюбуа 1986: 73; Pottier 1974: 326; Rastier 1972).

Убедительным тому свидетельством служит хотя бы идентификация семем в полисемных означающих. Например, во французском выражении *je vole* допускаются разные толкования в зависимости от того, какое значение принимает глагол *voler*: «летать» или «красть», «воровать». Отсюда игра слов в крылатой фразе, сказанной по поводу Наполеона III, конфисковавшего имущество представителей Орлеанского дома: *C’est le premier vol de l’aigle*. В сочетании *vol de l’aigle* «полет орла» нет, казалось бы, никакой двусмысленности [→ Неоднозначные высказывания]. Руководствуясь семантической компетенцией, нельзя установить принципиальное его отличие от сочетания *vol du coucou* «полет кукушки». Между тем в символическом толковании «хищная птица семейства ястребиных» соотносится с императором всех французов.

[87] Ср. в этой связи определение семантической связности как закона, регулирующего понимание: «…выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» (Апресян 1995, 1: 14).

Отсюда возможные прочтения-толкования.

(1) *Это первый полет орла*. Между семемами ‘vol’ *полет* и ‘aigle’ *орел* устанавливается отношение изотопии: (i) по родовому признаку /птица/, который актуализируется в ‘vol’ *полет* в контексте « aigle » *орел*; (ii) по видовому признаку /передвижение по воздуху/, который актуализируется в ‘aigle’ *орел* в контексте « vol » *полет*. Указанные семантические признаки являются в обоих случаях ингерентными.

(2) *Это первая кража орла*. Между семемами ‘vol’ *кража* и ‘aigle’ *орел* устанавливается отношение изотопии по видовому признаку /хищный/, который актуализируется в ‘vol’ *кража* в контексте « aigle » *орел*.

(3) *Это первый полет императора*. Между семемами ‘vol’ *полет* и ‘aigle’ *орел* (в значении «император») устанавливается отношение изотопии по афферентному видовому признаку /имперский/, который актуализируется в ‘vol’ *полет* в контексте « aigle » *орел* (в значении «император»). При этом актуализация афферентного родового признака /человек/ в ‘aigle’ *орел* (в значении «император») сопровождается нейтрализацией ингерентного родового признака /птица/.

(4) *Это первое воровство императора*. Между семемами ‘vol’ *воровство* и ‘aigle’ *орел* (в значении «император») устанавливается отношение изотопии по видовому признаку /противоправное действие/, который актуализируется в ‘aigle’ *орел* (в значении «император») в контексте « vol » *воровство*. В качестве агенса противоправного действия ‘aigle’ *орел* (в значении «император») получает в итоге негативную оценку [→ Оценка].

Иерархия изотопий. При интерпретации полиизотопных текстов возникает нередко вопрос, какая из построенных в микросемантическом анализе изотопий является более, а какая менее значимой для понимания анализируемого произведения. Руководствуясь количественным критерием, за главную можно принять изотопию, которая представлена наибольшим числом семем (Van Dijk 1972: 202).

Количественные показатели позволяют действительно установить степень плотности или разреженности изотопии, но вряд ли смысловую, эстетическую, этическую или какую-то иную ее ценность. Недаром многие авторы отдают предпочтение скорее качественным, нежели количественным критериям (Rastier 1972: 88, 95–96), а основной считают такую изотопию, которая согласуется с аксиологическими установками интерпретатора, стремлением истолковать анализируемое произведение в социологическом, мифопоэтическом, морально-

этическом, психоаналитическом или каком-то другом «контексте мнения» [→ Аксиология].

Типология изотопий. В классификации Ф. Растье изотопии различаются по (i) типу рекуррентного семантического признака, (ii) протяженности и (iii) дистрибуции семем[88].

Остановимся подробнее на каждом из указанных критериев.

(i) *По типу семантического признака*. По семантическому признаку, участвующему в построении изотопии, различают *видовые* и *родовые*, *ингерентные* и *афферентные* изотопии. Видовые изотопии образуются по рекурренции видовых сем, родовые – по рекурренции родовых сем[89], ингерентные – по рекурренции ингерентных сем, афферентные изотопии – по рекурренции афферентных сем.

Например, в разбираемом выше высказывании *C'est le premier vol de l'aigle* семемы 'vol' *полет* и 'aigle' *орел* входят в отношения изотопии:

– по ингерентному родовому признаку /птица/, актуализируемому в 'vol' *полет* в контексте «aigle» *орел*;
– по ингерентному видовому признаку /передвижение по воздуху/, актуализируемому в 'aigle' *орел* в контексте «vol» *полет*;
– по афферентному видовому признаку /имперский/, актуализируемому в 'vol' *полет* в контексте «aigle» *орел* (в значении «император»).

(ii) *По протяженности*. По распространению в тексте различают *локальные* и *глобальные* изотопии. По сравнению с локальными изотопиями глобальные изотопии имеют несравнимо бо́льшую протяженность. Например, в знаменитом романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» изотопия призвания оказывается настолько глобальной, что роман определяют в предельно общем виде как риторическую амплификацию: *Марсель становится писателем* (Женетт 1998, 2: 68; ср. Fontanille 1999: 6).

(iii) *По дистрибуции семем*. По тактическому критерию, учитывающему диспозицию семем, изотопии могут быть *чередующимися* или

[88] В качестве основания типологии могут избираться, впрочем, и другие критерии. Наряду с указанными типами во французской семантике различают также семантические, фонетические, стилистические, нарративные (Kerbrat–Orecchioni 1976), денотативные и коннотативные (Arrivé 1973; Greimas 1970: 93–102), тематические и фигуративные, глубинные и поверхностные изотопии (Greimas 1970, Greimas et Courtés 1979).

[89] По «таксономической глубине» родовые изотопии подразделяют, кроме того, на микро-, мезо- и макрородовые изотопии. Например, 'вилка' и 'нож' входят в отношение микрородовой изотопии по микрородовому признаку /столовый прибор/, мезородовой изотопии – по мезородовому признаку /питание/, макрородовой изотопии – по макрородовому признаку /неодушевленный/.

пересекающимися, т. е. образовывать обособленные или необособленные последовательности семем.

В полиизотопных текстах не исключаются, кроме того, и случаи, когда одни и те же означающие соотносятся одновременно с разными изотопиями. Такие изотопии называют *взаимно наложенными*. Примечательной тому иллюстрацией служит ныне классический пример А.-Ж. Греймаса: *Le chien du commissaire aboie* «Собака комиссара полиции лает» (Greimas 1966: 72; ср. Растье 2001: 191–193). По свидетельству французского семантика, *chien* «собака» может означать в разных прочтениях как «домашнее животное семейства хищных млекопитающих», так и «секретарь»: (1) *Собака комиссара полиции лает* и (2) *Секретарь комиссара полиции кричит*. В изотопии$_1$ в семемах 'chien' *собака* и 'aboie' *лает* актуализации подлежит ингерентный признак /животное/, в изотопии$_2$ – афферентный признак /человек/[90].

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Изотопный анализ – необходимый инструментарий для изучения семной комбинаторики в высказываниях и текстах.
- Отношение изотопии устанавливают между двумя и более семемами.
- Семемы входят в отношения изотопии – вне зависимости от синтаксических отношений – при условии, если в них можно актуализировать в микросемантическом анализе хотя бы один общий семантический признак.
- Изотопию (изосемию) нельзя отождествлять с семантической избыточностью. В отличие от избыточности это не случайная, а исключительно релевантная семная итерация.
- Изотопия строится по правилам семантического согласования.
- По актуализируемому рекуррентному признаку изотопии могут быть родовыми или видовыми, ингерентными или афферентными. Родовые изотопии образуются по рекурренции родового признака, видовые – по рекурренции видового признака, ингерентные – по рекурренции ингерентного признака, афферентные – по рекурренции афферентного признака.
- По диспозиции в тексте изотопии могут быть чередующимися, пересекающимися или взаимно наложенными.
- По протяженности в тексте изотопии могут быть локальными или глобальными.

[90] В отличие от изотопии$_1$ семемы изотопии $_2$ нелексикализованы. Поэтому обосновать изотопию$_2$ можно только при наличии прагматического контекста в функции интерпретанта [→ Интерпретант]. За отсутствием такого контекста нельзя утверждать, что *chien* «собака» означает «секретарь», *aboie* «лает» – «кричит».

- Руководствуясь количественным критерием, установить в микросемантическом анализе можно только плотность или разреженность изотопий, но не складывающуюся между ними иерархию.
- Чтобы понять, какая из построенных изотопий является более, а какая менее значимой в ценностном отношении, количественные данные должны быть преобразованы в качественные данные.
- Установить иерархию изотопий можно только относительно какой-то установки мнения.
- Построение изотопии равнозначно пониманию.
- В «предпонимании» (М. Хайдеггер) изотопию устанавливают не по рекурренции априори данных семантических признаков, а по «презумпции изотопии» (Ф. Растье), позволяющей актуализировать такие, а не какие-то другие компоненты значения.
- Презумпция изотопии зависит от избираемой в интерпретации стратегии.
- Именно стратегия задает формат толкования: как идентификацию семем, так и устанавливаемые между ними отношения изотопии.
- Изотопные отношения между семемами могут устанавливаться в микросемантическом анализе:

– от ингерентной семы одной семемы к ингерентной семе другой семемы,
– от ингерентной семы одной семемы к афферентной семе другой семемы,
– от афферентной семы одной семемы к афферентной семе другой семемы.

- О сложности построения изотопии можно судить по соотношению актуализируемых в микросемантическом анализе ингерентных и афферентных сем. Чем больше афферентных сем, тем сложнее процедура построения изотопии.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367–395.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Arrivé, M., Pour une théorie des textes poly-isotopes, *Langages*, 31, 1973, p. 53–63.

Greimas A.-J., *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966.

Greimas A.-J., *Du sens*, Paris, Seuil, 1970.

Klinkenberg J.-M., Le concept d'isotopie en sémantique et en sémiotique littéraire, *Le français moderne*, 41, 3, 1973, p. 285–290.

Rastier F. Pour une systématique des isotopies // Greimas A.-J. (éd.)., *Essais de sémiotique poétique*, Paris, Larousse, 1972, p. 80–106.

Импликация. — В логическом исчислении высказываний под импликацией понимают операцию, связывающую два высказывания в более сложное высказывание с помощью связки *если...*, *то*. Символически импликацию записывают так: $A \rightarrow B$, где A обозначает антецедент, B – консеквент, а пропозициональная связка в виде стрелки – отношение импликации. Импликативное высказывание $A \rightarrow B$ читают: «A имплицирует (влечет) B».

Без понятия импликации не обходится и лингвистическая семантика [→ Семантика].

Рассмотрим наиболее характерные случаи.

Отношения импликации между семами. Отношения импликации между семами можно проиллюстрировать на примере отношений между разными видами родовых сем внутри той же семемы [→ Семный анализ]. Например, в семеме 'стул' микрородовой признак /мебель/ имплицирует мезородовой признак /предмет/, поскольку таксема //мебель// входит в семантическую область //предметы//; мезородовой признак /предмет/ имплицирует макрородовой признак /неодушевленный/, поскольку область //предметы// входит в семантическое измерение //неодушевленный//[91]. Импликация не ограничивается родовыми признаками. Некоторые видовые семы могут в свою очередь имплицировать другие видовые семы. Например, в семеме 'елка' афферентный видовой признак /Новый год/ имплицирует афферентные видовые признаки /подарки/, /праздничное настроение/ и т. п.

Отношения импликации между семемами. В отношениях между семемами различают кодифицированную и акцидентную импликацию. Например, импликация *муж* → *жена* (*жена* → *муж*) кодифицирована в системе языка[92], поскольку отраженный в словах опыт входит в лексикографическую дефиницию означенных понятий: мужчину называют *мужем* только по отношению к женщине, которая является ему женой (*женатый мужчина*), женщину – *женой* только по отношению к мужчине, который является ей мужем (*замужняя женщина*). Акцидентную импликацию устанавливают, напротив, только по условиям лингвистического и/или прагматического контекста [→ Контекст]. Например, когда Гейне, говоря о тяготах школы, ставит *побои* между *латынью* и *географией* (ср. *латынь,*

[91] Указанная импликация является заведомо односторонней. Если стулья суть предметы для сидения, предметы для сидения суть предметы мебели, из этого не следует в обратном порядке, что предметы мебели суть обязательно предметы для сидения, а предметы для сиденья суть обязательно стулья.

[92] Импликации такого рода совпадают со схоластической трактовкой коннотации [→ Коннотация] как отсылки ко второму обозначаемому – относительного термина к корреляту денотируемого им объекта (Пирс 2000, 2: 186).

побои и география), нам приходится, поясняет Фрейд, распространить отношение ученика к побоям на изучаемые в школе предметы на основании такой импликации: *латынь → побои*, *география → побои* (Фрейд 1998: 84). В отличие от первой, семантической, это прагматическая импликация[93].

Отношения импликации между высказываниями. В отношениях между высказываниями импликацию нередко сводят к причинно-следственной связи и тем самым ограничивают одним из возможных ее видов – каузальной импликацией: $A \perp B$. Например, между высказываниями (1) *Мэри дала Джону миллион долларов* и (2) *Он купил себе новую машину* можно без труда усмотреть взаимосвязь и соответственно объединить их в сложное высказывание: *Джон купил себе новую машину*, *потому что Мэри дала ему миллион долларов* (Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: 39). Напротив, из высказываний (1) *Мэри дала Джону миллион долларов* и (2) *Она навестила свою тетушку в Милуоки* нельзя, полагают авторы, построить «причинную цепочку», поскольку между ними нет вообще никакой причинно-следственной связи.

В речевом обиходе связь высказываний устанавливают, однако, не по правилам формальной логики, а на основе складывающихся в контексте семантических отношений. Поскольку прагматическая импликация не является жесткой, можно вообразить и такую ситуацию, в которой Мэри даст Джону миллион долларов после того, как навестит тетушку в Милуоки, или навестит тетушку в Милуоки, если даст Джону миллион долларов[94]. В обоих случаях p имплицирует q, если q выводится из p в заданном прагматическом контексте.

Так приходим к следующим выводам.

- Импликация отражает внутренние связи между анализируемыми выражениями как отношение между антецедентом A и консеквентом B.
- Истинность импликации зависит от истинности антецедента и консеквента.
- В семантическом анализе отношения импликации могут устанавливаться между семами, семемами и высказываниями.
- Отношения импликации между семами, семемами и высказываниями могут быть кодифицированными или случайными.

[93] Некоторые авторы, в том числе П. Ф. Стросон (1982: 68), К. С. Доннелан (1982: 137–140, 147) и др., уподобляют импликацию пресуппозиции [→ Пресуппозиция]. Имплицировать для них значит просто «подразумевать». Различие этих понятий можно обозначить следующим образом: связь с контекстом (и в целом с опытом) образует прагматическую пресуппозицию, а отношение этой пресуппозиции к анализируемому высказыванию – прагматическую импликацию данного высказывания [→ Прагматика].

[94] Импликация меняется в зависимости от порядка следования – от того, какое из высказываний избирается в качестве антецедента и консеквента. Ср. широко известный пример: (1) *Они поженились. У них родилось много детей* и (2) *У них родилось много детей. Они поженились.*

- Кодифицированная импликация задается семантической компетенцией, акцидентная – прагматической компетенцией.
- Отношения импликации между высказываниями выстраиваются по типу силлогистической фигуры классической логики.
- Импликацию можно рассматривать в качестве необходимой операции интерпретации [→ Интерпретация], если установленные при ее посредстве смысловые связи способствуют адекватному пониманию анализируемой языковой последовательности.

Гладкий А. В. О значении союза *если* // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 35. М.: Языки русской культуры – Русские словари, 1997. С. 153–183.

Кондаков Н. И. Импликация // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 192–195.

Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследования оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.

Mazaleyrat, J., Molinié, G., Implication, in *Vocabulaire de la stylistique*, Paris, P.U.F., 1989, p. 177.

Roggero J., Implication, in Mounin G., *Dictionnaire de la linguistique*, Paris, P.U.F., 1974, p. 169.

Интенсионал. — Под интенсионалом обычно понимают значение языковых выражений, установленное вне зависимости от экстенсии на основе самих выражений[95]. Интенсионал противостоит экстенсионалу

[95] В качестве языкового значения интенсионал задается, по определению К. И. Льюиса, отношениями данного языкового выражения к другим языковым выражениям. Ср. «Языковое значение – это интенсионал, конституируемый моделью отношения дефиниции и иных аналитических отношений данного выражения к другим выражениям» (Льюис 1983: 221). К. И. Льюис приводит такой весьма убедительный пример. Если кому-нибудь захотелось бы усвоить значение какого-то французского слова с помощью французского толкового словаря, ему пришлось бы при недостаточном знании языка устанавливать, пока не воссоздастся в исчерпывающей полноте все отношения данного слова с другими словами, все значения пояснительных слов [→ Значимости теория]. Так человек создал бы довольно хорошую модель языковых отношений между данным словом и другими словами, но, вероятно, никогда не узнал бы, что означают эти слова. Поэтому наряду с языковым значением К. И. Льюис определяет интенсионал и как смысловое значение. Ср. «Смысловое значение – это интенсионал, взятый как некоторый мыслительный критерий, с помощью которого возможно установить, приложимо или нет конкретное выражение к конкретным предметам и ситуациям. Тот, кто окажется в состоянии употреблять или отвергать некоторое выражение правильным образом во всех возможных обстоятельствах, будет в совершенстве владеть смысловым значением» (Льюис 1983: 221).

[→ Экстенсионал] как смысл – значению [→ Смысл и значение], сигнификат – денотату. От того, чему дается предпочтение, зависит не только различие между интенсиональной и экстенсиональной семантикой [→ Семантика], но и решение таких основополагающих вопросов теории языка, как существование, истина [→ Истина и правдоподобие], тождество и подобие, связь языка и действительности...

Различие между интенсионалом и экстенсионалом принципиально для семантической интерпретации [→ Интерпретация] языковых произведений – высказываний и текстов [→ Текст]. Но если определять семантические признаки интенсионально, можно ли вообще их идентифицировать? Такой вопрос возникает нередко в связи с определением ощущений. Например, чтобы определить рус. *кислый* или франц. *aigre*, словарные дефиниции предлагают обратиться к внеязыковым объектам, напр. лимону, кислым щам или прокисшему вину, для которых это свойство является присущим[96].

Указание на внеязыковой объект с целью идентифицировать анализируемое свойство – аппроксимация к тому, что называют эмпирическим опытом. Но даже в этом случае пресловутое «чувство реальности» подсказывает, что в таких разных объектах, как лимон, кислые щи и прокисшее вино, свойство кислоты проявляется по-разному и что некоторые индивидные объекты не обладают этим свойством в полной степени[97]. К тому же кислым может быть в языке не только лимон, вино или квашеная капуста, но и выражение лица; причем без характерного для лимона или капусты привкуса[98].

Наряду с эмпирическим опытом носители языка руководствуются, безусловно, и устойчивыми семантическими стереотипами, сообразуясь с которыми семемы класса вкусовых ощущений взаимно определяются

[96] В таких случаях можно говорить о формальном следовании *S*-высказываний из *P*-высказываний (где *P* – высказывание вида *Это – лимон, S* – условное высказывание о чувственных данных). По правилам импликации [→ Импликация] *S* логически следует из *P*, если *P* истинно.

[97] Поскольку квалифицирующие свойства не являются фиксированными, именные выражения интенсионально расплывчаты [→ Диффузные понятия]. В определении А. Папа, интерпретировать их следует как вероятностную импликацию: *термин T означает свойство P со степенью x* (Пап 2002: 297–298, 315–316). Вместе с тем, не может не признать аналитик, «несмотря на интенсиональную расплывчатость терминов *лимон* и *плод*, ядра (если можно так выразиться) интенсионалов этих терминов достаточно определенны, чтобы иметь право сказать: высказывание *x – лимон* логически влечет высказывание *x – плод*» (Пап 2002: 316).

[98] В этом случае ‘лицо’ определяется в метафорической проекции [→ Метафора] в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для элементов другой концептуальной области, в том числе ‘вино’, ‘щи’, ‘капуста’.

так, что ‘кислый’ противопоставляется в языке семемам ‘сладкий’, ‘горький’ или ‘пресный’ [→ Семный анализ, Семантический класс]. При этом приписать то или иное свойство какому-то обозначаемому словом объекту можно с высокой степенью вероятности только при условии знания условий употребления[99]. Так интенсия высказывания, или его смысл, определяется как функция от контекстов употребления к свойствам обозначаемых словами реалий.

Установка на интенсионал тем более адекватна для смещенного словоупотребления, когда объект именуется «чужим» именем [→ Вторичная номинация] или ему приписывается «чужой» предикат. Например, в высказывании *le fleuve saigne* «река кровоточит» (Ф. Мориак) интенсиональной предикат приписывается объекту, входящему в таксономическом определении в иной семантический класс [→ Семантический класс]. Чтобы устранить аллотопию [→ Аллотопия], «странное» выражение можно, разумеется, перифразировать в выражение вида *река красная как кровь* и тем самым скорректировать нарушенную семантическую связность [→ Когезия]. Но такого рода преобразование ничего, в сущности, не меняет, а только еще раз подчеркивает несуразность исходной дескрипции. В жесткой референции [→ Референция] к объектам действительного мира полностью исключается всякая реидентификация, разве только предположить какой-то возможный мир [→ Ассумптивный универсум], в котором река и в самом деле кровоточит. Таким миром оказывается мир художественной литературы и в целом языка. Именное выражение не утрачивает здесь функции указания, но чтобы совершить референцию к объекту, с которым совместим указанный предикат, необходимо примкнуть к соответствующей установке мнения, по которой «странное» сочетание если не истинно [→ Истина и правдоподобие], то хотя бы сообразно для определения того, что называют в этом мире рекой[100].

Так смысл анализируемого выражения определяется как функция (интенсия выражения) от возможного мира, каким является мир литературного произведения, к определенным его объектам (экстенсия выражения).

[99] Сообразуясь с таким определением, придать определенное значение какому-то языковому выражению значит приписать носителям языка определенную *предрасположенность* к определенному употреблению данного выражения (Пап 2002: 299).

[100] Ср. «*Интенсионал пропозиции* включает в себя все, что вытекает из пропозиции; он охватывает все, что должно быть истинным относительно любого возможного мира, с тем чтобы пропозиция могла быть приложима к такому миру, т. е. была бы истинна относительно этого мира. Именно этот смысл <…> и является фундаментальным » (Льюис 1983: 218).

Логический анализ языка: Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.
Льюис К. И. Виды значения // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 211–224.
Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследования оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.
Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Интерпретант. — В наиболее общем определении интерпретант – это то, что позволяет понять, что значит для воспринимающего субъекта какая-то данная в ощущениях вещь, а в специально-научном – избираемый в качестве условия понимания фактор значения [→ Значения «значения»].

В зависимости от формата толкования под интерпретантом можно понимать и отношение знака [→ Знак] к вещи, и аппроксимацию к эмпирическому опыту, и лингвистический и/или прагматический контекст [→ Контекст], и даже предрассудки, установки мнения и интенциональные состояния. В экстенсиональной теории значения это отношение имени к реалии[101], в структурной семантике – отношения между знаками, в условно-истинностной семантике [→ Семантика условно-истинностная] – стандартные условия истинности, в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] – когнитивные аналоги знания, в феноменологии – всеохватывающий горизонт «жизненного мира», в который мы вживаемся и на котором только и можем понять, что означают для нас все лежащие внутри этого горизонта вещи.

Каким бы ни было решение, под «интерпретант» можно, таким образом, подвести самые разнообразные факторы значения вплоть до сведений об эпохе, дискурсе [→ Дискурс], жанре, условиях создания произведения и современной его рецепции, лишь бы эти факторы позволяли установить, что значит для интерпретирующего субъекта анализируемое выражение – слово, высказывание или текст [→ Текст].

Не вдаваясь в рассуждения, насколько эффективны в качестве интерпретантов те или иные факторы значения, попытаемся их обобщить в виде внутритекстовых и затекстовых, семантических и прагматических интерпретантов.

Внутритекстовые и затекстовые интерпретанты. В зависимости от заданной в толковании рамки в интерпретации [→ Интерпретация] можно различать внутритекстовые и затекстовые интерпретанты.

[101] По сути, референция [→ Референция].

Внутритекстовыми интерпретантами служат отдельные места того же текста[102], затекстовыми – возникающие в ходе прочтения параллели и переклички с другими текстами[103].

В качестве примера возьмем такое развернутое высказывание из романа Ф. Мориака « Le Sagouin » *Мартышка* (1951): *Et puis ce mariage, c'était une porte, croyait-elle, ouverte sur l'inconnu, un point de départ vers elle ne savait quelle vie. Elle n'ignore plus aujourd'hui que ce qu'on appelle un milieu fermé, l'est à la lettre : y pénétrer semblait difficile, presque impossible ; mais en sortir !* В ближайшем контексте замужество главной героини, Поль Мельер, уподобляется ведущей неведомо куда двери: 'mariage' *замужество* ≈ 'porte' *дверь*. В тривиальном толковании такое определение аллотопно [→ Аллотопия]. Чтобы скорректировать нарушенную семантическую связность [→ Когезия], читателю не остается ничего другого, как релятивизировать истинностное значение относительно заявленной установки мнения (*croyait-elle* «ей казалось»), а затем только решать, что может быть общего между замужеством и ведущей в неизвестность дверью.

С расширением контекста читатель к тому же узнает, что среди причин, побудивших выйти замуж за барона Галеа де Серне, фигурирует также *curiosité* «любопытство», любопытство приоткрыть, а точнее взломать запретную дверь: *La curiosité peut-être, le désir de forcer l'entrée d'un milieu interdit...* Интерпретирующими свойствами здесь наделяется не только ближайшее лексическое окружение, но и устанавливаемые при его посредстве параллели с другими текстами, построенными по сходной пропозициональной модели[104]. Как и в других подобных случаях, любопытство сопрягается по типу каузальной импликации [→ Импликация] с запретом, нарушением запрета, а затем и наказанием как необходимым своим следствием. Так интерпретирующим контекстом становится интертекст [→ Интертекст].

Семантические и прагматические интерпретанты. Наряду с лингвистическим контекстом в качестве интерпретанта может функционировать и широкий прагматический контекст. Причем образуют его не сами

[102] В согласии с положением типа «всё в тексте» или «текст должен быть понят из самого себя».
[103] В согласии с определением текста как монады, отражающей в пределе все тексты данной смысловой сферы (Бахтин 1979: 283) или положением типа «текст подлежит наблюдению не как законченный, застывший продукт, а как его производство, "включенное" в другие тексты (Барт 1978: 442–448).
[104] По такой модели, известной в фольклористике как мотив «запретного чулана» или «искушения запретной комнатой», выстраиваются, в частности, различные версии «Синей Бороды». Подробнее см.: *В. Я. Пропп*. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 140–145; J.-P. Bayard, *Histoire des legendes*, Paris, P.U.F., 1961, p. 112–113.

по себе вещи, а ассоциируемые с ними представления. Так, возьмем пример К. Бюлера, когда в венском кафе официанту говорят: *einen schwarzen* или *schwarz* «черный», а затем добавляет *ohne* «без», тот без труда понимает, что речь идет о чашке кофе, а не о какой-то другой вещи черного цвета (Бюлер 1993: 141–144). Восполнить опущенные элементы позволяет прагматический контекст, а точнее: востребованные в контексте конвенциональные знания о том, что из заказываемых в заведении напитков черным может быть только кофе, что кофе подают с сахаром или без сахара[105].

В качестве прагматических факторов значения в толковании функционирует, по сути, любые фоновые знания [→ Фоновые знания]. Обратимся за очередным примером к А. С. Пушкину. В романе «Евгений Онегин» один из персонажей, сосед Ленского по деревне, характеризуется как *отец семейства холостой* (гл. 6, IV). С точки зрения формальной логики это противоречивая дефиниция. По определению отец семейства не может быть холостым, холостой – отцом семейства. Чтобы снять противоречие [→ Контрадикция], необходимо нейтрализовать контрарные признаки: /холостой/ – /женатый/. В этом случае одно из определений воспринимается в прямом, другое – в переносном смысле: ‘холостой’ (формально) – ‘отец семейства’ (фактически). Но чтобы быть уверенным в правильности перифразировки, без реконструкции культурно-исторической ситуации – того, что иногда называют «правильным историческим горизонтом» (Х. Г. Гадамер) – не обойтись. Ю. М. Лотман поясняет: «Несмотря на иронический характер, это выражение являлось почти термином для обозначения владельца крепостного гарема и могло употребляться в нейтральном контексте»[106]. И современники Пушкина не видели, стало быть, противоречия; и не было никаких сложностей для понимания: коль скоро помещик владеет крепостными, то вправе ими распоряжаться, оставаясь при этом «честным и хорошим человеком», по своему усмотрению вплоть до создания гарема из крепостных девок.

Так приходим к следующим выводам.

- Выбор интерпретанта зависит от исследовательской позиции, от того, как понимается исследуемое значение и какой избирается для его анализа формат толкования.

[105] Такие фоновые знания задаются в терминах социальных конвенций [→ Нормы социальные], глобальных прагматических пресуппозиций [→ Пресуппозиция], гештальтов, фреймов, идеализированных когнитивных моделей [→ Идеализированные когнитивные модели] и т. п. Но в каких бы терминах не задавались эти знания, очевидно одно: подобные знания суть необходимые для понимания «выводные схемы».

[106] *Ю. М. Лотман.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. С. 289.

- В экстенсиональном определении [→ Экстенсионал] интерпретантом знака может быть только отношение к обозначаемой им реалии, в интенсиональном [→ Интенсионал] – отношение к другим знакам внутри анализируемой языковой последовательности и даже за ее пределами.
- В зависимости от рамки интерпретации можно различать внутритекстовые и затекстовые интерпретанты, в зависимости от типа интерпретирующей компетенции – семантические и прагматические интерпретанты.
- В качестве интерпретанта могут привлекаться любые фоновые знания, лишь бы эти знания способствовали выводу смысла, а их интеграция уточняла инструкции интерпретации, на основе которой актуализируются те или иные компоненты значения.
- В микросемантическом анализе [→ Семный анализ] интерпретант позволяет идентифицировать семему (в отношении морфемы и слова) или построить изотопию (в отношении высказывания и текста).
- Отношение между идентифицируемой семемой и ее интерпретантом задается разными систематиками, в том числе системой языка и прочими социальными и даже идиолектными нормами. Установить это отношение лингвистическая семантика в состоянии разве только по засвидетельствованному в языке словоупотреблению.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Eco U., *Sémiotique et philosophie du langage*, Paris, PUF, 1988.
Eco U., *Les limites de l’interprétation*, Paris, Bernard Grasset, 1992.

Интерпретации операции. — В качестве процедурного знания операции интерпретации зависят от формата толкования. В микросемантическом анализе [→ Семный анализ] их определяет тип интерпретации [→ Интерпретация].

Во внутритекстовой интерпретации прибегают, в частности, к таким операциям.

(i) *Анализ*. Содержание семемы записывают в виде семем, помечающих определенные семы данной семемы. Например, содержание англ. ‘bachelor’ *холостяк* записывают как /человек/, /мужчина/, /взрослый/, /неженатый/.

(ii) *Сохранение*. Содержание семемы «на выходе» целиком и полностью совпадает с содержанием семемы «на входе». Например, в высказывании *Так и не женившись, он жил холостяком* семему ‘холостяк’ представляют в виде набора изначально заданных сем: /человек/, /мужчина/, /взрослый/, /неженатый/.

(iii) *Конденсация*. Несколько семем «на входе» записывают в виде одной семемы «на выходе». Напр. *закат жизни* истолковывают как «старость».

Затекстовую интерпретацию характеризуют в свою очередь такие операции.

(iv) *Транспозиция*. По сравнению с семемой «на входе» семема «на выходе» содержит как минимум одну общую и одну отличную сему. Например, *набалдашник*, *усики кверху* и *ланцет* из рассказа Зощенко «Операция» (1927) наделяются в психоаналитической интерпретации афферентным признаком /фаллический/ (Жолковский 1999: 24).

(v) *Субституция*. В семеме «на выходе» нет ни одной общей семы с семемой «на входе». Например, разбирая сонет Стефана Малларме « Pour des Esseintes », Ю. Кристева преобразует *Hyperbole* в *I-père-bol*, а новообразованным семемам ‘père’ *отец* и ‘bol’ *чашка* приписывает вне какой-либо связи с ‘Hyperbole’ *гипербола* афферентные признаки /конфликт/, /отрицание власти/ и т. п. (Kristeva 1974: 243; ср. Растье 2001: 239–240).

(vi) *Погашение*. Семема «на входе» утрачивается «на выходе». Например, обратившись к поэме П. Валери «Морское кладбище»[107], У. Эко поясняет, как устанавливаются в читательском восприятии отношения эквивалентности между ‘toit’ *крыша* и ‘mer’ *море*, ‘colombes’ *голуби* и |‘voiles’| *парусники*, но ничего не говорит, как толковать ‘tombes’ *могилы* (Eco 1992: 154, 164).

(vii) *Добавление*. Семеме «на входе» не соответствует ни одна семема «на выходе». Например, в толковании упомянутого выше сонета Малларме ни одна из семем анализируемого текста не служит непосредственным тому подтверждением.

Внутритекстовая и затекстовая интерпретации отличаются, таким образом, по характеру совершаемых операций. Достоверность полученных результатов зависит при этом от того, насколько совпадают по содержанию семемы «на входе» и «на выходе»: чем больше расхождение, тем свободнее толкование[108].

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

[107] В частности, к первому четверостишию: *Ce toit tranqille, où marchent des colombes, / Entre les pins palpitent, entre les tombes; / Midi le juste y compose de feux / La mer, la mer, toujours recommencée* (« Cimetière marin »).

[108] Независимо от результатов затекстовая интерпретация может вместе с тем представлять не меньший интерес, чем внутритекстовая интерпретация.

Интерпретация. — Под интерпретацией обычно понимают приписывание значения какой-то анализируемой языковой последовательности, а под операциями интерпретации [→ Интерпретации операции] – правила и процедуры установления значения [→ Значения «значения»].

Какой бы ни была область применения, интерпретацией занимаются все отрасли гуманитарного знания – и философия, и история, и психология, и теория искусства, и литературная критика, и социология, и антропология, и лингвистика. Общей для всех без исключения дисциплин является установка на понимание, отличным – объект, задачи, методы и процедуры интерпретации. Перифразируя слова Фрейда в отношении психоанализа искусства, можно, таким образом, заключить: какой бы ни была предметная область, интерпретация призвана объяснить то, что требуется понять: исторический факт, сновидение, картину, литературный текст и т. д.[109]

Остановимся подробнее на интерпретации языковых произведений, которыми занимается по праву лингвистическая семантика [→ Семантика]. При общем, казалось бы, объекте предмет интерпретации задается в разных теориях по-разному, как если бы исследуемый объект – слово, высказывание или текст [→ Текст] – был пригодным только для проверки положений какой-то возведенной в абсолют теоретической системы. Сопоставив сложившиеся в научном обиходе подходы к значению, нельзя, в самом деле, не заметить, как меняется с исследовательской позицией формат толкования, способы постановки и решения задач. В бихевиористской модели, например, значение сводится к стимулу и/или реакции, в дескриптивной лингвистике – к дистрибуции и правилам сочетаемостных ограничений [→ Сочетаемостных ограничений правила], в структуралистской семантике соссюровского толка – к системе значимых противопоставлений, в условно-истинностной семантике [→ Семантика условно-истинностная] – к стандартным условиям истинности, в теории речевых актов – к намерениям и интенциональным состояниям, в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] – к ментальным репрезентациям вроде прототипов [→ Прототипов теория] и фреймов [→ Фрейм] [110].

Языковое значение коррелирует действительно и с обозначением, и с понятием [→ Концепт], и с представлением, и даже, вероятно,

[109] В этом смысле можно говорить о герменевтичности всех наук [→ Герменевтика].

[110] Каким бы ни был формат обработки языковых выражений, главное здесь не понять, насколько «верным» является то или иное решение, а установить, как зависят от исследовательской позиции содержание и способы представления значения, насколько совместимы разные подходы к значению и возможно ли вообще единство науки о значении.

с предрасположенностью слов служить стимулом к какому вербальному или невербальному действию, но востребованными в семантической интерпретации такие корреляты значения становятся лишь при условии, если преобразуются в семантические компоненты значения [→ Семный анализ].

Обратившись к интерпретации языковых произведений в виде засвидетельствованных в языке высказываний и текстов, нельзя к тому же не заметить, что помимо процедурного знания востребованными в толковании являются еще и разного рода фоновые знания [→ Фоновые знания]: знания об авторе [→ Автор], эпохе, дискурсе [→ Дискурс], жанре, культурно-исторической ситуации, условиях рецепции. Без таких знаний, пусть построить модель интерпретирующей компетенции по типу «глобальной энциклопедии» и невозможно (Eco 1988: 110–113), никак не обойтись. Понять, как интегрируются эти знания в толковании, можно по таким традиционным процедурам интерпретации, как расширение корпуса, обращение к прагматическому контексту и поиск кодов.

Остановимся подробнее на этих установках интерпретации.

Расширение корпуса. В имманентном анализе исследовательский материал ограничивается рамками внутренней структуры, а в качестве интерпретантов [→ Интерпретант] привлекаются отдельные места того же текста, как если бы разбираемый текст был не только объектом, но еще и инструментом собственной интерпретации. Текст функционирует в таком случае как активный контекст [→ Контекст]. В синтаксическом отношении этот контекст локализован (поскольку синтаксические отношения не выходят за рамки сверхфразового единства), а в семантическом – задается всем текстом и/или корпусом текстов (поскольку отношения между семемами могут устанавливаться в любой точке текста и даже за его пределами). Так задаются несколько зон интерпретации: ближний контекст, дальний контекст и интертекст [→ Интертекст].

В качестве примера возьмем эпизод с сооруженным из географической карты бумажным змеем в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В первом приближении значение всех входящих сюда лексических единиц исчерпывается словарной дефиницией. Из предлагаемых словарем толкований в ближайшем контексте отбирается в первую очередь такое значение, которое согласуется семантически с другими компонентами высказывания. В контексте «бумажный», «мочальный хвост» и «географическая карта» *змей* означает не что иное, как «приспособление из листа бумаги…, которое запускают на нитке в воздух» (С. И. Ожегов). Дальний контекст вносит, однако, свои коррективы. Детская шалость, напомним, оборачивается дальней дорогой, так что *бумажный змей* переосмысливается на фоне последующих событий как символический аналог судьбы – в отношении к выпавшим на долю Гринева испытаниям: *заснеженной степи*, *буре*, *Пугачеву*... По меткому определению А. Синявского, «руль поставлен и направлен: мыс Доброй Надежды <…> играет у Пушкина роль подсобной аллегории», предвосхищающей превращение оренбургской степи в «бурное море», кибитки в «корабль»[111], а самого Гринева в «человека судьбы» (Терц 1994). Причем такой поворот толкования становится возможным лишь при условии расширения активного контекста до размеров текста, а затем и корпуса более или менее сходных текстов[112]. Так поле интерпретации расширяется до текста, а затем и интертекста.

Обращение к прагматическому контексту. С расширением корпуса смыкается отчасти обращение к прагматической компетенции – «археологии знаний» (М. Фуко), «библиотеке» (У. Эко), «памяти культуры» (Ю. М. Лотман). Например, современному читателю невдомек, почему в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» сосед Ленского по деревне сравнивается с римским поэтом и как надобно понимать выражение *сажать капусту* в высказывании вида *Капусту садит*, *как Гораций* (гл. 6, VII). Действительно, почему Гораций, и почему сажает капусту, а не привычную для русской деревни картошку? В. Набоков поясняет: «На самом деле это – распространенный галлицизм *planter des (ses) choux*, означающий “жить в деревне”» (Набоков 1998: 442).

Стремление ограничиться семантической компетенцией иллюзорно. Прагматическая компетенция подключается на каждом этапе истолкования; причем не только в литературных произведениях, но и в повседневном межличностном общении.

В качестве примера возьмем такой разговор в общественном транспорте:

— *Который час?* (он)

— *Я счастливая* (она).

Правильное понимание входящих в высказывание слов не исключает неверной интерпретации[113]. Понять, почему на запрос информации

[111] Ср. *Кибитка тихо подвигалась, то въезжая в сугроб, то обрушиваясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю* (гл. II).

[112] В терминах московской семиотической школы из таких текстов складывается «основный текст» культуры, в данном случае текст судьбы. Ср. *В. Н. Топоров*. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. М.: Радикс, 1993; Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.

[113] Недаром, по справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, там, где перевешивает прагматическое содержание, требуется не только семантическая, но и прагматическая компетенция. «Понимание обеспечивается знанием значения слов и предложений (семантической компетенцией), интерпретация – знанием механизмов употребления языка (прагматической компетенцией). Объект понимания – величина постоянная. Интерпретация направлена на переменный смысл слов в высказывании и самих высказываний» (Арутюнова 1998: 184).

о времени суток случайная попутчица отвечает признанием в наилучшем расположении духа, можно только на фоне общеизвестной «крылатой» фразы: *Счастливые часов не наблюдают*. За отсутствием такого фона высказывание *Я счастливая* воспринимается как «аномальное» [→ Абсурдные высказывания], как не отвечающее требованиям «кооперативного» общения, соблюдение которых требуется, если верить Г. П. Грайсу, от участников коммуникации.

Без фоновых знаний не обойтись. И можно только посочувствовать, согласимся с Ф. Растье, тем, кому довелось изучать «сокращенный» иностранный язык по учебникам грамматики, а затем брать уроки по страноведению, дабы уловить нюансы смысла, на которых держится не только литературный текст, но и любой маломальский разговор (Растье 2001: 66, 272). Но как их тогда применять, как избежать многословной эклектики, дабы филологический анализ не превратился просто в приятную культурную прогулку по тексту? С привлечением необходимых знаний, как и с отказом от ненужных, встает действительно вопрос об условиях их применения. Поскольку задача интерпретации состоит не в изложении всевозможных толкований, а в уточнении условий их формирования, обращение к внешним факторам не только возможно, но оправдано и даже необходимо при условии, если они позволяют лучше понять смысл разбираемого высказывания или текста и, следовательно, выступают в функции интерпретантов. Релевантной [→ Релевантности критерий] может оказаться в таком случае любая информация, лишь бы она способствовала выводу смысла, а интеграция этой информации уточняла инструкции интерпретации, на основе которых актуализируются – при условии, конечно, если не воспрещаются контекстом – те или иные компоненты значения.

Поиск кодов. Поскольку в формировании смысла участвует не только система языка, но и другие виды кодирования [→ Интерсемиотичность], вывод смысла зависит напрямую от идентификации систем кодирования[114]. Весьма примечательно в этой связи название романа Стендаля « Le rouge et le noir » *Красное и черное*. В таксономическом определении ‘rouge’ *красное* и ‘noir’ *черное* дифференцируются по цветовым различиям: /краснота/ *vs* /чернота/, а в символическом – по ассоциируемому с каждым цветом роду деятельности: ‘rouge’ *красное* → /военный/ (в контексте « tenue militaire » *военная форма*) *vs* ‘noir’ *черное* → /священнослужитель/ (в контексте « soutane » *сутана*).

В поисках скрытого смысла, особенно когда анализируемому

[114] Отразить отношения между разнотипными систематиками может, очевидно, только общая семиотика [→ Семиотика].

произведению навязывают несвойственные для него виды кодирования, истолкование заходит нередко в тупик. Так, обратившись к сонету Малларме « Prose pour des Esseintes », Ю. Кристева, например, произвольно перифразирует начальное слово *Hyperbole* как « I-père-bol » (Kristeva 1974: 243). Анализируемое выражение разбивается на слоги, которые затем соотносятся по звуковой аналогии с символически значимыми в психоанализе понятиями. Если *père* «отец» ассоциируется с непререкаемым авторитетом «Сверх-Я», выражением которого считается по праву родительская власть, то *bol* «чашка» − с просторечным фразеологическим оборотом *en avoir ras le bol* «сыт по горло», имплицитно указывающим на восстание против авторитетной власти в рамках так называемого комплекса Эдипа. При этом внутреннее напряжение конфликтной ситуации аргументируется особым мускульным напряжением реализации гласной фонемы /i/. Поскольку содержание «на выходе» утрачивает всякую связь с содержанием «на входе», в такой интерпретации можно только усомниться. В соответствии с априори заданной установкой смысл просто предваряет анализ. Более адекватным представляется по контрасту разбор поэтической строки Аполлинера в изложении Ф. Растье. Когда в одном из любовных посланий поэт пишет, что дым его трубки *se love en belle anglaise*, имеются все основания для идентификации ‘love’ *любовь* в контексте « anglaise » *англичанка*. Тем более что упоминаемая в аполлинеровском тексте «двуязычная игра слов» основана на совпадении франц. *se love* «образует спираль» с англ. *love* «любовь» (Растье 2001: 239–240).

Так приходим к следующим выводам.

- Интерпретация есть перифразировка анализируемого высказывания или текста.
- Чем больше содержание «на выходе» отличается от содержания «на входе», тем значительнее преобразование.
- По степени семантического преобразования интерпретация может быть *описательной* или *продуктивной*, а по охвату привлекаемой в истолковании информации – *внутритекстовой* или *затекстовой*.
- В интерпретации участвуют разные виды компетенции, в том числе семантическая и прагматическая. Семантическая компетенция направлена на понимание анализируемого языкового выражения, прагматическая – на его истолкование.
- Объект понимания – величина постоянная, объект толкования – величина переменная.
- Формат толкования (*intentio operis*) зависит от избираемой интерпретатором стратегии (*intentio lectoris*).

- Поскольку в формировании смысла участвуют разные виды знания, идеальная модель интерпретации должна по возможности учитывать все или почти все виды знания, а каждому виду знания – отводить роль фильтра, отбирающего, пока не будут найдены оптимальные варианты, все возможные «прочтения».
- Понять, какие фоновые знания являются действительно релевантными в толковании, позволяют эвристические процедуры использования знаний. Вместо слепого перебора возможных решений в толковании мобилизуются в первую очередь такие знания, которые востребованы текущим контекстом и которые, в этом состоит элементарный принцип рациональности, позволяют построить из фактов того же порядка единую модель понимания.
- Оценить ту или иную модель интерпретации с точки зрения эвристических ее возможностей можно по ряду критериев: простоту – по процедурам и операциям, эффективность – по прогностической и объяснительной силе, интегративность – по способности объединять разнообразные знания, рефлективность – по внутринаучной рефлексии.

Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. С. 14–285.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Eco U., *Les limites de l'interprétation*, Paris, Bernard Grasset, 1992.

Greimas A.-J., *Du sens*, Paris, Seuil, 1970.

Rastier F., *Arts et sciences du texte*, Paris, P.U.F., 2001.

Rastier F., Interprétation, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998, p. 217–219.

Ricœur P., *Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique,* Paris, éd. du Seuil, 1969. [Русский перевод двух разделов книги: *Поль Рикер.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996].

Ricœur P., *Interpretation theory ? Discourse and the surplus of meaning,* Texas Christian University Press, 1976.

Интерсемиотичность (франц. *intersémioticité*). — Под интерсемиотичностью в современной интерпретирующей семантике [→ Семантика] понимают динамическое взаимодействие разнотипных семиотических систем в анализируемом высказывании или тексте [→ Текст].

Действительно, не будучи результатом деятельности одного языка, языковое произведение подлежит изучению с позиции множества формирующих его систематик[115]. Во-первых, потому что естественные языки суть полисемиотические системы; во-вторых, потому что в семиозисе [→ Семиозис] участвуют, кроме системы языка, и некоторые другие систематики [→ Нормы социальные].

Остановимся подробнее на разных видах интерсемиотичности.

Взаимодействие разных типов языковых знаков. Наиболее показательным случаем здесь является взаимодействие фонетических и лексико-семантических средств. Практически все исследователи сходятся во мнении, что за исключением ономатопеи звуковой состав является аморфным и что звуки сами по себе значения не имеют. Положение меняется кардинальным образом, как только звуковой ряд, начиная тяготеть к предельной упорядоченности, служит сигналом дополнительной кодировки (Брик 1919: 58–98; Поливанов 1963: 99–112; Якубинский 1919: 7–12, 37–49).

Даже не касаясь звукового символизма, нельзя, в самом деле, не заметить, что в поэтическом тексте звуковые последовательности семантизируются на фоне «ключевых слов», так или иначе воспроизводящих эти звуки. Возьмем, например, такое четверостишие Мандельштама: *Пусти меня, отдай меня Воронеж: / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь – / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож* (1935). За невозможностью установить внутреннюю форму поэт стремится раскрыть смысл Воронежа по звуковой аналогии с созвучными словами: у*ронишь*, про*воронишь*, *выронишь*, *вернешь*, а затем метафорически уподобляет его *блажи*, *ворон*у и *ножу*: *Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож* [→ Метафора].

Другой не менее показательный случай – графическое представление текста в так называемой визуальной поэзии, стремящейся превратить типографские знаки в фигуративный образ, самодостаточный иконический знак с помощью возможностей типографской кассы – размера и типа шрифта, расположения строк и в целом набора и верстки. Вследствие такой активизации типографского материала отношение между означающим и означаемым становится мотивированным, или, говоря словами Ельмслева, солидарным [→ Форма и субстанция]. Регулярные попытки семиотизировать графический образ текста отмечаются, например, в творчестве Малларме и Аполлинера. Так, в каллиграмме Аполлинера « La Cravate et la Montre » диспозиция графических знаков воспроизводит настенные часы, в каллиграмме « Un Coup d'éventail » – веер (*Calligrammes*, 1918). Не менее показательны и конструктивистские опыты А. Родченко, А. Гана, Э. Лисицкого, подчинявших типографский

[115] Ограничившись системой языка, «сокращенная» семантика в состоянии обнаружить, пожалуй, только значения граммем, но не вкладываемый в высказывание смысл.

материал – путем монтажа, включения шрифта в изображение и градации акцентов – искомому оптическому эффекту[116].

Взаимодействие социальных норм. С взаимодействием разнотипных систематик в функции «вторичных моделирующих систем» мы встречаемся повсеместно, в том числе и в повседневном общении. Возьмем хотя бы высказывание *Холодно!* Вне контекста [→ Контекст] данное языковое выражение может означать что угодно: в обращении кокетки к ухажеру – «обними меня», в обращении жены к мужу – «надо заклеить окна», в обращении начальника к подчиненному – «закрой окно», «принеси горячего чаю» и т.п. В качестве переменной величины смысл высказывания зависит непосредственно от условий употребления[117], а точнее: от прагматического контекста[118] и сопряженного с ним типового сценария [→ Фрейм], моделирующего в соответствии со сложившимся в социуме распределением ролей поведение фигурантов – в нашем случае ухажеров, мужей и подчиненных.

Такими систематиками нельзя пренебрегать и в анализе художественных текстов. Тем более, когда помимо знания языка требуется обращение к другим систематикам[119], так или иначе участвующим в кодировке текста. В литературном произведении могут разыгрываться самые разнообразные ситуации общения, понять которые можно только путем подключения соответствующих социальных норм. Например, когда в романе

[116] В статье «Типографские знаки» (1925) Эль Лисицкий, в частности, пишет: «Язык – это нечто большее, нежели акустическое волновое движение или только средство передачи мыслей. Точно также и типография нечто большее, чем лишь оптическое движение для той же цели. От массивного, литого, неартикулированного изображения шрифта мы идем к активному, артикулированному. Жест живой речи запечатляется. <…> Вы должны требовать от писателя, чтобы он действительно уделял внимание шрифту. Ведь мысли его доходят до вас через глаз, а не через ухо. Поэтому типографская пластика должна своим оптическим действием производить тот же эффект, что и голос и жесты оратора» (Цит. по: *С. О. Хан-Магомедов*. Пионеры советского дизайна. М.: Галарт, 1995. С. 167).

[117] С такими факторами значения связывают прагматические пресуппозиции [→ Пресуппозиция] и соответственно изучают в отношении к прагматической компетенции [→ Прагматика].

[118] В определении Ф. Растье отношение текста к нелингвистическому (прагматическому) контексту должно пониматься как *интерсемиотическое отношение* хотя бы потому, что этот контекст состоит не из самих по себе вещей, а из связанных с ними социальных установлений, на основе которых мы заключаем, как понимать произнесенное в данном контексте высказывание. Проще говоря, подчиненные заключают «надо закрыть окно» по знакам различия того, кто говорит: *Холодает!* (Растье 2001: 17, 248; ср. Courtés 1991: 54; Rastier 2001: 62–65).

[119] Таким взаимодействием занимается, в сущности, не прагматика и даже не семантика, а общая семиотика [→ Семиотика].

М. Пруста «В поисках утраченного времени» г-жа Вердюрен отвечает на присланные Сваном цветы: *Я на вас сердита*, эти слова следует понимать как светский антифразис; и только наивный человек вроде Котара может воспринять их в прямом значении. По замечанию Ж. Женетта, такое высказывание сродни палимпсесту, в котором один слой пишется и читается поверх другого: на уровне предлагаемого означаемого – *я на вас сердита*, на уровне подразумеваемого означаемого – *я вас благодарю* (Женетт 1998, 1: 435–436, 466).

Так проясняется основное требование к интерпретации [→ Интерпретация]: чтобы понять смысл анализируемой языковой последовательности, одним языковым кодированием/декодированием не обойтись. Поскольку объект изучения является семиотически разнородным, наряду с системой языка учитывать надлежит и все прочие системы кодирования и таким образом восстановить естественные связи лингвистики с филологией и другими дисциплинами гуманитарного цикла.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. С. 14–285.
Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Rastier F., *Arts et sciences du texte*, Paris, P.U.F., 2001.

Интертекст (франц. *intertexte*). — Под интертекстом понимают некоторое множество текстов, между которыми существуют отношения взаимодействия, а под интертекстуальностью – взаимодействие разных текстов внутри того же текста (Kristeva 1969: 115, 145–146; она же 1974: 71; Riffaterre 1981: 4–5; Zumthor 1981: 8–16).

Восходя к идеям М. М. Бахтина о диалогической природе художественного слова, теория интертекстуальности стремится показать, как текст [→ Текст] взаимодействует со средой. Такая постановка вопроса не может не сказаться на принципах и методах интерпретации [→ Интерпретация]. Поскольку в межтекстовом подходе анализируемый текст является по определению семиотически многослойным [→ Интерсемиотичность], его анализ требует выйти за рамки имманентной структуры[120] в широкий социокультурный контекст [→ Контекст]. Отныне, декларирует Р. Барт,

[120] Разрушая линейный характер текста, межтекстовые связи побуждают к «парадигматическому чтению» (Женетт 1998, 1: 381; ср. Николаева 1987: 31, 42–45; Rastier 2001: 93–94), при котором текст развертывается не только горизонтально, но и вертикально, а отношения гомологии играют не меньшую роль, чем отношения следования.

«текст подлежит наблюдению не как законченный, застывший продукт, а как его производство, “включенное” в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом, с историей, но не по детерминистским законам, а путем межтекстовых ассоциаций (это межтекстовый подход)» (Барт 1980: 307).

Семантические отношения устанавливаются действительно не только внутри текста, но и за его пределами – путем аллюзий, реминисценций, скрытых или явных цитат. Например, для читательской аудитории первой трети девятнадцатого столетия не составляло большого труда установить связь первой строфы «Евгения Онегина» с ситуацией из романа Мэтьюрина «Мельмот-скиталец», где черти действительно забрали дядю героя, а в дескрипции *Мой дядя самых честных правил* усмотреть искаженную цитату из басни Крылова «Осел и мужик»: *Осел был самых честных правил*. И то, и другое порождало отклики в сознании читателя, беспрестанно вспоминавшего, пока не исчерпаются все реминисценции, то *моего дядю… человека безукоризненной прямоты и честности* из «Жизни и мнений Тристама Шенди», то крыловского *осла самых честных правил*, то *единственного наследника дядюшкина имущества* из «Мельмота-скитальца», то устойчивый французский оборот *un parfait honnête homme* или *il ne pouvait faire mieux*. По словам В. Набокова, эта цепь реминисценций сродни помешательству, но несомненно одно: в аллюзии на английский роман усматривалась дань моде на хорошо известный во французском переводе английский роман или ирония по поводу этой моды, в отсылке к басне Крылова и подчеркнутобытовом характере зачина – пародия на представленную в романе ситуацию[121].

Без такого взаимодействия нельзя помыслить ни один текст. Недаром М. М. Бахтин определяет художественный текст как своеобразную монаду, отражающую в пределе все тексты данной смысловой сферы[122], а возникающие между текстами отношения сравнивает с репликами диалога (Бахтин 1979: 272–273, 283). Действительно, помимо специфически индивидуальных особенностей [→ Идиолект] за каждым текстом стоит не только язык, но и дискурс [→ Дискурс], жанр, топосы [→ Топос] и мотивы [→ Мотив]; и воспринять его можно только в сопоставлении

[121] Подробнее см. *Ю. М. Лотман*. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1980; *В. Набоков*. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПБ, 1998.

[122] Вступая в сложные отношения с широким культурным контекстом, текст как бы реанимирует воспоминания о других текстах и контекстах, а многомерные межтекстовые связи придают ему функцию коллективной памяти (Лотман 2002: 158–162).

с другими более или менее сходными текстами. Причем сопоставляться могут, безусловно, не только литературные тексты – Нерваля, Ахматовой и Мандельштама (Топоров, Цивьян 1990), Данте, Мандельштама и Элиота (Иванов 2000, 2: 423–434), но и принципиально разнородные произведения – стихотворение Пастернака и картина Веласкеса (Иванов 1998, 1: 35–43), «Пармская обитель» Стендаля и Гражданский кодекс (Женетт 1998, 2: 446).

Для аналитика интерес представляют главным образом такие межтекстовые параллели, которые проясняют смысл анализируемого произведения. В этом отношении современная теория интертекстуальности смыкается отчасти с прежней теорией влияний, стремящейся выявить заимствованные, пусть и неосознанные, элементы в разбираемом произведении и тем самым установить социальные, психологические и даже бытовые факторы влияния. Между тем, по Ю. Н. Тынянову, взаимодействие следует скорее изучать в плане литературных условий, а не психологических, ни тем более бытовых или личных воздействий: «…“влияние” может совершиться тогда и в таком направлении, когда и в каком направлении для этого имеются литературные условия. Оно предоставляет художнику при совпадении функции формальные элементы для ее развития и закрепления. Если этого “влияния” нет, аналогичная функция может привести и без него к формальным аналогичным элементам» (Тынянов 1977: 280). Вопрос «кто раньше сказал» оказывается, таким образом, несущественным по сравнению с объективными условиями эволюции «литературного ряда».

Особую остроту межтекстовые переклички и совпадения приобретают, когда объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование или подражание, не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции». Отныне исследователя интересует не то, что в тексте одного автора обнаруживаются сходные элементы с текстами другого автора – допустим, x_1, x_2, x_3, x_n; объектом изучения становится скорее X, реконструируемый на основе x_1, x_2, x_3, x_n (Топоров, Цивьян 1990: 441–442). С межтекстовых связей (и авторов в их предполагаемых взаимоотношениях) внимание переключается на структуру текстового бытия – некий X-текст, полученный путем сближения текстов данной смысловой сферы. Не будучи сугубо личным, X-текст обобщает эмпирически данные произведения на следующем по отношению к ним уровне. Обобщение такого рода имеет тем большее основание, что отражает помимо индивидуальных интенций общую концептуальную систему. Так реконструируются, в частности, «основные тексты» русской культуры в московской семиотической школе: праславянский миф Громовержца,

Петербургский текст, Лизин текст, Московский текст, Блоковский текст и др.[123]

Реконструкция *П.* текста совершается на материале произведений русской литературы XIX–XX вв., посвященных Петербургу, – текстах Пушкина, Гоголя, Белинского, Некрасова, Достоевского, Анциферова, Белого и др. Сближает их не только общая тема, но и сходное толкование. Как подчеркивает В. Н. Топоров, единство *П.* текста задается не только объектом описания с характерными для него климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, но и единой смысловой установкой (Топоров 1984: 16–17; он же 1995: 259–367, 368–399; ср. Лотман 2002: 208–220). *П.* текст отличается особой монолитностью, поскольку каждый из входящих сюда текстов характеризуется, несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, общими специфическими свойствами, которыми обладают с той или иной степенью полноты все варианты *П.* текста. В оппозиции к Москве Петербург получает, с одной стороны, мелиоративные признаки /культурный/, /европейский/, /цивилизованный/, с другой – пейоративные признаки /бездушный/, /казарменный/, /казенный/.

Так приходим к следующим выводам.

- Наиболее последовательной семантическая интерпретация может быть только на фоне интертекстуальных связей анализируемого текста с другими более или менее сходными текстами.
- Межтекстовые связи выводят анализируемый текст за рамки имманентной структуры в широкий социально-культурный контекст.
- В межтекстовом анализе зона интерпретации расширяется вплоть до включения сюда разнородных семиотических произведений, так или иначе связанных с анализируемым языковым произведением.
- Не ограничиваясь инвентаризацией соответствий, межтекстовый анализ призван активировать все возможные связи и отношения с прецедентными текстами и тем самым установить, как влияют на рецепцию анализируемого произведения разного рода смысловые переклички и совпадения.
- Межтекстовые связи могут устанавливаться не только под влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, но и в силу наличия какой-то «сверх-традиции» как отраженной в языке и литературе культурной памяти.
- Путем сближения текстов общей смысловой сферы можно реконструировать особо значимые для национальной культуры «основные тексты»: петербургский текст, московский текст, богородичный текст и т. д.

[123] См. *В. Н. Топоров*. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам, 18. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. С. 4–29; *В. Н. Топоров.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд-во РГГУ, 1995; *Топоров В. Н.* О «блоковском» слое в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // Москва и «Москва» Андрея Белого. Сб. статей. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 212–316.

Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. С. 307–312.

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.

Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 455–515.

Якобсон Р. Часть и целое в языке // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301–305.

Kristeva J., *Recherches pour une sémanalyse*, Paris, Seuil, 1969.

Kristeva J., *La révolution du langage poétique*, Paris, Seuil, 1974.

Mazaleyrat, J., Molinié, G., Intertextualité/intratextualité, *Vocabulaire de la stylistique*, Paris, P.U.F., 1989, p. 184.

Riffaterre M, L'intertexte inconnu, in *Littérature*, 41, février 1981, p. 4–7.

Zumthor P., Intertextualité et mouvance, in *Littérature*, 41, février 1981, p. 8–16.

Истина и правдоподобие. — Под истиной, как правило, понимают адекватное отражение какого-то предмета или явления познающим субъектом в согласии с известным положением Фомы Аквинского: *Veritas intellectus est adequatio intellectus et rei* «истина разума есть адекватность разума и вещи» (Об истине, I, 2).

Всякое суждение должно действительно чему-то соответствовать. Если оно истинно, должно существовать и нечто такое, благодаря чему его полагают истинным. «Истина – знак двоения» (Арутюнова 1998: 547), поскольку содержание понятия истины, как бы оно ни варьировало в разных контекстах мнения, всегда обращено к другому миру: реальному или идеальному, подлинному или мнимому; и истинным или ложным может быть соответственно только характер отражения этого мира в суждении. Так истинностное значение задается фактически как основное свойство суждения, в отношении которого можно утверждать, что его содержание истинно, ложно или неопределенно. Лингвистической семантике [→ Семантика] надлежит в таком случае показать, как согласуются с установкой мнения условия истинности, как преодолевается в языке

«истинностный провал» (truth value gap) и какие языковые средства вносят коррективы в истинностное значение проблемных суждений.

Концептуальный фон истины. Если истина состоит в соответствии понятия вещи самой вещи, требуется уяснить, как понимать данные нам в ощущениях вещи – как «вещи вне нас» или как «вещи для нас», принимать ли за достаточное основание суждений о вещах только безусловно достоверные знания или еще не всегда верные, но оттого не менее важные для познающего субъекта субъективные мнения и представления.

В общефилософском смысле истина не допускает, конечно, градаций: суждение либо истинно, либо ложно; *tertium non datur*. Но если за достаточное основание суждений принимать субъективные, пусть и не всегда достоверные, мнения и представления, переосмыслить придется как содержание понятия истины, так и критерии верификации [→ Верификация] истинностного значения. Так принципиально важным для интерпретации [→ Интерпретация] оказывается концептуальный фон истины, а точнее: условия, на которых формулируется в толковании самое понятие истины[124]. Варьируя вместе с областью применения, эти условия задаются по-разному в разных системах исчисления. В специально-научном дискурсе [→ Дискурс] это соответствие научно-объективным знаниям, в патристике – соответствие догматам веры, в литературных произведениях – соответствие требованиям жанра и стиля, в речевом обиходе – соответствие общепринятым мнениям и прочим нормативным установлениям [→ Нормы социальные][125]. Содержательным коррелятом соответствия оказываются при этом как объективированные в общественной практике знания, так и не всегда достоверные мнения и убеждения.

Истина и вера. В христианской норме истина связана напрямую с верой, не требующей, как известно, никаких доказательств: *веруйте в Бога, и в меня веруйте*. <…> *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин, 14, 1–6). В рассуждениях о божественной природе мироздания нельзя вообще руководствоваться правилами логического вывода. В качестве исходного

[124] Как замечает Э. Кассирер, «чем сильнее рефлексия по поводу познания, тем отчетливее она видит и *знает* собственную форму» и «тем больше сама эта форма предстает как граница, необходимая и непревосходимая познанием» (Кассирер 2002, 3: 13).

[125] По-разному формулируются, со своей стороны, и требования, предъявляемые к интерпретации языковых произведений в современной лингвистике. В дескриптивной лингвистике это соответствие дистрибуции и правилам сочетаемостных ограничений [→ Сочетаемостных ограничений правила], в условно-истинностной семантике – соответствие стандартным условиям истинности, в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] – соответствие когнитивным аналогам знания и т. п.

суждения возьмем, например, такое высказывание св. Августина о бытии Божием: *Ты проникаешь все части мира, самые большие и самые малые, и они ловят присутствие Твое*. Если это суждение принять за большую посылку, а в качестве меньшей посылки взять единичное суждение вида *Слон больше воробья*, получим такой силлогизм:

Бог присутствует в каждой части мира.
Слон больше воробья.
Бога больше в слоне, чем в воробье.

Признав истинность посылок, нельзя не согласиться с истинностью заключения. «Так предполагал я, – пишет св. Августин, – не будучи в силах представить себе ничего иного; и это была ложь. В таком случае бо́льшая часть земли получила бы бо́льшую часть Тебя, а меньшая – меньшую: Ты наполнил бы всё, но в слоне Тебя было бы больше, чем в воробье, и настолько, насколько слон больше воробья и занимает большее место. Таким образом, Ты уделял бы себя отдельным частям мира по кускам: большим давал бы много, малым мало. На деле это не так» (Исповедь, VII, 1).

Презумптивный характер истины базируется, как видно, на вере; и сомнения у блаженного Августина вызывает не бытие Божие, не нуждающееся в доказательствах, а превратное его толкование по правилам нисходящего силлогизма. Правила силлогизма не пригодны вообще для проверки истинности божественного слова. Поскольку аргументация строится на авторитетных суждениях, ручательством за истинность мысли является Священное Писание, а непременным условием постижения божественной истины – нисходящая благодать. Христианский оратор прибегает, конечно, к рассуждению, но только для того, замечает М. Л. Гаспаров, чтобы подвести тот или иной конкретный случай под то или иное высказывание Писания (Гаспаров 1986: 97–103). Даже самые невероятные места Писания, будь то Кана Галилейская или воскрешение Лазаря, не требуют проверки разумом. Больше того, вера как бы отменяет знание. По известному изречению Тертуллиана, чем нелепее кажется излагаемое событие, тем достовернее оно представляется: *prorsus credibile est, quia ineptum est.* <…> *certum est qui impossible est* «достоверно, ибо нелепо; <…> несомненно, ибо невозможно» (О плоти Христа, 5). Л. Шестов обобщает: «…что для Афин – безумие, то для Иерусалима – мудрость. <…> Там, где разум провозглашает “нелепо”, мы скажем, что это и заслуживает доверия по преимуществу; <…> там, где он воздвигает “невозможно”, мы ему противопоставляем “несомненно”» (Шестов 1993: 528, 529).

Истина и знание. Иное дело – исчисление высказываний в классической логике. Аргументация здесь строится не от авторитетов, а от рассуждений. В двузначном логическом исчислении высказыванию

приписывают либо истинное, либо ложное значение. Например, если не знать, пишет Фреге, что *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* суть имена одного и того же небесного тела, то одно суждение следует признать истинным, другое – ложным (Фреге 2000: 234). Так знание становится, можно сказать, концептуальным фоном значения: от знания заключают к значению, значение проверяют на соответствие знанию.

В онтологической картине мира удовлетворять условиям истинности может только объективированное в общественной практике знание об утверждаемых в суждении свойствах вещи. В условно-истинностной семантике [→ Семантика условно-истинностная] такое знание задает необходимые и достаточные условия, которым суждение должно удовлетворять, чтобы его можно было признать истинным. Например, высказывание *Земля круглая* полагают истинным, поскольку оно отражает реальное положение вещей, а высказывание *Земля синяя как апельсин* (П. Элюар) – ложным, поскольку оно не соответствует действительности. При этом отличить истинное суждение от ложного можно с наибольшей вероятностью лишь при условии, если познающему субъекту известно, какие свойства действительно присущи предмету суждения[126], а какие привносятся случайным образом самим субъектом. В этом смысле можно вместе с Д. Дэвидсоном утверждать, что истина есть «объективный образ предмета», ложь – «субъективный образ предмета» (Дэвидсон 1986: 115; ср. Лосский 1991: 196).

Истина и мнение. Соответствие истинностному состоянию вещей – непременное требование к научному дискурсу. Но естественный язык – не научный дискурс. В языке немало размытых понятий [→ Диффузные понятия] и странных выражений [→ Неоднозначные высказывания], к которым неприменим вообще анализ в терминах условий истинности. И дело не только в безденотатных именах вроде *единорогов* и *кентавров*, а в том, что в речевом обиходе говорящие руководствуются как достоверными знаниями, так и не всегда верными мнениями и убеждениями[127]. В антропоцентрическом освещении знания и мнения сближаются на-

[126] Проверка на истинность становится проблематичной, прежде всего в экстенсиональном анализе [→ Экстенсионал], когда знаку [→ Знак], обладающему смыслом, нельзя придать значение [→ Смысл и значение]. О беспредметных выражениях вроде разбираемого Фреге *наиболее удаленного от Земли небесного тела* нельзя вообще сказать, истинны они или ложны: они неопределенны (Фреге 1997: 355).

[127] Не случайно когнитивная семантика [→ Семантика когнитивная] избирает в качестве базовой модели понимания систему главным образом обыденного знания с когнитивными аналогами в виде прототипов [→ Прототипов теория] и фреймов [→ Фрейм].

столько, что не представляется более необходимым их противопоставлять. Так преобразуется принципиальным образом верификационная модель значения. При сохранении общей корреспондентной основы на место истины ставится система общих мнений и представлений (*doxa*), то, во что *верит* или с чем *соглашается* независимо от реального положения вещей большинство представителей данного языкового сообщества[128]. Достоверна или нет такая система в смысле объективном, т. е. имеет ли какую-то действительную силу утверждаемая в ней связь понятий и вещей, заранее знать нельзя; зато можно утверждать безусловную достоверность этой системы как данности коллективного сознания.

Больше того, даже уяснив, что в каком-то основанном на мнении суждении субъективные причины принимаются за объективные основания, нельзя не признать за таким суждением права быть мнением – допустимым если не для всех людей, то хотя бы для самого говорящего. За исключением заведомо ложных суждений, и знания, и мнения суть в таком случае равнозначные основания суждения: одни в силу объективного характера, другие как действительное состояние чьего-то сознания[129]. Интерпретация высказываний мнения совершается следующим образом. Когда *X* говорит, что *P*, требуется установить, принадлежит ли *P* миру мнений субъекта *X*, а точнее: множеству образующих этот мир пропозиций [→ Пропозициональная установка], а затем только решать, насколько совместимо то, что говорит, полагает или думает *X*, с общепринятой установкой мнения.

Совместимость с общепринятым мнением принципиальна и для восприятия даже излагаемых в литературном тексте событий. Иные изображенные в романах поступки кажутся неправдоподобными по той простой причине, что расходятся с ожиданиями. Весьма примечательна в этой связи дискуссия, развернувшаяся в семнадцатом столетии во Франции вокруг романа г-жи де Лафайет «Принцесса Клевская». Поведанная в романе история представляется совершенно неправдоподобной не только самой героине, отважившейся признаться «в том, в чем никто никогда не признавался мужу», но и читательской аудитории [→ Читатель], полагавшей, что «порядочная женщина должна во всем доверяться мужу».

[128] Ср. «…что кажется правильным всем или большинству людей» (Аристотель 1978, 2: 349).

[129] По замечанию Б. Рассела, каким бы ни было суждение – объективным или субъективным, учитывать наравне с объективными суждениями надлежит также и субъективные, пусть и ложные, суждения, поскольку они выражают «состояние говорящего». Ср. «…истинные и ложные предложения в равной степени значимы, в то время как цепочка слов, которая не способна выразить какое-либо состояние говорящего, является бессмысленной» (Рассел 1999: 188).

Так же и «Сид» – скверная пьеса в оценке современников, поскольку демонстрирует предосудительное поведение внешне порядочной девушки. «Химена, – пишет Скюдери, – действительно вышла замуж за Сида, но совершенно неправдоподобно, чтобы порядочная девушка вышла замуж за убийцу своего отца». Излагаемые в тексте поступки сверяют, таким образом, с какой-то возведенной в статус «объяснительного принципа» общезначимой нормой, принимаемой читательской аудиторией за условие если не истинности, то хотя бы правдоподобия. В определении Ж. Женетта, это «отношение импликации [→ Импликация] между частным поведением, которым наделяется тот или иной персонаж, и той или иной имплицитно принятой общезначимой максимой» (Женетт 1998, 1: 302).

Немаловажным требованием к пониманию является вместе с тем и конструирование в истолковании модели текста, а точнее: модели мира, совместимой с текстом. Например, в волшебной сказке лягушка может оказаться на деле не обычным бесхвостым пресноводным, а превращенным в лягушку прекрасным принцем.

Дж. Лакофф (2004: 176) строит такой силлогизм:

(*a*) *Принцесса увидела, как к ней в кровать прыгнула лягушка*.

(*b*) *Лягушка на самом деле была принцем*.

(*c*) *Принцесса увидела, как к ней в кровать прыгнул принц*.

По правилам силлогизма обоснованность заключения зависит от истинности посылок, а точнее: от того, насколько эквивалентны в данной системе представлений *принц* и *лягушка* и можно ли вообще их заменять salva veritate путем простой подстановки. Такое допущение противоречит, разумеется, действительному положению вещей: в реальном мире *принц* – не лягушка, *лягушка* – не принц. Замена коррелирующих выражений возможна лишь при условии переключения от стандартного универсума к фиктивному универсуму: в стандартном универсуме это лягушка, а в ассумптивном универсуме принцессы [→ Ассумптивный универсум] – превращенный в лягушку принц. Ответ на вопрос, является ли (*c*) правильным выводом из (*a*) и (*b*), зависит в таком случае от того, известно ли что-либо принцессе о таинственном превращении принца. Заключение ложно, если принцесса ничего об этом не знает; истинно, если знает или хотя бы верит, что в кровать к ней прыгнул превращенный в лягушку прекрасный принц[130].

Истинностное значение релятивизируется, таким образом, относительно совместимого с текстом некоторого возможного мира W_n, в котором принцев превращают вопреки их воле в лягушек. При этом для интерпретатора неважно, в сущности, соответствуют ли такое превращение

[130] Тождество по значению не влечет вместе с тем тождество по смыслу.

действительному положению вещей. Поскольку суждение проверяют на соответствие возможному миру W_n, главное установить, при каких условиях оно отвечает условиям существования данного мира W_n.

Может возникнуть впечатление, что утверждение о релятивном характере истины подрывает онтологические основы мира и отрицает объективность познания. В действительности это не так. Пусть истинностное значение и релятивизируется относительно какой-то установки мнения, это означает не отказ от истины вообще, а отказ от анализа литературных и прочих языковых произведений в терминах условий истинности[131]. Основное требование, которым должны удовлетворять анализируемые высказывания, сводится разве что к взаимной их согласованности внутри заданной системы представлений. В таком понимании условия истинности, которым должны удовлетворять анализируемые языковые произведения, суть не что иное, как «компромисс разносистемных предписаний и соглашений» (Растье 2001: 14).

Основополагающими для интерпретирующей семантики становятся в итоге такие положения.

- В условиях переменного знания истинностное значение высказывания и/или текста релятивизируется необходимым образом относительно системы представлений, в которой исчисляется это значение.
- Каким бы ни было содержание знания – научно-объективным знанием или не всегда достоверным мнением, всеобщим и надежным критерием допустимости суждения остается соответствие познания с предметом.
- В качестве факторов, задающих условия допустимости и выполнимости, могут избираться в разных системах исчисления разные типы соответствия – и эмпирический опыт, и объективированные в общественной практике знания, и институциональные мнения и убеждения, и пропозициональные установки, и интенциональные состояния говорящих, и общезначимые языковые конвенции.
- Ввиду такой гетерогенности избираемая в качестве критерия истины «адекватность разума и вещи» есть не что иное, как «компромисс разносистемных предписаний и соглашений» (Ф. Растье).

Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация // Фигуры. Работы по поэтике. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 299–321.

Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995.

Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.

[131] Ср. «Вопрос об истинности <…> увел бы нас из сферы художественного восприятия в сферу научных изысканий» (Фреге 1997: 360).

Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002.
Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
Kleiber G., Phrases et valeurs de vérité, in Martin R. (éd.), *La notion de recevabilité en linguistique*, Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.

Каламбур (франц. *calembour*). — Под каламбуром понимают игру слов, основанную на смысловой коллизии разных значений того же слова или разных слов вне какой-либо логической связи с целью создания комического эффекта в окказиональном словоупотреблении. Напр. *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* (Козьма Прутков); *Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается* (журнал «Сатирикон»).

Рассмотрим наиболее характерные случаи.

(i) *Обыгрывание регулярной многозначности*. В отличие от практической коммуникации, по обыкновению избегающей неоднозначности [→ Неоднозначные высказывания], каламбур обыгрывает регулярную многозначность полисемичного слова[132] вопреки известному предписанию из области коммуникативной деонтологии: «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» (Ю. Д. Апресян). Так, во всяком случае, обстоит с глаголом *доходить* в анекдоте про легендарного советского разведчика: *Письмо из Центра не дошло до Штирлица. Прочитал еще раз: опять не дошло* (sic!). В первом употреблении актуализации подлежит ‘дойти’$_1$ «быть доставленным» (в контексте «письмо из Центра»), во втором – ‘дойти’$_2$ «*разг*. понять» (в контексте «прочитал еще раз»). Необходимым и достаточным условием каламбура здесь служит не сама по себе возможность двойного толкования, так или иначе регламентированная в языке, а парадоксальное, неожиданное для слушателя столкновение разных значений

[132] Ср. в этой связи проводимое во французской семантике различие между смыслами (*sens*), значениями (*acceptions*) и употреблениями (*occurences*). Употребления различаются как минимум по одной афферентной семе в контексте: (i) по видовой семе: напр. ‘convoi’$_1$ «колонна транспортных средств» *vs* ‘convoi’$_2$ «состав из железнодорожных вагонов»; (ii) по родовой семе: напр. ‘cuirasse’$_1$ «часть доспехов» *vs* ‘cuirasse’$_2$ «душевное состояние». *Значения* различаются как минимум по одной социально нормированной афферентной семе: напр. ‘minute’$_1$ «шестидесятая часть часа» *vs* ‘minute’$_2$ «короткий отрезок времени». Смыслы различаются как минимум по одной ингерентной семе: напр. ‘blaireau’$_1$ «барсук» *vs* ‘blaireau’$_2$ «кисточка для бритья» (Растье 2001: 69–75; ср. Апресян 2001: 3–22).

в пределах того же высказывания[133]. Комический эффект задается при этом как эффект обманутого ожидания, как неожиданное открытие языковой многозначности.

(ii) *Обыгрывание окказиональной многозначности*. Помимо системной полисемии, обыгрываться в окказиональном словоупотреблении может и нерегулярная многозначность. В качестве примера возьмем такой разбираемый Фрейдом случай. До обручения с будущей невестой шадхен заверяет жениха, что отца девушки нет в живых; после обручения выясняется, что отец жив и отбывает тюремное наказание. На упреки жениха шадхен возражает: *А что я вам говорил. Разве это жизнь?* «Двусмысленность заключается, – поясняет Фрейд, – в слове “жизнь”, и передвижение состоит в том, что шадхен переходит от обычного смысла, противоположностью которого является “смерть”, к тому смыслу, который имеет это слово в обороте речи: “Это – не жизнь”» (Фрейд 1998: 65). Другими словами, в каждом употреблении обыгрываемого слова реализуется какое-то одно значение: ‘жизнь’$_1$ «биологическое существование» в понимании жениха, ‘жизнь’$_2$ «благополучие» в понимании шадхена. Причем необходимым и достаточным условием каламбура является как раз столкновение этих значений – системного в первом случае, индивидуально-личностного во втором[134].

(iii) *Обыгрывание сходства по звучанию*. Каламбур строится, кроме того, и на омонимии, частичном или полном сходстве по звучанию, с целью окказионального переосмысления нормативного значения согласно требованиям прагматического контекста [→ Контекст]. В черновом наброске знаменитой повести Гоголя «Шинель» первая фраза снабжена таким звуковым каламбуром: *В департаменте податей и сборов, который, впрочем, иногда называют департаментом подлостей и вздоров*. Излишне говорить, что между рус. *подать* и *подлость*, *сбор* и *вздор* нет никакой этимологической связи. Означающие сближаются исключительно по звуковой аналогии; но этого достаточно, чтобы от сходства по звучанию заключить к сходству по значению ad hoc: *подать* ≅ *подлость,*

[133] Различие между каламбурным обыгрыванием слов и совмещением значений принципиально. «Если каламбур *сталкивает* и *противопоставляет* – безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи <…>, то некаламбурное совмещение значений <…>, наоборот, их *объединяет*» (Зализняк 2006: 27; выделено нами — *А. Б.*).

[134] Ср. «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все “имеются в виду” <…> следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом» (Падучева 1982: 85).

сбор ≅ *вздор*. Оправданием тому служит и заявленное, ненароком обнаруженное (*во время, остающееся между службой и вистом*) «этимологическое подобие слов». Во второй черновой редакции к этому каламбуру делается приписка: *Да не подумают, впрочем, читатели, чтобы это название основано было в самом деле на какой-нибудь истине – ничуть. Здесь все дело только в этимологическом подобии слов. Вследствие этого департамент горных и соляных дел называется департаментом горьких и соленых дел. Много приходит на ум иногда чиновникам во время, остающееся между службой и вистом* (цит. по Эйхенбаум 1919: 155).

Больше того, ради достижения комического эффекта сталкиваться и противопоставляться в окказиональном словоупотреблении могут даже случайно совпадающие формы: например, означающие *дуло*$_1$ *и дуло*$_2$ в анекдоте про советского разведчика Штирлица: *За окном дуло. Штирлиц закрыл окно – дуло исчезло*. В первом употреблении это глагол в значении «веять, нести струи воздуха, обдавать холодом», во втором – имя существительное в значении «выходное отверстие канала ствола огнестрельного оружия». При этом доставленное каламбуром удовольствие основывается как раз на коллизии случайно совпадающих форм вне какой-либо существующей между ними смысловой связи.

(iv) *Обыгрывание ближайшего этимологического значения*. Этимологическое значение может обыгрываться в каламбуре двояким образом: либо путем буквального осмысления внутренней формы слова, либо путем решительного ее опровержения в актуальном словоупотреблении. В качестве примера возьмем опять-таки излюбленные Гоголем каламбуры этимологического рода.

1) *…если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами* («Шинель»). Образуемый по паратаксису контекстуальный класс задается изначально как перечисление чинов из табели о рангах, а затем наряду с *титулярными*, *тайными*, *действительными* и *надворными советниками* включает сюда вопреки ожиданиям *всяких советников* вообще и даже *тех*, *которые не дают никому советов* и *ни от кого не берут их сами*. Необходимым и достаточным условием каламбура здесь служит, как видно, неожиданно подмеченная аналогия по якобы случайно пришедшему на ум квалифицирующему признаку, лежащему в основе именования: /советовать/. Так приводится к абсурду знаменитое изречение Кратила: «…кто знает имена, тот знает и вещи».

2) *Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки* («Шинель»). Каламбур строится путем обыгрывания «говорящей» фамилии, входящей в противоречие с фактическим положением вещей. Вопреки заявленному во внутренней форме имени прототипическому значению Башмачкины, оказывается, никогда не носили башмаков, а только сапоги. Следовательно, Башмачкиным, в этом состоит парадокс каламбура, подходит скорее фамилия *Сапожников* или *Сапожков*.

(v) *Алогичные сочетания*. Каламбур создается, кроме того, и путем нарушения логической связи между частями суждения. В качестве примера логически безупречной нелепицы возьмем такое высказывание из повести Гоголя «Шинель»: *…шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвертом этаже по черной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, – разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия*.

Основанием мнения здесь служат с очевидностью не человеческие, а исключительно профессиональные качества Петровича как портного, к которому Акакий Акакиевич обращается с заказом на пошив шинели. Вместо прямого ответа на вопрос, каким портным, хорошим или плохим, является Петрович, нам поначалу разъясняют, как его найти, а затем лишь говорят, что починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков Петрович занимался *довольно удачно*, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу (sic!); да и то, когда был в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия.

Понимание предикатных дескрипций *кривой глаз*, *рябизна по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков*, *бывал в трезвом состоянии*, *не питал в голове какого-нибудь другого предприятия* не требует особых усилий, но совместная их интерпретация [→ Интерпретация] в высказывании может оказаться затруднительной. Сообразуясь с прагматической установкой, читателю, как и Акакию Акакиевичу, надлежит в первую очередь установить, насколько означенные свойства удовлетворяют предъявляемым к профессии требованиям[135], проверить их на соответствие, пусть и частичное, некоему усредненному нормативу, а затем только решать, можно ли доверить пошив шинели такому портному, как Петрович.

Безусловно, в модусе долженствования заявленные свойства квалифицируются в основном как недостатки: константные в случае слепоты

[135] Подразумеваемые требования образуют, по сути, прагматические пресуппозиции [→ Пресуппозиция].

на один глаз и рябизны, переменные в случае пьянства и тяги к отвлеченным размышлениям. Но за отсутствием выбора довольствоваться можно и частичным соответствием. Подмеченные недостатки, пусть и умаляют, но не отменяют вовсе достоинства. В суждении с уступительным оборотом *несмотря на* Петрович признается все-таки портным, довольно удачно занимающимся починкой панталон и фраков[136]. В приложении к осуществляемому действию парадоксально выглядит, пожалуй, только, в этом суть каламбура, предикатная дескрипция *рябизна по всему лицу* как не имеющая, в сущности, никакого касательства к качеству исполняемого заказа. Комический эффект каламбура возрастает при этом тем больше, чем больше алогичное сочетание слов[137] прячется за строго-логическим синтаксисом и отвлекающими внимание подробностями: «…каламбур не выставлен напоказ, а наоборот – всячески скрыт, и потому комическая его сила возрастает» (Эйхенбаум 1919: 156).

(vi) *Взаимная аналогия*. Каламбур может выстраиваться, кроме того, и по правилам взаимно-однозначного соответствия, то есть такого соответствия, когда некоторый объект *A* ставится в соответствие некоторому объекту *B*, а некоторый объект *B* ставится в обратном порядке в соответствие некоторому объекту *A*.

В качестве примера возьмем такое высказывание: *Ну что это за цирк? Это бордель какой-то, а не цирк. Вот у моего дяди в Жмеринке был бордель, так это был цирк!* (цит. по Зализняк 2006: 26). Эффект каламбура создается путем взаимной аналогии, путем обращения сопоставленных объектов в противоположность. Сначала *цирк* подводится под понятие «бордель», затем *бордель* подводится под понятие «цирк» по формуле вида: если *A* имеет признаки x_1, x_2, x_3, x_n, по которым его можно уподобить *B*, то и *B* имеет признаки y_1, y_2, y_3, y_n, по которым его можно в свою очередь уподобить *A*.

Для простоты изложения рассмотрим последовательно обе части рассуждения.

I. *Это бордель какой-то, а не цирк*. Высказывание образуют, по сути, два связанных между собой категорических суждения: (1) *цирк – это не цирк*, (2) *цирк – это бордель*. Поскольку в отношении второго употребления лексемы *цирк* действует оператор отрицания, суждение (1) принимает вопреки непреложному закону тождества вид контрадикторного суждения: *цирк – это не цирк*. Отрицание тождества оборачивается дезидентификацией: *цирк есть не-цирк*. За дезидентификацией следует псевдоидентификация: *цирк – это бордель* на основе такой весьма достоверной прагматической пресуппозиции: означенный цирк не соответствует нормативным требованиям, которым должен удовлетворять по определению данный вид зрелищного предприятия, а характеризуется, напротив, какими-то иными свойствами, по которым его можно квалифицировать в метафорической проекции [→ Метафора] в терминах, подходящих скорее для борделя.

II. *Вот у моего дяди в Жмеринке был бордель, так это был цирк!* В отличие от предыдущего случая, идентифицируемому объекту не только не отказывают в полноте необходимых свойств, по которым квалифицируют обычно данной вид заведения, но и наделяют вдобавок свойством, более всего подходящим для другого вида заведения. В компаративном определении [→ Сравнение] дядин бордель в Жмеринке обладает прототипическими свойствами цирка, в этом состоит парадокс каламбура, в несравнимо большей степени, чем упомянутое ранее заведение под названием «цирк».

В обоих случаях комический эффект основывается, таким образом, на употреблении одних и тех же слов попеременно то в прямом, то в переносном значении: ‘цирк’$_1$ «зрелищное предприятие» *vs* ‘цирк’$_2$ *разг*. «парадоксальная и потому смешная ситуация», ‘бордель’$_1$ «дом терпимости» *vs* ‘бордель’$_2$ *разг*. «безобразие, беспорядок».

(vii) *Истолкование образных выражений ad verbum*. Условием достижения комического эффекта может служить и буквальное осмысление образных выражений в рамках фундаментального различия: «буквальный» *vs* «фигуральный». Показательным тому примером является, в частности, такая фраза В. Маяковского: *А теперь буржуазия! / Что делает она? / Она — / из мухи делает слона / и после продает слоновую кость*.

Ради простоты изложения перефразируем ее в виде двух последовательно связанных между собой суждений в отношении причинно-временной связи: (1) *Буржуазия делает из мухи слона* и (2) *Буржуазия*

[136] Интерпретация совершается по правилам истолкования суждений с уступительным оборотом *несмотря на* по модели вида *Несмотря на P* (на то, что *P*), *Q* = «имеет место *P*; имеет место *Q*; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то всегда имеет место ситуация типа *Q* или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-*Q*» (Апресян и др. 2006: 637). Так получаем: (1) *Несмотря на кривой глаз <…>, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков*; (2) * *Несмотря на <…> рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков*. В отличие от высказывания (1) высказывание (2) алогично, поскольку *рябизну по всему лицу* нельзя считать противопоказанием к совершению означенного действия.

[137] Сочетаться *кривой глаз и рябизна по всему лицу* могут разве только в качестве дескрипций портретной характеристики в уступительных суждениях вида *Несмотря на кривой глаз и рябизну по всему лицу, Петрович умел успех у женщин*. Ср. * *Несмотря на кривой глаз и рябизну по всему лицу, Петрович квартировал где-то в четвертом этаже по черной лестнице*.

продает слоновую кость. В отдельности эти суждения корректны, а вместе взятые парадоксальны. Во-первых, в силу буквального толкования фразеологического оборота *делать из мухи слона*[138]; во-вторых, в силу установленной между совершаемыми действиями причинно-временной связи: *теперь* (t_0) *делает из мухи слона – после* (t_1) *продает слоновую кость*.

Дефразеологизация оборачивается в итоге абсурдом[139].

(viii) *Окказиональное преобразование устойчивого словосочетания*. Условием каламбурного обыгрывания слов может служить и окказиональное преобразование устойчивых словосочетаний. В качестве примера возьмем преобразование французского оборота *tête-à-tête* «тет-а-тет» («наедине») путем замены *t-* (*tête* «голова») на *b-* (*bête* «скотина») во фразе: *Я ездил с ним tête-à-bête*. В таком виде фраза может означать, по Фрейду, только: *Я ездил tête-à-tête с X, и этот X – глупая скотина*. Но сказать так – неостроумно. «Острота получается лишь в том случае, когда “глупая скотина” опускается и взамен этого одно *tête* превращает свое *t-* в *b-*, причем благодаря этой незначительной модификации первоначально подавленное слово “скотина” опять-таки получает свое выражение». В определении Фрейда, это «сгущение с незначительной модификацией» (Фрейд 1998: 26).

Аналогично обстоит, похоже, и с преобразованием устойчивого оборота *ахиллесова пята* во фразе, сказанной Гейне в отношении Альфреда де Мюссе, человека достойного, но не лишенного недостатков: *Тщеславие – одна из четырех его ахиллесовых пят*. В изложении Фрейда незначительная модификация состоит в том, что вместо одной «ахиллесовой пяты» у некоего *X* обнаруживают сразу четыре. А поскольку четыре пятки (ноги) имеют по определению только животные, приведенная фраза означает: если не обращать внимания на тщеславие, *X* – выдающийся человек, но я его не люблю: для меня он скорее животное, чем человек (Фрейд 1998: 26–27).

Среди основных требований, предъявляемых к каламбуру, отметим:

- Каламбур – разновидность языковой игры.
- В каламбуре осознанно и намеренно обыгрываются как «забавная ненормальность» (В. З. Санников) некоторые как бы случайно подмеченные «странности» языка – асимметрия языкового знака, омонимия и полисемия, паронимия, иносказание, осциллирующие значения, окказионализмы, аллитерации, звуковые ассонансы, несоответствие между значением слова и его внутренней формой и т. п.
- Каламбур облекается в форму парадоксального суждения.
- Каламбур отступает от принципов так называемого кооперативного общения.
- Каламбуру свойственны функции, присущие языковой игре, – развлекательная, психотерапевтическая, камуфлирующая, поэтическая.
- Понимание каламбура возможно только при условии понимания способов его создания.
- Наградой за удачный каламбур служит комический эффект, точнее, доставленное им удовольствие.

[138] По наблюдениям Оге А. Ханзен-Леве, значение фразеологического оборота «остраняется» дважды: во-первых, путем сведения фигурального значения *слон* к материально-буквальному значению; во-вторых, путем буквального осмысления предиката *делать* как некоего конкретного действия, предшествующего предикату *продает* (Ханзен-Леве 2001: 130).

[139] Внести коррективы в истинностное значение такой пропозиции можно, пожалуй, только при условии фигурального истолкования предиката *продает слоновую кость*.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. 56–69.

Санников В. З. Русский каламбур: 1200 каламбуров старых и современных. N. J.: Hermitage Publishers, 1995.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб. Алетейя, 1998.

Ханзен-Лёве Оге А. «Поэтическая этимология» и каламбур как универсальные поэтические приемы // Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры. 2001. С. 121–140.

Категоризация. — Категоризация – неотъемлемое условие понимания. За неимением категориально структурированных знаний о предмете нельзя вообще сказать, какие свойства ему соответствуют. Чтобы понять, например, что собой представляет *собака*, требуется соотнести ее с соответствующей категорией (таксономией), а потом только судить, насколько предицируемые в суждении свойства соответствуют субъекту суждения[140]. Как только субъект суждения включается по бытийному значению в определенную категорию, так сразу же дифференцируется и присущий этой категории набор предикатов. Например, в суждении *Собака лает* отношение предиката к субъекту истинно [→ Истина и правдоподобие],

[140] Субъект суждения тем самым заключает в себе основание предиката (Лосский 1991: 223–225, 227).

потому что свойство, по которому характеризуется *собака*, не противоречит свойствам класса: все (или почти все) собаки могут лаять[141]. Напротив, в суждении *Собака летает* отношение субъекта к предикату ложно, потому что представители семейства псовых не умеют летать, а разве только бегать и прыгать. Так таксономические знания образуют, можно сказать, необходимый концептуальный фон, на котором воспринимаются отдельные признаки, свойства и состояния индивидных объектов как представителей того или иного класса.

О начатках категоризации можно говорить уже в донаучном созерцательном мышлении, а прообраз понятия – усматривать в ближайшем этимологическом значении. Ибо если категоризацию связывать с образованием «рядов сходств» (Э. Кассирер), а уделом категоризации считать выделение общих для всех элементов ряда свойств, начатки категоризации можно обнаружить уже в первичной номинации [→ Номинация]. Так, в первичной номинации нем. *Hund* «собака», например, определяют в отношении к дичи, поскольку профилирующим свойством именованной вещи признают отводимое ей предназначение: ловить дичь. При этом не так уж и важно, какой квалифицирующий признак ложится в основу именования – важно, что с его полаганием утверждается единство ряда, «понятийного» ряда[142].

С переходом к познанию иного смыслового масштаба, более совершенному с точки зрения сущностных свойств, меняется кардинальным образом и форма ряда, а вместе с ней и содержание «понятия» [→ Концепт]. Так, в последующей таксономической обработке *собака* определяется еще и в отношении к хищным млекопитающим и домашним животным, а профилирующими в содержании «понятия» становятся таксономические свойства /млекопитающее/, /животное/, /хищное/, /домашнее/. Но, каким бы непререкаемым с точки зрения объективного знания ни казалось научное понятие, подводимый под «понятие» ряд не замыкается на таксономии, а эволюционирует вместе с представлениями, чем является для человека собака: ср. *Собака – друг человека*. В системе *doxa* сюда включаются даже члены семьи, так что *собака* определяется в терминах родства еще и в отношении к *дочери* или *сыну*, а профилирующим в актуальном словоупотреблении становится афферентный признак /член семьи/: ср. *Мама любит своего сыночка* (из рекламы собачьего корма по центральному телевидению).

Вместе с формой ряда меняется, таким образом, и форма отношения, вместе с формой отношения – содержание понятия. В отношении к дичи в содержании понятия «собака» превалирует /охотник/, в отношении к домашним животным – /животное/, /домашнее/, в отношении к членам семьи – /член семьи/. Эпистемологически значимой оказывается при этом именно форма «понятийного» ряда, а точнее: устанавливаемые внутри ряда отношения. По таким отношениям можно судить, как эволюционирует в познании «живое знание» (К. Бюлер) о предмете и как меняется со способом смыслополагания содержание «понятия».

Классические категории. В классическом учении о категориях всякая существующая в мире вещь определяется в отношении к другим сходным вещам по наиболее значимым их свойствам. Принципиально важно в таком случае установить, насколько действительно существенным в специально-научном освещении является признак, по которому образуются «ряды сходств». Так, воспользуемся примером Лотце, *вишню* можно определить по признакам /красный/, /сочный/ и соответственно подвести под группу красных сочных тел, а можно и по признаку /плод/ внутри категории «фрукты». В первом случае получаем ничего не значащую совокупность, образованную по критерию формального сходства, во втором – закрепленное в общественной практике понятие.

Так задаются основные принципы категоризации в научной картине мира.

- Человек воспринимает мир в категориальной обработке.
- Как результат познания, категория отражает наиболее существенные связи и отношения между вещами.
- Основанием подведения вещей под категорию может быть только объективированная в общественной практике система знания.

[141] Интерпретация совершается по формуле $\forall (x)\ A(x)$. Высказывание признают истинным, если $A(x)$ истинно для каждого x. Из этого, разумеется, не следует, что слово *все* можно отождествлять с квантором общности. Квантификация в естественных языках отличается от квантификации в логике предикатов: языковые выражения *все*, *всякий* или *каждый*, пусть и совпадают по функции с квантором общности, не являются логическими операторами. В противном случае придется признать, что собака, которая не лает, вовсе не собака, а высказывание вида *Все собаки лают, а эта собака не лает* содержит противоречие [→ Контрадикция]. В действительности такое противоречие – не более чем артефакт, порожденный стремлением свести содержание выражения «все» к квантору классической логики. Если же допустить, как предлагает Ф. Растье, что квантифицируемое пространство, покрываемое содержанием «все», простирается в пределах между «обычно» и «по большей части», тогда не существует и пресловутого противоречия: заявленный универсальный признак – всего лишь обычно или чаще всего подтверждаемый признак [Растье 2001: 47].

[142] С архаическими формами категоризации совпадает во многом и детское мышление. Причем в таком принципиальном моменте формирования понятия – от диффузного значения к наглядно-ситуативному, а затем и к категориальному (вербально логическому) значению, как система подвижных связей и отношений между подводимыми под понятие вещами (Выготский 1982, 2: 118–184, 139–166; 4: 5–242).

- За неимением объективной системы знаний «ряды сходств» устанавливаются произвольно, а образуемое случайным образом «понятие» не дает нам ровным счетом ничего для понимания того, чем является в действительности обозначаемая словом вещь.

На этих принципах строится онтологически ориентированная условно-истинностная семантика [→ Семантика условно-истинностная]. Таксономические свойства для нее суть не что иное, как необходимые и достаточные условия, которым должно удовлетворять, чтобы правильно обозначать, всякое анализируемое именное выражение.

Категории folk genera. Классическая теория категорий вызывает вместе с тем нарекания. И не только потому, что «естественные роды» могут строиться по-разному[143], но прежде всего потому, что в речевой деятельности говорящие руководствуются не всегда достоверными знаниями и представлениями в виде категорий *folk genera*. Так исследовательский интерес смещается с реальности на образ, с объекта на модель; причем не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели: *the way the world is* (Патнэм 2002: 70).

В качестве иллюстрации возьмем разбираемый Дж. Лакоффом пример о том, как понимается в американской культуре *time* «время» (Лакофф 2004: 276–278). По аналогии с деньгами или прочими материальными ценностями амер. *time* «время» переосмысливается в метафорической проекции [→ Метафора] как некий осязаемый ресурс, который можно рассчитывать, экономить, тратить, терять, транжирить, использовать с выгодой и даже расхищать. Не будучи, конечно, универсальной, такая концептуализация *времени* укореняется в обыденном сознании настолько, что многие американцы уже не замечают метафоричности выражений вида *time is money*, а принимают их за чуть ли не объективную характеристику того, чем является «на самом деле» время. Причем аргументом в пользу такой концептуализации служит, очевидно, топос американского образа жизни в виде если не абсолютно истинного, то хотя бы общепринятого суждения: *чтобы заработать деньги, требуется время* или *чем больше тратится времени, тем больше должно быть вознаграждение*.

Так задаются основные принципы категоризации в наивной картине мира.

- В обыденном сознании категориальная обработка действительности совершается при участии как специально-научных таксономий, так и не всегда достоверных «субъективных» знаний, мнений и представлений.

[143] Дж. Лакофф приводит, в частности, свидетельства из области зоологии, в том числе различия кладистской и фенотипической моделей в таксономии животных. Например, по «синапоморфным» признакам, на которых основывается кладистская модель, птицы и крокодилы объединяются в одну группу, а по «автапоморфным» признакам, на которых основывается фенотипическая модель, в разные группы животных (Лакофф 2004: 246–259).

- Категории *folk genera* образуются из «сколков» разносистемных парадигм по случайно подмеченным связям между обозначаемыми словами реалиями.
- В отличие от классических категорий, категории *folk genera* суть размытые категории.

Какой бы ни была модель категоризации – классической таксономией или категорией *folk genera*, изучение категоризации позволяет обозначить принципиальную для интерпретирующей семантики зависимость: значения – от способа категоризации, категоризации – от системы знания.

Аристотель. Категории // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51–90.

Бочкарев А. Е. Об эпистемологических основаниях категоризации: классифицирующее понятие – понятие – концепт // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 15–20.

Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: Изд-во Шиповник, 1912.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки русской культуры. 2004.

Розина Р. И. Когнитивные тенденции в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 60–78.

Pottier B., *Représentations mentales et catégorisations linguistiques*, Louvain – Paris, Editions Peeters, 2000.

Rastier F. Catégorisation, typicalité et lexicologie // *Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité*, Paris, CNRS, 1991, p. 259–277.

Rosch E., Natural Categories, in *Cognitive Psychology*, 1973, Nº 4, p. 328–350.

Rosch E., Principles of Categorization, in *Cognition and Categorization*, Hillsdale, Laurence Erlbaum Ass., 1978, p. 27–48.

Когезия (от лат. *cohæsio* «связь»). — В самом общем виде под когезией понимают связь частей внутри целого, а в специально-научном – связь языковых единиц внутри словосочетания, высказывания или текста [→ Текст].

Предпосылкой связности порой считают свойственную языку избыточность. Если связность и в самом деле определять через избыточность, тогда связными во всех естественных языках будут любые языковые последовательности, так как в них воспроизводятся сходные буквы и звуки (Моль 1966: 83–85; ср. Дюбуа 1986: 74–79). Такая трактовка когезии вряд ли приемлема. Учитывать в семантической интерпретации

[→ Интерпретация] следует скорее релевантные, а не случайные факты [→ Релевантности критерий][144].

Когезия реализуется на всех уровнях языковой структуры. В грамматическом отношении она обеспечивается подчинительной связью – согласованием, или воспроизводством граммемы главного слова в зависимом словосочетании[145]. Например, в русском языке полное прилагательное в определительной функции согласуется с именем существительным в роде, числе и падеже: ср. *хорошую книгу*; во французском языке прилагательное и артикль согласуются с существительным в роде и числе, причем артикль сохраняет различительный признак рода только в единственном числе: ср. *un beau livre*.

В лексико-семантическом отношении связность задается по рекурренции семантических компонентов в составе высказывания или текста [→ Изотопия]. Языковую последовательность полагают семантически связной, «если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты», несвязной – «если ни для одной пары синтаксически связанных друг с другом слов это правило не соблюдено» (Апресян 1995, 1: 14–15; ср. Гак 1972; он же 1977: 23).

Больше того, принцип связности проецируется на самое толкование[146], поскольку семантический закон, регулирующий понимание, основывается по определению на повторяемости компонентов значения [→ Компонентный анализ]: «…выбирается такое осмысление <…>, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» (Апресян 1995, 1: 14). В качестве примера возьмем разбираемое Ю. Д. Апресяном высказывание: *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*. Каждая из представленных здесь лексических единиц имеет в языке несколько значений: *кондитер* может означать (i) тот, кто изготовляет сласти, (ii) торговец сластями, (iii) владелец кондитерской; *жарить* – (i) изготовлять пищу нагреванием на масле или в масле, (ii) обдавать зноем; *хворост* – (i) сухие отпавшие ветви, (ii) печенье,

[144] К тому же релевантность в языке надо отличать от релевантности в контексте [→ Контекст]. Выражение, не отвечающее требованиям связности в языке, может быть связным в контексте; и можно даже утверждать, замечает Ф. Растье, что именно установленная в контексте связность служит условием грамматичности (Растье 2001: 107).

[145] В этой связи можно говорить об обязательном грамматическом плеоназме, требующем «чтобы одно и то же понятие было выражено в одной и той же синтагме два или несколько раз» (Балли 1955: 169).

[146] Без критерия связности не обходится и герменевтика [→ Герменевтика]. Основным требованием к толкованию здесь признается «единство смысла»: «в правильном толковании самые различные элементы должны сводиться к тому же результату» (Schleiermacher 1987: 24, 160–167, 188; Дильтей 2001: 195, 243). Ср. «антиципация смысла» (Гадамер 1988), «презумпция изотопии» (Растье 2001).

изготовленное кипячением в масле. Поскольку допустимым признается лишь семантически связное построение, из всех потенциально возможных значений отбираются такие и только такие значения, в которых можно актуализировать общий для всех употребленных в высказывании слов семантический признак /изготовлять/: ‘кондитер’$_1$, ‘жарить’$_1$, ‘хворост’$_2$.

Кроме системы языка, когезия задается и некоторыми прагматическими факторами. В качестве примера Ю. Д. Апресян приводит такие высказывания: (1) *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, установив, таким образом, феноменальный мировой рекорд* и (2) *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, едва выполнив, таким образом, норму третьего разряда*. Чтобы установить, являются ли эти высказывания семантически связными, кроме языковой компетенции, требуется еще и прагматическая компетенция, в том числе знания о существующих спортивных нормативах [→ Фоновые знания]. В фокусе таких знаний высказывание (1) признается семантически связным, хотя и неправдоподобным [→ Истина и правдоподобие], (2) – несвязным и ложным (Апресян 1995, 1: 12–13).

Прагматическая компетенция полезна и даже необходима, когда требуется «скорректировать» в контексте требования языковой системы. Весьма показательно в этой связи толкование внешне аномальных высказываний [→ Неоднозначные высказывания]. Например, высказывание *Вода – затвердевшее стекло* семантически несвязно и аллотопно [→ Аллотопия], так как означенные элементы имеют разный химический состав. Между тем, замечает Ж. Женетт, это типично барочный риторический прием, в котором соприкасающиеся субстанции меняются предикатами (Женетт 1998, 2: 49). Восстановить семантическую связность между ‘вода’ и ‘стекло’ можно путем построения локальной изотопии по общему видовому признаку /прозрачный/.

Так приходим к принципиальному выводу. Семантическая связность языковых произведений задается в толковании как системой языка, так и всеми прочими социальными установлениями [→ Нормы социальные] в функции прагматической пресуппозиции [→ Пресуппозиция].

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды в двух томах. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995.

Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 172–207.

Гальперин И. Р. Интеграция и завершенность текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1980. Т. 39. № 6. С. 512–520.

Ван Дейк Т. А., *Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.

Компонентный анализ. — В качестве метода семантической интерпретации [→ Интерпретация] компонентный анализ оперирует единицами плана содержания меньше морфемы. За отправную точку берется известное положение морфосинтаксиса, по которому содержание любой морфемы можно разложить на элементарные составляющие[147]. Например, английскую морфему *am* можно представить в виде пучка из пяти составных элементов /быть/, /первое лицо/, /единственное число/, /настоящее время/, /изъявительное наклонение/, а значение англ. *bachelor* «холостяк» – отобразить по аналогии в виде набора компонентов /физический объект/, /живой/, /человек/, /мужской пол/, /взрослый/, /никогда не был женат/.

Компонентный анализ позволяет таким образом описать семантическую структуру анализируемых языковых выражений; причем не только отдельно взятых единиц, но и всего высказывания в целом.

Семантическая структура слова. Внутри слова изучению подлежит, во-первых, статус семантических компонентов, во-вторых – складывающиеся между этими компонентами отношения. В рамках родовидовых отношений в значении лексической единицы выделяют *родовые* и *видовые* признаки, которым соответствуют отчасти семантические маркеры (*semantic markers*) и семантические различители (*semantic distinguishers*) в терминологии Дж. Катца и Дж. Фодора (Katz, Fodor 1963). При этом одни семантические компоненты признаются собственными, другие – приобретенными в контексте [→ Контекст]. Так, по наблюдениям У. Вейнрейха, в сочетании *to sail a ship* «управлять судном» признак /водный/ является собственным для ‘sail’ *управлять* и ‘ship’ *судно*, а в сочетании *to sail a craft* переходит с ‘sail’ *управлять* на ‘craft’ *транспортное средство* в качестве привходящего семантического признака (Вейнрейх 1981: 109).

Кроме разложения на составные элементы, не менее важной задачей компонентного анализа является установление отношений между этими элементами. Критикуя Катца и Фодора за допущение, будто значение лексической единицы – простой конгломерат признаков, У. Вейнрейх предлагает различать неупорядоченный и упорядоченный наборы семантических компонентов: пучок признаков в отношении сложения *a*, *b*, *c* и конфигурацию $a \rightarrow b$ с подчинительным отношением между признаками (Вейнрейх 1981: 89–95, ср. Бирвиш 1981: 188–191). Например, в семеме ‘дочь’ признаки /человек/, /женский пол/ и /потомок/ складываются в неупорядоченный пучок, а в семеме ‘стул’ признаки /мебель/ и /предмет для сидения/ образуют упорядоченную конфигурацию, поскольку микрородовой признак /предмет для сидения/ влечет с необходимостью макрородовой признак /мебель/ [→ Импликация].

[147] Эти компоненты суть теоретические конструкты, удобные для описания семантических отношений между единицами языка (Бирвиш 1981: 180). В этом семантический анализ совпадает отчасти с фонологическим анализом, представляющим фонему в виде пучка различительных (акустических и/или артикуляторных) признаков.

Семантическая структура высказывания. Переходя к семантическим отношениям внутри высказывания, нельзя не задаться вопросом, насколько допустима та или иная комбинация слов и словосочетаний в составе высказывания. Понять, как сочетаются между собой слова и словосочетания [→ Сочетаемостных ограничений правила], позволяют так называемые проекционные правила (Katz, Fodor 1963: 170–210; Катц 1981: 33–49).

Предположим, что анализируемая языковая последовательность состоит из элементов *A*, *B* и *C* и что каждый из них имеет несколько словарных толкований. По проекционным правилам Дж. Катца и Дж. Фодора в фигурирующих в высказывании словах отбирается такое толкование, по которому они совпадают хотя бы по одному общему семантическому признаку и не имеют контрарных признаков [→ Когезия]. Например, по сравнению с *honest baby* «честный младенец» сочетание *honest worm* «честный червь» признается семантически аномальным, поскольку ни одно из известных толкований *honest* «честный» нельзя объединить ни с одним из известных толкований *worm* «червь» (Катц 1981: 39). Иначе говоря, ‘honest’ *честный* и ‘worm’ *червь* не только не имеют общих признаков, но и содержат контрарные признаки: /человек/ *vs* /животное/. Аналогично выражение *pretty boy* кажется странным, поскольку прилагательное *pretty* включает признак, ограничивающий его употребление позицией определения при именах с признаком /женский пол/: напр. *pretty girl* (Вейнрейх 1981: 70). Чтобы истолковать такие выражения, необходимо, во-первых, нейтрализовать несовместимые признаки, во-вторых – актуализировать какой-то общий признак [→ Изотопия].

Главное достоинство компонентного анализа состоит, таким образом, в том, что он позволяет подойти к изучению морфемы и высказывания с позиции единой семантической теории. Больше того, компонентная семантика намеревается установить некоторый ограниченный набор универсальных семантических компонентов, а с помощью нескольких десятков или сотен таких «атомов смысла» описать лексический состав всех естественных языков, как если бы лексические значения отличались в языках только по способу сочетания семантических компонентов. Между тем, замечает Дж. Лайонз, «эмпирические данные, которыми мы располагаем в настоящее время, <…> скорее опровергают, чем подтверждают эту гипотезу» (Лайонз 1978: 499; ср. Растье 2001: 28–30).

Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 200–234.

Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176.

Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 33–49.

Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986.
Кузнецов А. М. Компонентного анализа метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 233–234.
Лайонз Дж. Компонентный анализ и компонентная семантика // Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. С. 496–507.

Коннотация (от лат. *connotatio* «дополнительное значение»). — Под коннотацией обычно понимают дополнительное значение с эмоционально-экспрессивной окраской, которое лексическая единица получает в употреблении наряду с понятийным значением [→ Значения «значения»]. Например, в толковании рус. *петух* нельзя ограничиться таксономическими признаками /птица/, /куриный/, /самец/, а следует также учитывать и коннотативные признаки /хвастливый/, /драчливый/, /задиристый/, /встает с солнцем/ и т. п. Тем более что эти признаки имеют в языке устойчивый характер, о чем свидетельствуют многочисленные производные выражения в переносном значении: напр. *петушиться* (в значении «горячиться»), *петушиный* (в значении «задиристый»), *ходить петухом* (в значении «с гордым и важным видом»), *до петухов* (в значении «до зари»), *с петухами* (в значении «с зарей») и т. д.

Остановимся подробнее на ключевых моментах коннотации.

В широком смысле под коннотативным компонентом значения понимают различные оттенки значения, которые «дополняют» сигнификативное значение. К коннотативным признакам в таком случае относят любые сопутствующие признаки, в том числе акцидентные, лишь бы они отражали отношение говорящего к факту высказывания или служили специфической приметой социолекта или идиолекта [→ Идиолект]: ср. франц. *bagnole* «тачка» (прост.), англ. *old chap* «старина» (*разг.*).

В более узком смысле коннотацию противопоставляют денотации[148] и тем самым связывают с вторичной номинацией [→ Номинация вторичная] в согласии с известным изречением Оккама (1285–1349): *Nomen connotativum est illud quod significat aliquid primario, et aliquid secundario* «Коннотативное имя есть такое [имя], которое обозначает нечто первичное и нечто вторичное» (*Summa totius logicae*, I, c, 10). Коннотация основывается в таком случае на реляции элемента одного системного класса [→ Семантический класс] к элементу другого системного класса, с которым его связывает более или менее устойчивая ассоциация[149].

Так, в приведенном выше примере употребление слова *петух* во вторичной для него функции именования предполагает коннекцию элементов разносистемных парадигм: ‘петух$_2$’ //люди// ∩ ‘петух$_1$’ //птицы//. Поскольку видовые признаки /хвастливый/, /задиристый/ или /драчливый/, по которым устанавливается аналогия, являются собственными в семеме ‘петух’$_2$ (/человек/), привходящими в семеме ‘петух’$_1$ (/птица/), возникает логично вопрос, почему драчливого человека нельзя просто охарактеризовать по данным свойствам. Аргументом в пользу такой коннекции служат, конечно же, не таксономические свойства петуха, а такое весьма существенное обстоятельство, что некоторые представители животного мира наделяются в русском языковом сознании нравственными человеческими качествами[150], а затем привлекаются в качестве образца для оценочной квалификации индивидного представителя рода человеческого в определениях вида *петушиться* (в значении «горячиться»), *петушиный характер* (в значении «задиристый») или *ходить петухом* (в значении «с гордым и важным видом»).

Так проясняется принципиальное свойство коннотации. В отличие от собственных видовых признаков, обобщающих симметричные (рефлексивные) отношения между элементами того же системного класса, привходящие коннотативные признаки помечают *не*симметричные (*не*рефлексивные) отношения между элементами разных системных классов[151].

---

[148] Ср. *Дж. Ст. Милль*. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914. Между тем, замечает Ч. Пирс, миллевская «коннотация» расходится с прежним пониманием: «М-р Дж. С. Милль ввел два полезных глагола *денотировать* (denote) и *коннотировать* (connote), которые приобрели широкое распространение. На самом деле, по мнению всех изучавших логику четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого столетий, *коннотация* рассматривалась в то время исключительно как отсылка ко второму обозначаемому – то есть (приблизительно) как отсылка относительного термина (вроде *отец*, *ярче* и т. д.) к корреляту денотируемого им объекта (относительным термином) в первую очередь, – но никоим образом не в миллевском смысле отсылки термина к существенным свойствам, подразумеваемым (implied in) в его (термина) определении» (Пирс 2000, 2: 186).

[149] О такой реляции мы можем судить по устойчивым метафорическим транспозициям [→ Метафора], так или иначе засвидетельствованным в речевом обиходе.

[150] *Петух* – драчливым нравом, *лиса* – хитростью, *заяц* – трусливостью, *змея* – коварством.

[151] В этом смысле коннотативные признаки сопоставимы с афферентными признаками в определении Ф. Растье. И все-таки Ф. Растье отказывается от коннотации в пользу афференции: во-первых, потому что «понятие коннотации остается на деле столь расплывчатым, что успешное его применение не может не вызывать сомнений»; во-вторых, потому что «компоненты от коннотации и денотации смешиваются таким невообразимо запутанным образом, что невозможно отделить описание коннотации от описания денотации»; в-третьих, потому что коннотацию определяют независимо от семантических классов, тогда как афферентный признак – «функция некоторого множества семем к другому множеству семем» (Растье 2001: 15, 50, 157).

Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 156–177.

Женетт Ж. Стиль и значение // Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 407–451.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Kerbrat-Orecchioni C., *La connotation*, Lyon, P.U.L., 1977.

Контекст. — Под контекстом понимают лингвистическое или прагматическое окружение, в котором определяют в толковании [→ Интерпретация] значение языкового выражения[152]. Например, в выражении *table de cuisine* «кухонный стол» ближайшим лингвистическим контекстом для *table* будет «-de cuisine », а для *cuisine* – «table de-».

Без знания контекста руководствоваться можно, разумеется, и словарной дефиницией, позволяющей прогнозировать с известной долей вероятности наиболее частотные случаи употребления[153]. Но судить, каким является актуальное значение, можно только по непосредственно данным условиям употребления. Недаром Дж. Лайонз говорит: «Дайте мне контекст, в котором вы встретили это слово, и я объясню вам его значение» (Лайонз 1978: 434). Так, за отсутствием контекста франц. *table* может означать что угодно – и стол, и таблицу, и хирургический стол, и парту, а в заданном языковом окружении только стол, таблицу, хирургический стол или парту. В контексте «-de cuisine » это кухонный стол (*table de cuisine*), в контексте «-d'opération» – хирургический стол (*table d'pération*), в контексте «-de salon» – журнальный столик (*table de salon*), в контексте «-d'école» – парта (*table d'école*), в контексте «-de tir» – таблица для стрельб (*tables de tir*).

По типологически значимым параметрам различают несколько видов контекста: левый и правый, активный и пассивный, ближний и дальний, лингвистический и прагматический, внутритекстовый и затекстовый, эксплицитный и имплицитный.

Остановимся подробнее на некоторых из них.

Левый / правый контекст. Поскольку в индоевропейских языках сообщение разворачивается линейно, слева направо, контекст языкового выражения может быть левым или правым, предшествующими или последующим. За исключением так называемых «причинных цепочек», соединяющих высказывания по правилам причинно-следственной связи[154], дистрибуция элементов не имеет в принципе особого значения: в равной степени значимой для толкования языкового выражения может становиться как предшествующий, так и последующий фрагмент высказывания и/или текста [→ Текст]. Поэтому вместо критерия дистрибуции релевантными [→ Релевантности критерий] становятся скорее интерпретирующие возможности контекста.

Активный / пассивный контекст. По участию в интерпретации контекст может быть активным или пассивным. Активным контекстом может быть при необходимости и синтагма, и сверхфразовое единство, и весь текст, хотя и не все, что имеется в тексте, при условии, если позволяет установить значение анализируемого выражения. В таком определении активный контекст есть не что иное, как интерпретант [→ Интерпретант].

Ближний / дальний контекст. В зависимости от радиуса действия различают микро- и макроконтекст. Под микроконтекстом понимают ближайшее, под макроконтекстом – максимально удаленное окружение, в котором определяют в толковании значение анализируемого выражения[155]. Семантические отношения, установленные в рамках одного контекста,

[152] Ср. «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» (Ельмслев 1960: 303–304).

[153] В лексикографическом описании задаются заведомо известные типовые контексты как условия различения в многозначном слове разных значений и употреблений. В определении Ю. Д. Апресяна отличие употреблений от лексем-значений заключается в том, что всякое новое употребление лексемы производно от прототипического значения, тогда как лексема-значение никогда (или почти никогда) не выводится во всей лексикографически существенной совокупности свойств с помощью продуктивного правила из какой-то другой лексемы словаря (Апресян 2001). Французская семантика выделяет, со своей стороны, смыслы (*sens*), словозначения (*acception*) и словоупотребления (*emploi*). *Смыслы* различаются по ингерентным родовым семам: напр. франц. *blaireau* $_1$ «барсук» и *blaireau* $_2$ «кисточка для бритья из барсучьего волоса». *Словозначения* различаются по социально нормированным афферентным видовым семам: напр. франц. *minute*$_1$ «мера времени, состоящая из шестидесяти секунд» и *minute* $_2$ «короткий промежуток времени». *Словоупотребления* различаются по актуализированным в контексте афферентным видовым или родовым семам: напр. франц. *cuirasse*$_1$ «часть доспехов» и *cuirasse*$_2$ «душевное состояние» (Растье 2001: 69–75; ср. Martin 1983: 15).

[154] Например, между высказываниями (1) *Они поженились* и (2) *У них родилось много детей* могут выстраиваться разные семантические отношения в зависимости от того, какое высказывание следует, а какое предшествует (Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: 39).

[155] Такое деление совпадает отчасти с распределением локальных зон интерпретации – синтагмой, высказыванием, текстом и интертекстом [→ Интертекст].

могут при этом не совпадать с семантическими отношениями, установленными в рамках другого контекста. Например, чтобы установить значение франц. *joue* «щека» в выражении вида *les belles joues de l'oreiller* (М. Пруст) можно ограничиться ближним контекстом «-de l'oreiller » а можно определять его в движении по кругу [→ Герменевтический круг] в отношении к другим элементам текста, том числе *maman*, *Mlle de Vinteuil*, *Albertine*, вне какой-либо синтаксической связи между ними. В ретроактивном воздействии глобальный контекст может в результате даже подавлять локальный контекст.

Лингвистический / прагматический контекст. Помимо лингвистического контекста на значение анализируемого выражения влияет также прагматическое окружение, в котором истолковывается данное выражение[156]. В функции прагматического контекста выступает в пределе вся культурно-историческая ситуация, в которой происходит производство и истолкование текста. Например, современному читателю невдомек, что означает в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» *облатка розовая*, которая *сохнет на воспаленном языке* Татьяны Лариной. Обратившись к «Словарю русского языка», можно прочитать, что облатка – это «небольшой полый внутри шарик из крахмальной муки, желатина и т. п. для приема лекарств в порошках. Хинин в облатках» (С. И. Ожегов). Неужели, возникает вопрос, Татьяна страдала малярией? Заглянув в энциклопедический словарь, можно также узнать, что облатка имеет отношение к обряду причащения в католической церкви. Означает ли это, вопрошает известный отечественный исследователь, что Татьяна была тайной католичкой? Между тем В. Набоков поясняет: «Конверты еще не были изобретены; сложенное письмо запечатывалось специальной клейкой пастой с розовым оттенком в форме кружка, как в данном случае» (Набоков 1998: 333–334). Реконструкция культурно-исторической ситуации позволяет, таким образом, воссоздать «правильный исторический горизонт» (Х.-Г. Гадамер), без учета которого даже самое что ни на есть обычное выражение вроде *розовой облатки* может показаться аномальным [→ Неоднозначные высказывания].

Эксплицитный / имплицитный контекст. Под эксплицитным контекстом понимают выраженный, под имплицитным контекстом – невыраженный интерпретирующий контекст. Имплицитный контекст функционирует в качестве пресуппозиции [→ Пресуппозиция] – лингвистически невыраженной, но заведомо известной информации, предваряющей понимание всякого языкового выражения. Например, высказывание вида *Коля купил себе шикарную машину* содержит имплицитное указание на то, что Коля достиг совершеннолетия, что у него есть водительские права и необходимые средства для приобретения дорогостоящего автомобиля.

[156] Его образуют не сами по себе вещи, а связанные с ними представления, по которым мы заключаем, как понимать обозначающие их выражения.

В таком понимании имплицитный контекст совпадает, по сути, с фоновыми знаниями [→ Фоновые знания], умолчание которых не наносит ущерба для ясности, а необходимо в целях экономии: с полным правом опускается то, что очевидно для участников коммуникации[157].

Так приходим к следующим установлениям.

- Контекст – необходимое условие семантической интерпретации.
- По участию в интерпретации контекст может быть активным или пассивным.
- Активным может быть только контекст в функции интерпретанта.
- В качестве интерпретанта может привлекаться в равной мере любой активированный в интерпретации контекст – ближний и дальний, лингвистический и прагматический, эксплицитный и имплицитный, внутритекстовый и затекстовый – при условии, если позволяет установить значение анализируемого языкового выражения.
- В микросемантическом анализе [→ Семный анализ] активный интерпретирующий контекст состоит из множества лексикализованных и/или нелексикализованных семем – независимо от позиции обозначающих их выражений – в отношении взаимодействия с анализируемой семемой.
- Параметры интерпретирующего контекста задаются по условиям интерпретации: во внутритекстовой интерпретации это внутритекстовый контекст, в затекстовой интерпретации – интертекст.
- Интерпретация в контексте сокращает, а иногда и изменяет словарное значение, поскольку исключает из толкования нерелевантные в контексте компоненты значения.

Ван Дейк Т. А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.

Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 123–170.

Логический анализ языка: Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

Торсуева И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 238–239.

Якобсон Р. Часть и целое в языке // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301–305.

Kleiber G., Contexte, interprétation et mémoire: approche standard *vs* approche cognitive, in *Langue française*, 103, sept. 1994, p. 9–22.

Mondana L., Contexte et situation, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998, p. 112–115.

[157] Разумеется, умолчание [→ Умолчание] может быть также обусловлено тайной, ложью или неискренностью. В таких случаях имплицитный контекст соотносится с эксплицитным контекстом, как скрытый смысл с явным смыслом [→ Теория двух смыслов].

Контрадикция. — Контрадикторными высказываниями называют логически противоречивые высказывания, в которых об одном и том же предмете высказываются противоположным образом: напр. *некоторый человек бел* и *некоторый человек не бел*.

Действительно, с точки зрения двузначной логики такие высказывания контрадикторны, поскольку какому-то индивидному представителю рода человеческого приписывают в одно и то же время и в одном и том же отношении противоположные свойства: *бел* и *не бел*[158]. При оперировании подобными суждениями классическая логика руководствуется обычно такими правилами: (i) контрадикторные суждения не могут быть одновременно и истинными, и ложными; (ii) суждение либо истинно, либо ложно: третьего не дано [→ Истина и правдоподобие].

Вместе с тем в языке немало контрадикторных высказываний. В самом общем виде их можно свести к двум типам: (i) через отрицание и (ii) через антонимию. В контрадикции через отрицание в отношении второго употребления действует оператор отрицания: напр. *И ужин прощальный – не ужин* (А. Галич). В контрадикции через антонимию лексическая единица сочетается с полным или частичным своим антонимом: напр. *Серж подошел к своей чужой жене Марише* (Л. Петрушевская).

Поскольку с контрадикцией связаны основные трудности понимания[159], задача интерпретации [→ Интерпретация] сводится к снятию противоречия[160].

---

[158] Ср. «...невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» (Аристотель 1976, 1: 125). Или «…“могущее быть” и “не могущее быть” никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время, ибо они противолежат друг другу. Так же и “могущее не быть” и “не могущее не быть” никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время» (Аристотель 1978, 2: 109).

[159] Не случайно Шлейермахер формулирует такой герменевтический постулат: «...я понимаю всё, пока не сталкиваюсь с противоречием или бессмыслицей» (Schleiermacher 1989: 11).

[160] Аналогичным образом обстоит и с толкованием противоречий в библейской герменевтике. Ср. «Чтобы уразуметь смысл некоторого автора, надо согласовать все противоположные места. Так, чтобы понять Писание, надо иметь смысл, с которым согласуются все противоположные места. Недостаточно иметь смысл, который подходил бы сразу для нескольких совпадающих мест, но смысл, в котором согласуются даже противоположные места. У всякого автора есть смысл, с которым согласуются все противоположные места, либо нет вовсе смысла. Этого нельзя сказать о Писании <...>; и надо, следовательно, искать такой [смысл], в котором согласуются все противоположности» (Pascal, *Pensées*, Paris, Garnier – Flammarion, 1973: 166–167).

Остановимся подробнее на наиболее примечательных случаях истолкования контрадикторных высказываний.

Разные временные интервалы. Контрадикторные высказывания можно истолковать путем помещения несовместимых предикатов в разные временные интервалы: в одно время так, в другое иначе. Например, внешне противоречивое высказывание *Анна красива и безобразна* можно перифразировать: порой красива, порой безобразна (Кифер 1985: 337). Так же легко придать «разумный смысл», по Ю. Д. Апресяну, и высказыванию *Серж подошел к своей чужой жене Марише и пригласил ее танцевать*, в котором *жена* одновременно определяется как *своя* и как *чужая*: «когда-то была моей женой, а теперь замужем за другим» (Апресян 1995, 2: 625). Не менее убедительно выглядит и разбор стихов Сабатье в изложении Ф. Растье: *C'est un jour de miracle / On inverse le temps // Ici les boiteux dansent / Et les aveugles voient // Les muets forment chœur / Et les sourds les écoutent* «Это день чудес / Пошло время вспять / Здесь танцуют хромые / А слепые глядят // Поют хором немые / Им внимают глухие» (Les miracles, *L'oiseau de demain*). В разбираемом примере акторы характеризуются через несвойственные им предикаты: по определению немые не могут петь, глухие – внимать, слепые – глядеть, хромые – плясать. Переосмыслить такое высказывание можно с помощью внутритекстового интерпретанта [→ Интерпретант] *On inverse le temps* «Пошло время вспять». При его посредстве *boiteux* «хромые», *aveugles* «слепые», *sourds* «глухие» наделяются временным индексом /$t_{0\text{-}1}$: недавно/, а *dansent* «танцуют», *voient* «глядят», *forment chœur* «поют хором», *écoutent* «внимают» – временным индексом /t_0: сейчас/ и /$t_{0\text{-}2}$: раньше/ (Растье 2001: 164).

В одном отношении так, в другом иначе. Контрадикторные высказывания можно, кроме того, истолковать путем расподобления: в одном отношении так, в другом иначе. Например, внешне противоречивое высказывание *Это мой друг-враг, я его люблю и ненавижу* можно преобразовать: в одном отношении друг, в другом – враг, за одни свойства люблю, за другие – ненавижу (Апресян 1995, 2: 625); *Петер с Анной «на ты» и «не на ты»*: официально «на вы», неофициально «на ты»; *Работа Петера нам всем доступна и недоступна*: в принципе доступна, на практике недоступна (Кифер 1985: 336–339).

Разные контексты мнения. Контрадикторные высказывания можно, наконец, связать и с разными воззрениями на предмет в разных контекстах мнения: для кого-то так, а для кого-то иначе. Например, *Петер высокого и низкого роста* можно перифразировать: с точки зрения *A* – высокого роста, а с точки зрения *B* – низкого роста; *Анна работает много, и она работает немного*: кажется, что работает много, а на деле немного (Кифер 1985: 336–339). Аналогичным образом можно истолковать

и странные слова Аргана при виде Туанеты в обличии почтенного доктора в комедии Мольера «Мнимый больной»: *Voilà un beau jeune vieillard pour quatre-vingt-dix ans !* «Вот это да! Прекрасный молодой старик для своих девяноста лет!» В изложении Ф. Растье толкование контрарных дескрипций *jeune* «молодой» и *vieillard* «старик», примененных в отношении Туанеты, возможно путем соотнесения с разными универсумами: *jeune* «молодой» – со стандартным, *vieillard* «старик» – с ассумптивным универсумом Аргана [→ Ассумптивный универсум] (Растье 2001: 144). При этом для аналитика здесь важно даже не истинностное значение той или иной дескрипции, а условия, при которых она совместима с внутренней установкой говорящего – с тем, что он думает, считает и чувствует в данном мире *W*.

Так приходим к следующим выводам.

• Суждение противоречиво, когда одному и тому же предмету приписывают в одно и то же время и в одном и том же отношении противоположные свойства.

• Для интерпретирующей семантики контрадикторные высказывания суть допустимые высказывания при условии согласования контрарных термов в заданном лингвистическом или прагматическом контексте [→ Контекст].

• Интерпретация контрадикторных высказываний совершается путем перифразировки.

Апресян Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 622–628.

Кондаков Н. И. Противоречия закон // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 488–495.

Растье Ф. Контрадикции // Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 162–167.

Концепт. — В зависимости от избираемого в исследовании подхода под концептом понимают и базовую единицу культуры, и основную единицу концептосферы, и единицу ментальной информации, и оперативную единицу памяти, и содержательную сторону языкового знака [→ Знак], а содержание концепта соответственно сводят к культурологическим, социально-историческим, психологическим, логико-понятийным или семантическим коррелятам. Так концепт отождествляется попеременно с константой (или категорией) культуры в виде топоса [→ Топос] или бродячего мотива, ментальной репрезентацией в виде гештальта, прототипа [→ Прототипов теория], социального стереотипа [→ Социальные стереотипы] или фрейма [→ Фрейм], логико-понятийной репрезентацией в виде закрепленного в общественной практике понятия или семантической репрезентацией в виде построенной в анализе «семной молекулы» [→ Семный анализ].

Не вдаваясь в рассуждения о преимуществах того или иного способа представления, остановимся скорее на отношениях между *понятием* и *концептом* как величинах, тождественных в одном отношении, но противоположных в другом. С целью уяснить основания теории концепта, а вместе с тем и установить принципиальную для лексической семантики [→ Семантика] зависимость: значения – от способа категоризации [→ Категоризация], категоризации – от системы знания[161].

С эпистемологической точки зрения *концепт* сродни *понятию*, потому что эволюционирует вместе с познанием и задается, как и понятие, как отраженное знание о предмете. Сходной оказывается, во всяком случае, общая тенденция к подведению элементов в форму «понятийного» ряда по какому-то общему для всех элементов квалифицирующему признаку. Так, на основе бытующих представлений, что отлетевшая душа продолжает жить в насекомом с двумя парами покрытых пыльцой крыльев, рус. *бабочка*, например, определяется в первичной номинации [→ Номинация] в отношении к *бабке* (уменьш. от *бабушка*). Не вдаваясь в полемику, насколько мотивированным здесь является превращение – гусеницы в куколку, куколки в бабочку, отметим пока, что первичное «понятие» задается по аналогии с *душой* и что основными квалифицирующими признаками, по которым утверждается форма понятийного ряда, оказываются /бессмертие/, /культ предков/, /имеющий отношение к потустороннему миру/ и т. п.

Тенденция к образованию понятийного ряда не ограничивается, конечно же, первичной конфигурацией. С эволюцией познания модифицируется существенным образом и форма ряда, а вместе с ней и содержание «понятия». В некоторых архаических культурах представитель отряда чешуекрылых насекомых (*Lepidoptera*) определяется еще и в отношении к *птицам*, *растениям*, *дыханию*, *любви*, *судьбе* и *долголетию*, а выводимые в фокусе этих отношений квалифицирующие свойства воспринимаются как основные и чуть ли не единственно адекватные критерии в обосновании искомого «понятия». При этом не так уж и важно, случайно ли

[161] Эту зависимость можно обобщить в обратном порядке: значение всякой анализируемой лексической единицы устанавливают на семантическом классе [→ Семантический класс], в который входит по определению данная единица; строение семантического класса зависит от способа категоризации; способ категоризации зависит от системы знания.

избирается именно этот, а не какой-то другой признак (Серебренников 1977: 155; ср. Степанов 1997: 59–62) – важно, что при его посредстве устанавливаются связи и отношения между вещами. Это, согласимся, еще не единство рода, а единство отношения, но этого достаточно, чтобы образовать ряд, а по форме ряда – судить о содержании познания.

Разумеется, квалифицирующее понятие имеет мало общего с классическим понятием, поскольку совершается не в плане родовидовых отношений – *genus proximum* и *differentia specifica*, а путем выхватывания в наглядном представлении каких-то отдельных, случайно подмеченных признаков, свойств и состояний. С переходом к познанию иного смыслового масштаба, более совершенному с точки зрения сущностных свойств вещи, меняется и модус в*и*дения, а вместе с ним и утверждаемая форма отношения. Другое отношение влечет за собой другую функцию познания. Вместо установленной ранее связи с *пернатыми*, *растениями*, *долголетием*, *душой* и *судьбой* профилирующим отныне становится отношение к *насекомым*, а через это отношение – устанавливаемые по естественнонаучным критериям онтологические свойства /насекомое/, /чешуекрылое/ и т. п.[162]

Каким бы ни был способ смыслополагания, общим остается моделирующий принцип: понимание не исчерпывается воспроизведением вещи «такой, как есть», а воссоздает ее в категориях той или иной системы представлений. Для семантики важно в таком случае решить, на каких знаниях строить толкование: на объективированных в общественной практике абсолютно достоверных знаниях или на обыденных мнениях и убеждениях типа *doxa*. В качестве базовой модели понимания онтологически ориентированная условно-истинностная семантика [→ Семантика условно-истинностная] избирает таксономическое знание, тогда как когнитивная семантика [→ Семантика когнитивная] ориентируется на системы главным образом обыденных представлений с когнитивными аналогами в виде схем повседневного опыта – эмпирических гештальтов, типичных примеров, идеалов и образцов, прототипов, социальных стереотипов и фреймов.

Наиболее адекватной моделью значения [→ Значения «значения»] представляется вместе с тем модель, построенная на принципах эпистемологического консерватизма (С. Ору), то есть такая модель, в которой

[162] Нельзя, кроме того, исключать и некоторые акцидентные индивидуально-авторские ассоциации [→ Идиолект]. Например, по наблюдениям Вяч. Вс. Иванова, в поэзии Пастернака *бабочка* подводится под общий семантический ряд с *бурей* («бабочка-буря») и *инфантой* («инфанта-бабочка»), а образуемый таким образом ряд задает совершенно иные признаки сходства, по которым обосновывается и утверждается форма ряда (Иванов 1998, 1: 15–140).

учитываются по возможности все или почти все виды знания [→ Фоновые знания]. С такой многозначностью смыкается принципиальная установка гуманитарных наук на переменный характер значения-*знания*, на производные в контексте общественной практики переменные отношения между знаками, вещами и опосредствующими их представлениями.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- В рамках переменных отношений между знаками, вещами и опосредующими их представлениями исследуемое семантикой значение может быть только переменным.
- Каким бы ни был способ смыслополагания, общей для анализируемых понятий является функция познания, отличной – избираемая в качестве основания значения система представлений: (i) объективированные в общественной практике таксономические знания в случае понятия; (ii) не всегда достоверные представления в случае концепта. В отношении к схватываемому смыслу эти системы представлений образуют в совокупности концептуальный фон, на котором оформляется понимание и на котором только и можно судить о признаках, свойствах и состояниях обозначаемых словами реалий.
- Общей для анализируемых понятий является, кроме того, и установка на категоризацию, отличным – строение категории. В случае классического понятия это построенная по правилам онтологии таксономия; в случае концепта – образованное путем пересечения разносистемных парадигм нечеткое множество.

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Бочкарев А. Е. Об эпистемологических основаниях категоризации: классифицирующее понятие – понятие – концепт // Вопросы когнитивной лингвистики, 2, 2007. С. 15–20.

Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.

Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 38–53.

Карасик В. И. и др. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.

Кубрякова Е. С. Концепт // *Кубрякова Е. С* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 90–93.

Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.

Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистка. Москва: Восток – Запад, 2007.

Степанов Ю. С. Концепт // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40–76.

Литературность. — С легкой руки представителей русской формальной школы под литературностью сегодня понимают особый способ построения текста [→ Текст], благодаря которому его можно принять за художественное произведение в противоположность внелитературным явлениям[163]. Чтобы эстетически аморфный материал в виде набора «житейских фактов» превратился в ходе художественной обработки в эстетически значимый литературный факт, требуются, безусловно, преобразования. Такие преобразования затрагивают по возможности все или почти все уровни текстовой структуры – от построения фразы до системы образов и сюжетостроения [→ Сюжет].

Представление о «сделанности» связывается с обработкой словесного материала, приемом по преодолению автоматизма восприятия. Вот почему в программной статье В. Шкловского «Искусство как прием» (1919) поэтический язык определяется через деформацию[164] языка практического путем «смыслового сдвига» – *остранения*. «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, – пишет В. Шкловский, – то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки <…> Целью искусства является дать ощущение вещи как в*и*дения, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей <…> искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно» (Шкловский 1983: 13–14, 15). Например, у Л. Н. Толстого прием остранения состоит, по В. Шкловскому, в том, что писатель, не называя вещь своим именем, описывает ее как в первый раз увиденную, а случай – как в первый раз произошедший. «Методом остранения пользовался Толстой постоянно: в одном из случаев (Холстомер) рассказ ведется от лица лошади, и вещи остранены не нашим, а лошадиным их восприятием» (Шкловский 1983: 16).

[163] Ср. в этой связи противопоставление текста произведению, произведения тексту в работах М. М. Бахтина (1979: 281–307) и Р. Барта (1989: 413–423).

[164] О «деформации» как условии построения «поэтического языка» говорят и много лет спустя (Kristeva 1969: 237). Весьма примечательно в этой связи и определение стилистического эффекта как отклонения от среднестатистической нормы, «нулевой степени письма» (Барт 1983: 306–349; ср. Гиро 1980: 43; Мукаржовский 1994: 68, 166; Хованская 1988: 126–141).

Литературность гарантируется, таким образом, приемом; причем не только новым, но и переосмысленным старым[165]. Главное, чтобы прием ощущался, чтобы отношение «конструктивного фактора» к материалу было динамичным. В этом состоит, по определению Ю. Н. Тынянова, принцип литературной эволюции (Тынянов 1977: 270–281).

Понятие литературности принципиально для интерпретации [→ Интерпретация] художественных текстов – и в плане условно-истинностной обработки входящих в них высказываний [→ Истина и правдоподобие], и в плане референции к миру обозначаемых словами вещей [→ Референция].

Литературность и истина. В качестве эстетического объекта литературный текст не подлежит проверке на истинность. И не потому, что истинностное значение уводит нас из сферы эстетики в область специально-научного знания, а потому, что анализ художественного произведения нельзя вообще производить на основе логико-семантических представлений, ограничивающих понимание онтологической картиной мира. Поскольку речь в художественном тексте идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть при известном стечении обстоятельств в некотором возможном мире *W* [→ Ассумптивный универсум], анализ производится относительно того мира, каким является мир текста. От текста при этом не требуется, чтобы все входящие в него высказывания были истинными: главное, чтобы они соответствовали эстетическим требованиям, а связанные с ними ограничения совпадали (или не совпадали) с читательским ожиданием.

Литературность и референция. Установка на «остранение» как условие литературности позволяет по-новому взглянуть и на проблему референции [→ Референция], во всяком случае в литературном тексте. Поскольку прием остранения состоит по определению в качественном изменении привычного в*и*дения вещей, референция совершается не к привычным, а принципиально иным вещам. В качестве примера возьмем такой фрагмент из поэмы Ш. Бодлера: *Au milieu des flacons, des étoffes lamées / Et des meubles voluptueux, / Des marbres, des tableaux, des robes parfumées / Qui traînent à plis somptueux, / Dans une chambre tiède où, comme en une serre, / L'air est dangereux et fatal / Où des bouquets mourrants dans leurs cercueils de verre / Exhalent leur soupir final* (Une martyre, *Fleurs du Mal*, 1857). В первом приближении *flacons* «флаконы», *meubles* «мебель» и *bouquets* «букеты» соотносятся, казалось бы, с издавна знакомыми вещами – «небольшими стеклянными сосудами для хранения духов», «предметами комнатной обстановки», «сложенными в пучок

[165] В качестве приема могут рассматриваться даже разного рода погрешности и ошибки (Тынянов 1977: 263). Ср. в этой связи языковые погрешности как средство семантического сдвига в поэзии футуристов.

цветами в вазе». Удивляет выбор присоединенных предикатов. Даже не касаясь транспозиции *vase* «ваза» → *cercueuil de verre* «стеклянный гроб», нельзя не заметить, что *flacons* «флаконы», *meubles* «мебель» и *bouquets* «букеты» наделяются в поэме Бодлера несвойственными для них признаками, что определения *voluptueux* «сладострастный» (в отношении мебели) и *mourrants* «умирающие» (в отношении букетов) выходят за рамки допустимого диапазона варьирования. Поэтому Ю. Кристева дает, не случайно, весьма противоречивое определение поэтической референции[166], а П. Рикёр говорит о «расщепленной» референции в художественном тексте (Рикёр 1990: 425–428; ср. Арутюнова 1998: 280).

В качестве условия литературности установка на выражение позволяет, таким образом, понять, чем авторское отношение к системе выразительных средств отличается от общепринятого и как творческое использование языка характеризует тот или иной индивидуально-авторский стиль [→ Идиолект]. В противном случае анализ художественного текста низойдет до регистрации наблюдаемых языковых, бытовых или прочих фактов, а анализируемый художественный текст утратит специфические особенности эстетического объекта.

Жирмунский В. М. К вопросу о формальном методе // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 94–105.

Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.

Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270–281.

Ханзен-Леве Оге А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001.

Энгельгардт Б. М. Формальный метод в истории литературы. Л.: Academia, 1927.

Метафора (от греч. *metaphorá* перенос). — В расширительном толковании под метафорой понимают употребление слов в переносном значении, а в специальном смысле – механизм речи (троп), позволяющий отобразить структурные элементы одной концептуальной области по пропозициональной или образно-схематической модели другой концептуальной области. Так, по наблюдениям Дж. Лакоффа, англ. *time* «время», напри-

[166] Ср. «Поэтическое означаемое одновременно отсылает и не отсылает к референту» (Kristeva 1969: 253).

мер, можно представить в метафорической проекции в терминах пропозициональной модели, подходящей больше для денег и прочих материальных ценностей: ср. *spent time* «тратить время», а охватывающие человека эмоции – в терминах телесной ориентации в пространстве по кинестетической образной схеме ВЕРХ–НИЗ: ср. *I'm feeing up* «букв. чувствую себя наверху», *I'm feeing down* «букв. чувствую себя внизу» или ВНУТРИ–СНАРУЖИ: ср. *I fell into a depression* «впал в депрессию» (Лакофф 2004).

Как условие переноса значения, метафора требует семантического обоснования. И не только чтобы семантическая теория могла описать метафорическое выражение в терминах компонентного анализа [→ Компонентный анализ], но еще и для того, чтобы объяснить и даже прогнозировать совершаемый в метафоре сдвиг значения.

Остановимся подробнее на семантическом механизме, условиях и видах метафорической транспозиции.

Виды метафоры. В построении метафоры участвуют несколько компонентов: основной объект, вспомогательный объект и признак, по которому задается подобие. В зависимости от строения экспликации в метафорических оборотах подлежит либо вспомогательный объект в виде обозначающего его именного выражения, либо признак в виде обозначающего его предикатного выражения. Так, в субстантивной метафоре дается вспомогательный объект, но требуется установить признак, по которому задается подобие. Поскольку толкование такой метафоры состоит в нахождении признака, по которому основной объект уподобляется вспомогательному объекту, возникает вопрос: каким признаком должен обладать, например, пескарь в определении *Он настоящий пескарь* (М. Е. Салтыков-Щедрин)? В предикативной метафоре дается, напротив, признаковое слово, но требуется установить вспомогательный объект, который обладает этим признаком. Каким является, например, вспомогательный объект, по отношению к которому определяется *туча*, в высказывании *небо задернуто было черной тучей* (С. В. Максимов)?

В обоих случаях метафора строится по типу загадки [→ Загадка], как надобно понимать заключенный в метафоре образ[167]. Причем ключом

[167] О связи метафоры с загадкой Аристотель, в частности, пишет: «…из хорошо составленных загадок можно брать отменные метафоры; ибо метафоры заключают в себе загадку» (Аристотель 1996: 378). Причем «метафорический смысл, – добавляет П. Рикёр, – это не сама загадка (семантическая коллизия), а ее решение, т. е. установление новой семантической правильности» (Рикёр 1990: 452). Ср. «Всякая метафора сохраняет в себе загадку, потому что ее нужно понять, разгадать, потому что она не говорит прямыми смыслами, как понятие, потому, наконец, что весь ее язык построен на иносказании и говорит по-особому: по форме – образом, выраженным старинным языком, по содержанию – понятием» (Фрейденберг 1998: 249).

к отгадке служит непосредственно эксплицированная часть в виде избираемого по случаю вспомогательного объекта (в субстантивной метафоре) или выведенного в фокус признака (в предикативной метафоре).

Категориальный сдвиг. Метафору нередко определяют вслед за Аристотелем как сокращенное сравнение [→ Сравнение]. Субстантивные метафоры вида N_1 есть N_2 можно действительно принять за скрытые сравнения, в которых опускается компаративная связка *как*. Как и сравнение, метафора строится на отношении подобия[168]. С таким единственным, но весьма существенным отличием, что в метафоре подобие устанавливается между представителями непременно разных системных классов. Например, *медведь* не может быть метафорой *волка* или *собаки*, поскольку входит в ту же таксему //животные//, но может быть метафорой *человека*, например помещика Михаила Семеновича Собакевича в романе Н. В. Гоголя «Мертвые души»: *медведь! совершенный медведь!* Вот почему необходимым условием метафоры считают «категориальный сдвиг» (Н. Д. Арутюнова).

Семантическая интерпретация метафоры включает, таким образом, две операции:

– устранение аллотопии [→ Аллотопия] по несовместимым родовым признакам: ‘Собакевич’ /человек/ ≠ ‘медведь’ /животное/,
– построение изотопии [→ Изотопия] по какому-то общему видовому признаку: ‘Собакевич’ /неуклюжий/ ≅ ‘медведь’ /неуклюжий/.

Каким бы ни был положенный в основание сравнения признак, эффект семантической аномалии сохраняется[169]. Но очевидные несоответствия воспринимаются при этом не просто как сигнал семантической аномалии, а как указание на то, что толкование должно основываться на совершенно иных принципах. Неправомерной становится, в частности, проверка [→ Верификация] на соответствие реальному положению вещей. В действительном мире человек не может быть, конечно же, медведем, но в возможном мире, каким является художественный текст,

[168] За отсутствием компаративной связки инструкцией по установлению отношения подобия служит уравнительный синтаксический контекст [→ Контекст]. Данное условие не является, впрочем, абсолютным. Нет даже необходимости, замечает Ф. Растье, чтобы семемы были смежными, потому что метафорическое отношение может устанавливаться между семемами вне определенного синтаксического отношения. Так, в частности, обстоит с ‘maison’ *дом*, ‘bergerie’ *овчарня* и ‘port’ *порт* в романе Мопассана «Дом Телье» (Растье 2001: 204, 208).

[169] В противном случае метафора утратит присущую ей «скандальность» (Еко 1988: 141), а метафорическое выражение нельзя будет отличить от нормативного употребления. Так происходит отчасти со стертыми или автоматизированными метафорами вроде *подножия горы*, *спинки стула*, *устья реки* и т. п.

Собакевич – медведь (‘человек-*медведь*’), и даже ореховое бюро в его комнатах – *совершенный медведь* (‘бюро-*медведь*’).

Верное соотношение. В истолковании метафорических выражений без экспликации не обойтись. Принципиально важно при этом понять, почему в качестве вспомогательного объекта избирается такой, а не какой-то другой объект и, что не менее важно, почему в качестве основания сравнения профилируются такие, а не какие-то другие свойства. Необходимым тому условием является установка мнения, а наиболее весомым аргументом – сложившиеся в культуре представления [→ Социальные нормы]. Руководствуясь такими представлениями, не составляет труда установить, по каким свойствам человека можно уподобить, например, *лисе*, *барану* или *петуху*; и почему в суждении вида *Собакевич – совершенный медведь* из диффузного набора признаков актуализации в первую очередь подлежат /крепкий/, /неуклюжий/ и /неповоротливый/, а не /лохматый/, /ест сырое мясо/ или /ходит на четвереньках/.

Эффект семантической аномалии возрастает, когда вопреки традиционной деонтологии[170] подобие задается случайным образом, а между объектами в отношении подобия затруднительно или нельзя вообще найти какое-либо вразумительное сходство[171]. Оправдать, например, аналогию между языком возлюбленной и красной рыбкой, женской грудью и платяным шкафом, сном и окороком можно разве только поисками новой выразительности. Ибо, как утверждает Пьер Реверди, «чем больше удалены друг от друга сближаемые реалии, тем сильнее образ» и тем значительнее, стало быть, эмоциональное его воздействие на читателя [→ Читатель]. Вот почему А. Бретон рекомендует брать в качестве термов сравнения как можно более удаленные вещи (Breton 1967: 173–178), а в качестве наиболее удачных аналогий приводит: *зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни* (Песн., 4, 2); *Ta langue Le poisson rouge dans le bocal De ta voix* «Твой язык – красная рыбка в банке твоего голоса» (Г. Аполлинер), *Le rêve est un jambon lourd qui pend au plafond* «сон – это тяжелый окорок, подвешенный к потолку» (П. Реверди).

Положение усугубляется, когда категориальный сдвиг сопровождается еще и несовместимостью по вектору оценки. Так, во французских гривуазных романах восемнадцатого столетия отношения подобия

[170] Классический вкус требует, чтобы метафоры были «сообразными» – из «области предметов сродных, но не явно сходных» (Аристотель 1996: 376–377; ср. Женетт 1998, 1: 237).

[171] Ср. «…в самом понятии случайного утверждения тождества кроется нечто парадоксальное» (Крипке 1982: 340).

задаются нередко между элементами не только разных, но и аксиологически несовместимых областей [→ Аксиология]: *альковом* и *алтарем*, *любовником* и *священником*, *потерей девственности* и *первым причастием*, *соитием* и *молебном*. Коннекции такого рода могут быть только богохульными. Главным образом потому, что подрывают аксиологические нормы, по которым //религия// традиционно находится в ином оценочном пространстве, нежели //сексуальность// (Растье 2001: 218–219).

Так подтверждаются per contrario основные требования к классической метафоре:

– соблюдать «верное» соотношение,
– помещать термы сравнения в том же оценочном пространстве.

Эпистемологический статус. Метафору иногда определяют как инструмент познания, позволяющий понять некоторые аспекты действительности лучше, чем строгие научные построения. В такой трактовке метафоры кроется, по мнению У. Эко, большая опасность: искусство тем самым как бы подменяет научный способ познания, а существенные свойства, связи и отношения между предметами и явлениями как бы отбрасываются во имя случайно подмеченных соответствий (Eco 1965: 28).

Мышление в образах отличается, нельзя не согласиться, от мышления в понятиях; но это не означает, что между ними существует непреодолимая грань. Метафору можно рассматривать как специфический инструмент познания, пусть образное мышление и отличается от абстрактно-логического, при условии, если она отражает познавательный опыт, в том числе связи и отношения между предметами и явлениями, в релевантном для человека контексте жизни. Особый интерес представляет в этой связи генетическая связь метафоры с мифом. Их связывает, безусловно, нарушение категориальных границ. Единственно существенное отличие состоит лишь в том, что в мифе всякая вещь может означать любую другую исключительно в силу тождества макрокосма и микрокосма, природы и человека. Здесь нет принципиального различия между образом и значением – звездой и глазом, тучей и коровой, солнцем и колесом, громом и стуком колесницы. Образ является тем же значением: «объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом» (Потебня 1976: 432–433).

Как и древний человек, мы тоже можем назвать глаз звездой, тучу коровой, солнце колесом; но для нас, замечает А. А. Потебня, это только сравнения, а в мифологическом сознании – истина [→ Истина и правдоподобие], пока различие остается несущественным. Миф трансформируется в метафору, как только исчезает иллюзия тождества, узакониваются понятийные границы, а различие между образом и значением, определяющим и определяемым, становится непреложным

(Потебня 1976: 434–435; ср. Фрейденберг 1998: 239–240). Отныне это не более чем троп, о сообразности которого можно судить лишь в отношении к литературному стилю, жанру или дискурсу [→ Дискурс].

Означает ли это, что в современном речевом обиходе метафоры не имеют никакого касательства к формам и способам восприятия окружающего человека мира? Очевидно, нет. Наряду с реликтовыми образованиями, отражающими архаические представления об устройстве мироздания, в языке имеются «живые метафоры» (П. Рикёр), по которым мы в состоянии судить, каким видится человеку окружающий его мир. Весьма симптоматичны в этой связи колебания в выборе наиболее подходящей по случаю метафорической дескрипции. Например, как отобразить наиболее адекватным образом жизнь: в терминах сновидения: *жизнь – это сон*, театрального представления: *жизнь – это театр*, игры: *жизнь – это игра*, состязания: *жизнь – это борьба* или как-то иначе? От того, какая избирается концептуальная область [→ Концепт], на которой определяется искомое значение, зависит самое понимание жизни в релевантном для человека контексте жизни, а вместе с тем и избираемый в условиях переменной прагматической ситуации тип поведения – как вести себя в той или иной ситуации[172].

Так приходим к принципиальным выводам.

- В основе метафоры лежит аналогия.
- В метафорическом определении элементы одной концептуальной области определяются в отношении к элементам другой концептуальной области.
- В семантическом определении необходимым условием метафорических отношений между двумя и более семемами является несовместимость по родовым семам, а условием преодоления категориального барьера – тождество по какой-то видовой семе.
- Несовместимость по родовым семам есть отношение родовой аллотопии, тождество по видовой семе – отношение видовой изотопии.
- Семантическая интерпретация метафоры включает две операции: (i) нейтрализацию аллотопии по несовместимым родовым семам, (ii) построение изотопии по общей видовой семе.

[172] В определении Ю. М. Лотмана избираемый по случаю сценарий подобен механизму, резко ограничивающему разнообразие возможных поступков и, так сказать, фильтрующему ситуацию, сводя практически безграничное число импульсов и побуждений к весьма ограниченному кругу действий. Подробнее см. *Ю. М. Лотман*. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Избранные статьи. Т. 2. Талин: Александра, 1992. С. 389–415. Он же. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПБ, 2002. С. 233–254.

- Интерпретантом [→ Интерпретант] метафорического отношения служат социальные или идиолектные нормы.
- По способу образования метафора может быть субстантивной или предикативной:
  – в субстантивной метафоре дается вспомогательный объект, но требуется установить признак, по которому задается подобие: ср. человек-*медведь*;
  – в предикативной метафоре дается признаковое слово, но требуется установить вспомогательный объект, который обладает с наибольшей вероятностью этим признаком: ср. *он что-то проблеял в ответ*.
- По вектору оценки производимый метафорой эффект может быть:
  – мелиоративным, когда определяющий терм находится на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина;
  – пейоративным, когда определяющий терм находится на более низкой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина.
- Метафоры не поддаются истинностной оценке, а претендуют скорее на эвристическую ценность.
- От выбора метафорической дескрипции зависит вкладываемый в высказывание смысл [→ Смысл и значение].

Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 296–297.

Гегель Г. В. Ф. Метафора, образ, сравнение // Эстетика. В четырех томах. Т. 2. М.: Искусство, 1969. С. 112–131.

Женетт Ж. Сокращенная риторика // Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 16–36.

Лакофф Дж., *Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Лотман Ю. М. Риторика // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. С. 404–422.

Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Fontanier P., *Les figures du discours*, Paris, Flammarion, 1977.

Le Gern M., *Sémantique de la métaphore et de la métonymie*, Paris, Larousse, 1978.

Molinot J., Soublin F., Tamine J., Problèmes de la métaphore, *Langages*, n° 54, 1979, p. 5–40.

Ricœur P., *La métaphore vive*, Paris, éd. du Seuil, 1975.

Метафора развернутая. — Под развернутой метафорой [→ Метафора] обычно понимают серию взаимосвязанных метафорических транспозиций, в которой всякая последующая транспозиция развивает в каком-то новом отношении предыдущую по модели вида $x_1 \to y_1$, $x_2 \to y_2$, $x_n \to y_n$.

Например, в стихотворении С. Есенина развернутое описание избы строится путем последовательного развития компаративного иносказания: *Изба старуха челюстью порога жует упругий мякиш тишины*. Так задается серийная аналогия *изба* : *старуха* :: *порог* : *челюсть* :: *тишина* : *мякиш*, в которой пятый термин так относится к шестому, третий к четвертому, как первый ко второму.

Не вдаваясь в рассуждения, насколько допустимы устанавливаемые здесь отношения подобия, заметим только, что необходимым и достаточным тому условием является, конечно же, не сходство референтного впечатления [→ Референция], а изначально заданная в качестве базисной схемы аналогия между *избой* и *старухой*. Приняв такую аналогию, нельзя не принять и производные от нее аналогии между *порогом* и *челюстью*, *тишиной* и *мякишем хлеба*. Больше того, распространить аналогию можно по смежности и на прочие элементы пересекающихся семантических областей вплоть до включения сюда транспозиций вида *окна* → *глаза*, *соломенная крыша* → *волосы* и т. п.

Символически такое пересечение можно представить так: $A \cap B = \{x_1, x_2, x_n \in A \wedge y_1, y_2, y_n \in B\}$, где A и B обозначают пересекающиеся семантические области, $\cap$ – частичное их пересечение в контексте, $\in$ – принадлежность области, $\wedge$ – конъюнкцию, а фигурные скобки – границы множества, образовавшегося в результате пересечения двух семантических областей.

В развернутой метафоре серийная транспозиция должна быть внутренне мотивированной. В противном случае образ, не получая должного развития, дробится на серию не связанных между собой случайных аналогий. Так обстоит, например, в стихах Державина: *Царь жила-была девица, Шепчет русска старина, Будто солнце светлолица, Будто тихая весна. Очи светлы голубыя, Брови черные дугой, Огнь – уста, власы – златые, Грудь – как лебедь белизной. В жилках рук ее пуховых, Как зефир, струилась кровь; Между роз, зубов перловых, Усмехалася любовь* («Царь-девица»). Не будучи последовательной, серия метафорических коннекций не преследует здесь, похоже, никакой конкретизации. По меткому замечанию Б. Томашевского, художественный образ дробится настолько, что трудно вообразить, как девица может быть сразу похожей и на солнце, и на весну, и на лебедя, и на огонь, и на золото, и на зефир, и на пух, и на розу (Томашевский 1983: 210).

Так проясняются требования к развернутому компаративному иносказанию.

- Развернутая метафора строится по типу серийной аналогии.
- Серийные отношения подобия распространяются на элементы не более чем двух семантических областей.
- В многоступенчатой транспозиции, какой является развернутая метафора, все вспомогательные элементы связаны по смежности.
- Развернутая метафора служит развитию образа.

Гегель Г. В. Ф. Метафора, образ, сравнение // Эстетика. В четырех томах. М.: Искусство, 1969. Т. 2. С. 112–131.

Dubois Ph., La métaphore filée et le fonctionnement du texte, *Le français moderne*, 43, 1975, p. 203–213.

Dubois, Ph., La métaphore filée, in *Stratégies discursives*, Lyon, P.U.L., 1978, p. 267–279.

Riffaterre M., La métaphore filée dans la poésie surréaliste, *Langue française*, 1969, 3, p. 46–60.

Метафора с метонимическим основанием. — Метафорой с метонимическим основанием называют метафору [→ Метафора], в которой отношения подобия задаются по смежности [→ Метонимия]. Условием аналогии в такой транспозиции служит не какое-то случайно подмеченное свойство, по которому *a* можно уподобить в каком-то отношении *b*, а пространственно-временная их смежность, позволяющая обнаружить, по каким именно свойствам *a* можно уподобить *b*. В определении Ж. Женетта это «ассимиляция по принципу соседства» (Женетт 1998, 2: 49).

От отношения смежности легко действительно перейти к отношению подобия. Например, в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» шпиль колокольни Мезеглиза уподобляется пшеничному колоску, поскольку колокольня находится в непосредственной близости с полем пшеницы, а поросшая мхом черепица церкви Сен-Марса – рыбьей чешуе, поскольку церковь расположена неподалеку от морского порта.

Так отношения смежности предвосхищают, можно сказать, аналогию. В идиолекте [→ Идиолект] Пруста это испытанная схема построения романа. Без метафоры, говорит писатель, не может быть настоящих воспоминаний; без метонимии, добавляет критик, не может быть сцепления воспоминаний, не может быть ни *истории*, ни романа (Женетт 1998, 2: 58).

Женетт Ж. Метонимия у Пруста // Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 36–58.

Метонимия (от греч. *μετῶνυμία* «перемена имени»). — Под метонимией понимают регулярный или окказиональный перенос имени с одного объекта (или класса объектов) на другой объект (или класс объектов) на основе реально существующей между ними связи – ситуативной, пространственной, событийной, причинно-следственной, логической или какой-то другой. Название можно перенести, например, с части на целое, с вместилища на содержимое, с процесса на результат, с материала на изделие, с имени автора на произведение. Как если бы избираемое в метонимической транспозиции «чужое» имя характеризовало обозначаемый объект наилучшим образом: *борода* – бородатого человека, *стакан* – содержимое, *клинок* – бретёра, *масло* – картину в технике масляной живописи, *хрусталь* – изделие стекольного завода, *Пикассо* – картину художника, *алмаз* – инструмент для резки стекла.

Будучи построенной на отношениях смежности[173], метонимия функционирует в основном в плане избирательного кадрирования, выводящего в фокус какую-то особо примечательную деталь как наиболее подходящую, по мнению говорящего, для определения обозначаемого объекта – *нос* в обозначении человека с большим носом, *шляпу* в обозначении человека в шляпе и тому подобное. Вот почему метонимию еще определяют и как сдвиг референции [→ Референция]. Например, когда официантка, обращаясь к напарнице, говорит, что яичницу нужно отнести *вон той шляпе*, смещенное словоупотребление позволяет, обозначив объект наиболее подходящим по случаю заместительным именем, локализовать его в поле зрения по наиболее приметной его части. Референция к целому совершается в таком случае через указание на выведенную в фокус деталь. Причем в синтагматически связанной референции, пусть внимание и фокусируется на отдельно взятой детали, данная деталь не отчуждается[174], а воспринимается как часть целого. В этом, собственно, и состоит сущность метонимии, прежде всего такой ее разновидности, как синекдоха.

Такая специфическая особенность метонимии не может не сказаться на отношениях внутри высказывания. Поскольку метонимия идентифицирует целое по какой-то наиболее примечательной части, метонимическое выражение получает, как правило, только такие определения, которые относятся

[173] Недаром Р. Якобсон связывает метонимию с синтагматическими, метафору [→ Метафора] – с парадигматическими отношениями в языке. Взаимоотношение полярных фигур речи иллюстрируется, в частности, на примере расстройства речи у афатиков. Как свидетельствуют результаты исследования, расстройство речи заключается либо в нарушении способности к селекции и субституции, либо в нарушении способности к комбинированию и контекстной композиции. В первом случае подавляется отношение подобия, во втором – отношение смежности (Якобсон 1990: 110–132). Но даже признав, что метафора и метонимия суть основные фигуры речи, нельзя не признать, что построить на их основе можно разве только «сокращенную» риторику, весьма удобную для изучения расстройств речи и даже, как полагает Р. Якобсон, типов мышления, но вместе с тем обедненную за отсутствием других фигур речи.

[174] Разве только предположить какой-то возможный мир, в котором отдельно взятая часть функционирует независимо от целого, как, например, нос майора Ковалева в повести Н. В. Гоголя «Нос».

к этой части, тогда как предикаты и производные от них определения согласуются с целым. Например, в высказывании *Старая шляпа, проходи!* определение *старая* относится только к *шляпе*, а не к лицу, обладающему данным предметом туалета. В противном случае выражение будет метафорическим.

В отличие от метафоры метонимия с трудом поддается истолкованию [→ Интерпретация]. Какие сопутствующие признаки можно актуализировать, спрашивается, в семеме ‘шляпа’ в высказывании вида *Старая шляпа, проходи!* или *Шляпа оторвалась от чтения газет*? Если придерживаться мнения представителей группы Мю, такими признаками должны быть коннотативные семы [→ Семный анализ]. Но поскольку коннотация [→ Коннотация] понимается льежцами в духе Дж. Ст. Милля, «коннотативные» семы суть не что иное, как «семы смежные, принадлежащие к более обширному целому и входящие в определение этого целого» (Дюбуа и др. 1986: 216). В разбираемом примере таким «целым» является обладатель шляпы; поэтому наряду с ингерентным родовым признаком /головной убор/ в семеме ‘шляпа’ актуализации подлежит, надо полагать, еще и афферентный видовой признак /человек/. Такой вывод, в очевидности которого нельзя усомниться, вряд ли удовлетворителен. Более адекватной представляется скорее актуализация афферентной семы с оценочным значением [→ Оценка] в виде привычной для словаря пометы *просторечие*.

Иначе обстоит, безусловно, в символической интерпретации. В психоаналитическом определении метонимическую транспозицию связывают нередко с механизмом вытеснения. Как полагают последователи Фрейда и Лакана, под влиянием цензуры внимание переключается с какого-то «запретного» элемента на смежный элемент как субститут вытесненного элемента. Например, в романе Пруста «В поисках утраченного времени» *joue* «щека» нередко истолковывается критиками в качестве субститута если не всего тела, то какой-то вожделенной его части[175]. Между тем за отсутствием интерпретантов [→ Интерпретант] *щека* означает, заметим, только «щеку», *нос* – только «нос», а не что-то другое. Символически истолковать эти выражения можно только при наличии специальных инструкций[176]; в противном случае во всяком смещенном словоупотреблении можно при желании усмотреть все что угодно: вытесненные желания, комплекс кастрации, фаллический символизм и тому подобное.

Так приходим к выводам.

- Метонимия – это смещенное словоупотребление.

[175] В определении Ю. Кристевой, метонимический объект предстает в качестве носителя фантазма: *support du fantasme* (Kristeva 1977: 89).

[176] Такой инструкцией является, в частности, разработанный в психоанализе символический словарь, а в пределе – читательская установка на символическую интерпретацию.

- В качестве смещенного словоупотребления метонимическая транспозиция совершается по смежности.
- В основе метонимической транспозиции лежит избирательное кадрирование – профилирование такой сопутствующей детали, которая подходит наилучшим образом для характеристики определяемого по смежности объекта.
- Колебания в выборе подходящей по случаю метонимической номинации [→ Номинация] отражают сомнения в правильной спецификации.
- Избирательному кадрированию соответствует сдвиг референции.
- Поскольку в синтагматически связанной референции выведенная в фокус деталь не отчуждается, а воспринимается как часть целого, референция к целому совершается через указание на выведенную в фокус деталь.
- В символической интерпретации совершаемый метонимической номинацией сдвиг референции может сопровождаться еще и сдвигом значения [→ Значения «значения»].

Арутюнова Н. Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 300–301.

Дюбуа Ж. и др. Метонимия // Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. С. 214–219.

Женетт Ж. Сокращенная риторика // Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 16–36.

Томашевский Б. В. Метонимия // Стилистика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 227–230.

Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.

Fontanier P., *Les figures du discours*, Paris, Flammarion, 1977.

Le Gern M., *Sémantique de la métaphore et de la métonymie*, Paris, Larousse, 1978.

Ruwet N., Synecdoques et métonymies, *Poétique*, 23, 1975, p. 271–388.

Нарратив (франц. *narration*, *récit*). — Под нарративом во французской нарративной (повествовательной) грамматике понимают и привлекаемый для разбора повествовательный текст [→ Текст], и тип дискурса [→ Дискурс], под который подводятся все известные нам повествовательные высказывания и тексты, и последовательность излагаемых в тексте реальных или вымышленных событий, и способ непосредственного их отображения в повествовании, и акт повествования как таковой.

За таким многообразием определений кроются, по сути, разные приоритеты: исследовать привлекаемый для разбора повествовательный текст как *histoire* «история» (относительно излагаемых в нем событий), как *récit* «повествование» (в плане специфического построения повествования) или

как *narration* «наррация» (в аспекте порождения). Наиболее адекватным решением оказывается, нельзя не признать, установка на *récit* «повествование». Причем не потому, что *histoire* «история» и *narration* «наррация» даны нам через посредство *récit* «повествование» (Женетт 1998, 2: 66), а прежде всего потому, что только *récit* «повествование» позволяет судить, как оформляется в плане «сделанности» эстетически аморфный событийный материал [→ Сюжет, Литературность][177].

Так в сферу интересов нарративного анализа попадают нарративные единицы, их дистрибуция, порядок следования и общая диспозиция, сюжетные схемы различных типов нарративных жанров, действующие лица и совершаемые ими действия, избираемая в повествовании точка зрения, образ автора [→ Автор] и повествователя, время наррации, условия прагматического контекста [→ Контекст] и т. п.

Нарратив как способ построения текста. В известном смысле нарратив – это распространение повествовательного высказывания до размеров текста. Например, простейшее высказывание вида *Маркиза вышла в пять часов* можно при желании развить, уточнив, куда маркиза пошла, с кем встретится во время прогулки, задержаться попутно на каких-то малозначительных деталях, не имеющих касания к сюжету – атрибутах туалета, погоде, проезжающих мимо экипажах[178], а затем вернуться к интересующим нас событиям из жизни маркизы[179].

С какой легкостью повествование может менять при этом направление, забегать вперед или возвращаться назад (пролепсис и аналепсис), ускоряться или замедляться (анизохрония), представлять единовременные события как повторяющиеся (псевдоитератив) или, прервавшись, перебиваться более или менее пространными описаниями, а затем возобновляться в головокружительной смене возможностей вплоть до окончательного своего разрешения. Для нарративной грамматики интерес здесь представляет не сама по себе история маркизы, а как, развертываясь, эта история преобразуется в дискурс. С тем чтобы понять, как строится повествование, какие избираются и как

[177] В этом смысле *histoire* «история» предстает как субстанция, или подлежащий оформлению материал, *récit* «повествование» – как форма, а точнее: как способ оформления субстанции содержания [→ Форма и субстанция].

[178] По наблюдениям П. Валери, «околичностями» такого рода был увлечен Флобер. Забывая о маркизе, ее прогулке, любовных историях, он зачарованно всматривался во всякую материальную подробность – например какую-нибудь дверь, которая неожиданно громко захлопывается за маркизой, а затем нескончаемо долго вибрирует у нее за спиной. Так, в бесконечном трепете вещей, заключает Ж. Женетт, ускользает смысл, разрушается язык и утверждается безмолвие (Женетт 1998, 1: 232).

[179] В обратном порядке любое повествование, будь оно столь же пространно, как роман Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», можно свести к простейшей фразе вроде *Марсель становится писателем* (Женетт 1998, 2: 67–68)

сочетаются между собой нарративные единицы, а в пределе – установить сюжетные схемы, по которым выстраивается тот или иной жанр или дискурс: миф, волшебная сказка, авантюрный или детективный роман.

Строительные единицы нарратива. Понять, как устроен привлекаемый для разбора повествовательный текст, какие выстраиваются в нем сюжетные ходы, можно только при условии установления нарративных единиц, из которых складывается повествование.

В определении А. Н. Веселовского такой единицей является мотив: «простейшая повествовательная единица, образно отвечавшая на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» (Веселовский 1989: 305), поскольку соответствует необходимым требованиям: (i) одночленный схематизм и (ii) неразложимость на единицы низшего порядка. Простейший мотив может быть выражен формулой $a + b$ с таким, например, переменным значением a и b: *злая старуха не любит красавицу* – и *задает ей опасную задачу*. Каждая часть формулы может видоизменяться; особенно подлежит приращению b (задач может быть две, три и более). Так мотив вырастает в сюжет.

Вместе с тем, возражают критики, выдвинутая А. Н. Веселовским теория мотива нуждается в коррективах; прежде всего потому, что мотив не представляется, как прежде, предельным «атомом» повествования, а делится на более мелкие повествовательные единицы. «По Веселовскому, – пишет В. Я. Пропп, – мотив есть неразлагаемая единица повествования. Однако те мотивы, которые он приводит в качестве примеров, раскладываются. Таким образом, вопреки Веселовскому, мы должны утверждать, что мотив не одночленен, не неразложим» (Пропп 1969: 18). Например, широко известный в русской сказке мотив «Змей похищает дочь царя» состоит в действительности из четырех элементов, каждый из которых можно заменить в случае необходимости другим: *змея – колдуном*, *соколом* или *вихрем*; *дочь – сестрой* или *невестой*; *царя – крестьянином* или *попом*; *похищение – усыплением* или каким-то другим противоправным действием[180]. Неизменными остаются, по

[180] В поисках элементарных единиц мотивы можно действительно делить и на более мелкие повествовательные единицы. Но, как справедливо замечает Б. Томашевский, для сравнительной поэтики неважно, в сущности, разлагаются мотивы на более мелкие единицы или нет; «важно лишь то, что в пределах данного изучаемого жанра эти “мотивы” встречаются в целостном виде» (Томашевский 1925: 136). Под понятие «мотив» подпадает в таком случае не любая повествовательная единица, а такая и только такая, которая образует более или менее устойчивое тематическое целое и которая воспроизводится в качестве устойчивого тематического целого в разных сюжетных построениях. В этом смысле выдвинутая А. Н. Веселовским теория мотива служит предпосылкой для современных тематических исследований [→ Тематика].

В. Я. Проппу, только тип персонажа и характеризующая его функция[181], а не действующее лицо, предмет или способ осуществления действия. Так выделяются в анализируемом корпусе волшебных сказок семь типов персонажей и тридцать одна функция: за каждым персонажем закрепляется определенный набор функций, а синтагматическая комбинация этих функций образует в пределе метасюжет русской волшебной сказки.

При всех, казалось бы, неоспоримых достоинствах «Морфология сказки» наталкивается вместе с тем на ряд серьезных замечаний. Возражения вызывает не число установленных в русской волшебной сказке персонажей, не инвентарь закрепленных за ними функций, а исключительно синтагматическая комбинация функций. По замечанию оппонентов, в предлагаемой В. Я. Проппом сюжетной модели функции сводятся в линейную последовательность вида $a + b + c$ в соответствии с хронологическим порядком появления в повествовании: сначала a, затем b, затем c. В такой хронологически построенной последовательности между a и c можно поставить b, но нельзя помыслить b_1, b_2 или b_3. Между тем, утверждает К. Леви-Стросс, в подлинно нарративном анализе учитывать следует, кроме того, и собственно парадигматические отношения [→ Парадигматика и синтагматика][182], когда на место a можно подставить a_1, a_2 или a_3, на место $b - b_1$, b_2 или b_3, на место $c - c_1$, c_2 или c_3. Поэтому вместо «линейной» синтагматической схемы требуется скорее модель с системой операций по типу Булевой алгебры:

w	$-x$	$^1/y$	$1-z$	…
$-w$	$^1/x$	$1-y$	z	…
$^1/w$	$1-x$	y	$-z$	…
$1-w$	x	$-y$	$^1/z$	…
…	…	…	…	…

[181] Под функцией В. Я. Пропп понимает особо значимые для повествования поступки действующих лиц.

[182] В действительности в «Морфологии сказки» функции связываются между собой не путем простого сложения вида $a + b + c$, а посредством импликации [→ Импликация] вида $a \rightarrow b \rightarrow c$. Например, задание трудной задачи влечет за собой ее разрешение, погоня ведет к спасению, бой оборачивается победой, за вредительством следует ликвидация последствий вредительства. В пользу парадигматических отношений свидетельствует, кроме того, приведенные выше преобразования мотива «Змей похищает дочь царя», прежде всего возможность подстановки одного элемента другим: «змея» – *колдуном*, *соколом* или *вихрем*; «дочери» – *сестрой* или *невестой*, «царя» – *крестьянином* или *попом*, «похищение» – *усыплением* или каким-то другим противоправным действием. Ср. ответ К. Леви-Строссу: «Мой оппонент хотел бы распределить функции так, чтобы они располагались по вертикали и горизонтали. Такое расположение – одно из требований структуралистской техники изучения. Но оно уже дано в “Морфологии”, только в другом виде (Пропп 1983: 566–584).

с возможным выбором среди ряда функций в отношении коммутации (Леви-Стросс 1985: 27; ср. Бремон 1983: 429–436).

Таким требованиям призваны соответствовать последовавшие за «Морфологией сказки» (1928) исследования К. Бремона (1964, 1966, 1973), А.-Ж. Греймаса (1969, 1970), А. Дандиса (1963), Е. М. Мелетинского (1986), Цв. Тодорова (1978) и др. При условии, разумеется, что подлежащие анализу функции связываются между собой как отношениями импликации вида $a \rightarrow b \rightarrow c$ (в синтагматической измерении), так и независимыми от линейного развертывания сюжета отношениями дизъюнкции (в парадигматическом измерении).

Точка зрения. Среди прочих вопросов нарративной техники особое значение отводится, кроме того, и выбору «ограничительной точки зрения» (Женетт 1998, 2: 201), задающей «нарративную перспективу» в каком-то определенном нарративном ракурсе – от лица всеведущего автора, повествователя, главного или второстепенного персонажа[183].

В зависимости от избираемой в повествовании позиции фокализация может быть внешней или внутренней, единичной или множественной, фиксированной или переменной, то есть избирательно задаваться сторонне или изнутри, в ракурсе какой-то постоянной или переменной, одной или нескольких точек зрения. Каждый из указанных типов фокализации служит для достижения определенных целей. Внешняя фокализация, например, позволяет увидеть излагаемые в тексте события как бы со стороны, внутренняя фиксированная – в поле зрения вовлеченного в ситуацию действующего лица, внутренняя переменная – в калейдоскопе разных, порой взаимоисключающих точек зрения.

Разумеется, за редким исключением нарративный фокус не остается неизменным на протяжении всего повествования, а варьируется вместе с авторским замыслом – желанием представить события «сторонне» или «изнутри», в модусе «объективного» или «субъективного» видения, монологически односторонне или диалогически разносторонне. Так, по наблюдениям Ж. Женетта, в романе Г. Флобера «Мадам Бовари» примером внешней фокализации служит знаменитая сцена с фиакром, как бы случайно увиденная глазами простодушного стороннего наблюдателя[184], примером внутренней переменной фокализации – смена нарративной позиции: переходы от точки зрения Шарля к точке зрения Эммы, а затем снова к точке зрения Шарля.

[183] О «точке зрения» как проблеме композиции см. также *Б. А. Успенский*. Поэтика композиции // Б. А. Успенский. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 9–218

[184] G. Flaubert, Madame Bovary, in *Œuvres*, Paris, Gallimard, t. 1, p. 513–515 (Bibliothèque de la Pléade).

Действительно, за исключением ассертивных суждений вида *Вода кипит при ста градусах* или *Сумма углов треугольника равна двум прямым* нарративный акт не может быть должным образом истолкован без учета субъекта; причем не только того, кто совершает действие, активно или пассивно в нем участвует, но и того, кто о нем высказывается. Так инстанцией нарративного дискурса становится вовлеченный в повествование субъект.

Подытожим.

- В качестве объекта нарратологических исследований привлекаемый для разбора повествовательный текст подлежит изучению и как совокупность отображенных в тексте событий (в значении *histoire* «история»), и как способ непосредственного их представления в повествовании (в значении *récit* «повествование»), и как порождающий повествовательный акт (в значении *narration* «наррация»).
- Франц. *histoire* «история» совпадает отчасти с фабулой, *récit* «повествование» – с сюжетом, *narration* «наррация» – с условиями прагматического контекста.
- В нарративном анализе повествовательные единицы вступают в отношения двух видов:
  – отношения *in praesentia*: с единицами в непосредственной их сочетаемости в синтагматически связанной последовательности вида a, b, c;
  – отношения *in absentia*: с единицами, которые могут фигурировать в той же позиции в вариациях вида $a_1 \wedge a_2 \wedge a_3$, $b_1 \wedge b_2 \wedge b_3$, $c_1 \wedge c_2 \wedge c_3$.
- В синтагматическом измерении изучению главным образом подлежит строение сюжета в исторически засвидетельствованном анализируемом тексте, в парадигматическом измерении – метасюжет литературного жанра или дискурса, под который подводится привлекаемый для разбора текст: миф, волшебная сказка, авантюрный или полицейский роман и т. п.
- По инвариантной сюжетной схеме, установленной на множестве более или менее сходных текстов, можно судить о специфике соответствующей жанровой разновидности.
- Излагаемые в повествовании события пропускаются сквозь призму какой-то определенной точки зрения.
- В зависимости от типа фокализации «нарративный ракурс» может быть внешним или внутренним, фиксированным или переменным, монологически односторонним или диалогически разносторонним.
- Внешняя фокализация позволяет увидеть события со стороны, внутренняя фиксированная – глазами вовлеченного в ситуацию персонажа, внутренняя переменная – в калейдоскопе разных, порой взаимоисключающих точек зрения.

- По характеру изучаемой проблематики нарратология смыкается отчасти с некоторыми смежными отраслями знания, в том числе поэтикой, теорией литературных жанров и дискурсов, общей теорией текста, когнитивным моделированием, тематическими исследованиями, реконструкцией «основных текстов» культуры и т. п.

Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. М.: Искусство, 1972.

Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Семиотика. М.: Радуга, 1985. С. 429–436.

Женетт Ж. Границы повествовательности // Фигуры. Работы по поэтике. Т. 1. М. Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 283–299.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры. Работы по поэтике. Т. 2. М. Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 60–280.

Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 9–76.

Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 566–58.

Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 450–463.

Barthes R., Introduction à l'analyse structurale des récits, *Œuvres complètes*, Paris, Seuil, 1994, t. II, p. 74–103.

Bremond C., Le message narratif, *Communications*, 1964, № 4, p. 4–32.

Bremond C., La logique des possibles narratifs, *Communications*, 1966, № 8, p. 60–76.

Bremond C., *La logique du récit*, Paris, Seuil, 1973.

Dandes A., Structural Typology in North American Indian Folktales, in *Southwestern Journal of Anthropology*, vol. 19, 1963, p. 121–130 [Русский перевод : *Дандис А.* Структурная типология индейских сказок Северной Америки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 184–193].

Greimas A.-J., A la recherche des modèles de transformation, in *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966, p. 192–213 [Русский перевод : *Греймас А.-Ж.* В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 89–108].

Greimas A.-J., Pour une théorie du récit mythique, in *Du sens*, Paris, Seuil, 1970, p. 185–230 [Русский перевод : *Греймас А.-Ж.* К теории интерпретации мифологического нарратива// Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 109–144].

Todorov T., *Poétique de la prose*, Paris, Seuil, 1978, p. 47–57, 117–132.

Неоднозначные высказывания. — Неоднозначным называют такое высказывание, в котором допускаются одновременно два или несколько толкований. В отношении таких высказываний существует два диаметрально противоположных мнения: либо в них видят художественный прием (Шкловский 1919: 101–114; Jakobson 1963: 238) и соответственно расценивают как условие литературности [→ Литературность], либо их отвергают в согласии с коммуникативным постулатом: «избегай неоднозначности» (Грайс 1985: 223). В первом случае неоднозначность возводят в норму [→ Норма], во втором – считают аномальной, поскольку она противоречит принципам «кооперативного» общения, соблюдение которых требуется, если верить Г. П. Грайсу, от участников коммуникации.

В качестве примера возьмем разбираемую А.-Ж. Греймасом детскую загадку: *poli quand il sort du lit* (Greimas 1970: 303; ср. Растье 2001: 249). В данном паремическом обороте игра слов основывается на полисемии франц. *poli* «вежливый» или «полированный» и франц. *lit* «постель» или «русло реки». Отсюда возможность двойного истолкования [→ Интерпретация]: (1) полированный, когда покидает русло реки (= ‘galet’ *голыш*), (2) вежливый, когда покидает постель (= ‘amant’ *любовник*). Понимание ставится, таким образом, в зависимость от актуализации альтернативной семемы в лексеме *lit* (и соответственно *poli*).

Вне контекста [→ Контекст] высказывание действительно проблематично, но проблематичность такого рода – не более чем артефакт, поскольку трудно представить себе такую ситуацию, пусть прагматически обусловленная дизъюнкция не связана ни с семантическим, ни с логическим противопоставлением терминов, в которой предлагался бы выбор между постелью и руслом реки. Зато можно легко вообразить ситуацию, в которой актуализация одной семемы влечет за собой актуализацию другой семемы: (i) ‘galet’ *голыш* → ‘poli’ *полированный* (в контексте « lit » *русло реки*), (ii) ‘amant’ *любовник* → ‘poli’ *вежливый* (в контексте « lit » *постель*). В семантическом исчислении разбираемое высказывание содержит, таким образом, две взаимно наложенные изотопии [→ Изотопия]; их интерфейсом служат означающие с разными означаемыми: ‘lit’$_1$ *русло реки vs* ‘lit’$_2$ *постель*, ‘poli’$_1$ *полированный vs* ‘poli’$_2$ *вежливый*.

Исповедуемый Г. П. Грайсом постулат ясности – не более чем предписание из области коммуникативной деонтологии. Если ему следовать, «аномальными» в языке будут тогда не только загадки [→ Загадка] и каламбуры [→ Каламбур], но и любое предложение вне контекста или любое непрозрачное употребление. В качестве примера Ю. Д. Апресян приводит такую фразу: *Он едет в Москву*. Источником неоднозначности признается, в частности, такое обстоятельство, что граммема НЕСОВ имеет как значение «длительного действия, т. е. действия, разворачивающегося в момент речи или в другой фиксированный момент», так и значение «намеренного или предстоящего действия». Отсюда возможные перифразировки: (1) в момент речи он едет в Москву; (2) в момент более поздний, чем момент речи, некто имеет намерение поехать в Москву. Неоднозначность снимается при условии, если высказывание «воспринимается как элемент более широкого контекста», то есть если «остается ровно одна возможность ее осмысления» (Апресян 1995, 2: 26, 90).

За отсутствием интерпретанта [→ Интерпретант] в виде лингвистического или прагматического контекста вообразить можно, в самом деле, самые немыслимые ситуации, в которых двусмысленной покажется любая, даже самая что ни на есть банальная фраза. В качестве примера возьмем хотя бы такое высказывание: *Elle a de belles jambes*. Для подавляющего большинства франкоговорящих это вполне «нормальное» высказывание, в котором ноги какой-то женщины, неотъемлемый атрибут женской привлекательности, расцениваются как прелестные. Между тем в толковании Ж. Фоконье высказывание неоднозначно. И дело здесь не только в переменном значении личного местоимения *elle* «она», а в привлечении иных ситуативных сценариев [→ Фрейм], в том числе сценария каннибализма (sic!). По утверждению Ж. Фоконье, двусмысленность основывается на альтернативном осмыслении предицируемого свойства *belles*: для одних (обычных мужчин) «красиво», для других (каннибалов) «вкусно» (цит. по Rastier 1996: 15). За отсутствием контекста высказывание, согласимся, неопределенно, а для кого-то и неоднозначно. Прозрачной в экстенсиональном анализе [→ Экстенсионал] интерпретация может быть только при известном, причем непременно реальном референте [→ Референция], когда собеседник может без труда установить, кому приписываются указанные свойства[185], а при необходимости и проверить их на соответствие стандартным нормативам.

Так приходим к следующим выводам.

- Семантическая неоднозначность – следствие лексической многозначности, а иногда и референтной неопределенности.
- В заведомо неоднозначном высказывании интерфейсом различных толкований служат обычно означающие с двумя и более означаемыми.
- За отсутствием контекста неоднозначным можно при желании признать, пока не исчерпаются все возможные толкования, любое предложение.
- За исключением случаев сознательно обыгрываемой многозначности ни одно высказывание нельзя считать неоднозначным, если оно

[185] Поэтому вслед за Доннеланом различают два употребления определенных дескрипций – атрибутивное и референтное (Доннелан 1982: 139–144). Высказыванию приписывают атрибутивное толкование, когда неясно о ком идет речь, референтное толкование, когда речь идет о каком-то конкретном индивидном объекте.

удовлетворяет или хотя бы не противоречит правилам возможного нормативного употребления.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Радбиль Т. Б. Языковая аномальность и художественный дискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2005. Вып. 1 (6). С. 110–116.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Номинация. — Под номинацией понимают именование какого-то объекта действительного или воображаемого мира с целью обозначить его в ряду других объектов мира как единичный объект или класс объектов.

В зависимости от того, что избирается в качестве отправной точки исследования – вещь или имя, номинация изучается соответственно в ономасиологическом или семасиологическом аспекте. В ономасиологическом аспекте требуется установить, что собой представляет обозначаемая словом вещь, в семасиологическом – как задается в обозначении вещи в языке смысл имени [→ Смысл и значение].

Номинация как способ понимания. В обращенности имени к вещи нельзя не задаться вопросом, чем руководствуются говорящие в выборе средств знаковой репрезентации [→ Знак], почему для обозначения данной вещи избираются такие, а не какие-то другие средства и можно ли здесь говорить о соответствии имени вещи самой вещи в представлении о ней. Обратившись к ближайшему этимологическому значению, нельзя во всяком случае не заметить, что в первичной номинации обозначаемая словом вещь репрезентируется по наиболее примечательному своему свойству, так что новообразованное именное выражение служит еще и пониманию вещи в доступных для человека формах познания. Действительно, пусть положенный в основу именования признак и не отражает сущностные свойства вещи, а выхватывается из общего представления как бы случайным образом (Серебренников 1977: 159–167; ср. Степанов 1997: 61), в отраженном в нем знании можно тем не менее усмотреть первичное «понятие»: квалифицирующее понятие [→ Концепт]. Например, когда этимон был жив, предки современных немцев могли утверждать, что домашнее животное семейства хищных млекопитающих называют *Hund* «собака», а не как-то иначе, потому что это животное *ловит* дичь (Бюлер 1990: 198, 203–204). На момент номинации это свойство

представлялось говорящим куда более важным для понимания того, чем является для них собака, нежели установленные впоследствии таксономические признаки /млекопитающее/, /семейства псовых/. Ибо в первичной номинации окружающие человека вещи не просто именовались, но еще и идентифицировались по наиболее востребованным в контексте опыта признакам, свойствам и состояниям.

Виды и способы номинации. Виды и способы номинации многообразны. По выполняемой в высказывании функции различают экзистенциальные (интродуктивные), идентифицирующие, дескриптивные, оценочные и реляционные номинации; по способу оформления значения – первичные и вторичные [→ Номинация вторичная], прямые и косвенные, символические, метонимические и метафорические номинации [→ Метафора, Метонимия]; по заключенной в имени информации – гипонимы и гиперонимы; по занимаемой позиции в суждении – субъектные и предикатные номинации.

В качестве примера возьмем номинации Чичикова в романе Н. В. Гоголя «Мертвые души». В первом упоминании гоголевский персонаж именуется обобщенно нейтрально как подъехавший к гостинице губернского города NN господин: *В бричке сидел господин* (интродуктивная экзистенциальная номинация). Последующая функциональная характеристика приезжего задается описанием экипажа – *рессорной небольшой брички*, *в которой ездят холостяки: отставные подполковники*, *штабс-капитаны*, *помещики*, *имеющие около сотни душ крестьян*, *– словом*, *все те*, *которых называют господами средней руки*, а дескриптивная – описанием внешности: *не красавец*, *но и не дурной наружности*, *ни слишком толст*, *ни слишком тонок*; *нельзя сказать*, *чтобы стар*, *однако ж и не так*, *чтобы слишком молод*. Так идентифицируемый объект помещается в первом приближении в категорию «холостяков» (по семейному положению), «господ средней руки» (по социальному статусу) и «ничем не примечательных людей» (по внешнему виду) [→ Категоризация].

Обитатели губернского города NN *еще не знают*, *кто таков на самом деле есть Чичиков*, но заключают, что приезжий господин по имени Павел Иванович Чичиков *что-нибудь да должен быть*. Неопределенное «что-нибудь да должен быть» проясняется по мере знакомства в калейдоскопе чередующихся предикатных дескрипций.

Среди применяемых в отношении Чичикова номинаций фигурируют, в частности:

– дескриптивные номинации: *не красавец*, *но и не дурной наружности*, *ни слишком толст*, *ни слишком тонок*; *нельзя сказать*, *чтобы стар*, *однако ж и не так*, *чтобы слишком молод*; *не красавец*, *но и не урод*; *преприятный*; *необыкновенно приятной наружности*; *наружность…*

благонамеренна; *имел что-то солидное*; *раскланивался направо и налево*; *подносил… табакерку*, *на дне которой… фиалки*; *подымал нос кверху и нюхал*; *говорит какими-то общими местами*; *ни громко*, *ни тихо*, *а совершенно*, *как следует*; *тяжеловат*; *величественное выражение в лице его*; *очень сдает на… Наполеона*;

– функциональные номинации: *господин средней руки*; *помещик по своим надобностям*; *чиновник генерал-губернаторской канцелярии* (а *впрочем, черт его знает, на лбу ведь не прочтешь*); *скупает души*; *и птичьи перья тоже покупает*; *делатель государственных ассигнаций* (*а может быть, и не делатель*), *переодетый разбойник*; *шпион*;
– метонимические номинации: *подбородок: совсем круглый*; *полный живот*; *полное лицо*; *круглота корпуса*; *синий галстук… новомодные манишки…*, *бархатный жилет*; *серебряная с финифтью табакерка*; *фрак брусничного цвета с искрой*; *лаковый полусапожек*, *застегнутый на перламутровые пуговицы*;
– метафорические номинации: *нос… звучал*, *как труба*; *животик… барабан*; *белоснежная щека: настоящий атлас*; *ничего буйного – шелк*; *подшаркнул ножкой в виде коротенького хвостика наподобие запятой*;
– символические номинации: *наполеоновский нос*; *ларчик с двойным дном*;
– оценочные номинации: *порядочный человек*; *человек… щекотливый и… привередливый*; *благонамеренный человек*; *любезный человек*; *протопопшу надул*.

По наблюдениям Н. Д. Арутюновой, колебания в выборе номинации отражают сомнения в правильной идентификации. Но, даже признав, что разноречивые номинации проистекают из того, что основываются на неверифицированных сведениях и что в приложении к объекту неясен вообще состав истинных свойств [→ Истина и правдоподобие], нельзя не задаться вопросом, остается ли объект тождественным самому себе в таком многообразии противоречивых номинаций. Очевидно, нет. Во всяком случае в представлении разных субъектов.

В номинациях, содержащих оценку [→ Оценка], содержание номинации обусловлено напрямую оценкой, а основание оценки – субъективными взглядами воспринимающего субъекта. Поэтому даже при совпадении, например, общей положительной оценки частнооценочные предикаты варьируют: губернатор видит в Павле Ивановиче Чичикове *благонамеренного человека*, прокурор – *дельного человека*, жандармский полковник – *ученого человека*, полицмейстер – *любезного человека*. Критерием оценки для каждого из упомянутых губернских начальников служит какая-то определенная система ценностей [→ Аксиология]: благонадежность в оценке губернатора, деловые качества в оценке прокурора, познания в науках в оценке жандармского полковника, этикет в оценке полицмейстера. Аналогичным образом варьируют и частнооценочные суждения в последующей общеотрицательной оценке Чичикова. Для кого-то критерием оценочной квалификации оказывается вскрывшийся обман: *протопопшу надул*, для кого-то – подделка государственных ассигнаций: *делатель фальшивых бумажек*, для кого-то – подозрения в шпионаже: *не шпион ли*?

Так приходим к следующим выводам.

- От фокусируемых в первичной номинации свойств можно заключать к «представлению объекта в мысли», а по способу представления – еще и судить о производной системе знания, мнения или убеждения.
- По мере накопления знаний один и тот же объект получает разные имена.
- Потенциальная вариативность речевых номинаций обусловлена разными факторами – общим смыслом сообщения, условиями коммуникации, установкой мнения, интенциональным состоянием говорящего, речевым узусом, стилистическим регистром, потребностями варьирования количества включаемой в сообщение информации, стремлением обозначить релевантные для говорящего признаки, свойства и состояния объекта.
- Возможность по-разному именовать один и тот же объект возрастает по мере того, как увеличивается список потенциально возможных свойств, по которым можно охарактеризовать объект в суждении.
- В позиции субъекта дескрипция ориентируется главным образом на денотат (предметно детерминирована), в позиции предиката – на сигнификат (понятийно детерминирована).
- Эффективность дескрипции в позиции субъекта зависит от того, насколько верным для обозначения данного объекта является выбор именного выражения, в позиции предиката – от того, насколько предицируемые свойства ему действительно соответствуют.
- Знания об объекте фиксируются главным образом в сфере предикатных номинаций.
- Закон взаимозаменимости кореферентных имен не действует в отношении номинатов в функции семантического предиката. В семантическом отношении такие номинаты, пусть и соотносятся с тем же объектом, не могут быть тождественными, поскольку выражают разные признаки, свойства и состояния, по которым характеризуется объект в суждении.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 147–187.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Уфимцева А. А. Лексическая номинация // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 5–85.

Номинация вторичная. — В широком смысле под вторичной номинацией можно понимать любое последующее именование уже именованного объекта с целью дать о нем дополнительную информацию, охарактеризовать, выразить отношение, оценить, обозначить и даже обозвать, а не только лишь назвать (Арутюнова 1998: 62). Выбор имени зависит от отводимой ему в сообщении функции. Например, в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» Иван Александрович Хлестаков обозначается в разных дескрипциях и как *молодой человек*, и как *приезжий, живущий под лестницей*, и как *сын помещика*, и как *хозяин Осипа*, и как *ревизор*, и как *столичная штучка*, и как *важная птица*, и как *автор другого Юрия Милославского*, и как *генерал*, и как *жених Марии Антоновны*, и как *наглец*, *лгун*, *мот*, *картежник* и *шарлатан*. В функциональном обозначении фиксируется статус: *сын помещика*, *ревизор*, *генерал*, в реляционном – отношение к окружающим: *хозяин Осипа*, *гость городничего*, *жених Марии Антоновны*, в эмоционально-оценочном [→ Оценка] – оценочная квалификация: *важная птица*, *наглец*, *лгун*, *хвастун*, *шарлатан*.

В более узком специальном смысле под вторичной номинацией понимают смещенное словоупотребление, когда уже имеющиеся в языке номинативные средства используются в акте номинации [→ Номинация] во вторичной для них знаковой функции [→ Знак] с целью скорректировать смысл имени, а не только лишь обозначить объект, в актуальном для человека контексте мнения[186]. Например, когда трехлетний ребенок называет абажур *арбузом*, мотивацией к употреблению слова *арбуз* во вторичной для него функции именования служит сфокусированное, пусть и косвенным образом, наиболее примечательное свойство – свойство шаровидности. «Тут, – заключает А. А. Потебня, – произошло познание посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом. Назвавши белый стеклянный шар арбузом, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной середки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса <…>. Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть знак значения этого слова» (цит. по Березин 1975: 87).

В зависимости от сферы интересов вторичную номинацию можно изучать и по способу номинации, и по степени семантического преобразования, и по используемым языковым средствам, и по степени кодифицированности в языке, и по занимаемой в субъектно-предикатной структуре позиции, а в номинативно-производных значениях усматривать экономию языка, словообразовательные ресурсы, потенциал в формировании новых значений, коммуникативные намерения и т. п.

[186] Ср. «В отличие от первообразных наименований, все вторичные наименования формируются на базе того значения слова, чье имя используется в новой для него функции называния» (Телия 1981: 119).

По способу образования вторичная номинация совершается либо по смежности, либо по аналогии. К наиболее типичным ее частным случаям относятся метонимические [→ Метонимия] и метафорические номинации [→ Метафора]. Например, в акте номинации парусное судно можно обозначить как *парусник*, как *парус* или как *чайку*, а затем предицировать наиболее подходящие по случаю признаки: *идти на всех парусах*, *белеть* или *парить*. В первом случае именование является прямым, во втором – метонимическим, в третьем – метафорическим. В отличие от прямой номинации в косвенной номинации в фокус выводится не сам по себе объект, а задаваемое новым именем наиболее примечательное его свойство: напр. *парус* → /белеть/ (*Белеет парус одинокий*), *чайка* → /парить/ (*Как чайка парит над водным простором*). В терминах А. А. Потебни можно заключить: «…объясняющему образу, имеющему субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом» (Потебня 1976: 432–433).

В связи с разным именованием того же объекта нельзя не задаться вопросом, чем вызвана такая вариативность и насколько оправдано использование той или иной номинативной единицы во вторичной для нее функции именования. В терминах Г. Фреге разные имена совпадают по значению (Bedeutung), поскольку соотносятся с тем же объектом [→ Референция], но различаются по смыслу (Sinn) как способу представления объекта в мысли [→ Смысл и значение]. Эвристически ценным становится при этом не тождество по значению, а различие по смыслу как способу задания значения в новом именовании.

Разумеется, в таксономической обработке степень соответствия имени вещи различна; и метафорическая дескрипция вида *Парусник – это чайка* представляется в условно-истинностном анализе [→ Условно-истинностная семантика] неприемлемой и даже, можно сказать, ложной по сравнению с дескрипцией вида *Парусник – это парусное судно*. Но если о соответствии имени вещи судить по речевому обиходу, о сообразности избираемого в акте номинации имени следует тогда заключать только и только по тому, насколько узуальным является употребление. Для лексикологии здесь важно понять, как образуются номинативно-производные значения, для стилистики – какие используются фигуры и тропы, а для семантики [→ Семантика] – как выстраиваются в акте вторичной номинации переменные отношения между именем, понятием и вещью [→ Семантическая триада].

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Одна и та же вещь может обозначаться в языке разными именами.
- Во вторичной номинации номинативные средства используются во вторичной для них знаковой функции с целью уточнить или скорректировать смысл имени в релевантном для человека контексте мнения.
- Использование номинативной единицы во вторичной для нее функции именования, пусть и мотивировано предшествующим ее значением, сопровождается всегда переосмыслением исходного значения.
- По способу образования вторичная номинация совершается либо по смежности, либо по аналогии. Номинация по смежности сопровождается сдвигом референции, номинация по аналогии – категориальным сдвигом.
- В новом отношении именования в фокус выводится не сама по себе вещь, а задаваемое новым именем наиболее примечательное ее свойство[187].
- В новом отношении именования отношение имени к вещи опосредуется новым именем[188].
- По использованию номинативной единицы во вторичной для нее функции именования можно судить, как выстраиваются в общественной практике переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 346–402.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Норма языковая (от лат. *norma* «руководящее начало», «правило», «образец»). — В предельно общем смысле норма – это точка отсчета в виде какой-то возведенной в абсолют институциональной модели, относительно которой устанавливают соответствие в границах между «можно» – «нельзя», «допустимо» – «недопустимо», а в специальном смысле – система унифицированных установлений прескриптивного характера в приложении к какой-то определенной сфере деятельности: *норма поведения*, *правовые нормы*, *языковая норма*. В приложении к этике это

[187] В терминах А. А. Потебни такое свойство есть знак значения, в терминах Г. Фреге – смысл имени.

[188] Вот почему такое отношение определяют как косвенную, или «расщепленную» референцию (Рикер 1990: 425–428).

нравственные регуляторы поведения человека; в приложении к эстетике – исторически переменчивые представления о прекрасном; в приложении к праву – свод законов, постановлений и прочих нормативных актов, регулирующих общественные отношения; в приложении к логике – непротиворечивость и верифицируемость [→ Верификация]. В таком понимании норма сродни ценности подобно *благу* или *красоте* (Ору 2000: 55; ср. Мукаржовский 1999: 59, 88, 120).

Идею нормативности лучше всего иллюстрируют этика и юриспруденция. Например, чтобы понять тавтологичное высказывание вида *Война есть война* [→ Тавтология], необходимо знать, чем «наблюдаемое положение вещей отклоняется от нормы добра, человечности, морали, порядка» (Апресян 1995, 2: 167). Не менее показательны и широко используемые в школьной практике в качестве «инструмента идеологического воспитания» так называемые упражнения с *пропусками* (Растье 2001: 143). Французским учащимся предлагается, например, установить наиболее подходящий вариант сочетаемости существительных *prisonnier* «заключенный» и *directeur de prison* «начальник тюрьмы» с прилагательными *bienveillant* «доброжелательный» и *repentant* «раскаивающийся» [→ Сочетаемостных ограничений правила], а затем привести доводы в пользу «правильного» выбора в виде умозаключения: (i) если заключенный, значит виновный; (ii) если виновный, значит должен раскаяться. С помощью таких упражнений нельзя, конечно, обучиться языку, зато можно усвоить, заключает Ф. Растье, некоторые социальные, в данном случае этические нормы [→ Нормы социальные].

Какой бы ни была область применения, нормативную систему надлежит изучать по составу образующих ее норм-формулировок, а также критерию обязательности, выполнимости, регулирования, времени, места и т. п. (Вригт 1986: 290–410).

- В структурном отношении содержание нормативной системы можно выразить в виде конъюнкции всех входящих в нее норм-формулировок.
- По критерию обязательности все входящие в нормативную систему нормы-формулировки сродни императивам со статусом разрешений или запретов.
- По критерию выполнимости нормативную систему полагают выполнимой при условии, если все входящие в нее нормы-формулировки непротиворечивы. В этом смысле к ней приложимы операторы вида «непротиворечивость» – «противоречивость».
- По критерию истинности нормативная система не имеет истинностного значения [→ Истина и правдоподобие], поскольку все входящие в нее нормы-формулировки не являются ни истинными, ни ложными, а разве только разрешающими или запрещающими, выполнимыми или невыполнимыми, противоречивыми или непротиворечивыми,

допустимыми или недопустимыми в соответствующей системе исчисления[189].

- Во временном отношении нормативные системы подвержены изменениям. Поэтому к образующим их нормам-формулировкам приложимы операторы вида «стабильность» – «вариативность», «устойчивость» – «подвижность» и т. п.

В сугубо лингвистическом определении норма – это совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления в речевой деятельности с учетом социальных, территориальных, культурно-исторических и прочих факторов, нерелевантных с точки зрения системы, но оттого не менее важных для понимания того, как употребляется язык во всем многообразии своих проявлений[190].

Действительно, знание языка не ограничивается «грамматическими абстракциями», а предполагает еще и знание того, как используются языковые средства в реальном их употреблении. Недаром Л. Ельмслев преобразует соссюровскую дихотомию *язык – речь* в четырехчленную модель: *схема – норма – узус – акт* (Hjelmslev 1971: 77 sq), а Э. Косериу предлагает различать наряду с *системой* еще и *норму* (Coseriu 1969: 235–253). Причем не для того чтобы преодолеть различие между *языком* и *речью*[191], а чтобы показать, что исторически конкретный язык можно изучать «с технической точки зрения»:

– и как систему возможностей («что “можно сказать”»), и как систему обязательных реализаций («что уже “сказано” и что по традиции “говорится”»)[192];

[189] Ср. «…нормы не имеют истинностного значения, не являются ни истинными, ни ложными» (Вригт 1986: 290).

[190] В известном смысле норма одновременно *шире* и *уже* системы – шире, поскольку учитывает нерелевантные с точки зрения системы факторы; уже, поскольку выстраивается в пределах возможностей, допускаемых системой (Косериу 1963: 174).

[191] И тем самым преодолеть позитивистскую тенденцию к изучению *языка* и *речи* как отдельных, чуть ли не овеществленных сущностей. В этой связи нелишне заметить, что *норма* и *узус* суть не промежуточные звенья между *языком* и *речью* (*схемой* и *актом*), а разные способы «абстрагирования» языка из речи в виде значимых различий и противопоставлений (схема), исторически сложившихся нормативных моделей (норма) или устойчивых языковых привычек и навыков (узус). Как пишет Э. Косериу, «различие между *нормой* и *системой* – это не “подразделение” соссюровского языка <…>. Речь идет о различии между типами структур речи, а именно между общими (традиционными) и функциональными (различительными) структурами (Косериу 1960: 172).

[192] Ср. «Система есть “система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути” в речи, “понятной” данному коллективу; норма, напротив, – это “система обязательных реализаций” <…>, принятых в данном обществе и данной культурой: норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» (Косериу 1963: 174–175).

– и как систему функциональных противопоставлений (что является «функциональным и дается в противопоставлении»), и как факт культуры («культурное, социальное и историческое»)[193];

– и как идеальные формы реализации определенного языка («техника и эталоны для соответствующей языковой деятельности»), и как «модели, исторически уже реализованные с помощью этой техники и по этим шаблонам»[194].

Разумеется, различие между *системой* и *нормой*, как и различие между *схемой*, *нормой* и *узусом*, не абсолютно, но принципиально. Хотя бы потому, что подчеркивает, что языковые системы суть «исторически реальные системы», а не чисто гипотетические конструкции. В системном ракурсе изучению подлежат функционально значимые различия и противопоставления, в нормативном – допускаемые системой социальные и территориальные особенности функционирования языка[195].

В приложении к засвидетельствованным в речевом обиходе языковым произведениям норму можно, таким образом, дифференцировать по самым различным критериям – употреблению языковых средств в литературном языке, способу фиксации, роду деятельности, социальной стратификации, территории, речи индивида и даже ситуации, а разные виды нормирования соответственно изучать как литературную норму, письменную и устную формы литературного языка, функциональные стили, социолекты, диалекты, идиолекты, ситуативную норму и т. д.

Каждому виду нормирования соответствует своя система предписаний. Так приходим к следующим выводам.

- Норма – явление сугубо институциональное, поскольку устанавливается относительно какой-то системной инстанции: этики, права, языка и т. п.
- В структурном отношении нормативная система – это открытое, но вместе с тем конечное множество всех входящих сюда норм-формулировок в отношении дополнительности.

[193] Ср. «…знание языка есть факт культуры»; «…в языке совпадают системное, культурное, социальное и историческое» (Косериу 1963: 178, 180).

[194] Ср. «Система охватывает *идеальные формы* реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает *модели*, исторически *уже реализованные* с помощью этой техники и по этим шаблонам» (Косериу 1963: 175).

[195] Больше того, наряду с *социальной* и *территориальной* нормой, изучаемой в лингвистике как социолект и диалект, можно также различать и *индивидуальную* норму [→ Идиолект]: «…отвлечение, посредством которого устраняются новшества и окказиональные элементы, но сохраняется все, что повторяется и представляет собой константную модель в речи индивида» (Coseriu 1969: 250).

- В соответствии с прескриптивным и регулируемым характером нормы все входящие в нормативную систему нормы-формулировки отвечают критерию обязательности, выполнимости и регулирования.
- В соответствии с динамическим характером нормы к образующим нормативную систему нормам-формулировкам приложимы операторы *обязательность – необязательность* (*нарушение*), *стабильность – вариативность*, *устойчивость – подвижность* и т. п.
- В отношении речевой деятельности можно различать разные виды нормирования – литературную норму, письменную или устную формы литературного языка, функциональные стили, социолекты, диалекты, идиолекты, ситуативную норму и т. п., а каждый вид нормирования изучать в диапазоне допустимого варьирования по специфическому отбору и использованию языковых средств.
- Граница между нормой и не-нормой подвижна и относительна, поскольку система разрешений и запретов релятивизируется с необходимостью относительно соответствующей системы нормирования – литературного языка, стилистического регистра, функционального стиля, социолекта, диалекта, идиолекта и т. д.
- В известном смысле норма подменяет собой истинностное значение.

Арутюнова Н. Д. Понятие нормы // Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. С. 234–243.

Вригт Г. Х фон. О логике норм и действий // Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 245–289.

Вригт Г. Х фон. Нормы, истина и логика // Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 290–410.

Coseriu E., Sistema, norma, e « parola », *Studi linguistici in onore di Vittore Pisani*, Brescia, Paideia Editrice, 1969, p. 235–253.

Кронгауз М. А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 137–141.

Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 35–121.

Мукаржовский Я. Эстетическая норма // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 162–171.

Ору С. Законы, нормы и правила // История. Эпистемология. Язык. М. Прогресс, 2000. С. 51–83.

Радбиль Т. Б. Норма и аномалия в парадигме «реальность – текст» // Филологические науки. 2005. № 1. С. 53–63.

Семенюк М. М. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 337–338.

Нормы социальные. — Понятие социальных норм производно от нормы [→ Норма языковая] как системы унифицированных установлений прескриптивного характера. В применении к языку как «общественному установлению» и «факту культуры» (Э. Косериу) это общепринятые представления типа *doxa*[196], так или иначе инкорпорированные в языке в виде сопутствующих нормативных систематик в приложении к различным предметным областям и сферам человеческой деятельности. Достоверны или нет такие системы в смысле объективном, заранее знать нельзя; зато можно утверждать безусловную их достоверность как данного коллективного сознания[197].

Действительно, наряду с функциональной системой языка в толковании [→ Интерпретация] языковых произведений учитывать приходится и прочие «системные инстанции» (Ф. Растье). И не только потому, что всякая коммуникативная ситуация моделируется в соответствии с каким-то типовым сценарием, но еще и потому, что специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает язык для обозначения отношений внутри ситуации, приводится в соответствие с общезначимой конвенцией[198], как вести себя и что говорить в подобной ситуации. За отсутствием таких систематик можно знать, например, что значит в языке англ. *out*, но не понять, что означает его употребление во время игры в крокет и чем отличаются внешне сходные словоупотребления в высказывании судьи и наблюдающих за игрой зрителей. Только зная правила игры, заключает П. Ф. Стросон, можно утверждать, что в высказывании судьи *Out!* означает удаление отбивающего игрока с поля, а в репликах возмущенных зрителей – осуждение за плохую или недостойную игру (Стросон 1986: 134). Так социальные конвенции «подправляют», можно сказать, закрепленное в языке системное значение [→ Значения «значения»] в фокусе социально регламентированной ситуации.

Множественность норм. При участии сразу нескольких видов нормирования можно говорить о многократной кодировке

[196] «Мнение большинства» в определении Платона, «что кажется правильным всем или большинству людей» в определении Аристотеля, «предрассудки» (préjugés) в определении Х.-Г. Гадамера, «подразумеваемое» семьи, рода, нации, класса, социальной группы в определении В. Н. Волошинова.

[197] В феноменологическом отношении они образуют, говоря словами Гуссерля, всеохватывающий горизонт «жизненного мира», в который мы вживаемся и на котором только можем понять, что представляют для нас «в модусе актуальной обращенности» все лежащие внутри этого горизонта обозначаемые словами вещи (Гуссерль 1999: 65–69, 116–118; ср. Гадамер 1988: 296, 358).

[198] Нормативные суждения суть не просто констатация или описание какого-то факта, а такие суждения, в отношении которых действуют операторы деонтической логики «необходимо», «обязательно», «разрешено» или «запрещено» (Ору 2000: 55).

[→ Интерсемиотичность], а в таком взаимодействии – усматривать необходимое условие существования текста [→ Текст]. Но представлять кодировку текста как конъюнкцию всех образующих его норм-формулировок было бы неоправданно простым решением. Взаимодействие между разными видами нормирования слишком сложно и многообразно, чтобы представлять его как заведомо простой конгломерат в отношении сложения, ни тем более утверждать выполнимость сразу всех входящих сюда норм[199]. Разные системы нормирования могут соотноситься между собой по принципу дополнительности, входить в противоречие, одна норма – преобразовываться или подавляться другой. Нельзя исключать, кроме того, и случаи, когда затруднительно или нельзя вообще сказать, каким социальным нормам удовлетворяет или должно удовлетворять анализируемое языковое произведение.

Рассмотрим наиболее примечательные случаи.

(i) *Социальные нормы в отношении конъюнкции*. При участии нескольких видов нормирования разные нормы могут входить в отношения дополнительности[200] и образовывать совместно систему, например систему представлений о мире, отдельные составляющие которой предполагают друг друга в необходимом различии как формулировки дополняющих друг друга системных инстанций. В идеальном раскладе учитывать приходится в таком случае все без исключения систематики, а в «сокращенном» толковании – такие и только такие, с которыми согласуются базисные установки интерпретатора. Показательным тому примером служат разные толкования того же художественного произведения, выполненные в зависимости от избираемой стратегии в идеологическом, морально-этическом, мифопоэтическом, психоаналитическом или каком-то другом ключе. Обратившись, например, к «Человеческой комедии» Бальзака, все входящие сюда сюжетные линии можно ограничить в вульгарно-социологическом прочтении социальными отношениями, поступки действующих лиц соизмерить с бытовавшими во французском обществе нравами и обычаями, прически и наряды проверить на соответствие моде, а всепоглощающую страсть к наживе соотнести в психоаналитическом прочтении с подавленными сексуальными желаниями.

[199] О полной выполнимости можно, очевидно, говорить только в отношении какого-то одного вида нормирования. И только при условии, если все образующие его формулировки актуальны и непротиворечивы. Ср. «Норма *О- выполнима*, если и только если возможно, что действия и/или воздержания от действия, которые являются содержанием нормы, имеют место при *всех* событиях (в истории нормы), которые предоставляют возможности (заинтересованному действующему лицу) для таких действий и/или воздержаний от действий, то есть при всех событиях, когда условия применения нормы выполняются» (Вригт 1986: 376).

[200] При условии, разумеется, если все входящие в сообщение нормы-формулировки непротиворечивы.

(ii) *Социальные нормы в отношении дизъюнкции*. При участии нескольких видов нормирования разные нормативные системы могут входить в отношения дизъюнкции. В качестве примера возьмем рассуждения о пользе шахмат в романе В. Набокова «Защита Лужина» (1929): *Дочь показала ей последний номер берлинского иллюстрированного журнала, где в отделе загадок и крестословиц была приведена чем-то замечательная партия, недавно выигранная Лужиным. “Но разве можно увлекаться такими пустяками? – воскликнула она, растерянно глядя на дочь, – всю жизнь ухлопать на такие пустяки. <…> Вот у тебя был дядя, он тоже хорошо играл во всякие игры, – в шахматы, в карты, на бильярде, – но у него была и служба, и карьера, и все”. — “У него тоже карьера, – ответила дочь, – и право же он очень известен. Никто не виноват, что ты шахматами никогда не интересовалась”. — “Фокусники тоже бывают известные”, – ворчливо проговорила она, но все же призадумалась и решила про себя, что известность Лужина отчасти оправдывает его существование* (гл. VII).

В интенсионально-ориентированной рефлексии оценка Лужина задается по роду деятельности, а точнее: по высказанному в отношении его деятельности мнению: (1) *занятие шахматами – пустое времяпрепровождение* и (2) *занятие шахматами – тоже профессия*. В первом случае *шахматы* подводятся наряду с *загадками*, *крестословицами*, *картами* и *бильярдом* под развлечения, а будущий зять расценивается как человек никчемный («разве можно увлекаться такими пустяками?»); во втором – под какую-никакую, но профессию, а Лужин соответственно расценивается как человек серьезный и даже успешный («У него тоже карьера <…> и право же он очень известен»). Причем судить, какому нормативному суждению отдавать предпочтение, можно только в рамках заданной системы представлений.

(iii) *Нарушение одной нормы в интересах другой*. При участии нескольких видов нормирования одна норма может подавляться другой. Показательным тому примером являются отступления от норм литературного языка в целях создания особого художественного эффекта в литературной практике. Действительно, будь то смещенное словоупотребление [→ Метафора, Метонимия], морфологические ошибки, нарушение правил лексической сочетаемости [→ Сочетаемостных ограничений правила] или какие-то иные языковые погрешности, всякое отступление от нормы в оперировании языковым кодом симптоматично в той мере, в какой предстает как условие литературности [→ Литературность]. Недаром в знаменитой статье В. Шкловского «Искусство как прием», поэтический

язык определяется преимущественно в плане деформации языка практического как результат совершенной над ним операции деконструкции – «остранения» (Шкловский 1983: 9–25). Так деконструкция возводится в достоинство «конструктивного фактора»[201].

(iv) *Преобразование одной нормы другой*. Не менее показательны и случаи преобразования, когда какая-то норма служит основанием утверждения другой нормы. Так, по свидетельству Я. Мукаржовского, нравственная норма, представленная в романе через противопоставление положительного и отрицательного героев, может восприниматься в качестве «конструктивного фактора» художественного произведения и тем самым преобразовываться в норму эстетическую (Мукаржовский 1999: 82–83). Не исключаются и противоположные случаи, когда эстетические нормы трансформируются в нормы неэстетические. Например, эстетическая норма становится языковой, когда какое-то сугубо поэтическое использование языка вроде специфического оборота речи, неконвенционального словосочетания или употребления автоматизируется в речевом обиходе вплоть до возведения в достоинство общезначимой языковой нормы. Поведенческой эстетическая норма становится в свою очередь, когда избирается в повседневной деятельности в качестве программы или модели чуть ли не бытового поведения. Весьма примечательна в этой связи роль театра, литературы и искусства в жизни общества в конце XVIII – начале XIX вв. с обыкновением перевоплощаться в соответствии с приличествующим занимаемому положению амплуа в Катона, Брута или Мельмота. По наблюдениям Ю. М. Лотмана, «театр вторгается в жизнь, активно перестраивая бытовое поведение людей. Монолог проникает в письмо, дневник и бытовую речь. То, что вчера показалось бы напыщенным и смешным, поскольку приписано было лишь сфере театрального пространства, становится нормой бытовой речи и бытового поведения» (Лотман 1994: 183).

(v) Не исключаются, наконец, и случаи, когда затруднительно или вовсе невозможно установить, каким нормам удовлетворяет или должно удовлетворять анализируемое сообщение. Например, *Не уходи!* можно расценить в разных ситуациях и как просьбу, и как приказ, и как мольбу. Больше того, замечает П. Ф. Стросон, существует немало примеров, когда иллокуция не соотносится вообще, за исключением разве только языковой нормы, ни с одной из известных нам социальных конвенций.

[201] Из этого, разумеется, не следует, что всякое нарушение нормы в оперировании языковым кодом становится непременно эстетической нормой. Отступление от языковой нормы может также использоваться в целях дискредитации предмета речи, для социальной характеристики говорящего или в интересах языковой игры для достижения, например, комического эффекта (Падучева 1997: 184–226; Санников 1999; Шмелев 1990).

Так, в обращении к конькобежцу высказывание *Там очень тонкий лед*, пусть и обладает иллокутивной силой предостережения, не имеет «никакой поддающейся формулировке конвенции (отличной от тех, которые касаются природы данного локутивного акта)» (Стросон 1986: 135).

За отсутствием общезначимой конвенции не остается ничего другого, как довольствоваться интенцией говорящего. Поэтому П. Ф. Стросон предлагает, обратившись к грайсовскому понятию «субъективного значения», релятивизировать значение неконвенционального иллокутивного акта относительно намерения говорящего. Анализ значения принимает в таком случае следующий вид: S выражает субъективное значение при помощи высказывания x, если S намерен ($i1$) произнесением x вызвать определенную реакцию (r) у слушающего A и имеет в виду ($i2$), что A опознает его намерение ($i1$), и имеет в виду ($i3$), что это опознание его намерения ($i1$) со стороны A явится основанием (или частичным основанием) для реакции r (Стросон 1986: 137, 143, 148; ср. Серль 1986: 158). Так понимание высказывания x сводится к распознанию намерения S обеспечить реакцию r[202].

Так приходим к следующим выводам.

- Социальные нормы суть дополнительные системы кодирования.
- Знанию системы языка соответствует семантическая компетенция, знанию инкорпорированных в произведении социальных норм – прагматическая компетенция.
- Социальные нормы «подправляют» закрепленное в языке системное значение в пределах заданной предметной (концептуальной) области.
- Отношения между разными нормами-формулировками могут выстраиваться в анализируемом произведении по типу логических отношений между суждениями – равнозначности или неравнозначности, рефлексивности или нерефлексивности, симметричности или несимметричности, конъюнкции или дизъюнкции, совместимости или несовместимости, согласия или противоречия, соответствия или несоответствия и т. п.
- При участии сразу нескольких видов нормирования в идеальной модели интерпретации учитывать по возможности следует все или почти все системы нормирования, а в «сокращенной» интерпретации – такие и только такие, которые совпадают с базисными установками интерпретатора.

[202] Отсюда предписание из области коммуникативной деонтологии: «…при произнесении высказывания говорящий должен добиться того, чтобы слушающий осознал наличие у него сложного намерения определенного вида: намерения, направленного на то, что слушающий должен опознать (и понять, что такое опознание предполагалось) намерение говорящего вызвать у него, слушающего, определенную реакцию» (Стросон 1986: 144–145).

- Нормативным суждениям нельзя придать истинностное значение [→ Истина и правдоподобие], их можно только проверить на соответствие какой-то возведенной в абсолют нормативной системе в пределах «допустимо» – «недопустимо», «уместно» – «неуместно», «можно» – «нельзя».

Арутюнова Н. Д. Понятие нормы // Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. С. 234–243.

Вригт Г. Х фон. Нормы, истина и логика // Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 290–410.

Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 213–233.

Кронгауз М. А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 137–141.

Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 35–121.

Мукаржовский Я. Эстетическая норма // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 162–171.

Ору С. Законы, нормы и правила // История. Эпистемология. Язык. М. Прогресс, 2000. С. 51–83.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Ограничитель (англ. *hedge*, франц. *enclosure*). — Под ограничителем обычно понимают естественно-языковые средства, вносящие коррективы в истинностное значение [→ Истина и правдоподобие] проблемных суждений. К таким операторам Дж. Лакофф относит, в частности, выражения *in many respects* «во многих отношениях», *in a number of respects* «в ряде отношений», *in a way* «в некотором отношении», *approximately* «приблизительно», *roughly* «грубо» и т. п.

В функции ограничителя могут выступать, кроме того, и разного рода компаративные связки, позволяющие если не преодолеть, то хотя бы отчасти сгладить «истинностный провал» (truth value gap)[203]. Например, высказывание *Harry is a fish* «Гарри – рыба» представляется более приемлемым в перифразировке вида *Harry is swimming as a fish* «Гарри плавает, как рыба». Ограничитель *as* «как» вносит изменения в истинностное значение высказывания, поскольку разделяет элементы разных системных классов (‘Гарри’ //люди// *vs* ‘рыба’ //рыбы//) путем установления соответствия по общему видовому признаку /хороший пловец/.

Так получаем высказывания:

(1) *Гарри – рыба* (ложно),

(2) *Гарри плавает, как рыба* (менее ложно, чем 1),

(3) *Гарри – хороший пловец* (истинно).

С точки зрения научно-объективного знания истинным здесь можно признать, пожалуй, только высказывание (3), а ложным безо всяких градаций – высказывание (1). Но если руководствоваться семантическим критерием, приемлемость высказывания можно расценить тогда как эффект исключительно семантической связности [→ Когезия]. В разбираемом примере восстановить нарушенную семантическую связность позволяет отчасти компаративная связка *как* в функции ограничителя, а за отсутствие компаративной связки уравнительный контекст N_1 есть N_2. По сути, это инструкция семантической интерпретации [→ Интерпретация], позволяющая если не нейтрализовать аллотопию [→ Аллотопия] по родовому признаку /человек/ *vs* /рыба/, то хотя бы установить изотопию [→ Изотопия] по видовому признаку /хороший пловец/.

Так приходим к следующим выводам.

- Ограничитель позволяет если не преодолеть, то хотя бы сгладить истинностный провал.
- В функции ограничителя могут использоваться любые языковые средства уклонения от истинности при условии, если вносят коррективы в истинностное значение проблемного высказывания.
- В семантическом отношении ограничитель преобразует аллотопию в изотопию.

Арутюнова Н. Д. Модальные и семантические операторы // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 830–846.

МакКоли Дж. Д. Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 177–200.

Kleiber G., Phrases et valeurs de vérité, in Martin, R., éd., *La notion de recevabilité en linguistique*, Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.

Lakoff, G., Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts, *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Chicago, 1972, p. 183–228.

Zadeh, L. A., Quantitative fuzzly semantics, *Information sciences*, 3, 1971, p. 159–176.

Zadeh L. A., A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges, *Journal of Cybernetics*, 1972, 2, p. 4–34.

[203] В этом смысле ограничитель – средство уклонения от истины, и его можно охарактеризовать вслед за Н. Д. Арутюновой как «семантический оператор половинчатости», с помощью которого выражается полуправда или полуложь (Арутюнова 1998: 830).

Определительное множество. — Под определительным множеством понимают семантический класс [→ Семантический класс], на котором определяют в толковании [→ Интерпретация] значение всякого входящего в данный класс элемента.

В этой связи возникает вполне естественно вопрос, на каких условиях строится и каким требованиям должно отвечать определительное множество. Глобальным прагматическим условием построения такого множества являются знания [→ Фоновые знания]. Таксономические знания позволяют, в частности, установить, что *медведя*, например, целесообразнее определять в отношении к *волку*, *лосю* или *лисе* на множестве //животные// – по признаку /животное/, на подмножестве //хищные животные// – по признаку /хищник/, на подмножестве //семейства медвежьих// – по признаку /медведь/, /бурый/ и т. п.

Объединяя сумму сведений о входящих в класс элементах, таксономическая информация позволяет, таким образом, установить онтологически релевантные компоненты значения [→ Значения «значения»], так или иначе представленные в словарной дефиниции, а в пределе судить, насколько адекватной в диапазоне допустимого варьирования является предикация. Например, в высказывании *Медведь – это хищное животное* отношение предиката к субъекту не вызывает сомнений, поскольку все представители семейства медвежьих суть хищные животные. Напротив, высказывание *Медведи любят кататься на велосипеде* кажется проблемным [→ Неоднозначные высказывания], поскольку представители семейства медвежьих не ездят, разве только в цирке, на велосипеде.

Таксономические знания встроены в язык[204], но это еще не довод в пользу исключительно онтологического принципа построения определительного множества. В качестве когнитивных аналогов знания могут учитываться, кроме того, и другие системы представлений. Так, в мифопоэтической картине мира *медведя* целесообразнее определять в отношении к тотемным животным по афферентному признаку /священный/, /тотем/, /проводник в иной мир/, в системе обыденных представлений – в отношении к человеку по афферентному признаку /неуклюжий/, в системе политических различий – в отношении к политическим партиям по свойству чуть ли не национальной идентичности[205]. Так приходим к принципиальному установлению: глобальным прагматическим условием построения множества, на котором определяют значение анализируемого именного выражения,

[204] Вероятно, поэтому авторы идеографических словарей полагают, что лексика структурируется по типу таксономии и что таксономическая классификация соответствует как нельзя лучше самому языку.

[205] Субстанцию содержания [→ Форма и субстанция] образуют все возможные свойства, по которым определяется *in potentia* обозначаемая словом реалия, а форму содержания – такие и только такие свойства, по которым задается определение: ‘медведь’$_1$ /животное/, /семейства медвежьих/, /бурый/ — ‘медведь’$_2$ /тотем/, /проводник в иной мир/ — ‘медведь’$_3$ /неуклюжий/ — ‘медведь’$_4$ /партийная принадлежность/.

являются базовые установки мнения, так или иначе инкорпорированные в языке в виде проблематических, ассерторических или аподиктических суждений вида «*S* может быть *P*», «*S* есть *P*» или «*S* должно быть *P*»[206].

Определительное множество в языке. За отсутствием лексически выраженного окружения определительным множеством становится образованная по типу естественного класса парадигма [→ Парадигматика и синтагматика]. Посредством парадигматических отношений лексическая единица соотносится по бытийному значению с соответствующим системным классом, все прочие элементы которого отсутствуют в контексте, но позволяют вместе с тем прогнозировать таксономически допустимые свойства, которыми обладают по определению все или почти все представители данного класса. Вот почему за отсутствием лексически выраженного окружения содержание семемы ‘медведь’ можно определять в парадигматическом измерении на подходящем по случаю системном классе по ингерентным признакам /животное/, /семейства медвежьих/, /хищник/ и т. п.

Такие признаки служат, разумеется, целям исключительно только глобальной параметризации, настолько расплывчатой, что некоторые логики не без основания полагают, что таксономические свойства, по которым задается бытийное значение в суждениях вида *Это медведь*, не поддаются исчерпывающей формулировке (Арутюнова 1998: 33; ср. Лосский 1991: 195, 223–225). Поэтому, согласимся, утверждать, какие признаки подлежат обязательной актуализации, можно с очевидностью только в синтагматическом измерении, отбирающем в диапазоне возможных решений такие и только такие компоненты значения, по которым определяется в данном контексте мнения обозначаемая словом реалия[207].

Определительное множество в контексте. В функции определительного множества может выступать и создаваемый в контексте «прагматический класс» (В. Г. Гак) в виде совокупности двух и более семем с общим тривиальным или нетривиальным «родовым» признаком.

Как показывают засвидетельствованные в речевой деятельности примеры, здесь можно выделить такие наиболее типичные случаи.

(i) Определительное множество совпадает отчасти с системным классом. Например, в высказывании вида *Купи макарон, сыр, хлеба и пиво* все входящие в высказывание семемы определяются по умолчанию на множестве //продукты питания//, а в рамках данного множества – на соответствующем подмножестве: ‘макароны’ – на классе //мучные изделия//, ‘сыр’ – на классе //молочные изделия//, ‘хлеб’ – на классе //хлебобулочные изделия//, ‘пиво’ – на классе //напитки//. При этом

[206] Сигналом установки мнения служат ментальные предикаты *знать*, *считать*, *думать* или *полагать*.

[207] Так глобальная таксономическая предикация преобразуется в последующих частных суждениях в характеризующую предикацию.

сфокусированные в синтагматике признаки являются идентичными в языке и в контексте [→ Контекст]. Единственное отличие состоит, пожалуй, только в том, что в контексте «купи» актуализации подлежит еще и общий для всех входящих в перечисление семем акцидентный признак /надо купить/.

(ii) Определительное множество не совпадает ни с одним из известных системных классов. Показательным тому примером служит хотя бы описание покоев Плюшкина («Мертвые души», гл. VI), в котором детализация дается ad absurdum, а перечисление «всякой всячины» соответствует как нельзя лучше царящему в комнатах беспорядку. Что здесь только не увидишь: кучу мелко исписанных бумажек, кусочек сургуча, старинное серебро, прислоненный боком к стене шкаф, часы с остановившимся маятником, люстру в холстинном мешке, сломанный стул, раму красного дерева, высохший лимон, старую подошву сапога, старинную книгу в кожаном переплете, деревянную лопату, кусочек где-то поднятой тряпки и т. д.

Чтобы истолковать такое высказывание, даже в случае полной его несуразности, требуется установить, что общего может быть между такими разнородными элементами, а от отношения подобия перейти к построению локальной изотопии [→ Изотопия]. Образуемый по паратаксису контекстуальный класс не совпадает действительно ни с одним из известных системных классов, поскольку *перо*, *кресло*, *шкаф*, *часы*, *лопата*, *подошва сапога*, *зубочистка*, *пресс* и *яичко* принадлежат по определению разным системным множествам. Такую произвольную совокупность можно назвать множеством лишь при условии, если образующим его элементам предицировать какой-то общий, пусть и акцидентный, признак. Противоречие по родовому признаку компенсируется общими афферентными признаками в отношении дизъюнкции: /роскошь/ *vs* /ущербность/[208]. Эти признаки и задают в конечном счете множество, на котором определяются в контексте все входящие сюда элементы: ‘перо’, ‘кресло’, ‘шкаф’, ‘часы’, ‘лопата’, ‘подошва сапога’, ‘серебро’, ‘зубочистка’, ‘пресс’, ‘яичко’, ‘гравюр’, ‘рама красного дерева’, ‘тряпка’, ‘рюмка’, ‘люстра’ и т. д.

Больше того, от конгломерата вещей можно легко перейти и к владельцу. Перечисление по типу «кучи» [→ Перечисление по типу «кучи»] характеризует действительно Плюшкина и даже является основанием для соответствующих заключений: (i) $t_{o\text{-}1}$ – роскошь и изобилие; (ii) t_o – упадок; (iii) значит, Плюшкин относится к разряду так называемых богатых нищих, а точнее: богатых скупцов (Топоров 1995: 7–111). В специальном смысле такое рассуждение не имеет, конечно же, силы, но чтобы актуализировать общий афферентный признак, этого в принципе и не требуется. Афференция основывается на топосе [→ Топос] тысячелетней давности, по которому «богатство» и «скупость» находятся нередко в отношении взаимной импликации [→ Импликация].

Так приходим к следующим установлениям.

- Определительное множество – это семантический класс, на котором определяют значение всякого входящего в данный класс элемента.
- В парадигматическом измерении таким множеством является парадигма, в синтагматическом измерении – ближайший или дальний контекст.
- Глобальным прагматическим условием построения определительного множества могут быть как таксономические знания, так и не всегда достоверные мнения и убеждения.
- Поскольку прагматические условия проявляются в языке и в контексте по-разному, различным может быть и конфигурация семантического класса в функции определительного множества.
- Если в анализируемом высказывании (тексте) используются разные систематики, в таком высказывании (тексте) можно построить сразу несколько производных от этих систематик множеств.
- Композиция определительного множества может меняться в соответствии с распределением локальных зон интерпретации – синтагмой, высказыванием или текстом.

[208] Ср. *зубочистка* («совершенно пожелтевшая» → /ущербность/), *подошва сапога* («старая» → /ущербность/), *колпак* («старый, поношенный» → /ущербность/), *лимон* («весь высохший» → /ущербность/), *деревянная лопата* («отломленный кусок» → /ущербность/), *старинное серебро* (→ /роскошь/), *китайский фарфор* (→ роскошь/), *картина* («почерневшая» → /ущербность/), *гравюр* («пожелтевший», «без стекла» → /ущербность/), *рама* («красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам» → /роскошь/), *пресс* («мраморный» → /роскошь/, «позеленевший» → /ущербность/), *кресло* («отломленная ручка» → ущербность/), *стул* («сломанный» → /ущербность/), *часы* («с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину» → /ущербность/), *шкаф* («прислоненный боком к стене» → /ущербность/), *люстра* («в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон» → /ущербность/), *книга* («старинная… в кожаном переплете с красным обрезом» → /роскошь/, *рюмка* («с какою-то жидкостью и тремя мухами» → /ущербность/ и т. д. Эти признаки имеют здесь статус родовой семы, хотя входят в языке в семантему, а не в классему указанных семем. Тем самым подтверждается, что контекстуальные классы могут изменять не только состав, но и статус составных компонентов (Растье 2001: 82–84).

Гак В. Г. Онтологические и прагматические логические классы // Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. С. 32–40.

Кондаков Н. И. Множество // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 353–358.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 23–60.

Оценка. — Оценка связана с исследованием значения [→ Значения «значения»] как ценностного для человека свойства вещи [→ Аксиология]. В оценочных суждениях вещи не просто называются [→ Номинация], но еще и квалифицируются по каким-то особо примечательным их признакам, свойствам и состояниям.

По наблюдениям Н. Д. Арутюновой, понимание оценочных предикатов не требует особых усилий; затруднение вызывает их интерпретация [→ Интерпретация]. Например, понимая значение предикатов *чудесный*, *замечательный*, *хороший* или *плохой*, не всегда понятно, почему собеседник находит квартиру хорошей или плохой, чем она ему нравится или не нравится (Арутюнова 1998: 185). Основанием для соответствующей квалификации объекта в суждении служат, безусловно, какие-то возведенные в абсолют нормативные требования [→ Норма]. Сообразуясь с такими требованиями, говорящий может пояснить: квартира хороша не сама по себе, а тем, что соответствует его представлениям, как должна выглядеть действительно хорошая квартира: быть светлой, просторной, удобной по расположению комнат, находиться в непосредственной близости от работы и т. п.

Так оценка входит непосредственно в значение обозначаемых словами реалий.

Обратимся к условиям, видам и области оценки.

Область оценки. В зависимости от области приложения оценочные суждения подразделяются на аксиологические и деонтические. С аксиологическими суждениями связывают ценностные представления с операторами типа «хорошо» или «плохо»: напр. *Хорошо в деревне летом*; с деонтическими – представления прескриптивного свойства с операторами типа «нужно», «требуется», «необходимо»: напр. *Хорошие студенты не должны пропускать занятия*.

Виды оценки. Аксиологические значения представлены в языке двумя видами суждений: общеоценочными и частнооценочными. К общеоценочным относят суждения, в которых объект характеризуется в целом, к частнооценочным – суждения, в которых оценка объекта дается по какому-то одному отдельно взятому свойству, действию или состоянию. Причем в наборе аксиологически релевантных свойств некоторые свойства могут склонять чашу весов в пользу общей положительной или общей отрицательной оценки.

Общая оценка складывается, таков механизм выведения оценки, из множества частнооценочных свойств. Поэтому далеко небезразлично, какие возобладают в итоге свойства. В идеальном раскладе недостатки если и не подавляются, то хотя бы компенсируются достоинствами в уступительных конъюнкциях с возмещающей частицей *зато*: напр. *да, любит выпить, погулять, зато какой компанейский и какой хлебосольный человек* или *неуемен в веселье, зато на все руки мастер*. При этом предельно убедительной общая положительная оценка становится лишь тогда, когда приводимое в качестве контраргумента достоинство возобладает над недостатками, поскольку занимает в иерархии ценностей куда более важное место. В ситуации выбора, в какой находится гоголевская невеста, важно определиться, чему отдать предпочтение: губам Никанора Ивановича, носу Ивана Кузьмича, развязности Бальтазара Бальтазарыча или дородности Ивана Павловича.

Условия оценки. Поскольку оценка совершается всегда в сравнении [→ Сравнение] с чем-то другим, всё, что оценивается, входит по умолчанию [→ Умолчание] в какой-то образованный по случаю компаративный класс[209] с функцией оценочной шкалы. По востребованному в контексте [→ Контекст] свойству сравниваться implicite могут и разные объекты: напр. *Маша красивая* (по сравнению с подругами), и разные состояния того же объекта: напр. *Маша сегодня удивительно красива* (по сравнению с обычным ее состоянием).

Компаративные ряды могут, кроме того, создаваться и из элементов разносистемных парадигм [→ Парадигматика и синтагматика]. Для таксономии оценки принципиально важно в таких случаях уяснить, что служит основанием оценки и почему для квалификации объекта в суждении избирается такая, а не какая-то другая окказиональная точка отсчета. Возьмем, например, суждение *Мужчина может быть немногим красивее обезьяны*. В оценочной шкале от самого красивого до самой безобразного обезьяне отводится, как известно, не самое почетное место[210]. Поэтому возникает вполне естественно вопрос, почему для оценки мужчины по свойству физической привлекательности в качестве эталона избирается представитель отряда приматов, а, скажем, не Аполлон или какой-то другой образцовый носитель этого свойства.

Свойство физической привлекательности мужчины, пусть и задается в качестве основания оценки, оказывается на деле несущественным по сравнению с неэксплицированным, но подразумеваемым свойством физической силы как наиболее ценным в аксиологической системе говорящего. Аргументом в пользу такого вывода служит, во-первых, снижение «градуса» признака чуть ли не до нулевой отметки: *немногим красивее*

[209] Типа натурального ряда чисел. Так, по Э. Сепиру, *четыре* получает значение постольку, поскольку обозначает число больше, чем *два* или *три*, но меньше, чем *пять* или *шесть* (Сепир 1985: 43–78).

[210] Во всяком случае в человеческой цивилизации. В возможном мире, каким является «Планета обезьян», аксиологическая оценка может быть диаметрально противоположной.

обезьяны, во-вторых – аксиома в функции прагматической пресуппозиции [→ Пресуппозиция]: *мужчину красит физическая сила*; *и чтобы быть привлекательным в глазах женщин, ему необязательно походить на Аполлона*.

Вектор оценки. Содержание оценки зависит напрямую от того, какая избирается в оценочной шкале точка отсчета и какой задается относительно данной точки отсчета вектор оценки. Мелиоративный эффект обычно достигается, когда частнооценочная квалификация задается в отношении к более ценностной области: напр. ‘человек’ //простые смертные// < ‘царь’ //небожители// в выражении вида *царственная осанка* (в значении «величественный»), пейоративный – в отношении к менее ценностной области: напр. ‘человек’ //люди// > ‘петух’ //птицы// в выражении вида *петушиный характер* (в значении «задиристый»)[211].

Интерпретация усложняется, когда присоединенные частнооценочные предикаты оказываются несовместимыми в ценностной иерархии и потому не подлежат совместной оценке в оценочном интервале n_{+1} или n_{-1}. Характерной тому иллюстрацией является, например, такая характеристика глуповского градоначальника Ламврокакиса: *Торговал греческим мылом, губкой и орехами; сверх того, был сторонником классического образования* (М. Е. Салтыков-Щедрин). Объединяющим звеном здесь служит, очевидно, греческое происхождение Ламврокакиса. Но поскольку частнооценочные предикаты *торговать греческим мылом, губкой и орехами* и *быть сторонником классического образования* находятся в разном оценочном пространстве, глуповцам не остается ничего другого, как гадать, чему отдать предпочтение, что выбирать в качестве отправной точки отсчета в общей оценке градоначальника – поддержку классического образования или торговлю мылом, губкой и орехами. В зависимости от вектора возможными становятся разные толкования: либо расценить торговлю как имеющую отношение к просвещению, а семемам ‘мыло’, ‘губка’, ‘орехи’ приписать афферентный признак /просветительский/, либо расценить образование как имеющее отношение к торговле, а семеме ‘образование’ приписать альтернативный афферентный признак /купля/ – /продажа/.

[211] В качестве частнооценочных предикатов могут выступать порой и относительные определения: напр. *деревенское молоко*, *швейцарские часы*, *американские джинсы*, *китайский шелк*, *английская шерсть*. Не исключаются, кроме того, и такие случаи, когда элемент более ценной области привлекается с целью достижения обратного эффекта. Ср. *Эта дама во многих отношениях подобна Венере Милосской: она также чрезвычайно стара, тоже не имеет зубов и имеет несколько белых пятен на желтоватой поверхности своего тела* (Г. Гейне).

Точка зрения как основание оценки. Оценка связана непосредственно с точкой зрения[212], мнением или убеждением, как и по каким признакам, свойствам и состояниям оценивать в суждении вещь[213]. Во всех случаях оценка производна от переменных – социолектных и/или идиолектных – аксиологических норм.

Весьма примечательна в этой связи квалификация Чичикова в оценке жителей губернского города *N*. Несмотря на совпадение общей положительной оценки, частнооценочные предикаты варьируют: губернатор видит в Павле Ивановиче Чичикове *благонамеренного человека*, прокурор – *дельного человека*, жандармский полковник – *ученого человека*, полицмейстер – *любезного человека*. Основанием оценки для каждого из упомянутых губернских начальников служит какая-то определенная система ценностей: благонадежность – в оценке губернатора, деловые качества – в оценке прокурора, познания в науках – в оценке жандармского полковника, этикет – в оценке полицмейстера. Аналогичным образом варьируют и частнооценочные суждения в последующей общеотрицательной оценке Чичикова. Для кого-то основанием негативной оценки служит вскрывшийся обман: *протопопшу надул*, для кого-то – подделка государственных ассигнаций: *делатель фальшивых бумажек*, для кого-то – подозрения в шпионаже: *не шпион ли?*

Так приходим к следующим выводам.

- Оценка окружающих человека вещей совершается по наиболее примечательным их свойствам, действиям и состояниям.
- Оценка может быть общей или частной.
- Общеоценочные суждения квалифицируют объект в целом, частнооценочные суждения – по какому-то сфокусированному в контексте приоритетному свойству.
- Общая оценка складывается из частных оценок.
- Выведение в фокус какого-то частнооценочного свойства не отменяет другие свойства, а единственно только указывает на особую его значимость в данном контексте мнения.

[212] Как замечает Дж. Серль, «мир сам по себе не имеет точки зрения, но мой доступ к миру с помощью сознательных состояний всегда осуществляется в той или иной перспективе, всегда с моей точки зрения» (Серль 2002: 103). На установку мнения указывают, в частности, глаголы ментального состояния *считать*, *полагать*, *думать*, *казаться*, частицы, наречия и адвербиальные обороты *как будто*, *безусловно*, *бесспорно*, *вероятно*, *разумеется*, *несомненно* и т. д.

[213] Например, по наблюдениям Ю. Д. Апресяна, с русской точки зрения диван имеет длину и ширину, с английской – длину и глубину. По-немецки ширину дома измеряют в окнах: напр. *zehn Fenster breit* «шириной в десять окон», а по-русски такой способ кажется пусть и понятным, но непривычным (Апресян 1995, 1: 59; 2: 349 и далее).

- Оценка имплицирует сравнение.
- По какому-то сфокусированному в контексте свойству сравниваться могут либо два разных объекта, либо два разных состояния того же объекта.
- При сравнении [→ Сравнение] разных объектов окказиональной точкой отсчета обычно служит какой-то привлекаемый по случаю образец, относительно которого совершается оценка.
- Интенсивность свойства можно измерить в скалярной оценке по степени соответствия образцу, относительно которого устанавливают «градус» исчисляемого свойства.
- В переходах от меньшей интенсивности к большей интенсивности совершается амплификация.
- Мелиоративный эффект достигается, когда привлекаемый по случаю образец занимает в оценочной иерархии более почетное место, пейоративный – менее почетное место.
- Пониманию в оценочных суждениях подлежит квалификация объекта, интерпретации – основание такой квалификации.
- Основанием квалификации объекта в суждении может быть только обусловившая ее установка мнения.
- Квалификация объекта по какому-то частнооценочному признаку характеризует наряду с объектом суждения и самого говорящего, выделяющего этот признак в качестве основания оценки.
- В истинностном отношении оценочные суждения можно проверить только на соответствие базисной установке мнения.
- В истинностном отношении оценочные суждения претендуют если не на объективную, то хотя бы субъективную значимость.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 130–274.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 183–195.

Парадигматика и синтагматика. — В рамках соссюровской дихотомии «язык – речь» с языком связывают парадигматические, с речью – синтагматические отношения.

Языковые единицы вступают действительно в отношения двух видов: (1) отношения *in absentia* – с единицами, которые могут фигурировать в той же позиции независимо от того, находятся ли они в отношении взаимоисключения или свободного варьирования и (2) отношения *in praesentia* – с единицами в непосредственной их сочетаемости в речевой цепи. Так, возьмем пример Дж. Лайонза, в словосочетании *a pint of milk* «кружка молока» *pint* вступает в синтагматические отношения с *a*, *of* и *milk*, а благодаря возможности появления в контексте «a__of milk» – в парадигматические отношения с *bottle*, *cup* или *gallon* (Лайонз 1978: 90). Аналогичным образом, добавим, *milk* вступает в синтагматические отношения с *a*, *pint* и *of*, а благодаря возможности появления в контексте «a pint of__» – в парадигматические отношения с *beer* или *lentils*.

Данный пример показывает, что в реальной компетенции парадигматические и синтагматические отношения взаимно обусловливаются и что раздельное их изучение является в принципе таким же малоубедительным, как и изучение языка отдельно от речи: парадигматика отражается необходимым образом в синтагматике.

Взаимозависимость парадигматического и синтагматического измерений можно проиллюстрировать еще и на примере отношений субъекта к предикату. В качестве иллюстрации возьмем высказывание *Грачи прилетели*. В парадигматическом измерении содержание семемы ‘грачи’ определяется относительно других пернатых, а в синтагматическом измерении – по востребованному в контексте «прилетели» ингерентному видовому признаку /умеет летать/. Парадигматические отношения задают в таком случае системное (категориальное) значение, а синтагматические отношения – сфокусированное в контексте актуальное (контекстуальное) значение[214].

Нельзя, разумеется, исключить и такие случаи, когда предицируемый в контексте [→ Контекст] признак не только не входит в отношения конъюнкции с другими признаками, но определяется к тому же в отношении к элементам другого системного класса [→ Семантический класс]. Например, в высказывании **Грачи бомбят город* присоединенный предикат подходит скорее для самолета бомбардировочной авиации, чем для представителя класса пернатых, так что рационализировать такое высказывание можно разве только путем метафорического переосмысления

[214] В этой связи можно говорить о «лексической солидарности», «совместимости» (Coseriu 1967: 293–303) или ограничениях на лексическую сочетаемость [→ Сочетаемостных ограничений правила]. В микросемантическом отношении «солидарность» имеет место тогда и только тогда, когда признак одной семемы воспроизводится в другой, так что вторая семема определяет тем самым первую. В разбираемом примере ‘грачи’ и ‘прилетели’ согласуются во всяком случае по ингерентным признакам /птица/, /пернатый/ и /умеет летать/. Причем /птица/ и /пернатый/ входят в классему, а /умеет летать/ – в семантему семемы ‘грачи’ [→ Семный анализ].

[→ Метафора] либо предиката *бомбят*, либо субъекта *грачи*. Причем в обоих случаях подобие преступает категориальные границы, а производный в контексте класс *ad hoc* включает элементы разносистемных парадигм.

Синтагматическое измерение становится, таким образом, своеобразной призмой, преломляющей в соответствии с требованиями контекста установленные в парадигматике признаки.

В пределе здесь возможны разные варианты.

(i) Актуализируемые в контексте признаки хотя бы частично совпадают с лексическим типом. В микросемантическом отношении эти признаки суть ингерентные семы. Например, в контексте «прилетели» в семеме ‘грачи’ актуализации подлежат ингерентные видовые признаки /перелетный/, /умеет летать/, а в семеме ‘прилетели’ в контексте «грачи» – ингерентный видовой признак /птица/. В установленных в синтагматике отношениях эти признаки не только совпадают с лексическим типом, но и предписываются лексическим окружением. Напротив, в контексте «со сломанным крылом» ингерентный признак /умеет летать/ подлежит нейтрализации, тогда как признак /птица/ остается востребованным, поскольку даже с переломанным крылом *птица* остается по-прежнему «птицей».

(ii) Актуализируемые в контексте признаки хотя бы частично расходятся с лексическим типом. В микросемантическом отношении эти признаки суть афферентные семы. Так, в приведенном выше высказывании *Грачи прилетели* в семеме ‘грачи’ можно актуализировать, кроме ингерентных признаков /пернатый/ и /перелетный/, афферентный признак /предвестник весны/, а высказывание – перифразировать в виде *Весна наступила*.

Решающим оказывается в конечном счете контекст. Ибо актуализация семантических признаков зависит непосредственно от употребления; и можно при желании предположить такой контекст, в котором актуализируются одни, но нейтрализуются другие признаки.

Так приходим к предварительным выводам.

- Парадигматическое и синтагматическое измерения взаимно дополняются. Посредством парадигматических отношений лексическая единица включается в определенный системный класс, все прочие элементы которого обычно отсутствуют в контексте, а посредством синтагматических отношений – в высказывание или текст.
- Отношения *in absentia* позволяют прогнозировать набор, пусть и диффузный, потенциально возможных признаков, которыми обладают по определению все или почти все представители данного класса, а отношения *in praesentia* – актуализировать такие и только такие признаки, по которым определяется *hic et nunc* данная лексическая единица.
- Системное значение устанавливают в парадигматическом измерении – по отношению к системному классу, которому принадлежит по определению лексическая единица, а актуальное значение в синтагматическом измерении – по отношению к ближайшему лексическому окружению, в котором находится данная единица.
- Семантические признаки, по которым определяется содержание семемы, устанавливают во взаимодействии парадигматического и синтагматического измерений: ингерентные признаки задаются в парадигматике – по отношению к определенному системному классу, а акцидентные афферентные признаки в синтагматике – по отношению к ближайшему лексическому окружению; причем и те и другие актуализируются только по предписанию контекста.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.

Перечисление по типу кучи (франц. *coq-à-l’âne* «от петуха к ослу»). — Перечисления по типу кучи относятся к паралогическим суждениям [→ Абсурдные высказывания], в которых непреднамеренно, а иногда и осознанно, сближаются несовместимые понятия: напр. *храбрость* и *треугольник*, *часы* и *трусы* и т. п. Элементы в отношении координации не имеют ближайшего общего родового понятия. В семантическом отношении они аллотопны [→ Аллотопия].

Известный советский график Андрей Гончаров вспоминает, как Н. Купреянов приводил в качестве примера логической ошибки запомнившуюся ему фразу времен Первой мировой. В 1915 году в полевой госпиталь пришло такое предписание: *В госпиталь принимать славян, австрийцев, гарнизонных и сыпнотифозных*. Основанием такой довольно странной координации является, безусловно, посылка: «принимать всех больных независимо от национальности, места службы и вида заболевания». Но и в этом случае нельзя отделаться от впечатления беспорядочного нагромождения внешне несовместимых понятий. Совместно употребленные номинативные единицы не принадлежат никакой общей понятийной сфере, поскольку относятся в языке к разным системным классам, в том числе //раса//, //гражданство//, //место службы//, //заболевания//. Истолковать такое высказывание можно только при условии актуализации хоть какого-то общего акцидентного признака: напр. /больной/ – ингерентного для ‘сыпнотифозные’, афферентного для ‘славяне’, ‘австрийцы’ и ‘гарнизонные’.

В языке немало примеров «странной» координации; причем объяснить их можно не только неосознанной логической ошибкой, но и желанием

привнести какой-то дополнительный смысл, обратить внимание на игру слов [→ Каламбур]. Разбирая основные приемы остроумия, Фрейд приводит такую фразу из Гейне: *...вообще геттингенские жители разделяются на студентов, профессоров, филистеров и скот* («Путешествие по Гарцу»). И добавляет далее со ссылкой на того же автора: *Все они немногим различаются между собой*. Такое перечисление иллюстрирует, по Фрейду, прием «унификации», а именно: «новые и неожиданные единства, новые отношения представлений друг к другу и определение одного понятия другим или отношением к общему третьему понятию» (Фрейд 1998: 80, 81–82). Комический эффект основывается, таким образом, на сближении при помощи присоединительного союза *и* несовместимых понятий в отношении дизъюнкции.

Образуемый по паратаксису контекстуальный класс [→ Контекст, Определительное множество] не совпадает ни с одним из известных в языке системных классов, так как *скот*, *филистер*, *студент* и *профессор* принадлежат по определению разным таксономиям. А поскольку между присоединенными элементами могут устанавливаться implicite отношения подобия[215], то каким, спрашивается, должен быть общий признак, по которому их можно с большей или меньшей долей вероятности подвести под какое-то общее значение. В зависимости от избираемого в толковании [→ Интерпретация] вектора возможными оказываются разные решения: (i) либо приписать семемам ‘студент’ и ‘профессор’ акцидентный признак /глупый/ (в контексте «скот»), (ii) либо приписать семеме ‘скот’ акцидентный признак /образованный/ (в контексте «студенты», «профессора», «Геттинген»). При этом привходящий признак оказывается всякий раз, в этом условие комического эффекта, обратным кодифицированному: ‘скот’ → /глупый/, ‘студент’ и ‘профессор’ → /образованный/.

Так приходим к следующим установлениям.

- Образованный по типу кучи класс ad hoc не совпадает ни с одним из известных в языке системных классов.
- Между элементами новообразованного класса складываются отношения особого типа. Вопреки сложившимся в языке таксономическим различиям элементы одного системного класса определяются implicite в отношении к элементам другого системного класса.
- Свойства, по которым элементы одного системного класса уподобляются implicite элементам другого системного класса, приобретают в перифразировке статус семантического предиката в значении «быть в каком-то отношении таким или почти таким, как *x*».

[215] В соответствии с принципом проекции эквивалентности с оси селекции на ось комбинации (Jakobson 1963: 220). Эквивалентность, разумеется, требуется еще эксплицировать посредством такого, например, утверждения: *Все они немногим различаются между собой*.

- В семантическом отношении перечисления по типу кучи аллотопны.
- Интерпретация подобных высказываний возможна только при условии построения локальной изотопии [→ Изотопия] по какому-то общему для всех элементов перечисления семантическому признаку – ингерентному для одних, афферентному для других семем.
- За отсутствием специальных установлений инструкцией по актуализации общего семантического признака служит лингвистический или прагматический контекст в функции интерпретанта [→ Интерпретант].

Кондаков Н. И. Куча // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 271–272.
Растье Ф. Несуразица // Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 82–84.
Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 1998.

Прагматика (от греч. *prágma* «дело»). — Прагматикой называют раздел семиотики [→ Семиотика], занимающийся отношением знаков [→ Знак] к интерпретатору.

Поворот лингвистических исследований в сторону прагматики обусловливается, прежде всего, стремлением выйти за рамки имманентной структуры языка в сферу реального его использования в коммуникации. Обращаясь к функционированию знаков в речевой деятельности, прагматика связывает значение слов и предложений с ситуативным их употреблением в контексте [→ Контекст][216]. Например, предложение *Будет дождь* понимается поразному в зависимости от того, какой смысл в него вкладывает говорящий: ждет ли он с нетерпением дождя в период засухи, собирается выйти из дома или просто страдает от скуки[217]. В качестве внешней «переменной» прагматический компонент относится, таким образом, не к предложению, а к высказыванию, посредством которого говорящий выражает свое отношение к факту высказывания. Без этого смысл типовой фразы кажется просто

[216] Весьма полезным становится в этой связи различие между закрепленным в языке лексическим типом и словоупотреблением в контексте.

[217] По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, в понимании языковых выражений ограничиться можно семантической компетенцией, то есть знанием значения слов и предложений, тогда как в истолковании [→ Интерпретация] требуется участие прагматической компетенции: знание механизмов употребления слов и предложений в непосредственно данной прагматической ситуации. В этом смысле объект понимания – величина *постоянная*; истолкование же направлено на *переменный* коммуникативный смысл слов в высказывании и самих высказываний (Арутюнова 1998: 184–185).

неполным[218], а вопросы *где*, *когда будет дождь* и *какое до этого мне дело* не находят ответа.

Семантике [→ Семантика] отводят конвенциональные значения, установленные в системе языка, прагматике – непосредственное их употребление в речи. Ввиду такого деления нередко задаются вопросом, на каком этапе подключается собственно прагматический компонент. Такой вопрос не имеет под собой основания, поскольку семантический компонент неразрывно связан с прагматическим, и на употребление языковых выражений влияют равным образом как внутренние, так и внешние ограничения. При этом прагматические ограничения характеризуются порой не меньшей конвенциональностью, чем языковые. Недаром в теории речевых актов конвенциональной считают как локуцию, так и иллокуцию. Так, возьмем пример П. Ф. Стросона, слово *виновен*, произнесенное старшиной присяжных в суде, делает его актом вынесения обвинительного приговора; и такое толкование определяется в первую очередь конвенциональными процедурами судопроизводства (Стросон 1986: 133–134).

К прагматическим факторам относят, таким образом, самую разнообразную информацию, а эту информацию задают в зависимости от исследовательских приоритетов как энциклопедические знания [→ Фоновые знания], социальные нормы [→ Нормы социальные], фреймы [→ Фрейм], пропозициональные установки [→ Пропозициональная установка], намерения, мнения и убеждения[219]. Эта информация позволяет установить смысл анализируемых языковых произведений в непосредственно данном прагматическом контексте.

Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.

Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.

Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 333–348.

[218] Не случайно прагматическое окружение трактуют как средство преодоления неоднозначности (Растье 2001: 119–120; Филлмор 1983: 112; Kleiber 1994: 10–11, 12–13, 20). Вне такого контекста языковое выражение может получать самые разные, даже противоречивые толкования [→ Неоднозначные высказывания].

[219] По сути, это прагматические пресуппозиции [→ Пресуппозиция] в функции интерпретанта [→ Интерпретант].

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438;

Шенк Р., *Бирнбаум Л.*, *Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 32–47.

Eco U., Sémantique, pragmatique et sémiotique du texte, in *Les limites de l'interprétation*, Paris, Grasset, 1992, p. 287–306.

Kerbrat-Orecchioni C., Pragmatique, in Sfez L. *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 257–260.

Moeschler J., Pragmatique, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998, p. 315–318.

Récanati F., Le développement de la pragmatique, in *Langue française*, 42 (La pragmatique), mai 1979, p. 6–20.

Récanati F., Pragmatique et cognition, in Sfez L. *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 893–896.

Пресуппозиция (от лат. *prae* «впереди», «перед» и *suppositío* «предположение»). — Под пресуппозицией обычно понимают информацию, предваряющую толкование [→ Интерпретация] употребленного в речи языкового выражения. Лексически эта информация может быть невыраженной [→ Умолчание], но должна быть известна участникам коммуникации. Предваряя высказывание, она образует необходимый внеязыковой фон или, как говорит Н. В. Волошинов, «общий пространственный и словесный кругозор», на котором только и можно понять, что хотел сказать и что подразумевает под сказанным собеседник. В этом смысле пресуппозиции суть имплицитные компоненты высказывания, без которых невозможно понимание.

Н. В. Волошинов приводит такой пример. Двое сидят в комнате. Молчат. Один говорит: *так!* Изолированно взятое *так* имеет значение, но не имеет смысла [→ Смысл и значение], поскольку может соотноситься с какой угодно ситуацией и принимать в этой ситуации какое угодно значение [→ Значения «значения»]. Смысл высказывания проясняется только при условии уточнения ситуации общения, в которой произносится это выражение. Допустим, продолжает Н. В. Волошинов, в момент беседы собеседники, взглянув в окно, видят снег; причем они знают, что уже май и что давно пора быть весне; затянувшаяся зима надоела, и они огорчены поздним снегопадом. Как осмысленное целое, высказывание состоит, таким образом, из двух частей: словесно осуществленной (актуализированной) и подразумеваемой части (Волошинов 1995: 65–68).

Такого рода «знания в скобках» входят, безусловно, в толкование в качестве имплицитного компонента высказывания. Но его вряд ли можно обосновать семантически, ибо нет таких семантических правил, по которым его можно было бы связать с эксплицитным содержанием. Иначе обстоит с высказыванием вида *Коля вернулся домой*. Пресуппозиция основывается здесь на значении глагола *вернуться*, подразумевающего предшествующее данному действию другое действие: уходить. Это настолько очевидно, что всякий носитель языка ни на минуту не усомнится в правильности такого вывода: раз вернулся, значит куда-то уходил. Можно, кроме того, говорить и об экзистенциальной пресуппозиции, поскольку данное утверждение предполагает существование Коли, а также, добавим, и дома, куда он вернулся[220]. Больше того, каждая из пресуппозиций связана с другими пресуппозициями, поскольку существование Коли предполагает существование родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек. Так мы можем дойти до Адама и Евы, а за любым высказыванием и даже словом усмотреть существование чуть ли не всего мира (Растье 2001: 242–243).

Остановимся на пресуппозициях, имеющих отношение к интерпретации.

Семантические пресуппозиции. Семантическая пресуппозиция распространяется на отношение между компонентами высказывания – субъекта к предикату или предиката к субъекту. Как условие грамматичности, она регулируется системой языка; и о ней можно судить по синтагматической сочетаемости лексических единиц [→ Сочетаемостных ограничений правила]. По наблюдениям Дж. Лайонза, эти пресуппозиции существуют между определенными существительными и глаголами: напр. *bird – fly*, *fish – swim*, прилагательными и существительными: напр. *blond – hair*, *addled – egg*, глаголами и обычными объектами: напр. *drive – car* и т. д. (Лайонз 1978: 465). Селекционные ограничения трактуются как пресуппозиции и в таких примерах Ф. Кифера: (1) *He frightens* X_1, (2) X_2 *admires Picasso*, (3) X_3 *is pretty*, (4) X_4 *is a bachelor*, (5) X_5 *lasts* X_6, (6) X_7 *elapsed*. Чтобы каждое из приведенных предложений было осмысленным, X_1 должен содержать признак /одушевленный/, X_2 – /человек/, X_3 – /человек/ и /женский/, X_4 – /человек/, /мужской/ и /взрослый/, X_5 – /событие/, X_6 – /время/, X_7 – /время/. Если эти пресуппозиции не будут выполнены, заключает Ф. Кифер, предложение будет признано аномальным (Кифер 1985: 347).

С наибольшей очевидностью о семантических пресуппозициях можно говорить при их нарушении. Например, глагол *помнить* соотносится, как правило, только с событиями, совершившимися или имевшими место в прошлом. Возражая Белой Королеве, предлагавшей вспомнить будущее, Алиса справедливо замечает: *У меня память не такая. Я не могу вспомнить того, что еще не случилось*. В изложении Е. В. Падучевой ограничения на семантическую сочетаемость, в том числе презумпция о свойствах актантов предиката, образуют категориальную пресуппозицию (Падучева 1997: 217; ср. Растье 2001: 244–245).

[220] При этом истинным анализируемое высказывание будет считаться при условии, если удовлетворяет условиям существования (Доннелан 1982: 137, 146; Дюкро 1982: 272).

Как условие осмысления, такая пресуппозиция связана с истинностной оценкой высказывания [→ Истина и правдоподобие], причем проверка на истинность совершается путем установления соответствия реальному положению вещей в действительном мире. Поскольку в классическом двузначном исчислении все пресуппозиции либо истинны, либо ложны, обычно заключают: если пресуппозиция некоторой пропозиции ложна, то и эта пропозиция, значит, тоже ложна (Сёрль, Вандервекен 1986: 247). В семантике возможных миров, базирующейся на многозначной системе исчисления, можно, впрочем, предположить и такое положение вещей, при котором *помнить* соотносится равным образом и с прошлым, и с будущим, как это происходит, например, в Стране чудес, и можно несмотря ни на что говорить: *Я помню то, что еще не случилось*.

Прагматические пресуппозиции. В отличие от семантических[221], прагматические пресуппозиции выражают пропозициональную установку говорящего [→ Пропозициональная установка]. Обычно говорят: предложение *S* имеет прагматическую пресуппозицию *P*, если при любом нейтральном употреблении *S* в высказывании говорящий считает *P* само собой разумеющимся или просто известным слушателю (Арутюнова, Падучева 1985: 39; Падучева 1990: 396). Такие «знания в скобках» определяются в терминах соответствия некоторой конвенциональной системе, отражающей познавательный опыт носителей языка и служащих базой интерпретации языковых выражений и ситуаций, в которых эти выражения употребляются. Например, когда возмущенный покупатель говорит продавцу: *Вы меня обвесили!*, предполагается, что продавцы не должны обвешивать покупателей. В таком понимании подразумеваемая часть высказывания согласуется со сложившейся в социуме системой мнений и представлений. Причем мнение продавца может, конечно же, не совпадать с мнением покупателя.

Прагматическая пресуппозиция функционирует в известном смысле по типу энтимемы, или сокращенного силлогизма, в котором опускается одна из подразумеваемых частей. Без энтимемы нельзя представить общение. По замечанию С. Клини, «с полным правом можно опускать то, что очевидно» (цит. по Кондаков 1975: 689). Клини приводит такой

[221] По замечанию Р.С. Столнейкера, семантическая пресуппозиция может совпадать в некотором контексте с прагматической пресуппозицией; обратное очевидным образом неверно (Столнейкер1985: 427).

пример: я говорю хозяйке пансиона, предлагающей мне выпить вечером кофе: *Если я выпью кофе, я не смогу заснуть*. Подразумеваемой частью высказывания является не только выпущенная посылка: *я собираюсь сегодня рано лечь спать*, но и общеизвестное мнение: *кофе действует возбуждающим образом благодаря кофеину, а также ароматических соединений, образующихся при прожаривании зерен на огне*. В высказывании, таким образом, опускаются посылки, которые очевидны; причем очевидными они являются либо потому, что общеизвестны, либо потому, что о них только что говорили.

Так приходим к следующим выводам.

- Пресуппозиции суть имплицитные компоненты высказывания.
- В функции семантической пресуппозиции выступают закрепленные в языке конвенциональные значения слов и правила их употребления, в функции прагматической пресуппозиции – стоящий за словами познавательный опыт о конвенциональных ситуациях, в которых они употребляются.
- И те, и другие суть необходимые интерпретанты [→ Интерпретант].

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 31–42.

Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 337–396;

Падучева Е. В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 396.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 241–249.

Ducrot O., *Dire et ne pas dire*, Paris, 1972.

Eco U., Présupposition et sémiotique textuelle, *Les limites de l'interprétation*, Paris, Bernard Grasset, 1992, p. 307–324.

Karttunen L., Presupposition and linguistic context, *Theoretical Linguistics*, 1974, 1, p. 182–194.

Kerbrat C., *L'implicite*, Paris, Armand Colin, 1986.

Kerbrat-Orecchioni C., Implicite, in Sfez L., *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 251–253.

Пропозициональная установка (англ. *propositional attitude*). — Под пропозициональной установкой понимают установку, выражающую посредством пропозиции (*P*) отношение говорящего (*m*) к факту высказывания: *m*(*P*), где *m* – тип ментального состояния, а *P* – пропозициональное содержание. Изучение пропозициональных установок[222] важно потому, что позволяет понять, как существует человек в языке, какими оперирует в речемыслительной деятельности пропозициональными моделями, как соотносятся с такими моделями системы знания [→ Фоновые знания], и таким образом перейти от исследования «значения вообще» к исследованию «значения говорящего» [→ Значения «значения»].

Пропозициональные установки задаются обычно посредством вводящих пропозицию ментальных предикатов *знать*, *считать*, *верить*, *думать* или *полагать* в суждениях вида «*X* полагает, что *P*», а за отсутствием ментальных предикатов выводятся непосредственно из контекста [→ Контекст]. Например, в высказывании *Я думаю, что завтра будет хорошая погода* отношение говорящего к факту высказывания выражено глаголом *думать*, а в высказывании *Я так не считаю* – отрицательной формой глагола *считать*. Отличие пропозиции «*X* думает (считает, полагает), что *P*» от пропозиции *P* состоит в том, что утверждаемое в ней состояние вещей соотносится посредством ментального предиката *думать* (*считать*, *полагать*) с представлениями говорящего: каким ему видится сейчас и здесь данное состояние вещей.

Модус полагания может быть предпослан любому утвердительному суждению. Поэтому даже за отсутствием эксплицитно выраженных предикатов пропозициональной установки можно предположить, что если кто-то говорит, что *P*, он и в самом деле думает, что *P*, независимо от того, отражает ли данная пропозиция действительное или мнимое положение дел. Как справедливо замечает Дж. Серль, если я верю, то должно быть и нечто, во что я верю; если боюсь, то должно быть и нечто, чего я боюсь; если хочу, то должно быть и нечто, что я хочу (Серль 1987: 96).

Разумеется, содержащееся в утверждении мнение можно поставить под сомнение, но нельзя опровергнуть факт существования самого мнения[223]. Весьма поучителен в этой связи такой состоявшийся между

[222] В когнитивистском определении пропозициональные установки суть ментальные состояния: «состояние личности, использующей данное предложение», состояние «некоторой веры, убежденности, которая "выражается" предложением» (Рассел 1999: 184); «психологические состояния, обладающие пропозициональным содержанием, например верования, желания, намерения, сожаления и т. п.» (Серль, Вандервекен 1986: 250).

[223] Ср. «…"существование" вашего мнения, но не "существование" того, что вы считаете своим знанием, не может быть оспорено. Если мы можем принять, что высказывания *I believe* 'Я считаю', *I am sure* и *I am certain* 'Я уверен' являются описаниями субъективных ментальных или когнитивных состояний или отношений, то мы не можем сделать такое же или по крайней мере точно такое же утверждение в отношении выражения *I know* 'Я знаю' – его роль в речи совершенно иная» (Остин 1987: 50–51).

И. С. Тургеневым и его слугой разговор: *Мне холодно, затопи печку! — Помилуйте, Иван Сергеевич, какое холодно – совсем тепло: ведь с утра топлено. — Ну, послушай! Положим, я глуп, положим, я набитый дурак, но не до такой степени я глуп, чтобы не знать, холодно мне или тепло.*

Сообразуясь с доводами слуги, обоснованность утверждения *Мне холодно!* можно, конечно, оспорить, но факт истопленной с утра печки не отменяет самоочевидную достоверность ощущения[224]. «Достоверна или нет такая система в смысле объективном, т. е. имеет ли какую-нибудь действительную силу и значение та связь понятий и явлений, которая утверждается в этой системе, заранее нельзя знать; но уже заранее можно и должно утверждать, – заключает В. С. Соловьев, – полную достоверность этой системы как данного сознания: пока о ней мыслится, она составляет такой же непререкаемый, безусловно-достоверный факт, как то ощущение холода, которое Тургенев отстаивал против своего слуги» (Соловьев 1988, 1: 798).

В любом высказывании можно выделить, таким образом, две стороны: объективную и субъективную. Объективно оно указывает на какой-то факт, субъективно выражает состояние говорящего: его мнение, веру, надежду, желание, сомнения и т. п. При этом значимость высказывания («пропозициональная значимость») заключается, по Б. Расселу, как раз в состоянии, которое оно выражает (Рассел 1999: 188, 199).

Изучаемые лингвистами высказывания существуют действительно не сами по себе, не как отдельные универсальные сущности, а как выражение содержащихся в них знаний, мнений и представлений[225]; поэтому изучать их следует не только в отношении к миру как объективной данности, но и в отношении к говорящему субъекту в возможных ментальных его состояниях. Эффективным инструментом анализа может быть в таком случае понятие возможных миров (какими являются, по сути, состояния говорящих) как альтернатива внеположному миру вещей (Хинтикка 1980: 68–101). Например, если речь идет о том, что *X* знает или в чем убежден, то возможными мирами будут все возможные миры, которые совместимы с его знаниями и убеждениями; если речь идет о том, во что *X* верит, то возможными мирами будут все возможные миры, совместимые с тем, во что он верит; если речь идет о том, что *X* помнит, то возможными мирами будут все возможные миры, совместимые со всем, что он помнит. Интерпретация высказывания «*X* знает, что *P*» совершается следующим образом: *P* принадлежит области концептуального мира субъекта *X*, именуемой «знанием»; «*X* полагает, что *P*» – *P* принадлежит области концептуального (возможного) мира субъекта *X*, именуемой «мнением»; «*X* верит, что *P*» – *P* принадлежит области концептуального мира субъекта *X*, именуемой «верой» и т. п.[226]

[224] Ср. в этой связи так называемые эмпирические правила смысла (Айдукевич 1999: 67–93).

[225] Ср. «…пропозиции принадлежат людям – тем, кто их продуцирует или принимает» (Вендлер 1986: 272).

В контексте мнения преобразуются кардинальным образом и требования к интерпретации [→ Интерпретация], прежде всего к условиям истинности высказывания [→ Истина и правдоподобие]. Поскольку смысл анализируемого высказывания релятивизируется относительно представлений говорящего, важно не понять, соответствует ли пропозициональное содержание истинному положению вещей, а установить при каких условиях оно совместимо с пропозициональной установкой говорящего – с тем, что он знает, думает или чувствует в данном мире *W*. Успешной интерпретация может быть в таком случае только при условии правильно определенной «на данный случай» установки мнения[227].

Так приходим к следующим выводам.

- В отвлечении от говорящего субъекта высказывание приводится в соответствие с языковой нормой [→ Норма языковая], в отношении к говорящему субъекту – в соответствие с пропозициональной его установкой.
- Для проверки на соответствие языковой норме требуется семантическая компетенция, для проверки на соответствие пропозициональной установке – прагматическая компетенция [→ Прагматика].
- Пропозициональная установка говорящего выражается посредством вводящих пропозицию ментальных предикатов *знать*, *думать* или

[226] Разумеется, приведенные пропозициональные установки, пусть и служат в равной степени основанием суждения, отличаются принципиальным образом по эксплицированному в них модусу: знание неравнозначно вере, вера – мнению, мнение – ощущению. Поэтому в проблемной группе «Логический анализ языка» (под руководством Н. Д. Арутюновой) предикаты «внутреннего состояния» исследуются в соответствии с модусом: ментальным (когнитивным, эпистемическим), перцептивным (сенсорным), эмотивным и волеизъявительным (волитивным). К ментальному плану относятся модусы i) полагания (мнения): *думать*, *считать*, *полагать*; ii) сомнения: *сомнительно*, *возможно*, *может быть*; iii) истинностной оценки: *правда*, *ложь*, *не может быть*; iv) знания: *знать*, *быть известным*; v) незнания: *неизвестно*, *не знать*, *трудно сказать*; vi) общей аксиологической оценки: *хорошо*, *плохо*, *скверно*; к сенсорному плану – модусы чувственного восприятия: *видеть*, *слышать*, *чувствовать*, *ощущать*; к эмотивному плану – модусы эмоционального состояния: *грустно*, *жаль*, *противно*; к волитивному плану – модусы i) желания и волеизъявления: *хотеть*, *требовать*, *велено*: ii) необходимости: *надо*, *нужно*, *необходимо* и т. д.

[227] Так понимание высказывания сводится отчасти к распознанию намерения. В качестве намерения выразить какое-то мнение пропозициональная установка смыкается отчасти со смежными понятиями других теорий значения: в бихевиористской семантике – с намерением вызвать у слушающего определенную реакцию, в теории речевых актов – с иллокутивной силой, в философии языка – с интенциональным состоянием говорящего.

полагать, а за отсутствием эксплицитно выраженных ментальных предикатов – посредством мимики, жестов или модуляций голоса.

- Выраженный пропозициональной установкой модус мнения преобразует высказывание в объект мнения.
- В контексте мнения достаточным основанием суждения может быть только мнение.
- В качестве факта субъективного мнения значение субъективно, а в сравнении с другими субъективными мнениями – интерсубъективно.
- В терминах семантики возможных миров интерпретация высказываний мнения совершается относительно возможных миров (в виде множества образующих их пропозиций), с которыми согласуется пропозициональная установка говорящего.

Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7–30.

Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988.

Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 48–95.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Рассел Б. Исследования значения и истины. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Хинтикка Я. Семантика пропозициональных установок // Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 68–101.

Прототипов теория. Как и все прочие разновидности когнитивной семантики [→ Семантика когнитивная], теория прототипов задается вопросом: как мы понимаем окружающие нас в мире вещи? Ответить на него можно только установив, как совершается категоризация [→ Категоризация], как образуются «ряды сходств» (Э. Кассирер), по которым объединяются внутри ряда все входящие сюда элементы: напр. *собака*, *лиса* и *медведь* в категории «животные» или *жаворонок*, *воробей* и *орел* в категории «птицы».

В стандартной версии теории прототипов (Rosch et al. 1976) различают три уровня категоризации – высший, базисный и подчиненный:

высший уровень	*животное*	*фрукт*	*птица*
базисный уровень	*собака*	*яблоко*	*воробей*
подчиненный уровень	*спаниель*	*анисовка*	*полевой воробей*

В построенной таким образом «пирамиде понятий» подведение под категорию совершается путем нарастающей абстракции[228]. В основании пирамиды понятие осязаемо конкретно, а на вершине предельно обобщается, так что вместо первоначально конкретной сущности мы получаем если не голую схему, то какое-то абстрактное понятие. Вот почему в качестве базисного уровня категоризации в теории прототипов избирается промежуточный уровень с представителем в виде *собаки* в категории «животные», *яблока* в категории «фрукты», *воробья* в категории «птицы»[229].

Кроме уровня категоризации, требуется установить и образцовый объект – прототип, относительно которого определяются все входящие в категорию объекты. Ибо в стандартной версии теории прототипов категорию определяют по свойствам образцового представителя категории, а степень соответствия всякого входящего в категорию объекта трактуют как функцию от тех свойств, которые данный объект разделяет с прототипическим образцом – напр. *собакой* в категории «животные», *яблоком* в категории «фрукты» или *воробьем* в категории «птицы».

В этой связи нельзя не задаться вопросом, почему именно x_1, а не x_2, x_3 или x_n избирается в качестве образцового представителя категории X. Или, другими словами, почему с птицей в сознании информантов ассоциируется в первую очередь *воробей*, а не *страус* или *пингвин*, с животным – *собака*, а не *корова* или *медведь*, с фруктом – *яблоко*, а не *киви* или *ананас*?

Показать, как определяется в стандартной версии образец, а вместе с ним и степень принадлежности категории, можно на примере такой градации:

(1) *Воробей есть птица* (истинно).
(2) *Курица есть птица* (менее истинно, чем 1).
(3) *Пингвин есть птица* (менее истинно, чем 2).
(4) *Летучая мышь есть птица* (ложно или далеко от истины).
(5) *Корова есть птица* (абсолютно ложно).

---

[228] С увеличением интервала абстракции изменяется необходимым образом и количество включаемой в сообщение информации. Ибо, как гласит закон обратного отношения, чем больше объем понятия, тем меньше его содержание. По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, разная номинация одних и тех же вещей через их отношение к классам разного объема отвечает коммуникативной задаче варьирования количества включаемой в сообщение информации ср. *карельская береза – береза – дерево* (Арутюнова 1998: 20–21).

[229] Подведение под категорию становится, таким образом, скорее чувственно-наглядным, конкретно-образным, нежели абстрактно-логическим. Ибо «понятием», точнее: коррелятом понятия, может быть в психологическом определении только представление: ментальная репрезентация.

Чтобы понять, какой из приведенных субъектов суждения подходит наилучшим образом на роль образцового представителя категории, необходимо сначала раскрыть содержание предиката *быть птицей*, а лишь потом проверять, насколько *воробей*, *курица*, *пингвин*, *летучая мышь* или *корова* соответствуют и соответствуют ли вообще общеизвестным свойствам птицы. Ибо если *x* принадлежит классу «птицы», тогда *x* должен обладать необходимым образом всеми или почти всеми свойствами, по которым определяются представители класса пернатых: напр. /имеет крылья/, /имеет оперение/, /имеет клюв, /умеет летать/, /вьет гнезда/ / и т. п.

Умозаключение строится в таком случае по правилам силлогизма:

Все (*или почти все*) *птицы имеют оперение* (*умеют летать* и т. п.);

X имеет оперение (*умеет летать* и т. п.);

Значит x – птица.

Соответствие по какому-то признаку – еще не ручательство за истинность заключения [→ Истина и правдоподобие]. Например, *летучая мышь*, пусть и имеет крылья, не принадлежит категории «птицы», а *курица* или *пингвин*, пусть и не умеют летать, относятся к этой категории наравне с *воробьем*. Поэтому в выборе прототипа чаша весов склоняется в пользу такого и только такого представителя категории, который обладает категориальными свойствами в наивысшей степени. Оттого-то идеальным образцом в указанном ряду признается прежде *воробей*, менее удачным – *курица* и *пингвин*, проблемным – *летучая мышь*, а совсем непригодным – *корова* [→ Абсурдные высказывания]. Иначе говоря, образцовость объекта определяется по тому, насколько полно он соответствует релевантным для данной категории таксономическим свойствам. Функция принадлежности категории становится в таком случае функцией других функций принадлежности, а вместе взятые эти функции образуют, пока не исчерпается набор потенциально допустимых возможностей, *n*-ое количество критериев, по которым оценивается образцовость того или иного элемента внутри изучаемой категории.

В пользу избрания того или иного объекта в качестве образцового представителя категории приводятся, в частности, такие доводы.

- Избираемый в качестве прототипа образец отвечает критерию «максимальной информации». В этом состоит, по определению Ж. Клейбера, «принцип когнитивной экономии» (Kleiber 8: 90).
- По сравнению с «нетипичными» представителями категории прототип характеризуется большей частотностью употребления (Rosch & Mervis 1975: 573–605).
- По отношению к образцу проще обосновывать принадлежность категории: ср. *курица – птица*, *как и воробей*, как если бы отсылка к образцу была дополнительным аргументом в пользу отнесения того или иного объекта к категории, нежели простая констатация принадлежности вида *курица – это птица*.
- По прототипическому образцу проще прогнозировать, какие свойства предицировать в диапазоне допустимого варьирования субъекту суждения. Например, в метафорическом выражении *Если я была бы птицей* говорящий представит себя скорее *ласточкой* или *синицей*, чем *страусом* или *пингвином*, а высказыванию *Если я была бы птицей*, *то прибежала бы к тебе* предпочтет скорее *Если я была бы птицей*, *то прилетела бы к тебе*.
- Умозаключение строится в направлении от центрального элемента категории к периферийному, а не наоборот. Например, на вопрос, заразятся ли живущие на острове утки от заболевших какой-то неизвестной птичьей болезнью малиновок, испытуемые отвечают в целом утвердительно, а на вопрос, заразятся ли малиновки от уток, отрицательно (Лакофф 1988: 32–33).
- В качестве центрального элемента категории прототипический образец идентифицируется и усваивается быстрее, чем периферийный элемент. Ибо, как замечают психологи, образец легче представить, а на основе образца – построить класс однородных объектов.

Но какой бы привлекательной ни казалась установка на образец, нельзя вместе с тем не признать, что даже в онтологическом классе соответствие образцу не является никогда полным, поскольку не существует такого набора свойств, которыми обладали бы сразу все входящие сюда объекты. Вот почему в расширенной версии (Rosch 1978) категориальное отношение к общим свойствам задается уже не в отношении к образцу, а по аналогии с семейным сходством[230]. Ибо, полагают, какой бы ни была категория, все входящие сюда объекты сходны между собой, как и ближайшие родственники, в том или ином отношении.

За отсутствием единого набора свойств, которыми обладали бы все входящие в категорию объекты, не остается, в самом деле, ничего

[230] Положение о семейном сходстве как условии категоризации нечетких множеств восходит к рассуждениям Витгенштейна об игре. В «Философских исследованиях» Витгенштейн, в частности, пишет: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем “играми”. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что общего у них всех? <…> мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними. А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент... И я скажу, что “игры” образуют семью» (Витгенштейн 1994: 111–112).

другого, как полагаться на «семейное сходство», а о принадлежности категории судить по исчисляемому в скалярной оценке прототипическому эффекту. Рассуждение строится, по сути, таким образом. Пусть *курица* и не летает, зато кладет яйца и имеет, как и все прочие представители класса пернатых, клюв и оперение. Иначе говоря, чтобы понять, относится ли тот или иной объект к данной категории и какое ему отводится здесь место, требуется соизмерить по значимости сигнала (*cue validity*) приписываемые ему свойства: чем значительнее прототипический эффект, тем больше значимость сигнала и тем больше, стало быть, степень репрезентативности внутри категории.

Но даже в расширенной версии теорию прототипов нельзя считать завершенной теорией категоризации, еще меньше инструментарием семантического анализа [→ Семный анализ]. Установка на семейное сродство позволяет действительно отразить асимметричные отношения внутри категории. Может сложиться даже впечатление, что изучаемые теорией прототипов категории совпадают с лексическими классами; особенно когда по названию категории информанты устанавливают входящие сюда элементы. Между тем такие категории не имеют ничего общего с лексическими классами. В определении Э. Рош и ее последователей это – класс объектов, изучаемый вне зависимости от лексикализации.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Kleiber G., *La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical*, Paris, P.U.F., 1990 (réédition 2004).

Kleiber G., Prototype et prototypes: encore une affaire de famille, *Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité*, Paris, CNRS, 1991, p. 108–129.

Rastier F., Peut-on définir sémantiquement le prototype ?, in *Sémiotiques*, 1988, vol. 1, n° 1, pp. 38–48.

Rosch E., Natural Categories, *Cognitive Psychology*, 1973, Nº 4, p. 328–350.

Rosch E., Human categorization, in *Advances in Cross-Cultural Psychology*, vol. 1, London, Academic Press, 1977, p. 1–72.

Rosch E., Principles of Categorization, in *Cognition and Categorization*, Laurence Erlbaum Ass., 1978, p. 27–48.

Rosch E. & Mervis C., Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories, in *Cognitive Psychology*, 1975, Nº 7, p. 573–605.

Rosch E. et al., Basic Objects in Natural Categories, in *Cognitive Psychology*, 1976, Nº 8, p. 382–436.

Релевантности критерий. — Под релевантностью понимают отводимую той или иной языковой или внеязыковой информации роль в интерпретации [→ Интерпретация], а под критерием релевантности – необходимые и достаточные условия, при выполнении которых данную информацию можно считать действительно необходимой для истолкования анализируемого высказывания или текста [→ Текст].

В интерпретации языковых произведений нередко возникает действительно вопрос, насколько востребованным является тот или иной языковой или неязыковой факт. Например, следует ли учитывать в интерпретации романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» такой пусть и малоприметный, но абсолютно достоверный факт, что в подавляющем большинстве употреблений франц. *temps* «время» используется в конструкциях прошедшего времени? Или другой пример: насколько случайно в том же романе определение нормандской яблони в отношении к японской гравюре, ширме и клуазоне и почему в эстетизации природных форм в качестве образца избираются также картины Моне?

Вопрос, как отличить релевантную информацию от нерелевантной информации, более релевантную информацию от менее релевантной информации, совпадает, по сути, с вопросом, можно ли использовать сфокусированную в толковании информацию в качестве фактора смысла, как интерпретант [→ Интерпретант].

По Д. Шперберу и Д. Уилсону, степень релевантности следует определять:

– по контекстуальному эффекту: «…при прочих равных условиях релевантность тем больше, чем больше число контекстуальных эффектов» (Шпербер, Уилсон 1988: 213);
– по затраченным на когнитивную обработку усилиям: «…чем больше усилий затрачивается, тем меньше релевантность» (Шпербер, Уилсон 1988: 218).

Действительно, по произведенному в контексте [→ Контекст] смысловому эффекту можно установить, насколько релевантны привлекаемые в качестве интерпретантов факты, а по виду интерпретанта – еще и судить, насколько оптимальны, трудоемки и сложны операции интерпретации [→ Интерпретации операции]. Но решать, каким должен быть в идеальном раскладе формат толкования, как и избираемый по случаю интерпретант, можно только определив стратегию интерпретации.

Так приходим к следующим установлениям.

- Релевантным в интерпретации можно признать любой избираемый в качестве интерпретанта фактор смысла – и смещенное словоупотребление, и номинат в функции семантического предиката, и омофонию, и ближайшее этимологическое значение, и межтекстовые

совпадения и переклички, и сведения об авторе, исторической эпохе, условиях создания произведения и современной его рецепции.
- Степень релевантности того или иного фактора значения зависит от сопряженного с ним смыслового эффекта: чем больше эффект, чем больше релевантность.
- Наряду с заданной в тексте концептуальной схемой условием релевантности может быть и избираемая в интерпретации стратегия.
- В зависимости от исследовательских приоритетов релевантной может оказаться и такая информация, на обработку которой затрачивается значительно больше усилий.
- Релевантность в контексте может отличаться от релевантности в языке.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Шпербер Д., *Уилсон Д.* Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 212–233.
Sperber D., Wilson D., La pertinence, Paris, Minuit, 1989.

Референция (англ. *reference*, франц. *référence* – ссылка, соотношение). — Под референцией понимают отношение актуализированного именного выражения к объектам реального или воображаемого мира, а под референтом – объект, на который указывает в речи данное выражение. Посредством отношений указания, обозначения и именования [→ Номинация], на которых базируется так или иначе референция, обеспечивается связь между языком и действительностью.

В зависимости от типа осуществляемой в высказывании референции выделяют три наиболее показательных случая: определенную, неопределенную и нулевую референцию.

Остановимся подробнее на каждом из указанных типов.

Определенная референция. Референцию считают определенной, когда объект, на который указывает именное выражение, является не только известным участникам коммуникации, но еще и единственным в своем роде. Например, в высказывании *Воробей – птица семейства вьюрков* именное выражение *воробей* употребляется иначе, чем в высказывании *Воробей склевал крошки хлеба на подоконнике.* В первом случае речь идет о типичном представителе семейства вьюрков, во втором – о попавшем в поле зрения единичном объекте. Осуществляя референцию к определенному объекту, говорящий выделяет его среди прочих сходных с ним объектов. Область референции сужается, как следствие, с класса до индивида, а сквозь значение референтного выражения как бы просвечивает, говоря словами Б. Рассела, объект, на который указывает это выражение[231].

Идентифицировав объект, требуется установить, соответствует ли ему присоединенный предикат. Ибо, как полагают в условно-истинностной семантике [→ Семантика условно-истинностная], истинностное значение суждения зависит не только от существования объекта, на который указывает именное выражение, но еще и от того, насколько адекватным является определенный на данной предметной области предикат[232].

В этой связи нельзя не заметить, что число свойств, по которым можно идентифицировать объект если не бесконечно, то неопределенно. Эксплицируя референцию имени в предикатных конструкциях, можно, например, уточнить, как выглядит севший на подоконник воробей, какой у него размер, клюв, оперение или окраска. Небезынтересно также понять, почему референция имени фиксируется всякий раз по таким, а не каким-то другим свойствам; почему, говоря о воробье, в одном случае фокусируются на оперении и способности летать, в другом – на клюве и способности клевать. Кроме опытных знаний, решающим фактором здесь является, безусловно, переменная прагматическая ситуация, позволяющая отобрать в референции к объекту именно такие признаки, свойства и состояния, которые востребованы в контексте [→ Контекст]. Причем для экстенсиональной семантики здесь важно опять-таки подтвердить, существует ли действительно такой объект, который можно обозначить именем «воробей», и обладает ли он действительно в момент речи свойством, по которому его определяют в высказывании.

В терминах необходимых и достаточных условий высказывание признают истинным тогда и только тогда, когда выполняются следующие условия:
– высказывание истинно, если в экстенсионале [→ Экстенсионал] понятия «воробьи» можно выделить какой-то индивидный объект, от существования которого зависит истинность утверждения;
– высказывание истинно, если свойство, по которому определяют объект, совпадает или хотя бы не противоречит свойствам, по которым определяют обычно представителей данного класса;

[231] В языковом отношении единичность референта задается соответствующими дескрипторами, в том числе указательными местоимениями в единственном числе, определенным артиклем, а в языках без артикля – порядком слов.
[232] Истинностное значение суждения определяют в таком случае по формуле: $(\exists x)$ $P(x)$ истинно, если и только если в данной предметной области существует некоторый объект, выполняющий предикат P.

– высказывание истинно, если свойство, по которому определяют объект, действительно ему соответствует в момент речи.

Даже исключив замечания в отношении квантификации[233], нельзя не признать, что основная трудность, с которой сталкивается анализ по необходимым и достаточным условиям, это даже не размытость таксономической предикации, а вопрос, насколько предицируемые в суждении свойства совпадают с такой предикацией. Ибо принадлежность к классу – еще не ручательство, что какой-нибудь индивидный объект обладает обязательно всеми свойствами, по которым определяют обычно представителей данного класса. Ситуация и в самом деле осложняется, когда заявленные свойства не подтверждаются непосредственно данными нам ощущениями или, хуже того, противоречат общеизвестным таксономическим свойствам. Отсюда традиционный вопрос, которым задается обычно экстенсиональная семантика, остается ли воробей со сломанным крылом воробьем, нож без лезвия ножом, стул без спинки стулом, табурет без ножки табуретом и т. п.

Неопределенная референция. Референцию считают неопределенной, когда неясна предметная отнесенность. Такой она оказывается, в самом деле, во всяком непрозрачном контексте [→ Контекст] с переменным референтом, когда неизвестно, с каким индивидным объектом соотносится анализируемое именное выражение, какие предицируемые свойства ему соответствуют, а какие нет. В качестве примера возьмем такое предложение из школьного учебника по грамматике: *Пожилой джентльмен часто ходил по улицам города*. Даже если нам известно значение всех входящих сюда слов, можно ли понять, вопрошает Ф. Джонсон-Лэрд, смысл данного утверждения, т. е. пропозицию, которую оно выражает в контексте (Джонсон-Лэрд 1988: 235–236).

Прозрачной в экстенсиональном анализе интерпретация [→ Интерпретация] может быть, согласимся, только при определенном, причем непременно реальном референте, когда нам известно, что означенным *городом* в высказывании является, например, Принстон, *пожилым джентльменом* – Эйнштейн[234]. В противном случае высказывание неопределенно, а для кого-то даже и неоднозначно. И вслед

[233] В символической записи квантификацию представляют в виде формулы $\forall x P(x)$, где $\forall$ – квантор общности, x – переменная, P – свойство. Запись читается так: «для всех x имеет место $P(x)$».

[234] Недаром во избежание истинностного провала К. Доннелан предлагает различать два употребления определенных дескрипций: атрибутивное и референтное (Доннелан 1982: 139–144). Высказыванию приписывают атрибутивное толкование, когда неясно о ком идет речь; референтное толкование, когда речь идет о каком-то конкретном объекте.

за авторами, трактующими неопределенность в плане неоднозначности [→ Неоднозначные высказывания], можно при желании вообразить немыслимые ситуации, в которых субъект, выдающий себя за джентльмена, оказывается в действительности инопланетянином, а город – затерявшейся в космосе планетой. За отсутствием контекста перифразировать можно до бесконечности; но все потенциально возможные перифразировки, какими бы увлекательными они ни были, относятся все-таки не к семантической структуре высказывания, а к возможным логическим ее представлениям в интерпретации.

Неоднозначность такого рода – не более чем артефакт. Анализируемое высказывание «грамматично», даже если нам ничего неизвестно об объекте. И не потому, что, сузив область референции с класса до индивида, неопределенное выражение можно заменить определенным, но прежде всего потому, что присоединенный предикат совместим с субъектом[235] и потому не вызывает за исключением подозрений во лжи никаких сомнений.

Весьма убедительным представляется в этой связи сведение референции к «референтному впечатлению» (Ф. Растье) или «эффекту реальности» (Р. Барт). В этом случае надлежит установить не насколько определенной должна быть референция к объектам мира, а насколько правдоподобно выглядит такая референция. Особо примечательна в этой связи дискуссия вокруг стихотворения Мюссе, в котором лирический герой отправляется с возлюбленной собирать вербену на Джудекке. По мнению Н. Рюве, здесь кроется ирония, поскольку, утверждает критик, во времена Мюссе на Джудекке не было вербены: венецианцы собирали на острове только ежевику (Ruwet 1983: 27). Между тем, замечает Ф. Растье, данное обстоятельство – не повод для сомнения, пока описываемая в тексте ситуация не входит в противоречие со здравым смыслом: «всё идет своим чередом, пока луга и вербена не вызывают у читателя удивления, как, скажем, степь и ананасы» (Растье 2001: 275). Так преобразуются требования к условиям референции в литературном тексте [→ Текст]. Отныне это не истинное отношение к объектам реального мира, а иллюзия такого отношения, иллюзия референции к тому, что походит на реальный мир[236].

Нулевая референция. С нулевой референцией мы сталкиваемся всякий раз, когда речь заходит о химерах, русалках, кентаврах и прочих вымышленных существах. Отсюда вопрос, которым задаются обычно

[235] И тем самым отвечает нормам семантической связности [→ Когезия].

[236] Так реальность преобразуется в «мультимодальный симулякр», построенный в соответствии с предъявляемыми к стандартному универсуму требованиями (Растье 2001: 288).

в экстенсиональной семантике: как совершать референцию к тому, чего нет или что не существует?

Повинуясь «здоровому чувству реальности», можно вслед за Расселом утверждать, что в действительности существует один только мир: реальный мир, что утверждение о существовании единорогов в геральдике – не более чем отговорка, что геральдика оперирует не реально существующими единорогами, а исключительно только словесными их описаниями и символическими репрезентациями. Утверждать обратное – значит намеренно вводить в заблуждение себя и других (Рассел 1982: 43–44).

Реальный мир не равнозначен, согласимся, возможному миру: в каждом случае имеют место разные виды существования (Вендлер 1982: 235). Поэтому руководствоваться в анализе целесообразнее условиями *данного* вида существования как альтернативного другим равновозможным видам существования[237]. Областью значения связанной переменной становятся в таком случае объекты того и только того мира, на который указывает содержащее ее высказывание. Например, в речи о реальном мире нельзя сказать: *Я встретил в лесу единорога*, а в речи о каком-то возможном мире w_1, каким является мир средневекового бестиария[238], можно и даже необходимо, если в данном мире существует такой объект с такими вот приписываемыми ему признаками, свойствами и состояниями. Поэтому средневековый автор мог ничтоже сумняшеся утверждать, пусть единороги и не существуют в реальном мире, что единороги суть чистые целомудренные животные, что отличает их большая сила и свирепый нрав, что из их рога готовят целебные снадобья, что ни один охотник не в состоянии подойти к ним на близком расстоянии и что для их поимки используют в качестве приманки юных непорочных дев.

Так условием референции к обозначаемым словами объектам – независимо от того, существуют ли они в реальном или фиктивном мире – становится не мир в объективной его наличности, а засвидетельствованные в социальной практике способы его представления в суждении.

Подытожим.

- Референция строится на отношении актуализированного именного выражения к объектам реального или возможного мира.
- В зависимости от объекта, с которым соотносится в высказывании

[237] Иначе говоря, если именное выражение не соотносится ни с одним известным нам объектом действительного мира, можно констатировать псевдоупотребление, а «сомнительное» выражение трактовать в терминах возможного мира w_1, w_2, w_n, в котором оно приемлемо в плане референции.

[238] Ср., в частности, Средневековый бестиарий / Автор статьи и комментариев К. Муратова. М.: Искусство, 1984. С. 82–84.

именное выражение, референция может быть определенной, неопределенной или нулевой.
- В зависимости от типа универсума можно различать:
  – референцию к стандартному универсуму,
  – референцию к фиктивному универсуму,
  – референцию к контрафактическому универсуму.
- При экспликации референции имени в предикатных конструкциях важно понять, почему референция фиксируется в высказывании по таким, а не каким-то другим признакам, необходимы и достаточны ли они для идентификации объекта и насколько адекватным в данном контексте мнения является выбор таких признаков.
- В условиях переменных отношений между знаками, вещами и опосредующими их представлениями переменным становится и подводимое под обозначаемый словом объект (референт) представление.
- В возможном мире, каким является мир художественного произведения, референт – это не реальный объект, а некое более или менее приближенное его подобие: «мультимодальный симулякр» (Ф. Растье).

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 5–40.

Арутюнова Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 411–412.

Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 209–258.

Доннелан К. С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 134–160.

Куайн У. В. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 24–98.

Логический анализ языка: Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука, 1988.

Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 377–390.

Сёрл Дж. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 179–202.

Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 55–86.

Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 109–133.
Putnam H., *Représentation et réalité*, Paris, Gallimard, 1990.
Riffaterre, M., L'illusion référentielle, in Barthes, R. et *alii*, *Littérature et réalité*, Paris, éd. du Seuil, 1981, p. 91–118.
Strawson P. F., On Referring, *Mind*, 1950, p. 320–344.

Семантика (от греч. *sêmantikós* «обозначающий»). — Семантикой называют раздел семиотики [→ Семиотика], занимающийся изучением значения [→ Значения «значения»], а лингвистической семантикой – науку о значении языковых выражений. Остается только определить, *что* понимать под значением и *как* его изучать. Например, в формальной семантике значение сопрягается с операциями по исчислению высказывания, в условно-истинностной семантике [→ Семантика условно-истинностная] – с истиной [→ Истина и правдоподобие] и референцией [→ Референция], в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] – с ментальными репрезентациями в виде прототипов [→ Прототипов теория] и фреймов [→ Фрейм], в интерпретирующей семантике – с интерпретирующими возможностями контекста [→ Контекст], социальными нормами [→ Нормы социальные] и прочими фоновыми знаниями [→ Фоновые знания] в функции прагматической пресуппозиции [→ Пресуппозиция].

Анализ значения зависит, кроме того, и от избираемого объекта исследования. Поскольку основным объектом лингвистической рефлексии долгое время были слово и предложение, задачи семантики нередко формулируются до сих пор по отношению к слову и предложению и соответственно сводятся, во-первых, к изучению отношений между знаком [→ Знак] и означаемым[239], во-вторых – к установлению правил, по которым предложения соотносятся с выражаемыми ими пропозициями. В первом случае анализ значения производится, как правило, в рамках так называемого семантического треугольника [→ Семантическая

[239] Не случайно Ч. У. Моррис связывает семантическое измерение семиозиса [→ Семиозис] с отношением знаков к внеязыковым объектам: «Можно, например, изучать отношения знаков к их объектам. Это отношение мы назовем *семантическим измерением семиозиса* <…>; изучение этого измерения назовем *семантикой*» (Моррис 1983: 42). Аналогичным образом определяют семантику и некоторые другие авторы. Ср. «Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них» (Степанов 1998: 176).

триада], а задачи исследования видятся в изучении отношений между элементами этого треугольника: знаком и денотатом (референтом), знаком и понятием (сигнификатом), денотатом и понятием. Во втором случае исследование замыкается преимущественно на соответствии между суждением и реальным или воображаемым положением вещей, а исчисление предложений сводится к установлению необходимых и достаточных условий, которым анализируемое предложение должно удовлетворять, чтобы его можно было признать истинным.

В обоих случаях семантическое исследование строится главным образом на основе проблем, связанных с истиной и референцией. Пресловутое «чувство реальности» (Б. Рассел), которым руководствуется экстенсиональная семантика, не является, однако, достаточным основанием для интерпретации языковых произведений. Возьмем хотя бы нередко цитируемый пример Фреге, а именно: выражения *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* (Фреге 2000: 234). Руководствуясь экстенсиональным критерием, данным выражениям можно приписать то же значение [→ Смысл и значение], а затем заменять их во всех контекстах [→ Контекст] с сохранением истинностного значения (Коул 1982: 399–400; Крипке 1986: 202–203; Куайн 1982: 87). *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* совпадают действительно по экстенсионалу [→ Экстенсионал], поскольку соотносятся с тем же внеязыковым объектом – планетой Венера. Но экстенсиональное тождество не влечет интенсиональное тождество, так как означенные выражения различаются по признаку /утренний/ *vs* /вечерний/. Именно установка на смысл заставляет отказаться от экстенсионального анализа, а заодно и от принципа подстановки, в пользу интенсионального анализа [→ Интенсионал].

Не меньшие трудности возникают к тому же и в условиях неопределенной, тем более нулевой референции. Ибо, если определять значение по отношению к действительному миру, как поступать тогда с выражениями с фиктивным или неопределенным референтом, с тем, что неопределенно или что не существует? Чтобы выйти из затруднительного положения, остается только признать эти выражения фиктивными или неопределенными, а их интерпретацию – непрозрачной и даже неоднозначной [→ Неоднозначные высказывания].

С переориентацией лингвистических исследований с предложения на текст [→ Текст] пересмотру подлежит и исследуемая семантикой проблематика. С обращением к засвидетельствованным в речевом обиходе языковым произведениям становится очевидно, что наравне с семантической компетенцией в семиозисе [→ Семиозис] участвуют и прагматические факторы, в том числе знания об исторической эпохе, условиях создания и рецепции произведения, жанре, дискурсе [→ Дискурс],

социальных нормах [→ Социальные нормы], и что семантика связана самым тесным образом с прагматикой [→ Прагматика]. Например, чтобы понять, что означает ‘horloge’ *часы* в одноименной поэме Ш. Бодлера («Цветы зла»), нельзя ограничиться отношением знака к понятию и/или денотату. Идентифицировать содержание семемы можно только, установив, в каких отношениях она находится с другими семемами текста, напр. ‘sinistre’ *зловещий*, ‘effrayant’ *ужасный*, ‘impassible’ *бесстрастный*, ‘repentir’ *раскаяние*, и, что не менее важно, как актуализируемые при их посредстве признаки /смертоносный/, /ужасный/, /бесстрастный/ соотносятся с кодифицированным в культуре образом времени: *irreparabile tempus*.

В принципиально ином ключе предстают, как следствие, и традиционно обсуждаемые семантикой вопросы истины и референции. Поскольку репрезентация, не будучи непосредственным отражением мира, опосредуется разного рода социальными нормами[240], условия истинности задаются относительно того мира, каким является мир текста. Так, в разбираемом тексте Бодлера референция совершается не к обычному часовому механизму в виде системы зубчатых колес, приводимых в движение при помощи подвешенных гирь, а к механизму в образе зловещего божества: *dieu sinistre, effrayant, impassible.* А коль скоро референт текста не совпадает с реальным референтом, возможный мир с действительным миром, иными оказываются и требования, предъявляемые к истинности присоединенных предикатов. Удовлетворять предикаты *pomper la vie* «высасывать жизнь» и *menacer* «угрожать», пусть они и не подходят для обычного часового механизма, могут только «культурным ожиданиям», в данном случае топосу [→ Топос] неумолимого времени в образе римского Сатурна – Хроноса-*Кроноса*[241].

Так приходим к принципиальным выводам.

- Как наука о значении, семантика призвана установить, что есть значение, определять ли его в терминах условий истинности, предметной области, существования и выполнимости, проверять на соответствие реальному или воображаемому миру, интенции и установке мнения, сводить к стимулу и/или реакции, дистрибуции, референции, понятийному субстрату, ментальным репрезентациям или системе значимых противопоставлений.
- Исследуемое семантикой значение релятивизируется необходимым образом относительно исследовательской позиции.

[240] Отношение между системой языка и другими систематиками можно рассматривать как отношение интерсемиотичности [→ Интерсемиотичность].

[241] В этой связи ср. E. Panofsky, Le Vieillard Temps, in *Essais d’iconologie*, Paris, Gallimard, 1990, p. 105–130.

- Каким бы ни был формат обработки языковых выражений, в эпистемологическом отношении важно даже не понять, насколько «верным» является предлагаемое решение, а установить, как зависят от исследовательской позиции содержание и способы представления значения, насколько совместимы разные подходы к значению и возможно ли вообще единство науки о значении.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995.

Беляевская Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. Сб. науч. трудов. М.: ИНИОН, 2006. С. 67–86.

Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 177–199.

Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176; Вып. X.

Даммит М. Что такое теория значения // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.

Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.

Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 33–49.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кронгауз М. А. Семантика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.

Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Степанов Ю. С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 438–440.

Greimas A.-J., *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966.

Rastier F., *Sémantique*, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitivers*, Paris, P.U.F., 1998, p. 365–368.

Семантика когнитивная. — По определению когнитивная семантика [→ Семантика] призвана объяснить, какими знаниями руководствуются в речевой деятельности говорящие и как вообще структурируются разные виды знания в процессе понимания и построения языковых сообщений. В этом смысле когнитивные исследования вносят вклад в решение издавна интересующей лингвистику проблемы отношения языка и мышления, но решают эту

проблему в плане главным образом моделирования востребованных в когниции структур знания[242].

Действительно, идентификация чего-то как того-то или того-то возможна только относительно хранимых в памяти схем повседневного опыта, образующих в терминах гештальтпсихологии некий общий фон (ground), на котором идентифицируются как таковые воспринимаемые нами эмпирические формы: стул как «стул», ботинки как «ботинки», часы как «часы»[243]. И даже, возьмем пример Дж. Серла, когда изображенные на картинах сюрреалистов вещи расходятся с привычными представлениями, идентификация изображения совершается опять-таки путем аппроксимации к эмпирическому опыту. Так что даже *провисшие часы* на картине Сальвадора Дали остаются часами, хотя и не совсем обычными, поскольку не утрачивают еще некоторые прототипические свойства, которыми характеризуется обычно часовой механизм, в том числе наличие циферблата, стрелок и т. п. (Серл 2002: 135).

Такие модели знания суть «выводные схемы» интерпретации [→ Интерпретация].

В когнитивной семантике обработка анализируемых языковых выражений совершается аналогичным образом путем подгонки к соответствующим моделям понимания: слова соотносят с прототипами [→ Прототипов теория], социальными стереотипами [→ Социальные стереотипы] или концептами [→ Концепт], высказывания – с ситуативными сценариями типа фреймов [→ Фрейм]. Такие модели знания обеспечивают необходимый формат обработки анализируемых выражений – слов, высказываний и текстов. С их помощью можно даже отразить возможные семантические связи между лексическими единицами, а заодно и представить их по типу сетевых структур в вычислительных моделях мышления в ракурсе единой ситуации действительности в виде соответствующих пропозициональных структур, в терминах которых осмысливается данная ситуация. Например, модель, характеризующая наше знание об огне, включает пропозициональную информацию о том, что огонь опасен, что его используют для приготовления пищи; модель, характеризующая знание о деньгах – информацию о том, что деньги зарабатывают, тратят, дают или берут взаймы и т. п. Так задается «социальное измерение значения» (Х. Патнэм), а вместе с ним и поворот от мира, каким он является, к миру, как он понимается людьми (Лакофф 2004: 283).

Задавшись вопросом, какие знания востребованы в понимании, нельзя не согласиться, что в таксономическом определении таковыми могут быть только достоверные знания, а в обиходном и не всегда достоверные мнения и убеждения. Причем для лингвистической семантики здесь важно даже не понять, *где* проходит граница между более или менее достоверным знанием, а установить, *какими* системами представлений руководствуются всякий раз говорящие и почему востребованными оказываются эти, а не какие-то другие представления.

С переориентацией исследования от научной картины мира к наивной картине мира – от мира как такового к миру, как он понимается людьми, изменяется кардинальным образом и отношение к востребованным в интерпретации системам знания. В отличие от онтологически ориентированной условно-истинностной семантики [→ Семантика условно-истинностная] когнитивная семантика избирает систему главным образом обыденных представлений[244] с аналогами в виде

[242] В определении Е. С. Кубряковой в задачи когнитивной науки входит «и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» (Кубрякова 2004: 8–9).

[243] А поскольку концептуальные схемы могут варьировать, различным может оказаться и образ окружающих нас в мире вещей. Обратившись к расхожему в философском обиходе примеру, Дж. Лакофф, в частности, замечает, что даже самый что ни на есть обычный стул можно при желании истолковать разными способами. С молекулярной точки зрения это колоссальное скопление молекул, с точки зрения волновых уравнений в физике – волновые формы, а в обыденном восприятии – единичный объект (Лакофф 2004: 342). К этим толкованиям можно добавить и другие, вспомним хотя бы кошек, которые превращаются в управляемые марсианами автоматы в интерпретации С. Крипке, а стул представить как летательный аппарат в детской игре или как стремянку для доставания банки с вареньем в домашнем хозяйстве. Не сомневаясь в правильности всех приведенных без исключения толкований, заметим все-таки, что выбор оптимального решения зависит в первую очередь от эвристических процедур использования знаний, по которым востребованными становятся такие и только такие знания, которые отвечают оптимальным условиям понимания. Так, в соответствии с элементарным принципом рациональности наиболее адекватной «концептуальной схемой» для определения анализируемого объекта в подавляющем большинстве контекстов будет все-таки таксономия «предметы мебели», в которой стул определяют как предмет мебели, предназначенный для сидения: «род мебели для сидения» (С. И. Ожегов).

[244] Установка на обыденное знание не отменяет специально-научное знание, а разве только уравнивает его с ним в правах. Поэтому вряд ли оправдан декларируемый некоторыми авторами отказ от «существенных дифференциальных признаков» лексикографической дефиниции, якобы пригодных только для научных терминов, а не для общеупотребительных слов, в пользу «когнитивных» признаков (Попова, Стернин 2007: 93–97, 200–202). В когнитивной проекции все компоненты значения суть «когнитивные» семы [→ Семный анализ]. С таким лишь единственным, пожалуй, отличием, что в актуальном контексте мнения одни устанавливаются относительно научно-объективного, другие – относительно наивного знания.

прототипов, социальных стереотипов, концептов, фреймов или идеализированных когнитивных моделей [→ Идеализированные когнитивные модели]. Такие модели представления знаний позволяют уяснить, что собой представляют фоновые знания [→ Фоновые знания] и, главное, как оперируют этими знаниями в обработке и переработке языковых сообщений. Ибо, как полагают, только такие извлекаемые из памяти модели позволяют судить, какими признаками, свойствами и состояниями наделяются в восприятии говорящих обозначаемые словами вещи.

Но, даже признав, что языковые выражения соотносятся с вещами через посредство хранимых в памяти схем повседневного опыта и что такие схемы варьируются от языка к языку[245], нельзя не признать, что изучать их следует как языковые. В противном случае семантический анализ низойдет до изучения ментальных репрезентаций, тогда как они участвуют в семиозисе в качестве разве только прагматических пресуппозиций [→ Пресуппозиции] и интегрируются в виде компонентов значения при условии, если это предписывается или хотя бы не воспрещается контекстом [→ Контекст].

Лингвистическим анализ значения может быть лишь при изучении языковых выражений «в пределах области, покрываемой языковой семантикой» (Н. Д. Арутюнова). Значение анализируемого выражения устанавливают в таком случае не на основе коррелирующих с ним ментальных репрезентаций, а по условиям употребления с другими выражениями. Так, в отношении приведенного выше примера можно сказать, что рус. *огонь* определяется в языке не только в отношении к продуктам горения, но и в отношении к человеческим чувствам и даже свойствам характера, о чем мы в состоянии судить как по присоединенным предикатам, так и по засвидетельствованным в языке фразеологическим оборотам: *из огня да в полымя* (в значении «опасность»), *прошел огонь, воду и медные трубы* (в значении «испытание») или *огонь желаний* (в значении «страсть»). В контексте «печь» или «разжечь» актуализации в первую очередь подлежат /пламя/, /горение/, в контексте «прошел» – /испытание/, в контексте

[245] Немаловажным является действительно и фактор национальной специфики. В качестве иллюстрации возьмем хотя бы разбираемый Х. Патнэмом пример: *Солнце находится в 150 миллионов километров от Земли*. Чтобы понять утверждаемый в суждении факт, туземцу требуется преобразовать его на основе понятийных моделей, которыми он располагает в системе собственного знания, в суждение вида *Солнца не достичь, даже если скакать до него много жизней на самом быстром скакуне* (Putnam 1990: 171). Из такого на первый взгляд очевидного установления следует принципиальный для теории межкультурной коммуникации вывод: ограничившись собственными понятийными схемами, нельзя освоить ни один концепт другой культуры, ни тем более совершить «концептуальный скачок» с последующим приростом знания.

«желаний» – /чувство/. Причем утверждать, насколько эти признаки кодифицированы в языке и следует ли их вообще учитывать в словарной дефиниции, можно только по частотности их воспроизводства в корпусе засвидетельствованных в речевом обиходе употреблений.

Так приходим к принципиальным выводам.

- Парадигму когнитивных исследований образуют разные теории значения, в том числе теории прототипов, социальных стереотипов, фреймов, идеализированных когнитивных моделей и т. п.
- Общей для всех входящих в парадигму теорий значения является установка на знание как условие вывода значения, различными – структуры представления и способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых выражений.
- Каким бы ни был когнитивный аналог значения – прототипом, социальным стереотипом или фреймом, в когнитивной проекции значение сводится непременно к ментальной репрезентации.
- Пусть языковые выражения и соотносятся с вещами через посредство извлекаемых из памяти ментальных репрезентаций, из этого не следует, что языковое значение сводится к таким репрезентациям в силу исключительно когнитивного соответствия.
- Лингвистическим анализ значения становится лишь при условии, если его устанавливают на основе самих языковых выражений.

Баранов А. Н., *Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН. СЛЯ. 1997. № 1. С. 11–21.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28–34.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.

Кубрякова Е. С., *Демьянков В. З.*, *Панкрац Ю. Г.*, *Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997.

Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.

Попова З. Д., *Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007.

Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 274–323.

Langacker R. W., An introduction to Cognitive Grammar, *Cognitive Science*, 1986, X (1), p. 1–40.

Rastier F., *Sémantique et recherches cognitives*, Paris, P.U.F., 1991 (réédition 2001).

Семантика условно-истинностная. — В условно-истинностной семантике [→ Семантика] задаются традиционно вопросом, каким условиям должно удовлетворять, чтобы быть истинным [→ Истина и правдоподобие], анализируемое языковое выражение. В сугубо онтологическом исчислении таким условием может быть только соответствие реальному положению вещей. Так анализ значения смыкается необходимым образом с таксономическим знанием: от знания заключают к значению, значение проверяют в обратном порядке на соответствие знанию по формуле вида $P(t)$ истинно, если и только если объект, обозначенный именем t, выполняет свойство, названное именем p.

За неимением таксономических знаний нельзя сказать, какая предикация истинна, а какая ложна. Чтобы верифицировать, например, суждение вида *Сладкий арбуз*, требуется сначала установить, существует ли какой-то объект по имени *арбуз*, какому системному классу принадлежит данный объект, по каким свойствам определяются все входящие в этот класс объекты[246], а затем только решать, насколько адекватным является выбор присоединенного предиката. В рамках субъектно-предикатных отношений суждение признают истинным, когда отношение субъекта к предикату основывается на объективно достоверных сведениях; ложным, когда отношение субъекта к предикату противоречит отраженным в таксономии знаниям; неопределенным, когда неясно, соответствует ли присоединенный предикат субъекту суждения[247].

Проблемными признаются вместе с тем такие случаи:

- субъект суждения не имеет соответствия в реальном мире;
- отношение субъекта к предикату противоречит отраженным в таксономии знаниям;
- за отсутствием таксономических знаний об объекте неясно, насколько присоединенный предикат соответствует и соответствует ли вообще субъекту суждения;
- ввиду диффузности таксономической предикации (прежде всего в бытийных предложениях) неясно, по каким признакам надлежит определять субъект суждения.

Даже исключив замечания в отношении квантификации, нельзя, в самом деле, не признать, что основная трудность, с которой сталкивается анализ по необходимым и достаточным условиям, это даже не размытость таксономической предикации, а вопрос, насколько предицируемые в частном суждении свойства совпадают с такой предикацией. Ибо принадлежность естественному классу – еще не ручательство, что какой-то индивидный объект обладает непременно всеми свойствами, по которым определяют представителей данного класса. Из бытийного предложения вида *Это арбуз* нельзя, во всяком случае, заключить, что какой-то данный нам в ощущениях *арбуз* обладает всеми свойствами, по которым определяют обычно плод однолетнего растения семейства тыквенных: напр. /шарообразный/, /со сладкой на вкус мякотью/, /с твердой кожурой/ и т. п.

[246] Так таксономическое значение задает пресуппозиции предикации [→ Пресуппозиция].

[247] Ср. «…когда мы говорим об условиях истинности предиката, мы имеем в виду условия истинности *предикации* предиката» (Пап 202: 330).

Особую трудность вызывают, кроме того, и такие суждения, в которых предицируемые в контексте свойства уклоняются или, хуже того, противоречат «объективному в*и*дению вещей» и тем самым как бы подрывают онтологические основы мира. Ибо если за необходимые и достаточные условия предикации принимать только достоверные знания, объективированные в общественной практике в виде понятий, категорий и законов, аномальным тогда приходится считать все, что находится за пределами объективного знания.

Таксономические знания позволяют, безусловно, понять, что представляют собой вещи в специально-научном смысле, но не какие с ними связываются в обыденном сознании представления. В языке, во всяком случае, немало выражений, к которым неприменим анализ в терминах условий истинности. И дело здесь не только в неопределенных выражениях и даже не в безденотатных именах вроде *леших*, *русалок* или *кентавров*, а в том, что в речевой деятельности человек руководствуется не только научно-объективными знаниями, но еще и не всегда достоверными мнениями и убеждениями[248].

Весьма симптоматичным представляется в этой связи приведение значения [→ Значения «значения»] к разным установкам мнения – знанию, верованию или убеждению. В терминах Г. Рейхенбаха, эти установки обладают разным «весовым числом», но остаются тем не менее необходимыми «эпистемологическими предпосылками», которыми мы руководствуемся, пока не появятся убедительные причины для отказа от них, и которые нам служат всякий раз если не верификатором истинности суждения, то хотя бы достаточным его основанием[249].

Взяв за основу установку мнения, нельзя не преобразовать соответствующим образом и привычную для условно-истинностной семантики

[248] Если лингвистическая семантика не будет считаться с такой кодифицированной оценкой [→ Оценка], удалив ее под видом коннотаций [→ Коннотация], язык тогда и в самом деле наводнят вещи, тогда как они существуют в языке в виде разве только ценностных суждений (Гуссерль 1999: 52–53, 67; ср. Растье 2001: 109).

[249] Как справедливо замечает А. Айер, «в ментальных состояниях мнения и знания нет различия»; во всяком случае в плане «оправдания» производных на их основе утверждений (цит. по Дмитровская 2003: 47).

верификационную модель значения [→ Верификация]. При сохранении общей корреспондентной основы условно-истинностная обработка суждения оборачивается проверкой на соответствие какому-то мнению, верованию или убеждению[250] по формуле вида «*P*(*t*) истинно, если и только если говорящий убежден (считает, думает или полагает), что объект, обозначенный именем *t*, выполняет свойство, названное именем *p*».

Так приходим к принципиальным выводам.

- В онтологическом подходе лингвистическая семантика попадает в зависимость от специально-научного знания, а семантический анализ низводится до проверки, соответствуют ли выделяемые компоненты значения действительному положению вещей в той или иной области знания.
- В таксономическом исчислении суждения проверяют на соответствие сущностным свойствам вещей, а эти свойства задают как необходимые и достаточные условия, которым должно удовлетворять, чтобы гарантировать правильное обозначение, всякое употребление обозначающих эти вещи выражений.
- С переориентацией исследования от научной картины мира к наивной картине мира – от мира как такового к миру, как он понимается людьми, меняется кардинальным образом и концептуальный фон значения.
- В антропоцентрическом ракурсе важно не понять, насколько онтологически адекватно то или иное пропозициональное содержание, а установить при каких условиях оно совместимо с пропозициональной установкой говорящего.
- Каким бы ни был способ представления, значение релятивизируется необходимым образом относительно установки мнения, позволяющей судить, какие признаки востребованы в данном контексте мнения.
- Наряду с таксономическими признаками значение слова включает равным образом и то, что лежит за пределами объективного знания. Каждому виду значения соответствует свой способ представления, а в пределе и своя система исчисления такого представления.
- Каким бы ни был концептуальный фон значения – знанием, мнением, верованием или убеждением, все без исключения модели представления суть необходимые основания значения: одни в силу объективной наличности, другие как действительное состояние чьего-то сознания.

Даммит М. Что такое теория значения? // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.

[250] Как условию определенной пропозициональной установки [→ Пропозициональная установка]. О пропозициональной установке говорящего можно судить хотя бы по вводящим пропозицию ментальным предикатам *знать, считать, думать* или *полагать*.

Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 99–120.
Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 194–241.
Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988.
Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Тондл Л. Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1975.

Семантическая триада. — Значение слова, прежде всего имени, определяют нередко в рамках семантической триады *слово – понятие – вещь*, а анализ языкового знака [→ Знак] сводят к отношениям внутри триады: (i) слова к вещи: знак обозначает предмет (значение знака), (ii) слова к понятию: знак выражает смысл (смысл знака), (iii) понятия к вещи: смысл знака задает значение (Фреге 2000: 489; ср. Степанов 1998: 92–100). Эти отношения учитываются за редким исключением во всех теориях значения [→ Значения «значения»]; и может даже сложиться впечатление, что преобразованная схоластами, а затем популяризированная Огденом и Ричардсом аристотелевская триада[251] позволяет окончательно решить все связанные со значением проблемы.

Рассмотрим эти отношения как основания теории значения.

Отношение имени к вещи. В первом приближении семантическую триаду можно ограничить отношением имени к вещи, а значение анализируемого именного выражения свести к обозначению в определениях вида «Имя обозначает объект. Объект – его значение» или «Имя в предложении представляет объект» (Л. Витгенштейн).

В таком определении значение не растворяется, конечно же, в вещи, а подтверждает разве только факт ее существования, знание о том, что именно эту вещь называют так-то, а не иначе [→ Номинация]. Но для сторонников экстенсиональной семантики [→ Семантика] этого достаточно, чтобы гипостазировать функцию обозначения, а за основу анализа значения взять постулат вида «…обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению» (Г. Шухардт).

[251] Ср. «…то, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письмена – знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления» (Аристотель 1978, 2: 93).

Основанием теории значения может быть в таком случае только референция [→ Референция]. Анализ значения подчиняется изучению отношений между языковыми выражениями и обозначаемыми ими реалиями и сводится с необходимостью к установлению условий, которым анализируемое выражение должно удовлетворять, чтобы правильно обозначать. Особую трудность для экстенсиональной семантики вызывают вместе с тем безденотатные имена вроде *химер, русалок* или *единорогов* да размытость экстенсионала [→ Экстенсионал]. Ибо если значение равнозначно обозначению, как поступать с выражениями с неопределенным или фиктивным референтом, с тем, что неопределенно или что не существует? Чтобы выйти из затруднительного положения, не остается ничего другого, как признать эти выражения неопределенными или фиктивными, а их интерпретацию [→ Интерпретация] – непрозрачной и даже неоднозначной [→ Неоднозначные высказывания].

Разумеется, указанные трудности не отменяют отношение имени к вещи, но предъявляют к этому отношению особые требования в плане главным образом оформления субстанции «чувственности» [→ Форма и субстанция]. Трансцендентальную философию здесь интересует, как «материя ощущения» входит в априорные формы чувственности и рассудка (Кассирер 2002, 3: 15), лингвистическую семантику – по каким семантическим признакам фиксируется в диапазоне допустимого варьирования референция имени в высказывании.

В зависимости от избираемого в качестве критерия принципа отбора возможными становятся, в частности, такие решения.

- Сообразуясь с «чувством реальности», отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, которые задают «эффект реальности» (Р. Барт).
- Сообразуясь с «эмпирическим опытом», отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, которые соответствуют привычным для нас представлениям, как обычно выглядит обозначаемая словом вещь.
- Сообразуясь с субъективными переживаниями, отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, которые соответствуют субъективным переживаниям[252].
- Сообразуясь с критерием релевантности [→ Релевантности критерий], отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, по которым данную нам в ощущениях вещь можно отличить от других вещей.

[252] Так, в частности, устанавливаются «эмпирические правила смысла» (Айдукевич 1999: 67–93; Моррис 1983: 56; ср. Лосский 1991: 69–77, 87–90, 166–182, 300–306).

- Сообразуясь с требованиями контекста [→ Контекст], отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, которые востребованы в «текущем контексте».
- Сообразуясь с интенциональным состоянием говорящего, отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, которым соответствует в данном контексте мнения намерение говорящего – намерение выделить этот, а не какой-то другой признак вещи[253].
- Сообразуясь со схемами повседневного опыта, отбирать в референции к объекту надлежит в основном такие референтные признаки, по которым проще установить частичное или полное его соответствие какой-то хранимой в памяти схеме – прототипу [→ Прототипов теория], образцовому представителю категории [→ Категоризация], социальному стереотипу и т. д.

Так референция к объекту приводится в соответствие с эмпирическим опытом, прагматическим окружением [→ Прагматика], потребностями варьирования количества включаемой в сообщение информации, базовыми схемами восприятия, стереотипными представлениями, субъективными переживаниями, интенциональными состояниями, пропозициональными установками [→ Пропозициональная установка] и т. д.

Отношение имени к понятию. Семантическую триаду можно ограничить, кроме того, и отношением имени к понятию как отраженному знанию о вещи[254], а в таком отношении усмотреть смысл знака. Остается только договориться, что понимать под отраженным знанием о вещи, а заодно и под ассоциируемым с ним смыслом: понятие или представление, совокупность сущностных свойств вещи или данный нам в чувственном восприятии образ, сигнификативное значение или ментальную репрезентацию[255].

[253] Убедительным тому доказательством служит хотя бы экспликация референции имени в предикатных конструкциях, когда говорящий указывает в первую очередь на такие признаки, которые позволяют ему выделить нечто конкретное, что он имеет в виду. Например, в суждении *Не то золото, что блестит* выделяется, пусть и негативным образом, признак /блестящий/, а в определении *желтый песок* – признак /желтый/.

[254] Аристотелевскому «представлению в душе».

[255] Понятия и представления могут, конечно, коррелировать, а понятие собаки, например, сопрягаться с представлением образцовой или какой-то конкретной собаки. Но даже если понятие и коррелирует с представлением, из этого не следует, что понятие совпадает с ментальной репрезентацией (Чейф 1975: 91–92, 96). И не только потому, что ассоциируемый с понятием образ собаки может меняться в ментальной репрезентации в зависимости от того, идет ли речь о гончей или овчарке, лежащей или стоящей собаке, но прежде всего потому, что понятие и ментальная репрезентация суть вещи разного порядка.

От ответа на этот вопрос зависит как состав исследуемого значения, так, собственно, и способы его репрезентации в металингвистическом описании. В фокусе объективно достоверного знания единственно возможной процедурой анализа может быть только условно-истинностный анализ [→ Семантика условно-истинностная], наиболее приемлемым инструментарием – специально-научные системы знания, гарантом истинности [→ Истина и правдоподобие] – соответствие действительному положению вещей[256]. Так, чтобы установить, что означает франц. *corps* «тело» в сочинении Ламетри «Человек-машина», П. Грайс обращается к «более или менее подробным знаниям» из популярной биологии, позволяющей ему установить в виде набора понятийных признаков так называемый «пучок объекта», а этот пучок – обозначить через *мускулы*, *кровь*, *движение*, *мозг* и *нейроны* (Grize 1982: 11). Так отраженные в понятии свойства вещи преобразуются в компоненты значения [→ Компонентный анализ], а языковое значение отождествляется implicite с научным понятием.

Даже не вдаваясь в обсуждение, насколько исчерпывающим является пучок объекта, как установить адекватность входящих сюда компонентов, какие знания гарантируют наилучшим образом «правильное» истолкование, заметим только, что значение франц. *corps* «тело» в сочинении Ламетри расходится существенным образом с предлагаемым толкованием. В интерпретации П. Грайса игнорируются, во всяком случае, интерпретирующие возможности ближайшего контекста [→ Контекст] (в котором *corps* «тело» коррелирует с *âme* «душа» в отношении к *machine* «машина»), а *fibres du cerveau* «волокна мозга» почему-то преобразуются в неведомые автору восемнадцатого столетия нейроны. Такая несуразица, заключает Ф. Растье, плата за уподобление значения франц. *corps* «тело» (в тексте Ламетри), понятия тела (в популярной биологии) и тела как «пучка объекта» (Растье 2001: 24–25).

Подобные примеры позволяют с очевидностью осознать, с какими трудностями сталкивается анализ языкового значения по сущностным свойствам обозначаемых словами реалий, а вместе с тем и высказать некоторые критические замечания в адрес условно-истинностной семантики.

- Попадая в зависимость от специально-научного знания, семантический анализ низводится до проверки, насколько выделяемые компоненты значения соответствуют действительному положению вещей в той или иной области специально-научного знания.
- Семантический анализ затрудняется, когда обозначаемая словом вещь расходится с объективным представлением. Отсюда извечные вопросы, которыми задается экстенсиональная семантика, остается ли, например, *разбитая бутылка* «бутылкой». Если придерживаться понятийных признаков, а эти признаки возводить в достоинство необходимых и достаточных условий, которым должен удовлетворять знак, чтобы правильно обозначать, *разбитая бутылка* тогда и в самом деле уже не бутылка, поскольку не удовлетворяют необходимым требованиям: «быть сосудом для какой-нибудь жидкости».
- Ограничившись отношением имени к понятию, приходится отказаться от обиходных представлений в пользу сугубо специально-научных представлений.

Указанные трудности не отменяют, конечно, отношение имени к понятию, но предъявляют к этому отношению, а заодно и к содержанию понятия, особые требования. Действительно, если под знание о вещи подводить не только специально-научные знания, но и обыденные представления, по которым определяются в когнитивной проекции окружающие нас в мире вещи, переосмыслить тогда приходится и содержание выводимого на их основе «понятия» [→ Концепт]. Весьма примечательно в этой связи обращение к типичным примерам, идеалам и образцам как базовым «выводным схемам» в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная]. Вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий понятие «птица», например, определяют в отношении к *воробью* как наиболее типичному представителю категории «птицы», понятие «муж» – по стереотипным представлениям, как выглядят обычно мужья, понятие «ревнивый муж» – в сравнении с Отелло как наиболее ярким образцом ревнивых мужей. Причем, какой бы ни была когнитивная точка отсчета – объективным или субъективным, достоверным или непроверенным знанием, незыблемым в условиях переменного знания остается по-прежнему принцип *adaequatio rei et intellectus*: понятийно постигаемая вещь предстает в понимании такой, как ее задает понимание.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Отношение имени к понятию опосредуется системой знаний.
- В условиях переменного знания подводимое под понятие знание может быть только многозначным[257].
- Под понятие как отраженное знание о вещи могут подводиться как

[256] По формуле вида $P(t)$ истинно, если объект, обозначенный именем t, выполняет свойство, названное именем p.

[257] С такой многозначностью смыкается, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на переменный характер значения-*знания*, на производные в контексте общественной практики переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями.

специально-научные знания, так и разного рода верования, мнения и убеждения.

- Каким бы ни был способ познания вещи, представление о вещи однородно с подводимым под нее «понятием», хотя бы в силу обусловленности познания собственной своей формой: *forma dat esse rei*.
- Поскольку о соответствии понятия вещи самой вещи можно судить только в категориях соответствующей системы представлений, для семантики не так уж и важно, достоверны ли эти представления в смысле объективном; важно, что они отражают в релевантном для человека контексте жизни «живое знание о предмете» (К. Бюлер).
- С понятием коррелирует отчасти лексическое значение[258]. При условии, разумеется, если отраженные в понятии знания о вещи преобразуются в семантическом анализе в собственно-языковые компоненты значения[259].

Отношение понятия к вещи. Семантическую триаду можно ограничить, наконец, и отношением понятия к вещи, а в таком отношении усмотреть примат смысла над значением в рамках намеченного Фреге противопоставления: *Sinn* – *Bedeutung* [→ Смысл и значение]. Действительно, если под *значением* понимать референцию к объекту, а под *смыслом* – способ представления объекта в мысли, главенствующим тогда будет смысл. Смысл задает значение, поскольку предопределяет, как фиксируется в речемыслительном представлении отношение имени к вещи.

Весьма показательна в этой связи вариативность речевых номинаций [→ Номинация] того же объекта. Так, в обсуждаемом С. Крипке примере одного и того же человека можно назвать *Туллием* и *Цицероном*, а затем представить посредством фиксированных дескрипций как *непревзойденного римского оратора*, *обличавшего Катилину*, как *известного политического деятеля* или как *автора изучаемых в школе риторических сочинений* (Крипке 1982: 364–366). Если знать, заключает С. Крипке, что

[258] Ср. «…значение слова стремится к понятию как к своему пределу» (Степанов 1975: 11). Аналогия между понятием и лексическим значением возможна, во-первых, потому что лексическое значение выводится, как и понятие, путем обобщения и абстракции; во-вторых, потому что лексическое значение определяется, как и понятие, как отраженное знание о предмете; в-третьих, наконец, потому что лексическое значение эволюционирует, как и понятие, вместе с познанием. Единственно принципиальное отличие заключается, пожалуй, только в том, что лексические значения не имеют четко очерченных границ: они диффузны, а порой и ошибочны (Кацнельсон 1986: 14).

[259] В большинстве своем лексикографы убеждены, что в системе словарных толкований придерживаться следует скорее общепринятых представлений, а в языковом значении отражать исключительно только «наивное понятие о вещи» (Апресян 1995, 1: 56–59).

Туллий и *Цицерон* суть имена того же человека и что приписываемые свойства ему действительно присущи, кореферентные имена можно тогда подставлять *salva veritate* по закону взаимозаменимости: *eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate*.

Не вдаваясь в рассуждения, чем имя объекта отличается от предикатных дескрипций, заметим только, что *Туллий*, *Цицерон*, *непревзойденный римский оратор*, *обличавший Катилину*, *известный политический деятель* и *автор изучаемых в школе риторических сочинений* тождественны в самом деле по значению, но различны по смыслу: в одном случае это имя собственное, в другом – дескрипции в виде приписываемых Цицерону свойств[260]. Причем эвристически ценным становится не тождество по значению, а различие по смыслу. Ибо в зависимости от того, как определяется в суждении Цицерон – как *непревзойденный римский оратор, обличавший Катилину*, как *известный политический деятель* или как *автор изучаемых в школе риторических сочинений*, меняется мнение об объекте, объект мнения, его выделение и спецификация. Ни о каком тождестве здесь не может быть и речи.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Складывающиеся внутри семантической триады отношения между словом, понятием и вещью суть знаковые отношения.
- По отношению к вещи определяют референтное (денотативное) значение, по отношению к понятию – сигнификативное значение.
- Каким бы ни был формат семантической интерпретации, принципиально установить, на каких преимущественно отношениях задается всякий раз интерпретация: слова к вещи или слова к понятию, а в отношении к понятию – что подводится под «понятие» вещи: научное понятие или представление, сигнификативное значение или ментальная репрезентация.
- Существующие внутри триады отношения вскрывают фундаментальное различие между смыслом и значением: по отношению к вещи задается значение, по отношению к понятию – смысл.
- Смысл задает значение, поскольку предопределяет, по каким признакам, свойствам и состояниям фиксируется отношение имени к вещи.
- Тождество по значению не влечет тождество смыслу.
- В эпистемологическом отношении эвристически ценным является скорее различие по смыслу, чем тождество по значению.

[260] Дескрипции *римский оратор, обличавший Катилину, известный политический деятель* или *автор риторических сочинений*, пусть и выполняют идентифицирующую функцию наравне с именем собственным, имеют здесь статус семантических предикатов, поскольку выражают свойства, по которым характеризуется в предикатной номинации субъект суждения.

- В экстенсиональном исчислении за основу анализа принимается значение, в интенсиональном [→ Интенсионал] – смысл.

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 92–100.

Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 198–209.

Ogden C. K. & Richards I. A., The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism, London, K. Paul, 1923 (reprint 1969).

Rastier F., La triade sémiotique, le trivium, et la sémantique linguistique, *Nouveaux actes sémiotiques*, 9, 1990.

Семантический класс. — Под семантическим классом понимают множество из двух и более семем в отношении эквивалентности.

Понять, как устроен семантический класс и как объединяются внутри класса все входящие сюда элементы, можно на примере ныне классической статьи Б. Потье «К современной семантике» (Pottier 1964). Утверждая дифференциальный характер семантических компонентов, Б. Потье, в частности, показывает, как ‘chaise’ *стул*, ‘fauteuil’ *кресло* и ‘tabouret’ *табурет* совпадают по общему признаку /предмет для сиденья/, но различаются внутри множества предметов для сидения по дифференциальным признакам /с подлокотниками/ *vs* /без подлокотников/, /со спинкой/ *vs* /без спинки/. Необходимым и достаточным условием построения класса служит, таким образом, сходство по родовому признаку, а условием различения семем внутри класса – различие по видовым признакам [→ Семный анализ].

В зависимости от таксономической глубины семантический класс может иметь разный объем[261]. Поэтому Ф. Растье предлагает различать родовые семы по степени обобщения на *микро*-, *мезо*- и *макрородовые* семы, а построенные на их основе семантические классы подразделять на *таксемы* (минимальные парадигмы), *области* (группы таксем) и *измерения* (классы наивысшей степени обобщения) (Растье 2001: 52–54). Например, в семеме ‘стул’ микрородовая сема /для сидения/ указывает на принадлежность таксеме //предметы мебели для сидения//, мезородовая сема /мебель/ – на принадлежность семантической области //мебель//, макрородовые сема /неодушевленный/ – на принадлежность семантическому измерению //неодушевленный//.

Так проясняются условия, которым должны удовлетворять семантические классы.

- Семантические классы строятся на родовидовых отношениях. Семемы образуют класс по общей родовой семе, а внутри класса различаются между собой по взаимно исключающим видовым семам.
- Родовая сема «сближает» две семемы, если их число равно двум, или $2 + n$, если их число равно $2 + n$.
- Поскольку родовая сема указывает на принадлежность семем тому же семантическому классу, она рекуррентна во всех семемах того же класса.
- Отношения между разными реализациями родовой семы суть отношения тождества, а отношения между содержащими ее семемами суть отношения эквивалентности.
- Отношения между двумя видовыми семами, позволяющими противопоставить внутри того же класса две «близкие» семемы суть отношения несовместимости, а отношения между содержащими их семемами суть отношения исключающей дизъюнкции.
- Семантические классы могут входить в отношения включения или пересечения, а один класс – быть подклассом другого класса.

Семантические классы в языке. По общеизвестному мнению лексический состав языка не представляет собой закрытый инвентарь легко устанавливаемых классов. На этом основании некоторые авторы считают лексику наименее структурированной областью языка и даже утверждают, что классификации в языке подлежат не сами по себе слова, а обозначаемые ими реалии[262]. С таким утверждением можно согласиться лишь в рамках экстенсиональной семантики [→ Семантика, Экстенсионал]. Но если за основу анализа брать интенсиональное значение [→ Интенсионал], семантические классы следует тогда определять по складывающимся в языке отношениям между лексическими единицами.

Наиболее тривиальным случаем здесь являются онтологические классы, построенные по типу таксономии, нетривиальным – семантические классы, построенные путем пересечения разных системных классов на основе устойчивых ассоциативных связей, так или иначе воплощенных в языке. Например, в тривиальном толковании рус.

[261] О вхождении обозначаемой словом реалии в классы разного объема свидетельствует к тому же разная номинация [→ Номинация], когда нечто называют, например, *анисовкой, яблоком* или *фруктом*; *овчаркой, собакой* или *животным*; *розой, цветком* или *растением*. С увеличением интервала абстракции меняется и количество включаемой в сообщение информации, ибо, как гласит закон обратного отношения, чем больше объем понятия, тем меньше его содержание: ср. *анисовка — яблоки — фрукты*.

[262] Примечательным тому свидетельством служит классификация лексики в идеографических словарях.

женщина определяется на множестве //люди// в отношении к *мужчине*, а в нетривиальном – в отношении к представителям других системных классов, в том числе //растения//, //птицы//, //пресмыкающиеся// и т. п. Причем решающим здесь является не верность онтологическим свойствам бытия, а сложившиеся в культуре представления, по которым женщина выглядит еще более привлекательной в сравнении с цветком, вероломной – в сравнении со змеей, бестолковой – в сравнении с курицей, надутой – в сравнении с гусыней[263].

Символически такое пересечение можно представить так: $A \cap B = \{x_1, x_2, x_n \in A \wedge y_1, y_2, y_n \in B\}$, где A и B обозначают пересекающиеся множества, $\cap$ – частичное их пересечение в контексте, $\in$ – принадлежность множеству, $\wedge$ – конъюнкцию, а фигурные скобки – границы образовавшегося в результате пересечения семантического множества.

Разумеется, такие компаративные классы маломощны, но это все-таки классы, образованные по общности афферентного признака в статусе родовой семы.

Семантические классы в контексте. Тенденция к образованию класса может проявляться и непосредственно в контексте [→ Контекст], когда существующие между семемами отношения смежности преобразуются в отношения подобия по какому-то общему акцидентному признаку.

В определении В. Г. Гака, это прагматические классы.

О подобных классах можно, в частности, судить по такому примеру из повести Чехова «Степь»:

— *Дед, зачем ты пьешь из лампадки*? – *удивился Егорушка*.

— *Кто пьет из ведра*, *а кто из лампадки*.

С точки зрения отвечающего, поясняет В. Г. Гак, люди делятся здесь на два взаимно исключающих класса: «тех, кто пьет из ведра» и «тех, кто пьет из лампадки», а основанием такого произвольного деления служат присоединенные в контексте предикаты в отношении дизъюнкции: *пить из ведра* и *пить из лампадки* (Гак 1998: 35).

Другой пример из рассказа Чехова «Егерь»: *Тут из нашей деревни бабы работают*, *так вот я с ними*. Контекстуальный класс, куда входят соответственно *из нашей деревни бабы* и *я* (Пелагея), образуется по акцидентному признаку /место работы/, а индикатором включения Пелагеи (*я*) в класс «женщин из деревни, работающих в данном месте» служит комитатив *с ними*.

В реальном употреблении можно выделить такие наиболее типичные случаи.

[263] В зависимости от сложившейся в культуре оценочной иерархии [→ Оценка] семантический эффект может быть либо мелиоративным: напр. ‘женщина’ ≅ ‘цветок’, либо пейоративным: напр. ‘женщина’ ≅ ‘гусыня’.

(i) Контекстуальный класс создается из элементов того же системного класса. Например, во фразе из рассказа М. Зощенко *кушал теперь разные порядочные блюда – супы*, *мясо*, *фрикадельки*, *помидоры и прочее* («Сирень цветет») образуемый по паратаксису контекстуальный класс отчасти совпадает, хотя и задается по афферентному признаку /социально престижный/ (в контексте «разные порядочные блюда»), с системным классом //продукты питания//.

(ii) Контекстуальный класс создается из элементов разносистемных парадигм и потому не совпадает ни с одним из известных системных классов. Так обстоит, например, в высказывании *…сидел дома и по обыкновению не знал чего с собой делать. Чего-то хотелось*, *не то конституции*, *не то севрюжины с хреном*, *не то кого-нибудь ободрать* (М. Е. Салтыков-Щедрин). *Конституция*, *севрюжина с хреном* и *кого-нибудь ободрать*, пусть и принадлежат в языке разным системным классам, объединяются по паратаксису в контекстуальный класс ad hoc. Чтобы понять, как отношения смежности преобразуются здесь в отношения подобия, интерпретатору требуется установить какой-то общий акцидентный признак (в контексте «чего-то хотелось»), а затем только решать, какие отношения складываются внутри класса между семемами и как эти отношения сказываются на содержании входящих сюда семем.

Системная инстанция как условие построения класса. Объяснить композицию семантического класса можно при посредстве участвующей в его построении системной инстанции, в том числе таксономии, социальной или идиолектной нормы [→ Нормы социальные, Идиолект].

(i) *Таксономии*. Сообразуясь с научно-объективным знанием, семантический класс задается по типу таксономии: напр. //растения//, //животные//, //минералы//. За отсутствием таксономических знаний «ряды сходств» складываются произвольно, а образуемое случайным образом «понятие» [→ Концепт] не дает нам ровным счетом ничего для понимания того, чем является в действительности обозначаемая словом реалия. Так, воспользуемся примером из «Логики» В. Н. Карпова (1856), подводя *вороного* под множество черных тел, мы получаем не логически пригодное понятие, а ничего не значащую совокупность элементов, образованную по признаку формального сходства и не дающую нам, в сущности, ничего для понимания того, чем является в действительности *вороной*. В рамках понятийной классификации *вороного* намного целесообразнее, согласимся, определять в отношении к *пегому*, *гнедому* или *каурому*, а к компонентам значения – заключать от сложившихся внутри таксономии //лошади// родовидовых отношений. Таксономические знания позволяют, в частности, установить, что по принадлежности

классу //животные// ‘вороной’ определяется по макрородовому признаку /животное/, по принадлежности классу //непарнокопытные// – по мезородовому признаку /непарнокопытное/, по принадлежности классу //лошади// – по микрородовому признаку /лошадиный/, а по существующим внутри класса //лошади// различиям – по видовому признаку /черной масти/.

(ii) *Социальные нормы*. Семантические классы могут создаваться, кроме того, и с участием социальных норм, так или иначе инкорпорированных в языковых произведениях в виде верований, мнений или убеждений. Так, руководствуясь сложившимися в культуре представлениями, рус. *лошадь*, например, можно определять в свободно-диффузном типе толкования и в отношении к *собаке*, *кошке* и *козе* на множестве //домашние животные//, и в отношении к *грузовику* на множестве //транспортные средства//, и в отношении к *поросенку*, *гусю* и *курице* на множестве //ритуальные животные//, и в отношении к свойствам человеческого характера на множестве //трудоголики//. Причем утверждать, какой из взятых за основу признаков является наиболее адекватным, можно только в заданном контексте мнения. В таксономическом определении это /лошадиный/, в ритуальном обряде – /обет/, в морально-нравственном определении – /трудоголик/ и т. п. Поэтому, заключим, не все воплощенные в языке семантические классы суть онтологические классы.

(iii) *Идиолектные нормы*. Семантический класс может, наконец, создаваться и при участии идиолектных норм. В качестве примера возьмем хотя бы франц. *aubépine* «боярышник». В словарной статье данную лексическую единицу определяют как колючий кустарник семейства розоцветовых, с белыми пахучими цветами, ранним периодом цветения и возможным использованием в качестве живой изгороди (*Le Petit Robert*).

Иначе обстоит в авторском идиолекте. Например, когда «В поисках утраченного времени» юный персонаж пытается понять, что значит для него цветущий боярышник на алтаре в праздник девы Марии[264], читателю невдомек, какими сведениями из области ботаники располагает Марсель и каких специальных знаний ему недостает для понимания объекта в исчерпывающей полноте. Включение ‘aubépine’ *боярышник* в соответствующий естественный класс позволяет, разумеется, идентифицировать некоторые онтологические признаки, которыми обладает всякий представитель рода деревьев и кустарников семейства розоцветных. Но суждения вида *Боярышник – это колючий кустарник* или *Боярышник – это декоративное растение, которое можно использовать в качестве живой изгороди* не кажутся информативными, ни тем более исчерпывающими. И дело здесь даже не в семантической диффузности таксономических предикатов *принадлежать семейству розоцветовых*, *рано цвести*, *быть живой изгородью* или *быть декоративным*, а в иной композиции множества [→ Определительное множество], на котором определяется в романе М. Пруста ‘aubépine’ *боярышник*. Сюда включаются по ассоциации такие разносистемные элементы, как ‘lèvres’ *губы*, ‘joues’ *щеки*, ‘retable’ *престол*, ‘mystères’ *таинства*, ‘biscuit’ *пирожное*, ‘crème rose’ *розовый крем*, ‘dentelles’ *кружева* и т. п.[265]

[264] M. Proust, *A la recherche de temps perdu*, Paris, Gallimard, 1987, t. 1, p. 110–111, 112–113, 136–138, 851–871.

Даже не касаясь проекции эквивалентности с оси селекции на ось комбинации (Jakobson 1963: 209–248), нельзя не заметить: образуемый в тексте класс ad hoc не совпадает ни с одним из известных системных классов. Больше того, можно даже вообразить, что все входящие сюда элементы настолько сплавлены, что между ‘aubépine’ *боярышник* и ‘retable’ *престол*, ‘pétales’ *лепестки* и ‘lèvres’ *губы*, ‘étamines’ *тычинка* и ‘prunelles’ *зрачок* нет вообще никакой метафорической коннекции [→ Метафора]. Такое представление ошибочно. Создание новых классов из сколков разносистемных парадигм невозможно хотя бы ради сохранения специфики идиолекта: «…самое большее, на что способен идиолект, так это локально изменять состав классов, а вместе с ним и содержание входящих туда семем» (Растье 2001: 210).

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Семантический класс – множество из двух и более семем в отношении эквивалентности.
- Необходимым и достаточным условием построения семантического класса служат отношения эквивалентности между входящими сюда семемами.
- Отношения эквивалентности между семемами устанавливаются как по ингерентным, так и по афферентным признакам. В онтологическом классе такие отношения задаются по ингерентной родовой семе, в прагматическом классе – по афферентной видовой семе в статусе родовой семы.
- Поскольку семантический класс создается по какому-то общему признаку, которым обладают по определению все входящие в данный класс элементы, можно заключать в обратном порядке: элементы, которым можно предицировать в контексте какой-то общий семантический признак, образуют класс.
- Глобальным прагматическим условием построения семантического класса является базовая установка мнения.

[265] Ср. в этой связи грайсовское понятие субъективного значения.

- Какой бы ни была установка мнения – таксономическим знанием, верованием или убеждением, такая установка – залог категоризации [→ Категоризация], а вместе с тем и условие построения семантического класса, на котором устанавливают в семантическом анализе содержание исследуемого значения, а именно: входящие в состав семемы семы.
- Поскольку прагматические условия проявляются в языке и в контексте по-разному, различным может быть состав и строение семантического класса.
- Создаваемые в контексте классы могут не совпадать по составу ни с одним из известных в языке системных классов.
- Контекстуальные классы легко создаются и так же быстро исчезают, когда в них отпадает необходимость, за исключением разве только случаев, когда задаются по типу устойчивой таксемы, воспроизводящей с завидным постоянством какой-то инвариантный набор константных значений.
- Поскольку элементы образуемого в контексте семантического класса могут располагаться как в непосредственной близости (ближний контекст), так и на отдаленном расстоянии (дальний контекст), семантические отношения, устанавливаемые в рамках одного контекста (контекстуального класса), могут не совпадать с семантическими отношениями, устанавливаемыми в рамках другого контекста (контекстуального класса).
- В типологическом отношении создаваемые в контексте семантические классы можно классифицировать по локальному, семантическому и системному критериям:
  – по *локальному* критерию контекстуальные классы различаются по типу контекста: ближнего или дальнего, локального или глобального[266];
  – по *семантическому* критерию контекстуальные классы различаются по типу участвующего в построении класса семантического признака: ингерентного или афферентного;
  – по *системному* критерию контекстуальные классы различаются по типу участвующей в их создании систематики.
- Какой бы ни была композиция, семантический класс – это определительное множество, на котором устанавливают в интерпретации [→ Интерпретация] значение всякой входящей в данный класс единицы.

Гак В. Г. Онтологические и прагматические логические классы // Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. С. 32–40.

[266] Такое деление совпадает отчасти с распределением локальных зон интерпретации: синтагмой, высказыванием и текстом.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.

Кондаков Н. И. Множество // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 353–358.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 23–60.

Семиозис. — Семиозис определяют в связи со способностью знака [→ Знак] к означиванию и соответственно понимают как производное от знаковых отношений взаимодействие между означающим (signans) и означаемым (signatum), знаком и значением. Остается только определиться, что понимать под *signans* и *signatum*, какие отношения могут устанавливаться между ними и как зависят от типа знакового отношения способы означивания.

Сообразуясь с природой *signans*, семиозис можно изучать по участвующим в восприятии органам чувств и соответственно различать знаки, передаваемые через зрение и слух, а также осязание (рукопожатия, похлопывание по спине, поцелуи), обоняние (запах духов или ладана) и вкус (дегустация блюд и напитков)[267].

Взяв за основу тип устанавливаемого между *signans* и *signatum* отношения, в семиозисе можно различать вслед за Ч. Пирсом знаки-индексы, иконические знаки и знаки-символы:

- *индексальное отношение* строится на существующей между *signans* и *signatum* фактической смежности: например, дым служит индексом пожара, а найденный Робинзоном Крузо отпечаток ноги на песке – индексом того, что на острове, кроме него самого, существует еще другой человек;
- *иконическое отношение* строится на относительном сходстве или подобии: например, наскальное изображение бизона служит иконическим знаком этого животного;

[267] Причем, по справедливому замечанию Р. О. Якобсона, пусть семиотическими функциями в человеческом обществе наделяются все пять органов чувств, наибольшая часть социально значимых знаковых систем выстраивается посредством зрения и слуха (Якобсон 1985: 323).

- *символическое отношение* строится на существующей между *signans* и *signatum* конвенциональной связи: например, весы – символ правосудия[268].

Каким бы ни было отношение, во всех случаях семиозис ограничивается, как видно, обозначением[269]. Но если, кроме обозначаемой знаком вещи, во внимание принимать еще и ассоциируемые с ней представления, под *signatum* можно тогда подвести и отраженное в сознании представление о вещи[270].

Остается только решить, что понимать под инкорпорированным в знаке представлением – данный нам в чувственном восприятии образ вещи, ассоциируемые с ней представления или объективированные в общественной практике таксономические знания? Так, обратимся в очередной раз к разбираемому Дж. Лакоффом примеру, даже самый что ни на есть обычный стул можно представить по принципу когнитивного соответствия[271] и как предмет мебели, предназначенный для сиденья, и как колоссальное скопление молекул, и как летательный аппарат в детской игре, и как стремянку в домашнем хозяйстве... Ибо если представление о вещи содержит в себе то, что понимается под вещью, под *signatum* можно тогда подвести решительно всё, что понимается под вещью – и данные нам в чувственном восприятии наглядные представления, и специально-научные знания, и не всегда достоверные, но оттого не менее релевантные мнения и убеждения[272].

Разумеется, разные виды знания неравнозначны. Но принципиально важно даже не понять, насколько верным является тот или иной вид представления[273], а установить, как зависит от области определения

[268] Собственно языковыми в такой типологии могут быть, очевидно, только знаки-символы, отчасти индексы – дейктические слова вроде указательных и притяжательные местоимений.

[269] Тем более если, руководствуясь «заместительным» принципом, под знаком понимать «что угодно, что определяет нечто другое (свой *интерпретант*) как отсылающее к объекту, к которому подобным же образом отсылает оно само» (Пирс 2000, 2: 93).

[270] Так строятся, во всяком случае, знаковые отношения в популяризированной Огденом и Ричардсом семантической триаде *слово – понятие – вещь* [→ Семантическая триада].

[271] И при той же, заметим, референции [→ Референции].

[272] В этой связи нельзя не вспомнить замечание Р. Мартена об удивительной способности языка отбирать в словах такие компоненты значения, которые отвечают наилучшим образом сиюминутным потребностям дискурса [→ Дискурс]. Так мы осознанно встаем, заключает Р. Мартен (Martin 1983: 174), на позиции частичной истины [→ Истина и правдоподобие].

[273] Это удел онтологии.

содержание означаемого, а вместе с ним и тип выстраиваемой в семантике теории значения [→ Значения «значения»].

Установить, из каких представлений складывается всякий раз «означаемое», можно с очевидностью только по засвидетельствованному в языке употреблению – по тому, как взаимодействуют между собой языковые знаки. Вот почему семиозис нельзя ограничивать отдельно взятыми знаками, а следует изучать еще и в отношениях между знаками[274]. В первичном означивании знаки опознаются независимо от связей, в которые они могут вступать друг с другом, в отношении к вещам и/или представлениям, во вторичном – обретают отводимый им в высказывании или тексте смысл.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Семиозис – неотъемлемое свойство знака к означиванию.
- В плане означивания реальности семиозис строится на отношениях взаимодействия между означающим (signans) и означаемым (signatum), знаком и значением.
- Сообразуясь с исследовательскими приоритетами, под signatum можно подвести как обозначаемую знаком вещь (=десигнат), так и отраженное в знаке представление о вещи (=сигнификат).
- В функции обозначения семиозис ограничивается референцией к обозначаемой знаком вещи в согласии с определением вида «Имя обозначает объект. Объект – его значение» (Л. Витгенштейн).
- В функции сигнификации семиозис задается как функция познания относительно эволюционирующих в познании представлений о вещи. В формате специально-научного знания это объективированные в общественной практике абсолютно достоверные знания, за пределами рационально-объективного знания – не всегда достоверные, но оттого не менее релевантные обиходные представления.
- Установить, как оформляется в контексте знания субстанция содержания [→ Форма и субстанция], можно только по условиям употребления.
- Содержание семиозиса зависит еще и от того, что избирается в качестве объекта анализа – знак, высказывание или текст. В фокусе отдельно взятого знака это переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями, в фокусе высказывания и текста – отношения между «означаемыми» внутри анализируемой языковой последовательности.
- Семиозис предполагает наличие интерпретатора.
- Разновидностей семиозиса может быть столько, сколько и совершаемых в истолковании операций по извлечению смысла.

[274] Недаром Э. Бенвенист предлагает различать в рамках противопоставления «узнано» – «понято» две стадии означивания: означивание знаков («узнано») и означивание высказывания («понято») (Бенвенист 1974: 88–89).

Бенвенист Э. Семиология языка // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 69–89.
Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 15–36.
Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102–117.
Rastier F., Herméneutique matérielle et sémantique des textes, in Salanskis J.-M., Rastier F., Scheps R., éd., *Herméneutique : textes, sciences*, Paris, P.U.F., 1997, p. 119–148.

Семиотика (от греч. *semeîon* «знак»). — Семиотикой называют науку о знаках и знаковых системах с разделами в виде семантики [→ Семантика], прагматики [→ Прагматика] и синтактики. Семантике отводят изучение знаков [→ Знак], прагматике – изучение отношения знаков к интерпретаторам, синтактике – изучение отношений между знаками (Моррис 1983: 37–89).

Семиотика или семиология? Не будучи чисто терминологическим, данное различие соответствует фактически двум возможным подходам к «учению о знаках», намеченным в основополагающих трудах Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра: *Grammatica Speculativa* и *Cours de linguistique générale* (1916). С Пирсом связывают логико-философскую традицию изучения в основном формализованных языков, с Соссюром – семиотику культуры как развитие лингвистической теории речевой деятельности.

Общая семиотика и частные семиотики. Как и многие гуманитарные науки, семиотика может быть общей и частной. Общая семиотика изучает общие свойства в строении и функционировании знаковых систем, сочетаемость знаков, связь знаков с реальной или воображаемой действительностью, способы хранения и передачи информации, а частные семиотики, напр. семиотика языка, культуры, литературы, живописи, кино, фотографии, моды, кулинарии, функционирование отдельных знаковых систем в приложении к какой-то определенной предметной области. Действительно, поскольку к знакам относятся по определению не только знаки естественных языков, предметом семиотического анализа могут быть самые разнообразные моделирующие системы вплоть до мимики, жестов, предметов туалета, застольного этикета и поведенческих программ[275].

[275] По отношению к языку эти системы нередко воспринимаются вслед за Р. Якобсоном как вторичные (Jakobson 1963: 28). Причем вторичными, точнее: «вторичными моделирующими системами», в московско-тартуской семиотической школе их называют потому, что они строятся по типу языка (Лотман 1998: 21–22: 16; Успенский 1994: 265–278).

Семиотика как основание для интерпретации текста. Анализ подавляющей части семиотических произведений нельзя ограничить рамками отдельно взятой семиотики. И не только потому, что между разнотипными семиотическими произведениями, напр. духами *Opium* и поэмами Бодлера, «Пармской обителью» Стендаля и Гражданским кодексом, могут устанавливаться интертекстуальные связи [→ Интертекст], но главным образом потому, что в семиозисе [→ Семиозис] участвуют, как правило, сразу несколько смыслообразующих систем.

Это справедливо в отношении художественного произведения. Поскольку в тексте взаимодействуют разные систематики – от системы языка до разного рода социальных и идиолектных норм [→ Нормы социальные], семиотический анализ должен учитывать, как взаимодействуют эти систематики в порождении смысла. Например, когда нормандская яблоня сравнивается в романе М. Пруста с японской ширмой, такое сравнение основывается, разумеется, не на словарном значении лексических единиц и даже не на воображаемом сходстве денотатов, а на ресурсах семиотики искусства. Именно эстетика модерна (Art Nouveau) позволяет актуализировать в контексте [→ Контекст] общий видовой признак /эстетичный/, а заодно и оценить мелиоративный эффект метафорической транспозиции *pommier* «яблоня» → *paravent* «ширма» [→ Метафора].

Систему языка нельзя, таким образом, изолировать от других систематик. Не будучи продуктом одного языка[276], языковые произведения подлежат изучению в фокусе множества образующих их систематик как поле динамического взаимодействия разных семиотических систем [→ Интерсемиотичность].

Зеркало. Семиотика зазеркалья: Труды по знаковым системам XXII. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1988.
Иванов Вяч. Вс. Очерки по предыстории и истории семиотики // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 603–791.
Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997.
Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПБ, 2000.
Лотман Ю. М. Натюрморт в перспективе семиотики // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. С. 494–500.
Семиотика. М.: Радуга, 1983.
Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1984.

[276] Ср. в этой связи полемику в отношении упрощенной модели коммуникации, в которой код ограничивается только системой языка (Jakobson 1963: 216; ср. Бюлер 1993: 34–38; Courtés 1991: 49–50; Kerbrat-Orecchioni 1980: 11–28).

Степанов Ю. С. Семиотика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 440–441.
Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995.
Barthes R., Eléments de sémiologie, *Œuvres complètes*, Paris, Seuil, 1993–1995, t. 1, p. 1465–1524.
Barthes R., Sémantique de l'objet, *Œuvres complètes*, Paris, Seuil, 1994, t. 2, p. 65–73.
Barthes R., Système de la mode, *Œuvres complètes*, t. 2, p. 129–401;
Barthes R., Sémiologie et urbanisme, *Œuvres complètes*, t. 2, p. 439–446;
Barthes R., Sémiologie et médecine, *Œuvres complètes*, t. 2, p. 1457–1464;
Barthes R., La chambre claire, *Œuvres complètes*, t. 3, p. 1105–1200;
Ducrot O., Todorov, T., Sémiotique, in *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Paris, Seuil, 1972, p. 113–122.
Fontanille J., *Sémiotique du visible. Des mondes de lumière*, Paris, P.U.F., 1995.
Mounin G., Peinture et sémiologie, in *Semiotica* 96, 1/2, 1993, p. 71–85.
Rastier F., Sémiotique, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F. (éd.), *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998, p. 369–371.

Семный анализ. — С семным анализом ассоциируются обычно европейские, прежде всего французские семантические исследования [→ Семантика]. Как и в североамериканской версии компонентной семантики [→ Компонентный анализ], содержание морфемы (семему) представляют в виде пучка семантических признаков (сем). Например, 'человек' /одушевленный/, /обладающий интеллектом/, /молодой/ или /старый/, /красивый/ или /некрасивый/ и т. п.

Остановимся подробнее на типологии семантических признаков.

Родовидовые отличия. Различие по родовым и видовым признакам принципиально. По родовому признаку семемы входят в семантический класс [→ Семантический класс], образованный по типу парадигмы, по видовому признаку различаются между собой внутри класса[277]. По родовым признакам образуется *классема*, по видовым признакам – *семантема* (Greimas 1966; Pottier 1974; Rastier 1987).

Родовые семы. По родовому признаку задается принадлежность какому-то системному классу. В зависимости от таксономической глубины семантические классы делятся в типологии Ф. Растье на *таксемы*, *семантической области* и *измерения*, а определяемые на этих классах

[277] Определение семантических признаков относительно класса принципиально для переосмысления семемы. Отныне семема – не множество, а подмножество сем внутри класса семем. Ср. «…семемы определяются не как множества сем, а как подмножества сем внутри определительного множества. Значит, семы суть отношения не между множествами, а между подмножествами» (Растье 2001: 52).

родовые признаки – на *микро-*, *мезо-* и *макрородовые* признаки (Растье 2001: 42–59). Например, по принадлежности таксеме //семейство кошачьих// 'кошка' определяется по микрородовому признаку /семейства кошачьих/, по принадлежности семантической области //млекопитающие// – по мезородовому признаку /млекопитающее/, по принадлежности семантическому измерению //животные// – по мезородовому признаку /животное/. Такие семантические классы совпадают с онтологическими классами, объективирующими сущностные свойства реалий на основе сложившихся в общественной практике научных таксономий.

Ингерентные и афферентные видовые семы. По видовому признаку семемы различаются между собой внутри кодифицированных парадигм. В зависимости от типа функционального отношения видовые признаки могут быть *ингерентными* (собственными) или *афферентными* (привходящими). Ингерентный признак – экстремум симметричного отношения между семемами той же таксемы, афферентный признак – экстремум асимметричного отношения между семемами разных таксем. В качестве примера возьмем название романа Стендаля « Le rouge et le noir » *Красное и черное*. Семемы 'rouge' *красное* и 'noir' *черно*е содержат общий микрородовой признак /цвет/, поскольку входят в состав той же таксемы //цветовые различия//, но различаются внутри этой таксемы по видовым признакам /красный/ *vs* /черный/. Кроме указанных ингерентных признаков, кодифицированных в системе языка, в контексте [→ Контекст] можно установить и некоторые афферентные семы. Поскольку красный цвет ассоциируется в романе с военной формой, черный – с сутаной, 'rouge' *красное* определяется еще и на семантической области //армия//, 'noir' *черно*е – на семантической области //церковь//[278]. Как следствие, 'rouge' *красное* и 'noir' *черно*е совпадают по афферентному родовому признаку /карьера/, но различаются по афферентному видовому признаку /военный/ *vs* /священнослужитель/[279].

Главное отличие семного анализа от североамериканской версии компонентной семантики состоит, по сути, не в терминологии, а в статусе семантических признаков, в том, как решаются такие первостепенно важные вопросы: являются ли компоненты значения предельными, малочисленными и универсальными «атомами смысла»? в каких терминах определять компоненты значения – как референтные, понятийные или реляционные признаки?

Семы не минимальны. В качестве отправной точки возьмем знаменитый пример Дж. Катца: 'bachelor' *холостяк* /физический объект/, /живой/,

[278] В этом смысле афферентный признак – это «функция некоторого множества семем к другому множеству семем» (Растье 2001: 50).
[279] Так подтверждается относительность различия между родовыми и видовыми признаками.

/человек/, /мужской пол/, /взрослый/, /никогда не был женат/ (Катц 1981: 35). Впечатление, будто сложное содержание ‘bachelor’ делится на элементарные компоненты, иллюзорно. И не только потому, что каждый из указанных компонентов значения существует в языке в виде самостоятельной лексемы, но прежде всего потому, что его можно в свою очередь разложить на еще более «мелкие» компоненты: напр. ‘человек’ = /живое существо/, /обладает даром мышления/; ‘взрослый’ = /возраст/, /половая зрелость/ и т. п. Методом такого разложения можно, очевидно, получить и предельные компоненты[280], «атомы смысла» (А. Вежбицка), но не понять, где завершается семантическая декомпозиция и, что важнее, каким является востребованное в контексте значение (Лайонз 1978: 497–498; ср. Растье 2001: 35–36). В этом смысле семантические «примитивы» суть не более чем описательные металингвистические категории без особой значимости для интерпретации [→ Интерпретация].

Семы не малочисленны. В рамках компонентного анализа нередко полагают, что путем последовательного разложения сложного значения можно получить сравнительно небольшое число элементарных компонентов, а с помощью нескольких сотен и даже десятков таких компонентов – описать словарный состав любого языка. Отправной точкой такого минималистского подхода в исследовании значения [→ Значения «значения»] служит известное положение из области фонологии, согласно которому фонологическую систему любого языка можно описать с помощью ограниченного числа дифференциальных признаков. По аналогии заманчиво предположить, что так же, в сущности, обстоит и с компонентами значения, что семантические признаки воспроизводятся в значении разных слов и что значения, пересекаясь, отличаются разве только по составу и сочетаемости признаков. Но как бы увлекательно ни выглядели подобные устремления, первоначальный период розовых надежд миновал безвозвратно; и вряд ли кто удосужится сегодня утверждать вслед за Вежбицкой, что семантические отношения можно описать во всех естественных языках с помощью ограниченного набора «семантических примитивов» вроде *want*, *don’t want*, *feel*, *think of*, *imagine*, *say*, *become*, *be part of*, *something*, *someone*, *I*, *you*, *world*, *this* (Вежбицкая 1983: 225–252).

Семантических признаков в языке насчитывается в действительности не меньше, чем семем. И не только потому, что они обозначаются

[280] И даже по возможности отразить системные семантические связи изучаемой лексической единицы с максимальным числом других единиц. По утвердившемуся в лексикографии мнению, такие связи являются если не условием, то хотя бы гарантией оптимального толкования (Апресян и др. 2006: 56; ср. Кустова, Падучева 1994: 96–106). В противном случае нельзя понять, насколько оправданы поиски предельных компонентов значения.

в анализе посредством лексем, но прежде всего потому, что подобная редукция предельно упрощает и даже обедняет структуру значения. Против «минималистского» подхода свидетельствует, наконец, и такое весьма существенное обстоятельство, что заниматься подсчетом сем можно только при условии свободной их сочетаемости. Между тем, замечает Ф. Растье, таковой она не является – ни в парадигматике, ни в синтагматике [→ Парадигматика и синтагматика]: в парадигматике семы определяются по принадлежности классу, в синтагматике – по сочетаемостным ограничениям [→ Сочетаемостных ограничений правила] и лексической солидарности (Растье 2001: 31).

Семы не универсальны. Со ссылкой на «врожденные идеи» компоненты значения уподобляют иногда универсальным категориям человеческого разума и соответственно определяют по аналогии с ноэмой как «атомы смысла» (А. Вежбицка), «универсальные абстрактные фигуры смысла» (Б. Потье). Действительно, если в определении семантических признаков руководствоваться достоверным научным знанием, под универсальные признаки можно тогда подвести все объективированные в общественной практике таксономические признаки типа /минерал/, /растение/, /животное/ или /человек/. Такие признаки совпадают, в самом деле, в разных, даже неродственных языках[281], но не являются оттого исчерпывающими в определении значения. Наряду с общеизвестными таксономическими свойствами, по которым определяются в категориальной обработке все обозначаемые словами вещи, учитывать в толковании приходится и разного рода сопутствующие знания [→ Фоновые знания][282], по которым рус. *кошка*, например, определяется в языке не только в отношении к животным семейства кошачьих, но еще и в отношении к сложившимся к культуре представлениям[283]. Собственно

[281] В этом смысле универсальные признаки суть не что иное, как обычно или чаще всего подтверждаемые таксономические признаки.

[282] Недаром в предлагаемой Б. Потье модели концептуализации действительности универсалии преобразуются по мере прохождения через разнообразные «культурные фильтры», в том числе опытные таксономии, социум, религию, мифологию, и тем самым утрачивают всеобщий характер. Во всяком восхождении к идее, заключает Б. Потье, есть что-то и от «универсального», и от «культурного» (Pottier 2000: 9).

[283] Вероятно, поэтому Х. Патнэм противопоставляет ментальному универсализму социокультурный релятивизм (Putnam 1990: 37–43; Патнэм 2002: 162–163). Аналогичным образом, заметим попутно, нельзя согласиться с универсалистскими устремлениями фонологии описать фонологические системы всех известных языков с помощью ограниченного набора универсальных дифференциальных признаков. Какими бы идентичными ни казались признаки /открытый/, /лабиальный/ или /носовой/, эти признаки не универсальны хотя бы потому, что устанавливаются внутри фонологической системы каждого отдельно взятого языка по отношениям между фонемами.

универсальным оказывается в таком случае не смысловой коррелят предметности, не содержание семемы, а разве только принцип корреляции знания и устанавливаемого на его основе значения.

Семы – не свойства референта. В первом приближении можно предположить, что компоненты значения (семы) совпадают за редким исключением со свойствами реалий. К такому убеждению склоняют отчасти так называемые эмпирические правила смысла, руководствуясь которыми можно утверждать, что *кошка*, например, характеризуется по признакам /с мягкой шерсткой/, /вертикально посаженный зрачок/, /любит спать/ и т. п., если в референции [→ Референция] к какому-то индивидному объекту эти свойства подтверждаются нашими ощущениями. Компоненты значения приводятся в таком случае в соответствие с данными нам в чувственном ощущении представлениями, а гарантией соответствия служит *непосредственно* перцептивный опыт. Но как бы убедительно ни выглядело такое соответствие, аппроксимация к эмпирическому опыту – еще не довод в пользу экстенсионального анализа значения [→ Экстенсионал]. И не только потому, что число референтных признаков неопределенно и что в допустимом диапазоне варьирования *кошку* можно определить еще и по признакам /драная/, /не ловит мышей/, /царапается/, /любит сметану/ и т. п., но прежде всего потому, что в семантическом анализе семы целесообразнее определять по отношениям между семемами [→ Значимости теория].

К интенсиональному определению [→ Интенсионал] семантических признаков склоняет к тому же и такое весьма существенное обстоятельство, что актуализации в реальном употреблении подлежат такие и только такие компоненты значения, которые предписываются или хотя бы не воспрещаются контекстом. И можно без труда предположить такой контекст, в котором актуализируются одни, но нейтрализуются другие семантические признаки. Так, в знаменитом произведении Киплинга про кошку, которая гуляла сама по себе, актуальным для анализируемой семемы будет скорее афферентный признак /сама по себе/, в поэмах Бодлера – /нега/, а в древнеегипетских сакральных текстах – /священный/.

Семы – не часть понятия. Поскольку лексическое значение коррелирует с понятием, бытует мнение, что семантические признаки суть понятийные признаки. Действительно, в основе выделения родовых и некоторых ингерентных видовых признаков, лежат научные таксономии. Но это – еще не повод, чтобы уподоблять все без исключения семантические признаки компонентам понятия, а затем проверять их на соответствие специально-научному знанию. Наряду с таксономическим знанием в значении учитываются также и другие системные

инстанции, в том числе социальные и идиолектные нормы [→ Нормы социальные, Идиолект]. В качестве примера возьмем такое высказывание Н. С. Лескова об особенностях национального характера: *Мне при этом всегда вспоминаются довольно циничные, но справедливые слова одного русского генерала, который говорил про немцев: какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтоб понять ее* («Железная воля», II). По принадлежности категории //национальность// ‘немец’ и ‘русский’ (‘мы’) совпадают по родовому признаку /национальность/, а внутри категории различаются соответственно видовым признакам /немец/ – /русский/. Наряду с указанными таксономическими признаками обязательной актуализации подлежат, кроме того, и некоторые афферентные видовые признаки: ‘немец’ /расчетливый/ (в контексте «они умно рассчитывают») – ‘русский’ /непредсказуемый/ (в контексте «мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтоб понять ее»). Причем условием актуализации таких признаков служат, безусловно, не только внутритекстовые интерпретанты [→ Интерпретант] в виде ближайшего лингвистического контекста, но и устойчивые представления об особенностях национального характера. Поэтому, заключим, компоненты значения суть не обязательно понятийные признаки.

Отношения между семами: иерархия или релевантность? Кроме статуса семантических признаков, не менее важной задачей микросемантических исследований является установление отношений между семами внутри семемы. Недаром, критикуя Катца и Фодора за допущение, будто значение лексической единицы – простой конгломерат признаков, У. Вейнрейх предлагает различать неупорядоченный и упорядоченный наборы признаков: пучок признаков в отношении сложения вида *a*, *b*, *c* и конфигурацию с подчинительным отношением между признаками вида $a \rightarrow b \rightarrow c$ (Вейнрейх 1981: 89–95; ср. Бирвиш 1981: 188–191). Например, в семеме ‘дочь’ признаки /человек/, /женский пол/ и /потомок/ складываются в неупорядоченный пучок, а в семеме ‘стул’ признаки /мебель/ и /предмет для сидения/ образуют, напротив, упорядоченную конфигурацию, поскольку микрородовой признак /для сидения/ влечет с необходимостью макрородовой признак /мебель/[284].

Иерархия компонентов значения базируется в таком случае на гипонимических отношениях: от вида заключают к роду, от рода к классу. Поэтому из суждения *Это стул* можно вывести *Это предмет для сиденья* (наряду с *табуретом*, *скамьей*, *диваном*), а из суждения *Это предмет для сиденья – Это предмет мебели* (наряду с *шифоньером*, *этажеркой*,

[284] Отличие пучка от конфигурации представляется следующим образом: пучок: $(a, b) = (b, a)$, конфигурация: $(a \rightarrow b) \neq (b \rightarrow a)$.

столом), поскольку в таксономическом исчислении множество стульев является подмножеством во множестве предметов для сиденья, а множество предметов для сиденья – подмножеством во множестве предметов мебели. Причем указанная импликация [→ Импликация] является заведомо односторонней: если стулья суть предметы для сиденья, предметы для сиденья суть предметы мебели, из этого не следует в обратном порядке, что предметы мебели суть обязательно предметы для сиденья, а предметы для сиденья суть обязательно стулья.

Иерархию семантических признаков устанавливают, кроме того, и в рамках отличия «родовой» – «видовой», «ингерентный» – «афферентный» (признак). Например, в англ. ‘bachelor’ *холостяк* иерархические отношения между компонентами значения выстраиваются следующим образом: (i) в рамках родовидового отличия за ядерные признаки принимают семы родового значения /объект/, /живой/, /человек/, за периферийные – семы видового значения /взрослый/, /не связан брачными узами/; (ii) в рамках отличия «ингерентный» – «афферентный» за ядерные признаки принимают ингерентные семы /объект/, /живой/, /человек/, /мужской пол/, /взрослый/, /не связан брачными узами/, за периферийные – социально кодифицированные в американской культуре афферентные семы /красавец/, /гуляка/, /беспорядочные половые связи/ и т. п.

Но становятся ли оттого родовые признаки «важнее» видовых, ингерентные признаки «важнее» афферентных? Очевидно, нет. В целях экономии лексикография должна, безусловно, считаться с принципом «минимального толкования» (Э. Г. Бендикс), а в словарной дефиниции ограничиваться по возможности такими компонентами значения, по которым данная лексическая единица отличается от других лексических единиц. Но каким бы экономным ни казался этот принцип, «периферийным» значением нельзя жертвовать в угоду «ядерного». Иерархия заключается скорее в релевантности [→ Релевантности критерий] – в том, насколько востребованы в контексте те или иные компоненты значения. Например, в высказывании *Он сущий холостяк – трудно сходится с людьми*, *дома не прибрано* наряду с ингерентными признаками /мужской пол/, /взрослый/, /не связан брачными узами/ в семеме ‘холостяк’ обязательной актуализации подлежат афферентные признаки /нелюдимый/ (в контексте «трудно сходится с людьми»), /неопрятный/ (в контексте «дома не прибрано»). Причем, как свидетельствуют русскоязычные информанты, в русской языковой картине мира эти признаки суть неотъемлемые свойства холостяка и как таковые должны учитываться в словарном толковании наравне с ингерентными признаками /мужчина/, /не связан брачными узами/ и т. п.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- Поскольку семы определяют относительно класса семем, именно принадлежность классу позволяет установить в семном анализе статус всех входящих в состав значения компонентов:
  – по принадлежности семемы какому-то системному классу задается родовой признак, по отличию от других семем внутри того же класса – видовой признак;
  – по симметричным отношениям внутри того же системного класса задаются ингерентные видовые признаки, по несимметричным отношениям семемы одного системного класса к семеме другого системного класса – афферентные видовые признаки.
- В зависимости от таксономической глубины различают родовые семы разной степени абстракции: микрородовые семы (по принадлежности таксеме), мезородовые семы (по принадлежности семантической области) и макрородовые семы (по принадлежности семантическому измерению).
- Поскольку в кодировке сообщения участвуют разные систематики, семантические признаки производны от разнотипных систем нормирования. В ведении объективированных в общественной практике таксономий находятся ингерентные семы, в ведении социальных норм – социально нормированные афферентные семы, в ведении идиолектных норм – идиолектные афферентные семы.
- Кроме указанных систематик, интерпретантом афферентной семы может быть также лингвистический и/или прагматический контекст.
- Установить, какие компоненты значения востребованы, а какие затушевываются в толковании, можно только по употреблению.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Greimas A.-J., *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966.

Смысл и значение. — Различие между смыслом и значением вводится выдающимся немецким логиком Г. Фреге в связи с размышлениями об отношении тождества в выражениях вида $a = a$ и $a = b$ (Фреге 2000: 230–246). В первом приближении эти выражения можно принять если не за тождественные, то хотя бы сходные, ибо, если утверждать, что тождество – это отношение равенства, установленное посредством знака «=», тогда выражение $a = a$ ничем, кроме буквенного обозначения, не отличается от выражения $a = b$. Между тем, констатирует Фреге, их отличия существенны: (i) в истинностном отношении выражения вида $a = a$ истинны a priori независимо от того, какое значение принимают

входящие в формулу буквенные обозначения, тогда как истинностное значение выражений вида $a = b$ далеко не всегда очевидно; (ii) в эпистемологическом отношении эти выражения имеют разную познавательную ценность: выражения вида $a = a$ тавтологичны [→ Тавтология] и, значит, неинформативны, поскольку не сообщают ничего нового о предмете, тогда как выражения вида $a = b$ информативны.

Рассуждения о тождестве и различии иллюстрируются на примере именных выражений *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда*. Задавшись вопросом, насколько совпадают и совпадают ли вообще эти выражения, Фреге заключает, что *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* тождественны по значению (Bedeutung), поскольку соотносятся с тем же самым объектом – планетой Венера, но различаются по смыслу (Sinn) как способу представления объекта в мысли. Так вводится в научный обиход принципиальное для семантики [→ Семантика] различие между *значением* и *смыслом*[285]. Со значением связывают обозначение, со смыслом – способ, которым задается в языковом выражении значение.

Смысл не совпадает со значением. По целому ряду пунктов такое, казалось бы, очевидное установление принципиально для семантики, поскольку позволяет уяснить, как дифференцируются в отношении к смыслу и значению разные подходы и, главное, как решаются в этих подходах такие первостепенно важные вопросы философии языка, как отношение между языком, мышлением и действительностью, истина [→ Истина и правдоподобие], референция [→ Референция] и т. п.

В предельно кратком виде можно заключить.

- Один и тот же предмет может обозначаться разными знаками и соответственно получать при идентичном значении разный смысл.
- С установкой на значение семантика ориентируется на экстенсионал [→ Экстенсионал], с установкой на смысл – на интенсионал [→ Интенсионал].
- В ориентации на значение как обозначение анализ значения подчиняется изучению отношений между именным выражением и обозначаемой им реалией и сводится с необходимостью к установлению условий, которым анализируемое выражение должно удовлетворять, чтобы правильно обозначать [→ Семантика условно-истинностная].
- В ориентации на смысл как способ задания значения семантический анализ выводится за рамки обозначения в область собственно языкового воплощения.

[285] В современном научном обиходе *Bedeutung* представляют и как *значение*, и как *денотат*, и как *референт*. Ср. также различие между *денотацией* и *десигнацией* (Ч. Моррис), *экстенсионалом* и *интенсионалом* (Д. Льюис), *meaning* и *denotation* (Б. Рассел), *sense* и *reference* (М. Блэк).

- В научном обиходе ставка делается на значение, в художественной речи – на смысл[286].

Куайн У. В. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 24–98.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика, 8. М.: ВИНИТИ, 1977. С. 181–210.

Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

Proust J., Sens / Référence, in Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998, p. 373–374.

G. Frege, On sense and reference, *Translation from Philosophical Writings of Gottlob Frege*, Oxford, 1952, p. 56–78.

Социальные стереотипы. — В определении Х. Патнэма социальные стереотипы суть убеждения (beliefs), с которыми связываются в сознании говорящих основные «культурные ожидания». В стереотипном представлении *золото* – драгоценный метал желтого цвета, *король* правит страной, *колдунья* наводит порчу, общается с нечистой силой и т. п.[287]

По сути, это значения по умолчанию (default values) [→ Умолчание], которые фигурируют за исключением особо оговоренных случаев в любом нормативном словоупотреблении. Отклонение от типичного случая в определениях вида *белое золото*, *король без подданных* или *добрая колдунья* только подтверждает общее правило. Значение задается по востребованным в употреблении стереотипным представлениям: *король* – по неограниченной власти над подданными, *колдунья* –

[286] Ср. «…для логики важен не смысл, а значение слов <…> вообще переходы от смысла к значению <…> Если дело идет об истине – а логика нацелена на нее, – то надо задаваться вопросом о значениях»; «Для применения в художественно-поэтической области достаточно, чтобы все имело какой-то смысл, для науки необходимо наличие значений» (Фреге 2000: 250–251, 492). Ср. в этой связи установку на выражение как принципиальную рефлективность художественного слова, обращенность художественного слова на самое себя (Винокур 1991: 30; Жирмунский 1977: 94–105; Тынянов 1977: 255–281; Шкловский: 1983: 9–25; Jakobson 1963: 209–248).

[287] Степень соответствия социально нормированным ожиданиям можно проверить с помощью теста с противительным союзом *но*, когда какой-нибудь индивидный представитель категории [→ Категоризация] отклоняется от «нормального» случая по каким-то прототипическим свойствам x_1, x_2, x_3, x_n, по которым каждый элемент ряда ставится с ним в соответствие. Ср. *Он король, но не правит страной. Она мать, но не занимается воспитанием детей.*

по крючковатому носу, заговорам, приворотному зелью и пагубной магической силе, *золото* – по маслянистому блеску, материальной ценности, власти над людьми и т. п.[288]

Связь значения со стереотипными представлениями становится еще очевидней при сравнении разноязычных слов с общим референтным значением [→ Референция]. Действительно, даже согласившись, что любое выражение на одном языке можно перевести на другой язык, нельзя не задаться вместе с Х. Патнэмом вопросом, насколько тождественны, например, англ. *king*, франц. *roi* и рус. *король* и как обеспечивается в разных языках общность значения [→ Значения «значения»]. В системе сложившихся представлений англ. *king*, франц. *roi* и рус. *король* совпадают, конечно, по некоторым общезначимым прототипическим признакам вида /правитель/, /по праву наследования/, /мужского пола/, но отличаются по специфически «национальным» различиям: в некоторых странах королевская власть не передается по наследству, ограничивается конституцией, страной правит женщина и т. п.[289] Поэтому, заключает Х. Патнэм, вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий более подходящим является скорее анализ в терминах «семейного сходства» [→ Прототипов теория]. Из всех потенциально возможных свойств отбираются такие свойства, по которым задается идеализированная репрезентация «нормального» случая: *король* правит над своими подданными (Putnam 1990: 96–97, 99).

Установка на социальные стереотипы позволяет построить модель значения на таких принципиальных для семантики [→ Семантика] положениях.

- Не исчерпываясь таксономическим знанием, значение обозначаемых словами реалий задается еще и относительно ассоциируемых с ними представлений.
- Стереотипные представления не требуют проверки [→ Верификация] на соответствие реальному положению вещей, а принимаются на веру как нечто абсолютно достоверное, во что верит или с чем соглашается большинство говорящих.
- Социальные стереотипы суть значения по умолчанию, позволяющие прогнозировать, какие свойства надлежит предицировать в диапазоне допустимого варьирования субъекту суждения – закоренелому холостяку, образцовой матери, типичному политику, среднестатистическому русскому, японцу, немцу или американцу.
- В контексте мнения достаточным и чуть ли не объективным основанием суждения становятся не сущностные свойства вещей, а сложившиеся о них представления в виде, пусть и размытых [→ Диффузные понятия], но оттого не менее релевантных «понятий» [→ Концепт].
- В контексте мнения гарантом адекватности суждения может быть только мнение.
- Значение конвенционально, поскольку не имеет иных ограничений, кроме сложившихся в культуре конвенциональных представлений.
- Значение интеракционально, поскольку складывается во взаимодействии человека со средой обитания, социальным и физическим окружением.
- Значение холистично, поскольку задается не каким-то одним, а всей совокупностью ассоциируемых со словом представлений.
- Установить, насколько востребованы в толковании [→ Интерпретация] те или иные представления, можно только по условиям употребления.
- Гарантом правильного употребления может быть только проверка на соответствие общепринятым «культурным ожиданиям».

Так складывается принципиальная зависимость: знать значение какого-то языкового выражения – значит знать, как употребляются в языке слова; знать, как употребляются слова – значит знать, какие ассоциируются с ними стереотипные представления.

Соловьев В. С. Достоверность разума // Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 797–813.
Putnam H., Models and Reality, *Journal of Symbolic Logic* 45, 1980, p. 464–482.
Putnam H., *Représentation et réalité*, Paris: Gallimard, 1990.

[288] В этом смысле социальные стереотипы совпадают отчасти с пропозициональными моделями в понимании Дж. Лакоффа. Между тем, пусть именные выражения и соотносятся с вещами через посредство стереотипных представлений, из этого не следует, что языковое значение следует непременно сводить к таким представлениям. В противном случае семантический анализ низойдет до изучения сложившихся в культуре представлений, тогда как они участвуют в семиозисе [→ Семиозис] в качестве разве только фоновых знаний [→ Фоновые знания] и интегрируются в виде компонентов значения при условии, если это предписывается или хотя бы не воспрещается контекстом [→ Контекст].

[289] В таком случае можно даже заключить, что общность репрезентативной функции – пустая фикция.

Сочетаемостных ограничений правила. — Под правилами сочетаемостных ограничений понимают ограничения на синтагматическую сочетаемость слов в речевой цепи [→ Парадигматика и синтагматика]. Проще говоря, это набор требований, которым должно удовлетворять некоторое слово *A*, чтобы сочетаться со словом *B* или *C*.

В одной из ранних работ А. М. Пешковский предлагает ряд комбинаций со словами *хотеть*, *читать*, *сестра*, *книга*. Среди нескольких сотен вариантов: *хотим читаю сестры книге*, *хотеть читаем сестрой книгой* или *хочешь читая сестра книги* правильным признается *хочу читать книгу сестры*. Следовательно, заключает автор, «чтобы какая-нибудь группа слов, или, как говорят в грамматике, сочетание слов имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слов, входящее в это сочетание, имело свою форму, а нужно еще, чтобы все сочетание тоже имело определенный вид, определенное строение; и вот это-то строение того или иного сочетания мы будем также называть формой, но уже конечно, не формой слова, а формой сочетания слов» (Пешковский 1914: 70). В таком изложении правила селекционных ограничений получают преимущественно грамматическое освещение, поскольку сочетание трактуется как соединение двух или более знаменательных слов на основе существующей между ними подчинительной связи – согласования, управления или примыкания.

Допустимость синтагматических комбинаций не ограничивается подчинительной связью. В высказываниях вида *John drinks bread* «Джон пьет хлеб» или *John eats milk* «Джон ест молоко» соблюдаются правила грамматического согласования, но нарушается принцип совместимости лексических значений[290]. Глагол *eat* «есть» совместим только с существительными (в функции объекта), обозначающими твердое вещество; *drink* «пить» – с существительными, обозначающими жидкое вещество, годное к употреблению в пищу[291]. Поэтому правильными в языке можно признать только сочетания *John drinks milk* и *John eats bread* (Лайонз 1978: 448, 500–501).

В зависимости от типа сочетаемости выделяют несколько видов ограничений на совместное употребление элементов: синтаксические, морфологические, лексические, семантические, стилистические, просодические, фонематические и др.

Остановимся на некоторых из них.

Морфосинтаксические ограничения на сочетаемость слова *A* дают информацию о синтаксическом статусе и грамматической форме слова *B*: напр. *ошибаться* (чем-л.), но *перепутать* (что-л.).

Лексические ограничения на сочетаемость слова *A* дают информацию о том, каким должно быть слово *B* или класс слов b_1, b_2, b_3, b_n,

[290] По Э. Косериу, такое явление определяется как «лексическая солидарность» (Coseriu 1967; ср. Растье 2001: 80–81).

[291] Как презумпция о потенциально возможных свойствах объекта, ограничения на семантическую сочетаемость суть семантические пресуппозиции [→ Пресуппозиция].

с которым может сочетаться слово *A*. Регламентируется, можно сказать, сам выбор слов: напр. *ошибиться* можно адресом, домом или дверью, а *перепутать* – не только адрес или дверь, но и дату, ключ или название. В определении Ф. Кифера, такие ограничения суть лексические пресуппозиции (Кифер 1985: 347).

Стилистические ограничения на сочетаемость слова *A* дают информацию о стилистической помете слова *B*. Например, употребление возвышенной лексики исключает просторечные выражения, и наоборот; и можно предугадать, предупреждает Ф. Растье, малоприятные последствия для неискушенного иностранца, не делающего различий между франц. *policier* «полицейский», *flic* «фараон» и *poulet* «цыпленок» в обращении к стражу закона Французской республики (Растье 2001: 136).

Семантические ограничения на сочетаемость слова *A* информируют о том, какими семантическими признаками должно обладать слово *B*, чтобы сочетаться со словом *A*. Например, *летать* сочетается только со словом, которое имеет признак /передвигаться по воздуху/: *летать самолетом*, а не *поездом* или *пароходом*; при этом родовая сема семемы ‘летать’ воспроизводится в качестве видовой семы в семеме ‘самолет’. Сочетание *handsome girl* кажется, напротив, неприемлемым, поскольку ‘handsome’ содержит по определению признак /мужской/, ‘girl’ – /женский/ (Кифер 1985: 352).

В определении В. Г. Гака закон семантической сочетаемости слов состоит в следующем: два слова образуют правильное сочетание при условии, если помимо специфических признаков содержат какой-то общий признак и не имеют несовместимых признаков. Например, выражение *femme enrhumée* корректно, так как ‘femme’ *женщина* и ‘enrhumée’ *простуженная* имеют общий признак /одушевленный/ и не имеют несовместимых признаков. Напротив, сочетание *chaise enrhumée* некорректно, так как ‘chaise’ *стул* и ‘enrhumée’ *простуженный* содержат несовместимые родовые признаки /одушевленный/ *vs* /неодушевленный/[292]. Согласование контрарных признаков возможно лишь при условии «погашения в одном из членов словосочетания противоречащих сем другого члена» (Гак 1977: 28).

Рассмотренные правила селекционных ограничений задаются системой языка. Определяясь как условие грамматичности, они являются для всех говорящих обязательными. Но если заниматься не только грамматически правильными сочетаниями, а всей совокупностью засвидетельствованных в речевом обиходе употреблений, нельзя

[292] В микросемантическом анализе [→ Семный анализ] по общим семантическим признакам задается отношение изотопии [→ Изотопия], по несовместимым признакам – отношение аллотопии [→ Аллотопия].

не заметить: значительная их часть отступает от нормативных предписаний [→ Норма языковая]. Поэтому вместо грандиозных намерений «исчислить» все грамматически правильные конструкции языка следует скорее, не без лукавства замечает Э. Г. Бендикс, установить «правила нарушения правил» (Бендикс 1983: 105) и тем самым понять, чем мотивируется всякий раз нарушение сочетаемостных ограничений.

В оперировании языковым кодом всякое отклонение от нормы симптоматично в той мере, в какой отражает специфику социолекта или идиолекта [→ Идиолект]. Например, выражение *Moi demain manger pain* «Я завтра есть хлеб», в котором игнорируются морфосинтаксические ограничения на сочетаемость *moi* «я» и *manger* «есть», свидетельствует, по замечанию Ш. Балли, о социальной среде говорящего (цит. по Courtés 1991: 53).

Отступление от сочетаемостных правил показательно a fortiori для творческого использования языка в литературной практике. Задолго до знаменитой фразы Н. Хомского *Colourless green ideas sleep furiously* «Зеленые идеи яростно спят» Лотреамон помещает *швейную машинку* и *зонтик* на *хирургический стол*. При этом отмечаемый эффект несовместимости проистекает от того, что обозначаемые словами реалии принадлежат разным таксономиям [→ Категоризация]. Так намеренное нарушение правил сочетаемостных ограничений предстает в качестве эффективного средства художественной выразительности [→ Литературность]. И не вызывает больше удивления ни антифразовая дефиниция *кудрявый, как крутое яйцо*, ни использование прилагательного *беременный* в сочетании с существительным *мужчина* в скандальной фразе Давида Бурлюка: *Мне нравится беременный мужчина, прислонившийся к памятнику Пушкина*. Смысловой сдвиг сродни пластическому сдвигу в кубофутуристической живописи.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды в двух томах. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995.

Гак В. Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 483.

МакКоли Дж. Д. Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 177–200.

МакКоли Дж. Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 235–301.

Coseriu E., Lexikalische Solidaritäten, *Poetica*, I, 1967, p. 293–303.

Сравнение. — Под сравнением понимают отношение подобия, установленное с помощью компаративной связки *как* (или предикативов *подобно*, *похож* и т. п.) между двумя обозначаемыми словами объектами. Так, в высказывании вида «*a* есть такой, как *b*» *a* уподобляется *b* по какому-то свойству *x*, по которому *a* признается говорящим если не тождественным, то хотя бы сходным в определенном отношении с *b*.

К сравнению прибегают, когда профилирование какого-то особо примечательного свойства в характеризуемом объекте не довольствуется именованием [→ Номинация], а требует еще и обращения к образцовому объекту, обладающему этим свойством в наивысшей степени[293], как если бы отсылка к образцу была дополнительным аргументом в пользу приведенного суждения. Вот почему высказывания вида *Маша похожа на Бабу Ягу* или *Маша страшная как Баба Яга* имеют бо́льшую иллокутивную силу, чем простая констатация вида *Маша некрасива*.

В полном сравнении участвуют три элемента: (i) что сравнивают, (ii) с чем сравнивают и (iii) признак, положенный в основание сравнения. В неполном сравнении признак не эксплицирован. Например, в высказывании *Катя как сорока* требуется еще установить, по какому свойству Катя может быть уподоблена птице семейства вороновых – по повадкам, цвету оперения или чему-то другому. Поскольку искомый признак является социально кодифицированным [→ Социальные стереотипы] во фразеологических оборотах вида *трещать как сорока*, не составляет труда установить, какой признак может быть положен в основание сравнения. В других случаях установить признак, по которому задается подобие, можно только на основе лингвистического или прагматического контекста [→ Контекст]. Например, понять, почему во фразе Ж.-П. Сартра джазовая музыка уподобляется бананам: *La musique de jazz, c'est comme les bananes* «Джазовая музыка – это как бананы», можно только по следующему разъяснению: « ça se consomme sur place » *потребляют на месте.*

Отношения подобия могут устанавливаться:

– между представителями той же таксемы: напр. *дочка упрямая как мать*;
– между представителями разных таксем внутри той же семантической области: напр. *Миша похож на француза*;
– между представителями разных семантических областей внутри того же семантического измерения: напр. *неуклюжий как медведь*;
– между представителями разных семантических измерений: напр. *Петя твердый как гранит* (в значении «стойкий).

[293] В переходах от меньшей интенсивности к большей интенсивности совершается амплификация.

При анализе сравнений принципиально установить, принадлежат ли термы сравнения тому же или разным системным классам [→ Семантический класс].

В пределе здесь выделяются два крайних случая.

(i) *Термы сравнения принадлежат тому же системному классу*. Охарактеризовать какой угодно объект можно двояким образом: либо путем перечисления наиболее примечательных его свойств, либо путем сравнения с образцовым представителем класса, которому принадлежит по определению характеризуемый объект. Так, воспользуемся примером Н. Д. Арутюновой, на вопрос: *Какие девушки тебе нравятся*, можно сказать: (1) *Такие*, *как Вера* или (2) *Высокие блондинки*. *Скромные и застенчивые*. По сравнению с абстрагирующим набором свойств образ индивида является, конечно же, диффузным [→ Диффузные понятия], поскольку осуществляемый местоименным прилагательным *такие* признаковый дейксис, пусть и превращает образ в образец, требует все-таки экспликации, какими именно свойствами привлекает нас Вера. Но какой бы размытой ни была признаковая характеристика, образ индивида обладает по сравнению с абстрагирующим набором свойств большей иллокутивной силой за счет главным образом осязаемой наглядности индивидного образца (Арутюнова 1998: 302).

Установить признак, по которому задается подобие, много проще, когда привлекаемый для сравнения образец является если и не общепризнанным, то хотя бы широко известным. Например, когда героиня Чехова сравнивает мужа с Отелло, основанием для привлечения Отелло в качестве идеального образца является, надо полагать, не цвет кожи, не текущая в жилах мавританская кровь, а убеждение, что в мире нет более ревнивых мужчин, чем мавр из трагедии Шекспира. Так создается компаративный класс ревнивых мужей с репрезентативным представителем в виде Отелло[294].

(ii) *Термы сравнения принадлежат разным системным классам*. Когда термы сравнения принадлежат разным системным классам, подобие преступает категориальные границы[295]. Примечательным тому примером служат, в частности, многочисленные сравнения женщины с цветком в поэтических выражениях вида *Как роза ранняя, цветок душистый мая* (П. де Ронсар) или *Ее уста, как роза, рдеют* (А. С. Пушкин).

Поскольку заявленное в сравнении сходство не является абсолютным, а только частичным и преходящим, установленное посредством

[294] В терминах теории прототипов [→ Прототипов теория] это прототип.

[295] В этом смысле образное сравнение сродни метафоре [→ Метафора]. Единственное отличие состоит, пожалуй, только в разделяющей термы сравнения компаративной связке «как» в функции ограничителя [→ Ограничитель].

сравнения подобие никогда не переходит в тождество. Причем понять, почему для характеристики индивидного представителя класса //женщины// избираются в качестве вспомогательного образа представители класса //декоративные растения// и, что не менее важно, каким является вероятнее всего положенный в основание сравнения признак, позволяют засвидетельствованные в культуре представления. В подавляющем большинстве случаев интерпретантом [→ Интерпретант] здесь служит топос [→ Топос] женщины-*цветка* gratia sui с постулатом вида *женщины украшают жизнь мужчин*.

Эффект семантической аномалии возрастает, когда термы сравнения привлекаются случайным образом или находятся, хуже того, в разном оценочном пространстве [→ Оценка]. Вот почему странными, хотя и не лишенными изобретательности, кажутся не только антифразовые дефиниции вида *кудрявый как крутое яйцо* или *загорелый как таблетка аспирина*, но и сравнения вида *земля синяя как апельсин* (П. Элюар) или *распахнув бедра, как богомолка свой молитвенник* (Сан-Антонио).

В них искажается «верное» соотношение. В определении Ж. Женетта такие сравнения сталкивают реалии, «выбранные как будто нарочно по их удаленности друг от друга» (Женетт 1998, 1: 238), в определении Ф. Растье – реалии, находящиеся в разном оценочном пространстве (Растье 2001: 216–224). Так, вопреки традиционной деонтологии в приведенном выше примере *путана* определяется в отношении к *богомолке* по установленной между их атрибутами аналогии: *бедра* ≅ *молитвенник*[296]. Оправдать такую аналогию можно разве только поисками новой выразительности. В традиционной же деонтологии сближать можно только такие семантические области, которые совместимы по вектору оценки: напр. //религия// – //природа//, //природа// – //искусство//. Вот почему эффект разбираемого образного сравнения можно расценить как трансгрессию традиционных аксиологических норм [→ Аксиология, Нормы социальные].

При анализе образных сравнений важно, наконец, установить, в какой степени развито сравнение. Ограничиваясь одним элементом, сравнение не получает распространения. Случается, впрочем, что образ создается путем кумулятивного нагнетания сразу нескольких сравнений. Б. В. Томашевский приводит такой пример из «Полтавы»: *И то сказать: в Полтаве нет / Красавицы, Марии равной. / Она свежа, как вешний цвет, / Взлелеянный в тени дубравной. / Как тополь киевских высот, / Она стройна. Ее движенья / То лебедя пустынных вод / Напоминают*

[296] Отсюда пропорция *путана : богомолка :: бедра : молитвенник :: акт :: молитва*, в которой первый термин так относится ко второму, как третий к четвертому, пятый к шестому.

плавный ход, / То лани быстрые стремленья. / Как пена, грудь ее бела. / Вокруг высокого чела, / Как тучи, локоны чернеют. / Звездой блестят ее глаза; / Ее уста, как роза, рдеют (Песнь I).

Сфокусированные в контексте свойства красавицы Марии задаются, как видно, в отношении к элементам самых разных системных классов: кожа – в отношении к вешнему цвету: *Она свежа как вешний цвет*, осанка – в отношении к тополю: *Как тополь киевских высот, Она стройна*, походка – в отношении к лебедю и лани: *Ее движенья / То лебедя пустынных вод / Напоминают плавный ход, / То лани быстрые стремленья*, белизна груди – в отношении к цвету пены: *Как пена, грудь ее бела*, цвет волос – в отношении к грозовой туче: *Как тучи, локоны чернеют*, блеск глаз – в отношении к звездам: *Звездой блестят ее глаза*, губы – в отношении к алой розе: *Ее уста, как роза, рдеют*.

В отдельности каждое из сравнений согласуется со сложившейся в романтической поэтике традицией, позволяющей представить девичьи уста в виде розового бутона, глаза в виде мерцающих на небосводе светил[297], но вместе взятые, они размывают образ, поскольку соотносятся в том же временном интервале с взаимно исключающими предикатами. Собственно развернутым можно считать лишь такое образное сравнение, в котором попарно связанные элементы принадлежат двум взаимно пересекающимся классам. В противном случае мы имеем дело не с одним, а разными сравнениями.

Так приходим к следующим выводам.

- Сравнение строится на отношении подобия по какому-то свойству, которым обладают в оценке говорящего сравниваемые объекты.
- Свойство, по которому *a* уподобляется *b* в выражениях вида «*a* есть такой, как *b*», приобретает статус семантического предиката «быть таким, как *b*» в значении «быть в каком-то отношении таким или почти таким, как *b*».
- Поскольку заданное в сравнении сходство не бывает никогда полным, а только частичным, подобие не переходит никогда в тождество. В отличие от тождества подобие асимметрично, градуировано и преходяще.
- К сравнению прибегают, когда профилирование какого-то свойства в индивидном объекте не довольствуется именованием, а требует обращения – для большей убедительности – к образцовому носителю данного свойства.

[297] Представить, но не увидеть. Ибо, как и метафору, образное сравнение нельзя перевести в зрительный образ. Вряд ли читатель способен, пишет Л. С. Выготский, реализовать в наглядном представлении такой стих «Песни песней»: *Твои волосы – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской*; *зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни* (Песн., 4, 2). В противном случае получим то, что вышло у мастера, отлившего по описанию статую Суламифи: «медный в шесть локтей болван» (Выготский 1968: 64–65; ср. Арутюнова 1998: 385).

- Привлекаемый в качестве эталона образец служит целям амплификации. С ориентацией вектора оценки в сторону наибольшей интенсивности «градус» признака повышается.
- В зависимости от сложившейся в культуре ценностной иерархии семантический эффект сравнения может быть мелиоративным или пейоративным:
  – мелиоративным, когда определяющий терм находится на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого терма;
  – пейоративным, когда определяющий терм находится на более низкой отметке ценностной шкалы относительно определяемого терма.
- Свойство, по которому устанавливают подобие, может быть эксплицировано или нет.
- За отсутствием языкового выражения условием экспликации свойства, по которому задается подобие, служит лингвистический или прагматический контекст.
- Развернутым сравнением можно считать лишь серию взаимосвязанных «кумулятивных» сравнений, построенных по типу распространенной аналогии.
- Термы сравнения могут принадлежать тому же или разным системным классам.
- В случае переступания категориальных границ получаем образное сравнение.
- Входящие в образное сравнение семемы находятся в отношении аллотопии [→ Аллотопия].
- Интерпретация аллотопного выражения, каким является образное сравнение, включает две операции: (i) устранение аллотопии по несовместимым родовым признакам, (ii) построение изотопии [→ Изотопия] по общему видовому признаку.
- Образные сравнения не поддаются истинностной оценке, а претендуют скорее на эвристическую ценность.
- В традиционной деонтологии элементы сравнения должны быть «сообразными», то есть находиться в том же оценочном пространстве.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Гегель Г. В. Ф. Метафора, образ, сравнение // Эстетика. В четырех томах. Т. 2. М.: Искусство, 1969. С. 112–131.

Дюбуа Ж. и др. Сравнения // Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. С. 206–214.

Женетт Ж. Сокращенная риторика // Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 16–36.

Томашевский Б. В. Сравнение // Стилистика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 204–216.

Сюжет. — Под сюжетом понимают художественную обработку излагаемых в произведении реальных или вымышленных событий и соответственно изучают в отношении к фабуле как подлежащему обработке событийному материалу.

Сюжет нельзя смешивать с совокупностью событий в их причинно-временной связи. По В. Б. Шкловскому, фабула – это лишь материал возможных сюжетных построений: «что было на самом деле», сюжет – «как узнал об этом читатель». Принципиально поэтому установить, в какой последовательности излагаются события, забегает ли повествование [→ Нарратив] вперед или возвращается назад, ускоряется или замедляется, представляет единовременные события как повторяющиеся или, прервавшись, перебивается повторами, более или менее развернутыми описаниями, вставными историями, морализаторскими суждениями или лирическими отступлениями[298].

В качестве примера возьмем роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Существует мнение, что лирические отступления, которыми изобилует роман[299], не имеют якобы никакой связи с эпическим целым. Нет ничего более нелепого, возражает Л. С. Выготский, чем такое понимание: «...именно эти отступления представляют собой важнейшие приемы для развертывания и раскрытия сюжета; признать их за отступления так же нелепо, как принять за отступления повышения и понижения в музыкальной мелодии <…> так называемые отступления в “Евгении Онегине” составляют, конечно, самую суть и основной стилистический прием построения всего романа, это его сюжетная мелодия» (Выготский 1968: 191). В эстетическом отношении действительно значимой становится, согласимся, не сама по себе история жизни героя, пусть и весьма поучительная для современников, а скорее «сюжетная обработка этой фабулы, произведенная введением перебивающих отступлений» (Шкловский 1921: 39). Поэтому вполне оправдано, заметим попутно, желание графика В. Милашевского проиллюстрировать в романе главным образом отступления, например воспетые автором женские ножки[300]. С композиционной точки зрения, соглашается В. Б. Шкловский, это вполне оправдано.

В качестве конструктивного фактора сюжетостроения могут выступать, кроме того, даже ничем, казалось бы, не примечательные детали, не имеющие на первый взгляд никакого касательства к сюжету. Например, в романе Н. В. Гоголя «Мертвые души» подошедшие к трактиру мужики рассуждают неспроста, доедет ли колесо чичиковской брички до Казани; неспроста Чичиков вывалян в грязи под усадьбой Коробочки, неспроста помещице снится накануне нечистый, неспроста подробное описание чичиковского ларчика красного дерева, неспроста и выпрошенный Коробочкой листок бумаги («в суд подать»). По меткому замечанию Андрея Белого, в «Мертвых душах» нет ничего «спроста». Рассуждения о колесе предвещают поломку чичиковской брички, а вместе с тем и незапланированный визит к Коробочке, выпрошенная помещицей бумага – настроченный на Чичикова донос, облепленные грязью колеса и сапоги – грядущее посрамление, открытие ларчика с двойным дном – последующее разоблачение тайных умыслов и подлинной подоплеки чичиковской души. «Всё подается с ужимочкой простоты как досадная деталь, отвлекающая-де от действительного сюжета; между тем: сюжет-то и дан в сумме всех отвлечений; то, от чего мелочи отвлекают, чистая фабула, – элементарная плоскость заемного анекдота» (Белый 1996: 56).

Разыскания в области сюжетостроения сводятся в пределе к установлению сюжетных схем, а также инвентаря повествовательных единиц, из которых складываются эти схемы в том или ином литературном жанре или дискурсе [→ Дискурс]. Весьма неудачными кажутся вместе с тем попытки перенести сюжетную схему какого-то одного жанра на произведения других жанров, тем более представить ее в виде универсальной модели, якобы пригодной для изучения «сюжетных ходов» всех без исключения повествовательных текстов. Поскольку каждая жанровая разновидность имеет свою специфику, специфичными должны быть и характеризующие ее сюжетные схемы.

Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 300–306.

Лотман Ю. М. О сюжетном пространстве русского романа XIX столетия // Актуальные проблемы семиотики культуры: Труды по знаковым системам, 20. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1987. С. 102–114.

Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.

Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1976. С. 52–77.

Шкловский В. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // О теории прозы. М.: Советский писатель, 1984. С. 26–62.

Шкловский В. «Тристам Шенди» Стерна и теория романа. Петроград: Опояз, 1921.

Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 9–218.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

[298] По В. Б. Шкловскому, это «прием задержания» (Шкловский 1984).

[299] «Роман романа» в определении Ю. Н. Тынянова (Тынянов 1977: 58).

[300] Ср. иллюстрации Н. В. Кузьмина к юбилейному изданию романа (Academia, 1933). О работе над рисунками к Пушкину см., в частности, *Н. Кузьмин*. Давно и недавно. М.: Советский художник, 1982.

Тавтология. — Под тавтологией понимают тождественно-истинную формулу независимо от истинностного значения [→ Истина и правдоподобие] входящих в нее переменных: напр. определения вида англ. *boys are boys*, франц. *une femme est une femme* или рус. *война есть война*, в которых некоторый предмет определяется через самое себя в согласии с законом тождества $A = A$. Если признать, что содержание употребленных выражений полностью идентично, тогда пропозиция неинформативна, пусть и истинна, поскольку не сообщает ничего нового о предмете. Поэтому формальная логика считает тавтологические определения ошибочными.

Вместе с тем в языке немало тавтологических выражений[301]. В согласии с постулатом информативности обработка языковых тавтологий должна производиться путем семантического расподобления внешне тождественных выражений, чтобы содержание терма в левой позиции было отличным, хотя бы по одному признаку, от содержания терма в правой позиции. Так, в изложении А. Вежбицкой тавтологическая конструкция *boys are boys* перифразируется на основе существующих импликаций [→ Импликация]: мальчики склонны порой делать такие вещи, которые пусть и не встречают одобрения, но и не вызывают осуждения, потому что мальчики не могут вести себя иначе (Wierzbicka 1987: 95–114; ср. Апресян 1995, 2: 166). Иначе говоря, родовое понятие «мальчик» специфицируется в контексте [→ Контекст] путем актуализации определенных социально кодифицированных видовых признаков типа /шалость/, /непослушание/, /безрассудство/ и т. п. Символически это можно записать: ‘boys’$_1$ /родовой/ *vs* ‘boys’$_2$ /видовой/.

Что касается франц. *une femme est une femme* «женщина есть женщина», то его можно истолковать, по Ф. Растье, на основе оппозиции /конкретный/ *vs* /абстрактный/, т. е. путем различения содержания обоих употреблений « femme »: ‘femme’$_1$ /абстрактный/ *vs* ‘femme’$_2$ /конкретный/ (Растье 2001: 154–156). Кодифицированный характер расподобления подтверждается показаниями информантов. В предлагаемых перифразах женщине приписывают видовые признаки /слаба/, /кокетлива/, /ветрена/, /болтлива/, намного реже – /нежна/, /застенчива/, /покорна/. Предпосылкой к такому толкованию служит при этом не столько личный опыт, сколько сложившиеся в культуре устойчивые представления [→ Социальные стереотипы].

Идентичный механизм интерпретации [→ Интерпретация] отмечаем и в отношении другого, не менее известного выражения: *война есть война*. В определении Ю. Д. Апресяна, в начальной позиции в именном выражении *война* актуализируется собственно лексическое значение, в конечной позиции – связанные с ним коннотации [→ Коннотация], в том числе /зло/, /бесчеловечность/, /аморальность/, /опустошение/ (Апресян 1995, 2: 167). В изложении Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева данному выражению можно еще приписывать и такие значения, как «необходимость трезвого отношения к войне», «готовность переносить неизбежно связанные с ней невзгоды», «обязанность выполнять свой долг», «невозможность во время войны жить по законам мирного времени» и т. п. (Булыгина, Шмелев 1997: 444).

Не вдаваясь в обсуждение, как распределяются между собой эти значения и насколько они кодифицированы в языке, отметим главное.

- Тавтологические выражения неинформативны только в классической логике, в которой значение повторяющегося терма неизменно на протяжении всего исчисления.
- Тавтологические выражения поддаются интерпретации в языке. Чтобы истолковать языковую тавтологию, необходимо и достаточно, чтобы внешне идентичные употребления той же лексической единицы соотносились с разными семемами.
- Расподобление производится на основе сложившихся в культуре импликаций.
- Истолкованию соответствует совершаемая интерпретатором перифразировка.

Апресян Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 622–628.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Аномальные» высказывания: проблемы интерпретации // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 437–451.

Кондаков Н. И. Тавтология // Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 585–587.

Растье Ф. Тавтологии // Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 153–162.

Wierzbicka A., Boys will be boys: ‘radical semantics’ vs ‘radical pragmatics’, in *Language,* 1987, vol. 63, n° 1, p. 95–114.

Текст. — Под текстом в современной лингвистике понимают и привлекаемые для разбора языковые произведения – газетную статью, роман Толстого, рассказ Чехова, новеллу Мопассана, и построенную на их

[301] Тавтологические определения встречаются даже в научном дискурсе. М. Арриве, например, дает такое определение текста: «...будем называть текстами объекты, о которых говорят, что это тексты» (Arrivé 1973: 53).

основе исторически подвижную нормативную реконструкцию в статусе возведенной в абсолют инвариантной модели[302].

В качестве «концептуального каркаса» текст как бы отражает все существующие в мире тексты. Особо значимыми в разбираемых текстах при этом признают такие и только такие свойства, которые соответствуют или хотя бы не противоречат базовым принципам идеальной модели – связности, целостности, выраженности, отграниченности и т. д. И даже когда привлекаемый для разбора текст расходится с этими принципами, всякое отклонение трактуется неизбежно как подтверждение общего правила. Например, бессвязная «заумь» Велимира Хлебникова подтверждает a contrario требование связности, молчание христианских молчальников – принцип выраженности, неоднозначные тексты обэриутов – принцип единства смысла.

Разумеется, задолго до появления лингвистики текста[303] филология оперировала языковыми произведениями больше фразы, когда занималась разбором таких крупных повествовательных форм, как повесть, роман или цикл романов. Но вплоть до середины XX века центральным звеном лингвистической рефлексии оставались все-таки слово и предложение, точнее: знак [→ Знак] и пропозиция[304]. Смена научной парадигмы намечается в шестидесятые – семидесятые годы, во многом благодаря обращению к коммуникативным аспектам речевой деятельности, изучению языка как «языка в действии».

Сложившиеся в научном обиходе подходы к тексту и его смыслу можно представить с известной долей огрубления в ракурсе небезызвестной коммуникативной модели Шеннона – Якобсона по избирательной установке resp. на отправителя, получателя, сообщение, контекст [→ Контекст], канал или код[305].

Остановимся подробнее на некоторых из них.

Отправитель. Установка на отправителя характерна преимущественно для генетических исследований, в том числе биографических и психоаналитических, так или иначе ориентированных на разные сто-

[302] Наряду с системой языка учитывать в такой реконструкции надлежит, безусловно, и требования жанра – напр. быть детективом, любовным романом, инструкцией по эксплуатации холодильника и т. п.

[303] нем. *Textlinguistik*, франц. *linguistique des textes*.

[304] Такая установка объяснялась отчасти логико-грамматической доминантой прежних исследований. Со словом и предложением связывались такие первостепенно важные функции языка, как номинация [→ Номинация] и предикация. Пропозициям, выраженным предложениями, легко было к тому же придать (в отличие от последовательности предложений) истинностное значение [→ Истина и правдоподобие].

[305] Ср. в этой связи основные герменевтические установки [→ Герменевтика]: *intentio auctoris*, *intentio operis* и *intentio lectoris*.

роны личности автора [→ Автор] как необходимые условия генезиса художественного произведения.

Действительно, биография проливает свет на произведение искусства и даже, поясняют Р. Уэллек и О. Уоррен, дает материал для систематизированного изучения психологии творца и самого творческого процесса (Уэллек, Уоррен 1978: 90). Из этого, однако, не следует, что смысл художественного текста надо непременно сводить к разнообразным проявлениям авторского «я», а затем объяснять, сообразуясь с исследовательскими интересами, такими фактами из частной жизни и психологии, как семейные обстоятельства, материальное положение, склад ума, темперамент, наклонности, неврозы, навязчивые идеи или неосознанные сексуальные влечения. Такая редукция неправомерна хотя бы потому, что подменяет художественный текст разного рода бытовыми, психическими или психофизиологическими факторами, так или иначе сказавшимися на его создании[306].

Особо примечательной представляется в этой связи провозглашенная Р. Бартом «смерть автора» – поворот от автора как частного лица к автору как *скриптору*, творческому началу по активному преобразованию языковой субстанции (Барт 1989: 384–391, ср. Бахтин 1975: 61–65). Отныне о личности автора можно судить только по «письму» (франц. *écriture*), по тому, как он оперирует языком и фигурами стиля, какую избирает систему образов и мотивов, как выстраивает ассоциативные связи между словами и т. п. [→ Идиолект].

Получатель. С получателем связывают обычно условия рецепции, в том числе интерпретирующую компетенцию, фоновые знания [→ Фоновые знания], стратегию и интенции читателя-получателя [→ Читатель].

Смысл текста актуализируется действительно в читательском сознании. Причем характер такой актуализации зависит, очевидно, не только от наличия общей кодирующей/декодирующей системы вроде системы языка и прочих нормативных систематик, но и от избираемой в прочтении стратегии интерпретации (intentio lectoris)[307]. Немаловажным

[306] Весьма показательна в этой связи позиция русских формалистов в отношении отбора и оценки биографического материала. По меткому замечанию Б. Эйхенбаума, применять биографический материал целесообразно не как «жизнь вообще», а как свидетельства «литературной личности», как материал, прошедший эстетическую обработку (*Б. Эйхенбаум*. Лев Толстой. Книга первая. 50-е годы. Ленинград: Прибой, 1928).

[307] Тем более если стратегия основывается на subtilitas applicandi. Характерным тому примером служат, в частности, деконструктивистские опыты постмодернистской критики. Игнорируя авторский замысел, такая критика превращает текст в поле собственных построений, как если бы он был, иронизирует У. Эко, тестом для пиццы (Eco 1992: 37, 383).

обстоятельством является также способность, а порой и готовность воспринять сообщение таким, каким оно мыслится автору-отправителю (intentio auctoris). И дело здесь не только в личных пристрастиях читателя, но и в относительности понимания на фоне исторически изменчивых форм жизни. Пусть Гадамер и призывает считать научным только «то, что есть», а не «то, что должно быть или хотелось бы», он не может не признать: «…даже мастер исторического метода не может быть свободным от предрассудков своего времени, от своего исторического окружения, от своей национальной позиции и т. д.» (Гадамер 1988: 586).

Читатель руководствуется действительно своими критериями оценок [→ Оценка], но это еще не довод в пользу читательского произвола. Ошибочно полагать, как обычно считают в стилистике декодирования, что «читать Шекспира глазами Шекспира мы *не можем* и *не должны*» (Арнольд 1981: 22; выделено нами – *А. Б.*). Пусть современный читатель и «предъявляет к искусству прошлого свои требования», осознание относительности понимания не отменяет адекватное понимание, а только повышает роль «внешнего горизонта» в герменевтической ситуации. Поэтому Гадамер заключает: «Задача исторического понимания <…> включает в себя требование найти такой исторический горизонт, дабы то, что мы хотим понять, предстояло перед нами в своих истинных пропорциях» (Гадамер 1988: 358).

Код. Обратившись к кодирующему устройству текста, нельзя не заметить, что наравне с системой языка в семиозисе [→ Семиозис] участвуют и некоторые другие систематики [→ Интерсемиотичность], без учета которых невозможно всесторонне оценить вкладываемый в сообщение смысл. Так, чтобы понять, например, высказывание вида *Пошел вон!*, кроме значения образующих его единиц, гоголевскому персонажу Подколесину требуется еще уяснить, какой смысл они принимают в социальном измерении языка, в том числе в системе сложившихся в обществе социальных различий.

Языковое произведение, каким является художественный текст, нельзя изолировать от прочих систем кодирования. Но признание многократной кодировки не должно уводить от действительного смысла или оборачиваться, что хуже, произвольным толкованием. Например, когда проф. И. Д. Ермаков перифразирует «Домик в Коломне» как *домик колом мне*, александрийский стих связывает с *Александром*, а Маврушу с *Пушкиным*, поскольку он происходит от мавра, то в таких сопоставлениях, согласимся, «ничего, кроме нелепой натяжки и ничего не объясняющей претензии, при всем желании увидеть нельзя» (Выготский 1968: 111). Стремление переосмыслить Пушкина «по Фрейду» оборачивается на деле чудовищным искажением. Так изо всего можно вывести решительно все.

Сообщение. Абстрагируясь от внешних факторов, художественный текст можно изучать и в плане принципиальной его рефлективности, обращенности на самое себя, как замкнутую на себе имманентную структуру[308]. По убеждению русских формалистов, это исключительно литературный факт – в противоположность нелитературным житейским фактам – вне прямой связи с биографией, историей, психологией, идеологией или политикой. И даже когда быт входит в литературу, он становиться литературой и расцениваться должен как литературный факт.

Установка на выражение как таковое оборачивается отказом, зачастую декларативным, от любых затекстовых знаний[309]. Но, даже сообразуясь с принципом имманентности, нельзя не признать, что в тексте нет всего того, что требуется для его интерпретации [→ Интерпретация]. Например, без необходимого минимума специальных знаний анализ мифа, каким бы блестящим он ни был, пустое времяпрепровождение. Так, чтобы понять смысл притчи Иисуса о горчичном зерне (Мф 13, 31–32), необходимо знать, замечает Ф. Растье, что это растение достигает трех метров в высоту, что горчице приписывали прежде целебные свойства, что горчичные зерна сжигали на свадебных обрядах, чтобы отпугивать злых духов (Rastier 1992: 183). Подобные сведения раздвигают границы текста вплоть до включения сюда самой разнообразной информации, в том числе и сведений об авторе, исторической эпохе, условиях создания произведения и последующей его рецепции. Причем действительно востребованным оказывается, конечно же, не весь фонд знаний, накопленных мифологией, историографией или антропологией, а только такие знания, без привлечения которых нельзя обойтись в адекватном понимании текста.

Контекст. В экстенсиональном анализе текст определяют еще и в отношении к сугубо внешним факторам – окружению, среде обитания, социально-экономическим условиям, культурно-исторической ситуации и прочим жизненным обстоятельствам как свидетельству духа времени (Zeitgeist), атмосферы, аромата эпохи и т. п.

---

[308] Декларируемый русскими формалистами имманентный подход к литературным произведениям объясняется во многом стремлением отмежеваться от разного рода биографических, психологических или социологических интерпретаций, выводящих смысл текста далеко за его пределы – в область психологии, социологии или идеологии.

[309] По едкому замечанию Л. С. Выготского, с теоретиками искусства, изучающими художественную форму как нечто совершенно независимое от внешних данных, происходит, по сути, то же самое, что и со знаменитым героем Мольера. Подобно тому, как господин Журден, сам того не ведая, всю жизнь говорит прозой, формалисты не могут никак обойтись без данных социологии и психологии (Выготский 1968: 77–78).

Эти факторы нельзя, разумеется, игнорировать, как, впрочем, и гипостазировать в поисках абсолютного соответствия. Низводить текст до копии реальности нельзя хотя бы потому, что художественный мир создается по типу возможного мира w_1, достижимого из реального мира w, без иных ограничений, кроме условий собственного существования. Другими словами, художественный текст не воспроизводит реальность как таковую[310], а активно преобразует ее по собственным законам, в том числе метода, жанра и стиля, в некое подобие реальности или, что вернее, иную реальность. Поэтому вместо того чтобы проверять его на соответствие реальности, следует скорее понять, сообразуются ли способы ее отображения с требованиями социально кодифицированного правдоподобия, с тем, как должны выглядеть в общепринятом представлении отображаемые в тексте факты, события и реалии[311].

Без знания таких, казалось бы, сугубо внешних факторов не обходится ни одна адекватная интерпретация. В качестве затекстовых интерпретантов [→ Интерпретант] они позволяют реконструировать с исчерпывающей полнотой глобальную прагматическую ситуацию или, как иногда говорят, «правильный исторический горизонт» (Х.-Г. Гадамер) и тем самым лучше понять смысл анализируемого произведения.

Текст можно, таким образом, изучать относительно всех компонентов (relata) коммуникативной модели и соответственно определять в ракурсе подходящей по случаю проблематики. В обращенности к отправителю изучению главным образом подлежат «литературная личность» и авторская интенция; в обращенности к получателю – фоновые знания и избираемая читателем стратегия интерпретации; в обращенности к контексту – глобальная прагматическая ситуация; в обращенности к сообщению – специфические особенности авторского «письма»; в обращенности к коду – участвующие в семиозисе системы кодирования. При этом идеальной моделью интерпретации может быть, по всей видимости, такая модель, в которой учитывается по возможности весь спектр связанных с текстом и его смыслом проблем.

Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982.
Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.

[310] Ср. излюбленное в литературоведении сравнение романа с зеркалом, которым мы обязаны Стендалю.

[311] Недаром в определении Ф. Растье отношение текста к нелингвистическому контексту может быть только интерсемиотическим (Растье 2001: 16–17, 235).

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 27–57.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 5–39.
Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 507.
Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.
Топоров В. Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 455–515.
Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высшая школа, 1988.
Ducrot O., Todorov, T., Texte, in *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Paris, Seuil, 1972, p. 375–382.
Eco U., L'œuvre ouverte, Paris, Ed. du Seuil, 1965.
Rastier F., *Sens et textualité*, Paris, Hachette, 1989.
Rastier F., La semantique des textes – concepts et applications, *Hermes, Journal of Linguistics,* n° 16, 1996, p. 15–37.
Rastier F., *Arts et sciences du texte*, Paris, P.U.F., 2001.

Тематика. — В школьном обиходе тему обычно противопоставляют идее, а завершающий итог работы с литературным произведением главным образом видят в раскрытии так называемого идейного содержания. Тема уподобляется тем самым буквальному, идея – духовному смыслу [→ Теория двух смыслов], как если бы учителя словесности руководствовались сами того не ведая основным постулатом библейской экзегезы: *буква убивает, а дух животворит* (2 Кор., 3, 6).

Не вдаваясь в рассуждения о правомерности такого деления, заметим пока, что противопоставление темы и идеи так же, в сущности, нелепо, как и противопоставление формы и содержания [→ Форма и субстанция]. Перифразируя известное выражение, можно по аналогии сказать: тема идейна, идея тематична. Говоря словами Р. Барта, тематический компонент образует «экзистенциальную структуру» текста в виде «сети навязчивых идей» (Barthes 1993, 1: 245), ключевых слов и мотивов, развиваемых каким-то автором или группой авторов [→ Автор].

Тематика становится наряду с системой общих мест[312] объектом специального изучения в так называемых тематических исследованиях[313]. По аналогии с системными классами ключевые слова группируются на основе смысловых связей в общие тематические комплексы[314], из которых складывается в итоге тематический «словарь» анализируемого произведения или корпуса произведений того или иного писателя или литературного направления. Поскольку тематические парадигмы не совпадают, как правило, с системными классами, критически настроенные авторы полагают, будто практикуемый в тематических исследованиях способ объединения слов в смысловые группы является по большей части интуитивным и чуть ли даже не произвольным (Хованская 1988: 30-31; ср. Rastier 1995: 225–226). С таким замечанием можно согласиться лишь отчасти; причем в той его части, в какой интерпретация [→ Интерпретация], а вместе с ней и создание тематических парадигм, задается стратегией. Руководствуясь, например, психоаналитической моделью О. Ранка, уподоблявшего внутриутробное состояние Эдему, травму рождения – изгнанию из рая, можно истолковывать все благостные образы внутреннего пространства как бессознательное стремление вернуться к внутриутробной жизни, а разнородные элементы типа *пещера*, *спальня*, *чулан*, *альков* или *лагуна* – сводить в качестве символического аналога потерянного рая в общую тематическую парадигму.

Без тематического компонента не обходится и интерпретирующая семантика [→ Семантика][315]. В микросемантическом исчислении [→ Семный анализ] развитие темы коррелирует с построенными в анализе изотопиями [→ Изотопия] по воспроизводимым в тематической прогрессии рекуррентным родовым или видовым признакам. По родовым изотопиям задается иллюзия референции [→ Референция] к реальному или воображаемому миру: «референтное впечатление» (Ф. Растье), или «эффект реальности» (Р. Барт), по видовым изотопиям – определяемая на данной предметной области тема. В таком ракурсе содержание

[312] Главное отличие темы от топоса [→ Топос] заключается, по замечанию Ф. Растье, в том, что тематический компонент воспроизводится в одном тексте, а топос – в текстах разных авторов (Rastier 1995: 223–249).

[313] К таким исследованиям относятся, в частности, исследования Г. Башляра, Ш. Морона, Ж.-П. Ришара и др. К тематическим исследованиям можно также отнести и реконструкцию «основных текстов» культуры – Петербургского текста, Московского текста, Лизина текста и др. – в московской семиотической школе.

[314] Ср. «ассоциативно-вербальные сети» (Ю. Н. Караулов).

[315] В определении Ф. Растье тематика образует вместе с диалектикой, диалогикой и тактикой основное измерение семиозиса [→ Семиозис] (Растье 2001: 286–287; Rastier 1996: 21–27).

темы есть не что иное, как «семная молекула» (Ф. Растье), составные компоненты которой актуализируются с переменной или полной лексикализацией на протяжении анализируемого произведения в рамках определенной изотопии или пучка изотопий.

Thème, in Démougin J. (sous la direction de), *Dictinnaire des littératures*, Paris, Larousse, 1994.

Rastier F., Thématique et génétique : l'exemple d'Hérodias, *Poétique*, 90, 1992, p. 205-226.

Rastier F., La sémantique des thèmes ou le voyage sentimental, in *L'analyse thématique des données textuelles*, Paris, Didier, 1995, p. 223-249.

Теория двух смыслов. — В современной филологии смысл художественного произведения подразделяют нередко на буквальный и фигуральный смысл, а приоритетным считают фигуральный смысл. Такое деление восходит к средневековой теории аллегоризма, отправным положением которой служат слова св. Павла об иносказании: *Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем* (Гал., 4, 22–26).

Исходя из фундаментального различия между буквальным и иносказательным, телесным и духовным смыслом[316], толкование [→ Герменевтика] ветхозаветного текста о двух женах и двух сыновьях Авраамовых сводится в апостольском изложении к извлечению иносказательного смысла из-под завесы буквального: *Агарь → Ветхий завет* (рабство и плоть); *Сарра → Новый завет* (свобода и обетование). Совершаемые в толковании перифразировки приводят к переделу существующих в языке системных отношений. В рамках системы брачных отношений Агарь и Сарра образуют множество жен, Исмаил и Исаак – множество сыновей Аврамовых. Но поскольку в символической

[316] В согласии со словами св. Павла: «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор., 3, 6). В эпоху патристики духовный смысл делится еще на три разновидности: аллегорический, тропологический и анагогический смысл. Так, в буквальном (историческом) смысле Иерусалим означает город в Иудее, в аллегорическом – царствие небесное, то есть «что было», «во что верить», «что делать», «на что надеяться» (Гаспаров 1986: 100). Причем различие между буквальным и иносказательным, телесным и духовным смыслом остается незыблемым, поскольку разрабатываемая в христианской экзегезе теория четырех смыслов только уточняет это фундаментальное различие.

проекции семейные отношения переосмысливаются в плане противопоставления Ветхого и Нового заветов, определительное множество [→ Определительное множество], на котором устанавливают значение, перестраивается так, что *Агарь* и *Исмаил* определяются в отношении к Ветхому завету, а *Сарра* и *Исаак* – в отношении к Новому завету. Так получаем пропорцию *Агарь* : *Сарра* :: *Исмаил* : *Исаак* :: *Ветхий завет* : *Новый завет*, по которой *Агарь* так относится к *Сарре*, *Исмаил* к *Исааку*, как *Ветхий завет* к *Новому завету*. Причем в рамках оппозиции /рабство/ – /свобода/, /плоть/ – /обетование/ Ветхий завет приобретает в отношении к Агари и Исмаилу афферентные признаки /рабство/ и /плоть/, а Новый завет в отношении к Сарре и Исааку – /свобода/ и /обетование/.

Теория покрова остается востребованной и в наши дни. С тем лишь, пожалуй, единственным отличием, что буквальный смысл называют *поверхностным*, *явным* или *очевидным*, а духовный – *глубинным*, *латентным* или *основным*. Причем независимо от используемой терминологии центральное место занимает, как и прежде, противопоставление *первичного* и *вторичного* смыслов, а вместе с этим противопоставлением и сопутствующее положение, будто завуалированный смысл превосходит в ценностном отношении явный смысл.

Действительно, будь то психоанализ или литературная критика, установка делается главным образом на вторичный смысл, как если бы первичный смысл служил исключительно только целям покрова, а завуалированный смысл был непременно основным. Так, во фрейдистской теории толкования сновидений самым ценным смыслом, на который ориентируется аналитик, признается латентный смысл, а его сокрытие путем искажения, замещения или вытеснения в область бессознательного объясняется воздействием со стороны цензуры. Обращаясь, например, к сновидению, в котором пациенту снится, что он спасается бегством через анфиладу комнат, психоаналитик стремится установить, дабы увидеть за этими образами скрытые мысли, какое символическое значение принимают в контексте [→ Контекст] *комната*, *анфилада комнат*, *передвижение бегом*. «Комнаты в сновидениях, – поясняет З. Фрейд, – по большей части женщины <…> Определения “закрытые” или “открытые”, очевидно, относятся сюда же. — Сновидение, в котором спящий спасается через анфиладу комнат, изображает публичный дом. — Лестницы, подъем по ним и схождение – символическое изображение коитуса. <…> Столы – по большей части женщины; по всей вероятности, вследствие контраста их ровной поверхности с рельефностью женского тела. Так как “стол и постель” – необходимые атрибуты брака, то в сновидении первый нередко заменяет вторую и переносит иногда комплекс сексуальных представлений на комплекс “еды”» (Фрейд 1998: 303–304). И так далее в том же духе. Так решительно во всем можно обнаружить завуалированные под обыденные вещи подавленные сексуальные желания.

Аналогично обстоит нередко и с толкованием литературных текстов. Поскольку интерпретация [→ Интерпретация] сводится по определению к извлечению скрытого смысла из-под завесы явного (Рикер 1996: 51), как если бы произведение создавалось исключительно ради этого смысла, главное – установить, какое символическое значение скрывается за самыми, казалось бы, обыденными выражениями. Анализируя, например, зощенковские рассказы, можно при желании провести аналогию между едой и сексуальными отношениями, содержимым кошелька и мужской потенцией («Аристократка»), в набалдашнике и «усиках кверху» усмотреть фаллический символизм («Операция»), а в обстригании усов – комплекс кастрации («Веселая игра») (Жолковский 1999: 20–21, 24–25, 63).

Такого рода символическое толкование приемлемо, разумеется, только при наличии интерпретантов [→ Интерпретант]. Но даже в этом случае нельзя сказать, какой из смыслов является глубинным, а какой – поверхностным, какой – основным, а какой – второстепенным. Во-первых, потому, что в семантическом отношении смысл находится на том же уровне анализа [→ Семный анализ]; во-вторых, потому что иерархия смыслов устанавливается в соответствии с аксиологическими установками интерпретатора. Самое большее, что может установить лингвистическая семантика [→ Семантика], это, пожалуй, только, как аксиология [→ Аксиология] влияет на стратегию интерпретации и как эта стратегия сказывается на выводе смысла и операциях интерпретации [→ Интерпретации операции].

Гаспаров М. Л. Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. С. 91–169.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.

Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996.

Тертуллиан К. С. Ф. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994.

Фрейд З. Толкование сновидений. СПб.: Алетейя СПБ, 1998.

Salanskis J.-M., Rastier F., Scheps R., *Herméneutique : textes, sciences*, Paris, P.U.F., 1997.

Schleiermacher F. D. E., *Herméneutique. Pour une logique du discours individuel*, Paris, éd. du Cerf, 1989.

Szondi P., *Introduction à l’herméneutique littéraire*, Paris, Editions du Cerf, 1989.

Топос (от греч. *topos* «место»). — Под топосом обычно понимают:

– *стереотипную модель рассуждения*, содержащую в качестве посылки какое-то общепринятое, пусть и не абсолютно истинное [→ Истина и правдоподобие], мнение, чтобы, как говорится в «Топике», «из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие [→ Контрадикция], когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение». Например, чтобы ответить на вопрос, может ли хороший человек быть завистливым, надо знать, что такое зависть. Ибо если зависть расходится с добродетелью, то хороший человек не может быть, следовательно, завистливым, а завистливый человек – хорошим (Аристотель 1978, 2: 349, 376).
– *стереотипную тематическую структуру* (Э.Р. Курциус), совпадающую отчасти с бродячим мотивом: напр. отправление в иной мир, испытание поединком, решение трудной задачи, плавание по морю наугад, собирание цветов в лугах для приворотного любовного зелья, влюбленная смерть и т. д.
– *нормативную аксиому в ведении социальных норм* [→ Нормы социальные], на основе которой актуализируются некоторые афферентные семантические признаки. Например, чтобы истолковать тавтологическое выражение *boys are boys* [→ Тавтология], семеме ‘boys’$_2$ приписывают признаки /шаловливый/ или /непослушный/ на основе нормативного аксиоматического суждения: *Мальчики склонны делать вещи, всякому понятно какие, которые не встречают нашего одобрения; однако нет смысла расстраиваться по этому поводу, поскольку мальчики не могут вести себя иначе* (Апресян 1995, 2: 166).

Остановимся прежде всего на таких аспектах топоса, без которых нельзя обойтись в интерпретации [→ Интерпретация] художественных текстов.

Топос как основа тематических исследований. В качестве предмета тематических исследований [→ Тематика] топос совпадает отчасти с темой. Как и тему, его можно отобразить в виде устойчивого набора рекуррентных семантических признаков[317], актуализируемых с полной или переменной лексикализацией в некотором множестве текстов. Главное отличие заключается, пожалуй, только в степени кодификации. Поскольку топос принадлежит по определению системе общих мест, отображающие его семантические признаки заведомо известны

[317] То есть как «семную молекулу», а семную молекулу – представить по типу представления знаний в искусственном интеллекте как семантическую сеть с узловыми точками в виде семантических признаков или возможных их лексикализаций: [X*] → (атрибут) → [Y*] (Скрэгг 1983: 228–271; ср. Rastier 2001: 197–200, 217).

(напр. ‘любовь’ /слепа/, ‘время’ /неумолимо/), а корпус текстов значителен. Поэтому топосы определяют, не случайно, как «социолектный сектор тематики» (Rastier 2001: 217). Топос может к тому же включать не одну, а сразу несколько тем. Например, топос влюбленной смерти содержит два тематических компонента: любовь и смерть, а топос весеннего сбора цветов – три тематических компонента: цветы, весна и любовь. Причем каждая из указанных тем может по-разному лексикализоваться в контексте [→ Контекст]: цветы как *васильки*, *маки* или *лаванда*, любовь как *страсть*, *печаль* или *недуг*, смерть как *старуха*, *ворон*, *бой часов* или *зима*.

Программа. В структурном отношении топос содержит в себе программу, разворачиваемую с разной степенью полноты во всех реализациях данной смысловой парадигмы[318]. Например, если описание цветущего сада строится как *locus amoenis*, основными приметами такого описания должны быть канонические атрибуты вертограда, в том числе /благостный/, /ухоженный/, /влажный/, /огражденный/. Не будучи застывшей, программа может, безусловно, меняться вплоть до инверсии или полной трансформации семантических признаков в составе семной молекулы. Например, когда русские футуристы воспевают «бетонные ритмы» современного промышленного города в противовес идиллическим сельским пейзажам, такая репрезентация входит в сопротивление с традиционными литературными нормами [→ Нормы социальные], по которым сельская местность расценивается выше, чем городской промышленный пейзаж. Причем установить подобную трансформацию можно только на фоне какого-то возведенного в абсолют образца.

Топос как условие вывода смысла. Подобно прагматической пресуппозиции [→ Пресуппозиция], топос функционирует в качестве имплицитной посылки, так что интерпретация анализируемого произведения совершается по типу энтимемы (Rastier 2001: 217). Например, чтобы понять, почему в поэме Ш. Бодлера « Une martyre » (*Fleurs du Mal*, 1857)

[318] В этом отношении топосы совпадают с иконографическими типами в живописи. См. E. Panofsky, *Essais d’iconologie*, Paris, Gallimard, 1967; *Э. Х. Гомбрих*. О задачах и границах иконологии // Советское искусствознание, 25. М.: Советский художник, 1989. С. 275–305. В качестве иллюстрации возьмем картину Караваджо с изображением коленопреклоненной женщины (из собрания барона Тиссен-Борнемиса). Чтобы установить, кем является изображенный на картине персонаж, необходимо знать, что символизируют расположенные рядом предметы – колесо, меч и пальмовая ветвь. Ограничившись колесом, можно принять женскую фигуру за аллегорию Фортуны; и только расположенная рядом пальмовая ветвь позволяет истолковать колесо и меч как орудия казни, а женский персонаж – соотнести с Екатериной Александрийской, принявшей мученическую смерть через четвертование.

сочетаются такие на первый взгляд взаимоисключающие мотивы, как смерть и сладострастие, достаточно обратиться к иконографии западноевропейской литературы – многочисленным эротико-кладбищенским мотивам, в которых смерть сочетается с любовным трансом, Танатос с Эросом[319].

В таком понимании топос есть не что иное, как интерпретант [→ Интерпретант], без участия которого не обходится ни одна адекватная интерпретация. Обращение к топосу тем более оправдано и даже необходимо, чтобы установить, самое меньшее, как соотносятся в разбираемом художественном тексте традиция и новаторство в трактовке того или иного тематического комплекса.

Аристотель. Топика // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 347–531.

Curtius E. R, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, 1978; 9 Aufl.

Molinié G., Les lieux du discours littéraire // Plantin Ch. (éd.), *Lieux communs, topoï, stéréotypes, clichés*, Paris, Ed. Kimé, 1993, p. 92–100.

Rastier F., Thématique et topique, in *Arts et sciences du texte*, Paris, P.U.F., 2001, p. 189–226.

Topos, in Démougin J. (sous la direction de), *Dictionnaire des littératures*, Paris, Larousse, 1994, p. 1622–1623.

Умолчание. — Под фигурой умолчания обычно понимают то, что остается в зоне имплицитности как нечто данное, но пребывающее в высказывании без соответствующего вербального воплощения. Это не просто знак пустоты, когда молчат, поскольку нечего сказать, а означаемое с нулевым или фиктивным означающим [→ Знак], когда за говорением стоит умолчание: говорят одно, умалчивают другое[320].

В умолчании можно выделить два крайних случая: либо нечто опускается в силу непреложной очевидности как само собой разумеющееся или известное участникам коммуникации, либо нечто умалчивается за невозможностью сказать в согласии с постулатом вида «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев) или «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Л. Витгенштейн).

[319] В этой связи ср., в частности, Ph. Arriès, *Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen à nos jours,* Paris, Seuil, 1975; G. Bataille, *L'Erotisme*, Paris, Ed. de Minuit, 1957.

[320] Как замечает Р. Рорти, «сказать что-либо <…> не всегда означает сказать, как обстоят дела»: « saying something <…> is not always saying how things are » (R. Rorty, *Philosophy and the Mirror of Nature*, Princeton, 1979, p. 371).

Действительно, руководствуясь принципом целесообразности[321], в речи с полным правом можно опускать то, что кажется очевидным и потому не требующим пояснений: it goes without saying. Убедительным тому свидетельством служат широко используемые в повседневной речи сокращенные силлогизмы, в которых без ущерба для ясности опускается одна из подразумеваемых частей: заключение, большая или меньшая посылка. Так, обратимся к разбираемому ранее примеру С. Клини, когда вам предлагают вечером выпить чашку кофе, а вы собираетесь пораньше лечь спать, вы можете сказать: *я собираюсь пораньше лечь спать*, опустив суждение: *выпив кофе, трудно заснуть* или *кофе действует на меня возбуждающим образом*.

Такие «знания в скобках» [→ Фоновые знания] совпадают с прагматической пресуппозицией [→ Пресуппозиция] – лексически невыраженной, но заведомо известной информацией, предваряющей толкование [→ Интерпретация] всякого используемого в речи выражения. Так, во всяком нормативном употреблении слова *кофе* по умолчанию фигурируют знания о том, что кофе – это напиток из молотых зерен кофейного дерева, что кофейные зерна прожаривают на огне, что благодаря кофеину напиток обладает возбуждающим действием, а во всяком нормативном употреблении слова *чашка* – знания о том, что чашка представляет собой небольшой, округлой формы сосуд с ручкой для питья, что чашки бывают чайными или кофейными, фарфоровыми или фаянсовыми и т. п.

Больше того, поскольку восприятие стереотипной ситуации согласуется в когнитивной проекции с хранимым в памяти образом ситуации, недостающие элементы фигурируют по умолчанию даже за отсутствием лексически выраженной информации. Если нам говорят, например, что кто-то ложится спать, то приписываемым по умолчанию фреймом [→ Фрейм] становится скорее спальня, субфреймом – находящаяся в спальне кровать; но стоит сфокусировать внимание на приподнятом изголовье, спинке или валиках, как слабо закрепленный фрейм *кровати* заменяется более подходящим по случаю *диваном* или *канапе*. При этом перейти от одного фрейма к другому нам позволяет жизненный опыт – знание, в какой последовательности располагаются и как сочетаются между собой взаимосвязанные фреймы и субфреймы: $A \rightarrow B$, $B \rightarrow C$, $C \rightarrow D$[322]. Вот почему, когда речь идет о спальне, кухне, прихожей или салоне, мы можем без труда восстановить всю или почти

[321] Ср. коммуникативные максимы Г. П. Грайса (Грайс 1985: 217–237).

[322] Нарушение логической последовательности, заключает М. Минский (Минский 1988: 291), подобно рассказанной Фрейдом истории про человека, заказавшего в кондитерской торт, а затем вернувшего его в уплату за выпитый ликер (Фрейд 1998: 72).

всю необходимую по случаю меблировку, а каждый отдельно взятый предмет мебели представить в совокупности образующих его частей.

Иное дело, когда установка на умолчание задается цензурой, тайной, ложью или неискренностью – намерением завуалировать какие-то не подлежащие разглашению факты, стремлением сокрыть за ничего не значащими словами истинное положение вещей. Сигналом к опознанию такого намерения служат как несуразные мимические движения и жесты, так, собственно, и разного рода языковые оплошности и оговорки[323]. В романе М. Пруста «Содом и Гоморра» примечательным тому свидетельством становится, например, поспешность, с которой Альбертина, пытаясь отвести от себя подозрения в лесбийских наклонностях, говорит: *эта женщина* [мадемуазель Вентейль] – *совсем не то, что я о ней думаю*. В этом случае, заключает Ж. Женетт, «слово говорит больше того, что хочет сообщить говорящий, и тем самым разоблачает – если угодно, выдает – смысл» (Женетт 1998, 1: 435).

Невольным признанием могут служить, кроме того, и не менее примечательные для психоаналитической интерпретации «странные» выражения и обороты [→ Неоднозначные высказывания]. В качестве примера возьмем фрагмент из романа Мопассана «Милый друг», в котором рассказывается, как любовники, уединившись в партикулярном кабинете, поедают устриц: *mignones et grasses*, *semblables à de petites oreilles enfermées dans des coquilles*, а затем заказывают розовую форель: *truite rose comme de la chair de jeune fille*.

Даже не касаясь транспозиции ‘huîtres’ *устрицы* → ‘oreilles’ *уши*, нельзя не заметить, что ‘huîtres’ *устрицы* определяется в контексте [→ Контекст] на другом системном множестве [→ Определительное множество], а определения вида *mignones* «прелестные» или *semblables à de petites oreilles* «похожие на маленькие уши» выходят за рамки допустимого диапазона варьирования. В этой связи нельзя не задаться, конечно, вопросом, почему *устрицы* уподобляются *ушам* и какое символическое значение принимает в тексте Мопассана такое фигуральное употребление. Перейти от одной систематики к другой, от класса //моллюски// к классу //человек//, позволяет интерфейсное выражение *coquille*, отдельные означаемые которого соотносятся в языке с «раковиной моллюска» или «наружной частью уха»[324]. Но сводить аналогию к игре

[323] Ср. в этой связи интерес психоанализа к языковым оговоркам как сигналам бессознательного.

[324] Семантическим оператором, позволяющим установить отношение эквивалентности между элементами разносистемных классов, здесь выступает, кроме того, сравнительный оборот *semblable* «похожий» в функции ограничителя [→ Ограничитель]: *semblables à de petites oreilles* «похожие на маленькие уши».

слов между двумя сходными означаемыми было бы чересчур простым решением. Неоправданными кажутся, пусть устрицы-*уши* поедаются с удовольствием, и подозрения в каннибализме. Зато вполне приемлемым в психоаналитическом отношении представляется, по Лакану, символическое истолкование устриц-*ушей* как субститута женского лона, а еды – как аналога интимных отношений (цит. по Baudry 1988: 33–34; ср. Фрейд 1998: 303–304).

Такое толкование согласуется к тому же с последующим сравнением форели с девичьей плотью: *truite rose comme de la chair de jeune fille* «розовая, как девичья плоть, форель». Сходство цвета, по которому *форель* уподобляется *девичьей плоти*, является, согласимся, таким же сомнительным доводом, как и сходство формы защитного покрова моллюска с ушной раковиной. Поэтому аналитику не остается ничего другого, как связать воедино указанные транспозиции[325], а в отношении эквивалентности между ‘truite’ *форель* и ‘chair de jeune fille’ *девичья плоть*, установленном посредством компаративной связки *comme* «как», усмотреть еще одно подтверждение намеченной темы [→ Тематика].

Не вдаваясь в дискуссию, насколько оправданы такие преобразования, заметим только, что в психоаналитическом определении наиболее ценным смыслом остается по-прежнему латентный смысл, а наиболее адекватной процедурой его извлечения из-под завесы явного смысла – символическая интерпретация[326].

Так приходим к принципиальным выводам.

- В качестве фона невысказанных допущений умолчание образует в высказывании довольно обширную зону имплицитности.
- В зону имплицитности могут входить как общеизвестные фоновые знания в функции прагматической пресуппозиции, так, собственно, и некоторый завуалированный «глубинный» смысл.
- За отсутствием общепринятой конвенции умолчание задается интенцией – сознательным или неосознанным намерением скрыть по причине цензуры, тайны или лжи истинное положение вещей.
- Сигналом к извлечению скрытого смысла служат самые различные факторы, в том числе мимические движения и жесты, продолжительное молчание, заминки, недосказанность, уклонения от ответа, смена топика, «странные» обороты и выражения.
- Символическая интерпретация возможна только при наличии интерпретантов [→ Интерпретант].

[325] В этом, собственно, и состоит элементарный принцип рациональности: релевантными в анализе считать такие и только такие факты, которые согласуются с фактами того же порядка [→ Релевантности критерий].

[326] Так реанимируется в очередной раз теория покрова [→ Теория двух смыслов].

- Символическая интерпретация требует значительно больше усилий на обработку анализируемого высказывания.
- Вопреки пресловутому принципу «когнитивной экономии» эпистемологическая ценность символической интерпретации находится зачастую в прямой зависимости от сложности вывода: чем больше усилий тратится на когнитивную обработку высказывания, тем значительнее выглядит смысловой эффект.
- Язык служит не только средством выражения, но и сокрытия мысли.

Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Речевые действия. М.: Наука, 1994. С. 302–316.

Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.

Женетт Ж. Пруст и «непрямой» язык // Фигуры. В 2-х томах. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 412–469.

Cauquelin A., Temps du silence, in Sfez L. (éd.), *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 164–178.

Coquet J., L'implicite de l'énonciation, *Langages*, 70, 1983, p. 9–14.

Ducrot O., *Dire et ne pas dire*, Paris, Hermann, 1972.

Kerbrat C., *L'implicite*, Paris, Armand Colin, 1986.

Kerbrat-Orecchioni C., Implicite, in Sfez L. (éd.), *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 251–253.

Фоновые знания. — Без обращения к знаниям нельзя представить ни одно исследование значения [→ Значения «значения»]. В герменевтике [→ Герменевтика] их подают как предрассудки (préjugés), в теории речевых актов как конвенции, в когнитивной семантике [→ Семантика когнитивная] как прототипы [→ Прототипов теория], социальные стереотипы [→ Социальные стереотипы] и фреймы [→ Фрейм], в интерпретирующей семантике как фон невысказанных допущений, прагматические пресуппозиции [→ Пресуппозиции], социальные нормы [→ Нормы социальные], интерпретанты [→ Интерпретант]. Причем, в каких бы терминах ни представлялись знания, все без исключения теории значения совпадают в главном: знания суть необходимые условия понимания – одни в силу объективной наличности, другие как действительное состояние чьего-то сознания.

Разумеется, разные виды знания неравнозначны; и вряд ли кто удосужится сегодня отождествлять обыденное представление со специально-научным понятием. Каждому виду знания соответствует свой способ представления, а в пределе и своя система исчисления такого представления. Поэтому возникает, не случайно, вопрос, как оперируют знаниями в интерпретации [→ Интерпретация], какие знания мобилизуются преимущественно в толковании и как взаимодействуют в составе значения разные виды знания.

В пределе здесь возможны два решения:

– либо по примеру дескриптивной лингвистики исключить разного рода сопутствующие знания на том лишь основании, что за ними тянется шлейф психологических, научных или житейских представлений, и тем самым ограничить значение дистрибуцией;
– либо включить их в толкование в качестве коррелятов значения и тем самым растворить значение в понятиях и/или представлениях.

Задавшись вопросом, какие знания являются наиболее ценными, нельзя не согласиться, что в научной картине мира таковыми могут быть только достоверные знания, упорядоченные вне зависимости от языка в виде специально-научных таксономий. Вероятно, поэтому в онтологически ориентированной семантике значение сопрягается необходимым образом с таксономическим знанием как необходимым и достаточным условием всякого производного на его основе значения. Так значение отождествляется независимо от языка с истинностным значением [→ Истина и правдоподобие].

Ситуация меняется кардинальным образом, как только отправным пунктом рефлексии становится не само по себе знание и даже не соответствие знания вещи[327], а носитель этого знания. Причем не обезличенный, не абстрактный *homo sapiens*, а реальный субъект, оперирующий как абсолютно достоверным знанием, объективированным в общественной практике в виде понятий, категорий или законов, так и не всегда достоверными мнениями и представлениями.

Вместе с отказом от объективизма меняется кардинальным образом и самое понимание знания, а вместе с ним и производное на его основе значение. Ограничившись таксономическим знанием, можно, конечно, понять, что представляют собой вещи в специально-научном смысле, но не какие с ними связываются обиходные представления. В языке, во всяком случае, немало выражений, к которым неприменим анализ в терминах условий истинности [→ Семантика условно-истинностная]. И дело здесь не в безденотатных именах вроде *леших*, *русалок* или *кентавров*, а в том, что человек руководствуется в речевой деятельности и не всегда достоверными мнениями и убеждениями. Поэтому в качестве базовой «выводной схемы» когнитивная семантика избирает систему главным образом обыденного знания с когнитивными аналогами в виде схем

[327] В определении вида *Veritas intellectus est adequatio intellectus et rei*.

повседневного опыта – типичных примеров, идеалов и образцов (в понимании Э. Рош), социальных стереотипов (в понимании Х. Патнэма) или идеализированных когнитивных моделей (в понимании Дж. Лакоффа).

Какой бы ни была система представлений – таксономическим знанием или обыденным представлением, очевидно одно: в условиях переменного знания содержание значения может быть только многозначным. С такой многозначностью смыкается, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на социальный характер значения-*знания*, на производные в контексте общественной практики переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями.

Так приходим к следующим установлениям.

- Поскольку в оформлении языкового значения участвуют разные системы знания – от обиходных представлений до специально-научных таксономий, исследуемое семантикой значение может быть только многозначным: равным образом учитывать как объективное, так и субъективное, как достоверное, так и непроверенное знание.
- В поисках соответствия значения знанию универсальным может быть только принцип соответствия, но не «понятийный» коррелят значения, не содержание значения. В специально-научном определении это объективированное в виде понятий научное знание, в когнитивной проекции – схемы повседневного опыта.
- Какой бы ни была система представлений – специально-научным знанием или обыденным представлением, принципиально важно даже не понять, насколько совместимы те или иные системы представлений, а установить, как возникают, интегрируются и дифференцируются в контексте переменного знания производные на его основе значения.
- Установить, какие системы представлений инкорпорируются в значении и насколько универсальны или национально специфичны эти системы, можно только по засвидетельствованному в языке употреблению, прежде всего по условиям предикации[328].
- В условиях переменного знания наиболее адекватной моделью значения может быть только кластерная модель, то есть такая модель, в которой взаимодействующие понятийные структуры сводятся по типу хранения конвергентных знаний в структуре человеческого опыта в пучок (cluster).

Бочкарев А. Е. Эпистемологические аспекты значения. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007.

[328] Ср. «Именно в сфере предикатных номинаций, фиксирующих знания человека о мире, возникают, интегрируются и дифференцируются значения» (Арутюнова 1998: 109).

Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 47–55.

Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: Изд-во Шиповник, 1912.

Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 171–207, 272–317.

Lerat P., La notion de connaissance est-elle un concept opérationnel en linguistique ? // Kleiber G. et Riegel M. (éd.), *Les formes du sens. Études de linguistique française, médiévale et générale offertes à Robert Martin à l'occasion de ses 60 ans*, Louvain-la-Neuve, Duculot, 1997, p. 241–248.

Форма и субстанция. — Противопоставление формы и субстанции как основных принципов бытия восходит к Аристотелю. В связи с анализом становления Аристотель выделяет три начала бытия: *материю*, *форму* и *лишенность*. Под материей (hylē) понимается лежащая в основе становления субстанция, под лишенностью (sterēsis) и формой (morphē) – противоположные начала становления: «бесформенность, безобразность, беспорядок» (негативная противоположность) и «порядок, образованность или что-либо иное из такого рода предикатов» (позитивная противоположность).

Так задаются постулаты становления.

- Становление совершается от *не-бытия-чем* к *бытию-чем*. Ср. «…в основе всегда должно лежать нечто становящееся» (Физика, кн. I, гл. VII, 15).
- На материю как субстрат изменения действуют противоположные начала: «лишенность» (*не-бытие-чем*) и «форма» (*бытие-чем*). Ср. «…достаточно, если одна из противоположностей будет вызывать изменение своим отсутствием или присутствием» (Физика, кн. I, гл. VII, 5–10).
- Определяя материю по противоположным действующим началам – «лишенности» (*не-бытие-чем*) и «форме» (*бытие-чем*), можно различать два вида материи: неоформленную и оформленную материю.

В структурной лингвистике противопоставление формы и субстанции исследуется в основном в связи со знаковой природой языка [→ Знак]. Придерживаясь соссюровского деления языка на два плана – выражение и содержание, Л. Ельмслев выделяет в каждом из планов *форму* и *субстанцию*. Причем по утверждению автора «Пролегоменов к теории языка», лингвиста интересует прежде форма, «скрытая за непосредственно доступной чувственному восприятию “субстанцией”» (Ельмслев 1960: 351). Означает ли это, как иногда полагают, что субстанция тем самым

умаляется или, хуже того, устраняется? Вовсе нет. Ибо форму изучают не саму по себе, не в отрыве от субстанции, а как актуализированное свойство субстанции с целью показать, как оформляется sub specie формы[329] субстанция содержания и выражения в языке и чем данный способ оформления отличается от других возможных способов оформления[330].

В первом приближении о форме содержания можно судить хотя бы по ближайшему этимологическому значению. Например, по наблюдениям А. А. Потебни, в рус. *подснежник* внимание фокусируется на признаках /нечто/, /под снегом/, по которым задается в первичной номинации [→ Номинация] «способ, каким выражается содержание» (Потебня 1976: 175), то есть форма содержания. Ближайшее значение имеет, конечно, мало общего с дальнейшим значением в виде сопрягаемого с ним представления, тем более понятия. Как условие «живого знания о предмете» этимон отражает только особо примечательные свойства, по которым воспринимались прежде окружавшие человека вещи. Но именно это значение становится, по определению А. А. Потебни, предметом собственно языковедческого исследования. Главным образом потому, что в отличие от дальнейшего значения, составляющего предмет других наук, судить о ближайшем значении в состоянии только наука о языке.

Значение эволюционирует вместе с познанием. Обратившись к современному толкованию, нельзя не отметить, что в специально-научном определении вида «род многолетних трав семейства амариллисовых» действительную форму содержания *подснежника* образуют таксономические признаки /растение/, /травянистое/, /семейства амариллисовых/, а в обыденном представлении – еще и разнообразные ассоциации, например с весной, женским днем 8 Марта, приготовлениями к празднику и т. п.[331]

Отвечая на вопрос, из чего состоит субстанция содержания, можно, таким образом, повторить вслед за Х. И. Ульдаллем, что ее образуют и знания, и мнения, и убеждения: «“культура”, которая остается, когда вы забываете всё, чему вас учили в школе» (Ульдалль 1960: 425). Подобные знания необходимы для понимания того, какой представляется говорящим обозначаемая словом вещь, но собственно языковой субстанцией содержания они становятся лишь при условии, если отражаются в языке в виде соответствующих компонентов значения. Поэтому, заключим, субстанцию содержания образуют все гипотетически возможные свойства,

[329] «посредством проекции формы на материал» (Ельмслев 1960: 315).

[330] Говоря словами И. Канта, о субстанции и форме можно в таком случае сказать: субстанция – это «определяемое вообще», форма – непосредственное ее «определение» (Кант 1999: 267–268).

[331] В связи с разветвленной «ассоциативно-вербальной сетью» (Ю. Н. Караулов) форма содержания смыкается отчасти с исследованием лексических полей.

по которым определяется *in potentia* обозначаемая словом вещь, а форму – такие и только такие свойства, по которым задается всякий раз определение. Например, в фокусе специально-научного знания ‘подснежник’ /растение/, /травянистое/, /семейства амариллисовых/, в фокусе обыденного знания – /весенний/, /праздничный/ и т. д. В образном представлении, поясняет Л. Ельмслев, «это похоже на одну и ту же горсть песка, которая принимает совершенно различные формы, или на облако в небе, с каждой минутой меняющее свои очертания на глазах Гамлета. Подобно тому, как песок может принимать различные формы, а облако вновь и вновь менять свои очертания, принимает различную форму или различную структуру в разных языках и исследуемый нами материал» (Ельмслев 1960: 310).

Так приходим к следующим выводам.

- Форма и субстанция суть основные параметры изучения любого объекта, в том числе языка.
- Ни о каком противопоставлении формы и субстанции не может быть и речи; форма не противостоит субстанции – форма ее «формирует»[332].
- Примат формы над субстанцией не означает отказ от субстанции вообще, а лишь подчеркивает, что субстанция подлежит изучению единственно только как семиотически оформленная субстанция[333].
- В функциональном отношении нечто может быть формой субстанции *x*, но субстанцией формы *y*.
- Субстанцию содержания образуют всевозможные знания, мнения и убеждения об обозначаемых словами вещах, но собственно языковой субстанцией содержания подобные знания становится лишь при условии, если отражаются тем или иным образом в языке.
- Действительную форму содержания образуют только такие знания, мнения и убеждения, с которыми коррелируют актуализированные в контексте [→ Контекст] компоненты значения. Поэтому судить, как оформляется всякий раз субстанция содержания, можно только по тому, какие отбираются в составе значения компоненты.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.

[332] Ср. «…в лингвистическом содержании <…> мы устанавливаем специфическую форму, форму содержания, которая <…> и формирует его [материал] в субстанцию содержания» (Ельмслев 1960: 310).

[333] Ср. «Субстанция <…> не является необходимой предпосылкой для существования языковой формы, но языковая форма является необходимой предпосылкой для существования субстанции»; «…благодаря форме содержания и форме выражения, и только благодаря им, существуют соответственно субстанция содержания и субстанция выражения, которые возникают посредством проекции формы на материал» (Ельмслев 1960: 361, 315).

Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории Луи Ельмслева» // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 437–461.
Ульдалль Х. И. Основы глоссематики (Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике) // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 390–436.

Фрейм (от англ. *frame* «рамка»). — В широком смысле фрейм – это форма, а в специально-научном – процедурное знание, «знание *как*»: *как* распознать ту или иную ситуацию и *как* вести себя в данной ситуации. В изучении подобных структур знания [→ Фоновые знания] заинтересованы в равной степени и психологи, и социологи, и лингвисты. В социологии они задают модели поведения, в когнитивной психологии организуют восприятие и память, в информатике обеспечивают формат для представления знаний[334], в лингвистической семантике [→ Семантика] подготавливают понимание анализируемых языковых выражений – слов, высказываний и текстов [→ Текст].

Обратившись к межличностному взаимодействию, нельзя действительно не заметить, что восприятие всякой социально значимой ситуации совершается путем соотнесения со знакомой ситуацией, а точнее: каким-то хранимым в памяти ситуативным типом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации. Простейшей структурой такого типа является сценарий стереотипных ситуаций, связанных причинно-временными отношениями. Например, сценарий посещения ресторана состоит из сцен, описывающих в терминах действий и состояний приход, заказ, еду и оплату; сценарий покупок в супермаркете – взятие корзинки (или тележки), выбор товара и оплату в кассе; сценарий празднования дня рождения – праздничные приготовления, приобретение подарка, поздравления и т. п.

Разумеется, зачастую человек не отдает себе отчета, почему он ведет себя в той или иной ситуации так, а не иначе; но это не мешает ему пользоваться фреймами, вести себя надлежащим образом на проезжей части, в магазине, во время празднования дня рождения. По справедливому замечанию И. Гофмана, социальные фреймы обеспечивают «фоновое понимание событий» (Гофман 2003: 82); с их помощью человек воспринимает окружающий мир, понимает, что происходит в той или иной конвенциональной ситуации и как надлежит ему вести себя в данных обстоятельствах.

Строение фрейма. В структурно-содержательном отношении фрейм содержит в числе образующих его элементов множество терминалов (субфреймов), к которым присоединяются, пока не исчерпается содержание интерпретируемой ситуации, другие фреймы и субфреймы. Например, в изложении Ю. Чарняка фрейм празднования дня рождения принимает следующий вид:

ОДЕЖДА	лучше праздничная
ПОДАРОК	должен понравиться хозяину
ИГРЫ	прятки, жмурки
УКРАШЕНИЯ	воздушные шары, ленты, цветная бумага
ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА	торт, мороженое, газированная вода
ТОРТ	свечи, задувание, пожелания, пение
МОРОЖНОЕ	стандартное ассорти (из трех цветов)

Прим. Единицы левого столбца соответствуют терминалам, единицы правого столбца задают значения переменных для каждого терминала[335].

Не исключается, впрочем, и иная форма записи того же фрейма:

Y должен купить *P* для *X*	Выбрать *P*
X должен нравиться *P*	Понравится ли *X*-у *P*?
Купить *P*	Где купить *P*?
Достать деньги для покупки *P*	Где достать деньги?
Y должен одеться	Что должен надеть *Y*?

Безусловно, фреймы различаются по строению и степени сложности. Некоторые из них образуют, как правила дорожного движения, строго структурированную систему ограничений; другие, их большинство, не имеют четко выраженной формы, а обеспечивают разве только общее понимание ситуации[336]. Но неизменным остается вместе с тем структурирующий принцип. Любой вид человеческой деятельности, будь то дорожное движение, покупки в магазине или празднование дня рождения, «фреймируется» общезначимыми нормами, правилами

[334] В виде семантических сетей или таблиц с фиксированными семантическими полями (слотами).

[335] К каждому из фреймовых действий (терминалов) прилагается к тому же набор инструкций: например, одежда должна быть праздничной, подарок должен быть красиво упакован, нравиться и т. п.

[336] Причем установить, насколько глубоко и полно следует «включаться» в тот или иной вид деятельности, можно только при знании отводимой участникам роли, а точнее: установленного в данном фрейме распределения ролей и функций. Недаром И. Гофман предлагает изучать фрейм не только по типу ситуации, но еще и по сценарному амплуа вовлеченных в ситуацию действующих лиц. Ибо мало установить параметры типовой ситуации, надо еще и показать, какая отводится участникам роль, или, поясняет И. Гофман, какой является субъективная их «вовлеченность» (involvement) в ситуацию. «Во всех случаях участникам устанавливаются пределы, согласованно определяющие, что считать недостаточной вовлеченностью в дело и что – избыточной» (Гофман 2003: 435).

и установлениями [→ Нормы социальные]. Эти типовые нормы и образуют «базовые схемы восприятия», руководствуясь которыми мы осознаем, как располагаются и в какой последовательности сочетаются между собой сцены, действия и события, что в ресторане, например, сначала заказывают еду, едят, а затем только расплачиваются, что в сложившейся последовательности блюд жаркое предшествует десерту и т. п.

За отсутствием таких знаний[337] или, хуже того, при нарушении привычных причинно-временных связей между событиями, действиями или сценами фигуранты попадают в историю вроде истории про гражданина, заказавшего в кондитерской торт, а затем вернувшего его в уплату за выпитый стаканчик ликера:

— *Вы должны заплатить за ликер.*
— *Ведь я отдал вам за него торт.*
— *Но ведь вы за него тоже не заплатили.*
— *Но ведь я его и не ел.*
(Фрейд 1998: 72; ср. Минский 1988: 291).

Фрейм интерпретации [→ Интерпретация]. Знание таких поведенческих программ выходит, безусловно, за рамки семантической компетенции, но не учитывать их в толковании лингвистическая семантика не вправе хотя бы в силу предначертанного ей назначения – изучать «жизнь знаков в рамках жизни общества» (Соссюр 1977: 54).

В интерпретации без таких знаний не обойтись[338]. По убеждению Ч. Филлмора, знание фреймов необходимо для понимания даже отдельно взятых слов, тем более высказываний и текстов. Взяв в качестве примера англ. *write* «писать», Филлмор констатирует, что установить значение глагола можно только в ракурсе соотносимой с ним типовой ситуации: «кто-то водит по какой-то поверхности каким-то заостренным инструментом, оставляющим следы», а отклонение от прототипического значения – в связи с преобразованием типовых условий: «писать в воздухе пальцем» (Филлмор 1983: 81).

Востребованные в толковании знания определяются в терминах *сцены*, *схемы*, *фрейма* и *модели*. В определении Ч. Филлмора *сцена*

[337] В значении «по умолчанию» [→ Умолчание].

[338] Но учитывать их в семантическом анализе [→ Семный анализ] надлежит в качестве разве только затекстовых интерпретантов [→ Интерпретант]. «Фрейм активируется, – поясняет Ч. Филлмор, – когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста» (Филлмор 1988: 65). Например, понять высказывание *Мы ни в коем случае не откроем наши подарки до утра* можно только при условии, если интерпретатору известен фрейм Рождества, что на Рождество дарят подарки и что подарки открывают обычно утром.

соотносится с опытными данными, *схема* – с концептуальными системами категоризации [→ Категоризация], *фрейм* – со специфическим лексико-грамматическим обеспечением, которым располагает язык для наименования и описания категорий и отношений, обозначенных в схемах, *модель* – с инкорпорированными в тексте представлениями о мире.

Поэтапная их интеграция в понимании выстраивается, по Ч. Филлмору, в такой последовательности: (i) *сцена – схема*: на основе опыта, почерпнутого из сцен реального мира, создаются концептуальные схемы; (ii) *схема – фрейм*: усвоенные схемы приводятся в соответствие с обозначающими их единицами языковых фреймов; (iii) *схема – фрейм – модель*: активированные языковыми фреймами схемы служат блоками, на основе которых выстраивается модель текста, а точнее: модель мира, совместимая с текстом (Филлмор 1983: 110–111).

Понятие фрейма уточняется впоследствии в русле «семантики понимания». Обратившись к лексическому составу языка, Ч. Филлмор замечает, что на основе существующих между вещами связей и отношений обозначающие их слова объединяются в языке в более или менее устойчивые группы[339], что эти группы отражают «единую схематизацию опыта» и что изучать их целесообразнее как единое целое в терминах отношений между словами. Например, значение англ. *Thursday* «четверг» можно установить только в отношении к *Monday* «понедельник», *Tuesday* «вторник», *Wednesday* «среда», *Friday* «пятница», *Saturday* «суббота», *Sunday* «воскресенье» в рамках заданного движением солнца календарного цикла из семи дней. Аналогичным образом англ. *father* «отец» нельзя рассматривать отдельно от *mother* «мать», *son* «сын», *daughter* «дочь» и *sister* «сестра»; англ. *buy* «покупать» – отдельно

[339] Небезынтересной становится в этой связи параллель с теорией поля И. Трира и Й. Л. Вайсгербера. Как считает Ч. Филлмор, концептуализация фрейма имеет немало общего с исследованиями лексических полей:
– во-первых, потому что фрейм структурируется, как и лексическое поле, на основе какого-то предопределяющего его знания;
– во-вторых, потому что входящие сюда лексические единицы образуют единую «понятийную» парадигму;
– в-третьих, потому что значение всякой входящей сюда лексической единицы устанавливается в отношении к другим единицам на основе существующих между ними структурных связей и отношений.

Различие состоит, по Ч. Филлмору, разве только в том, что
– в семантике фреймов знать значение слова, входящего в некоторую область лексики, можно и без знания всех слов этой области;
– фрейм может быть представлен одной лексической единицей;
– фреймовые структуры могут изучаться как в языке, так и вне языка;
– большинство фреймов существуют независимо от языка.

от *sell* «продавать», *pay* «платить», *spend* «тратить» и *cost* «стоить»; англ. *day* «день» – отдельно от *night* «ночь», *noon* «полдень», *midnight* «полночь», *morning* «утро», *afternoon* «время после полудня», *evening* «вечер» и т. п.[340] Во всех случаях, заключает Ч. Филлмор, «мы можем знать значения отдельных слов только при предварительном сознании фактического основания отношения, которое они определяют» (Филлмор 1988: 55).

Так подтверждаются предъявляемые к фрейму требования.

- Фрейм обеспечивает необходимый формат для представления знаний о типовых ситуациях, в терминах которых осмысливаются эти ситуации.
- Концептуальным фоном фрейма служат базисные системы знания («схемы»).
- Фрейм образуется на основе единой схематизации опыта.
- Языковой фрейм определяется в терминах отношений между словами.
- Всякая входящая в языковой фрейм единица активирует в сознании весь фрейм.

Барвайс Дж., *Перри Дж.* Ситуация и установки // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 264–292.

Ван Дейк Т. А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 228–271.

Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 171–207.

Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.

Читатель. — С образом читателя обычно связывают читательскую реакцию и соответственно изучают в связи с психологией восприятия,

[340] В таком определении фрейм совпадает отчасти с семантическими сетями, применяемыми для представления знаний в искусственном интеллекте. С каждым узлом такой сети соотносится какое-то ключевое понятие, а узел связывается отношением в виде направленной дуги с другими узлами, пока полностью не исчерпается набор возможностей (Скрэгг: 228–271).

принципом обратной связи, условиями рецепции, стратегией интерпретации [→ Интерпретация] и т. п.

Отводимое читателю место в художественной коммуникации варьирует вместе с исследовательской позицией – от игнорирования (в генетических исследованиях) до признания в качестве мерила художественных достоинств литературного произведения[341], необходимой составляющей художественной коммуникации и чуть ли даже не творческого начала, воссоздающего произведение в новом контексте [→ Контекст] (в стилистике декодирования). В первом случае читатель выводится за рамки художественного произведения как исключительно случайный фактор, во втором признается наравне с автором [→ Автором] внутренне необходимым моментом произведения [→ Текст].

Читатель как внутренний момент произведения. Нет ничего пагубнее для художественного произведения, как игнорирование читателя[342]. За исключением случаев автокоммуникации, когда автор выступает еще и в роли собственного своего читателя (Лотман 2000: 163–177), художественный текст ориентируется в той или иной степени на возможную аудиторию – идеального читателя, архичитателя (Riffaterre 1971), образцового читателя (Eco 1985). Даже не будучи персонально адресованным, текст обращается, о чем мы в состоянии судить хотя бы по данным в предуведомлении наставлениям, отступлениям и даже, как ни странно, по принуждению читателя к распутыванию сюжетной интриги или по затеянной с ним игре в обманутое ожидание, ко всем потенциальным читателям. В этом случае читатель – не условность, не «человек без истории, без биографии, без психологии» (Барт 1989: 390), а «внутренний момент произведения», «имманентный участник художественного события» (Волошинов 1995: 83).

[341] Недаром, по известному изречению Боккаччо, написанные им новеллы не являются сами по себе хорошими или плохими, а зависят от того, кто их читает.

[342] Ср. «Художественное произведение, взятое вне этого общения и независимо от него, является просто физической вещью или лингвистическим упражнением – художественным оно становится только в процессе взаимодействия творца и созерцателя как существенный момент в событии этого взаимодействия. Все то в материале художественного произведения, что не может быть вовлечено в общение творца и созерцателя, что не может стать “медиумом”, средой этого общения, – не может получить и художественного значения» (Волошинов 1995: 64; ср. Бахтин 1994: 74; Eco 1992: 19–47). По наблюдениям Н. В. Волошинова, это наиболее очевидно для лирики, исповеди и автобиографии. Отношение к читателю варьирует здесь в пределах от смиренного пиетета до недоверия и даже вражды. Например, исповедальный стиль «Записки» Ипполита в «Идиоте» Ф. М. Достоевского определяется почти крайней степенью презрительного недоверия ко всем, кто будет слушать эту предсмертную исповедь. Гораздо больше доверия и признания прав слушателя обнаруживает стиль «Исповеди Ставрогина» (Волошинов 1995: 81–82).

За вычетом лично адресованных посланий[343] читательская аудитория является, безусловно, неопределенной по объему, но более или менее определенной по содержанию, прежде всего по свойству «общей памяти». За отсутствием такой памяти коммуникация обречена на провал. Весьма примечательным тому свидетельством является, в частности, рассказанная Ю. М. Лотманом история про известного русского математика П. Л. Чебышева, отважившегося в поисках заработка прочитать лекцию для домохозяек о математических аспектах раскройки платья. Не успев дойти до сути, Чебышев распугал значительную часть аудитории такой, казалось бы, простой фразой, с которой начал выступление: *Предположим для простоты, что человеческое тело имеет форму шара* (sic!). Как заключает Ю. М. Лотман, текст отбирает себе аудиторию по образу и подобию своему (Лотман 2002: 169). Или, другими словами, в идеальном раскладе каждому тексту предназначается свой читатель, каждой картине – свой зритель, каждому говорящему – свой слушатель.

В отношениях между читателем и текстом возможны два крайних случая: либо текст воздействует на читателя, либо читатель воздействует на текст.

Воздействие текста на читателя. Изучая влияние текста на читателя, нельзя обойти вниманием возникающее в ходе чтения сопереживание с героями или, как еще говорят, вчувствование[344] в сопереживаемую

[343] Нельзя исключать, впрочем, и такие случаи, когда текст, адресованный какому-то частному лицу, например стихотворение А. С. Пушкина с посвящением Анне Петровне Керн, становится достоянием широкой аудитории. В такой переориентации сообщения Ю. М. Лотман усматривает характерный признак художественности. Пока признание в любви, пусть и в стихотворной форме, известно только адресату, оно функционирует как признание в любви; художественным оно становится при условии общественного признания (Лотман 2002: 174). Не исключаются вместе с тем и такие случаи, когда любовное послание, будучи общепризнанным фактом искусства, адресуется по воле автора разным получателям. Георгий Иванов вспоминает, как Гумилев посвящал одни и те же любовные стихи (с незначительными вариациями) разным адресатам. Ср. «Приглашение в Путешествие»: (1) *Чтобы порхать над черной вашей / Волнистой шапкою волос*; (2) *Чтобы порхать над русой вашей / Прелестной шапочкой волос*; (3) *Чтобы порхать над рыжей вашей / Кудрявой шапкою волос* (*Г. В. Иванов*. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: Книга, 1989. С. 447–448).

[344] нем. *Einfühlung*, англ. *empathy*. В эстетике восприятия прекрасной может быть, заметим попутно, только такая художественная форма, в которую можно вжиться, сопереживая внутреннее состояние созерцаемого объекта через посредство внешней выраженности. Бодлер, например, рассказывает, как Бальзак, любуясь картиной на осеннем парижском Салоне, воскликнул: *Как это прекрасно! Но что эти люди делают в этой хибаре? О чем думают? О чем печалятся? Был ли хорошим урожай? Им, конечно же, надо платить по долгам?* (Ch. Baudelaire, Exposition universelle, 1855, Beaux-arts, *Œuvres complètes*, Paris, Gallimard, 1976, t. 2, p. 579; Bibliothèque de la Pléade).

другую жизнь. Сопереживая страдание, читатель внутренне ощущает страдание, сопереживая ненависть, внутренне ощущает ненависть, сопереживая радость, внутренне испытывает чувство радости, но при этом никогда не отождествляет себя полностью с героем, а разве только вживается на мгновение в его чувства, помыслы и поступки – на мгновение воображает себя графом Монте-Кристо, Эммой Бовари или Анной Карениной. Так можно проверить собственную жизнь на соответствие роману, а иногда и внести в нее какие-то незначительные коррективы[345], но вряд ли окончательно поменять ее по примеру полюбившегося романа.

Текст побуждает к действию. Но за редким исключением сопереживание не приводит никогда к полному совпадению[346]. Сопереживание остается сугубо эстетической реакцией, пока текст воспринимается как художественный объект, а не как воплощенная в нем подлинная жизнь. Ситуация меняется кардинальным образом как только художественное назначение подменяется этическим, как только произведение, утрачивая эстетическую значимость, вторгается в жизнь, трансформирует читательское сознание вплоть до слома базовых установок и передела жизненной программы по извне заданной модели. Известно, например, какое воздействие оказал на читательскую аудиторию роман Гёте «Страдания юного Вертера» (1774). Другой не менее показательный пример. В «Письмах русского путешественника» (1791–1792) Н. М. Карамзин рассказывает, как некий молодой слуга, начитавшись «опасных произведений новых философов», кончает жизнь самоубийством с таким предсмертным завещанием в виде цитаты из Вольтера: *quand on n'est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoir* «Когда жизнь – ничто, надежда потеряна, жизнь – позор, а смерть – долг» («Меропа», действие 2, явление 7). Сей молодой человек, заключает Н. М. Карамзин, сделался жертвой «мечтательных умствований», поскольку «вместо утешения, извлекал из каждой мысли яд для души своей, необразованной воспитанием для чтения таких книг»[347].

[345] Ср. привлекаемые из изучаемых в средней школе произведений образцы для подражания: например, строить жизнь по Павлу Корчагину из романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1932–1934) или по Кошевому из романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» (1951). С исчезновением СССР образцами для подражания стали герои других романов.

[346] За вживанием следует обычно момент объективации: «…когда мы вчувствуем *свое* собственное внутренне состояние в объект, мы все же переживаем его не как непосредственно свое, но как состояние созерцания предмета» (Бахтин 1975: 1979: 56).

[347] *Н. М. Карамзин*. Письма русского путешественника. М.: Наука, 1987. С. 306–307, 665.

Воздействие читателя на текст. Изучая отношение читателя к тексту, нельзя обойти вниманием эффект так называемой обратной связи – воздействие читателя на текст сообразно данному сейчас и здесь интенциональному состоянию, намерению истолковать его в соответствии с собственными представлениями и внутренними переживаниями[348]. В этом случае, повторим за Прустом, читатель становится как бы читателем самого себя, а текст – своеобразным оптическим прибором, позволяющим усмотреть в себе какие-то дотоле неосознанные или смутно осознаваемые чувства, устремления и желания.

Очевидно, что искажаться смысловая структура текста может и по причине расхождения «исторических горизонтов» (Х.-Г. Гадамер). Пусть Ранке и видит задачу историка в том, чтобы показать, как было «на самом деле», подлежащий изучению исторический факт не становится оттого однозначным, а его толкование непреложным на фоне исторически изменчивых форм жизни. Так же, в сущности, обстоит и с рецепцией художественного произведения, величиной одновременно постоянной и переменной – постоянной как объект понимания, переменной по вычитываемому в разных культурно-исторических контекстах смыслу. Не случайно в стилистике декодирования смысл текста определяют в отношении к читателю как зависимую переменную величину, как величину, зависимую от исторически подвижных взглядов, вкусов и требований читателя[349]. Как заключает И. В. Арнольд, «читатель не существует вне времени и пространства. Каждая культура, каждая эпоха, каждый период в истории культуры и, наконец, каждый отдельный читатель имеет свои критические тенденции и требования, свое восприятие творчества писателей» (Арнольд 1981: 21–22).

Искажение смысловой структуры текста может быть вызвано, наконец, и откровенным интерпретационным произволом – навязыванием тексту абсолютно чуждых толкований с целью приспособить его к соответствующим положениям какой-то объяснительной теории[350]. Показательным тому примером служат, в частности, постмодернистские интерпретации, с завидным постоянством сводящиеся к деконструкции

[348] Или, как говорят в феноменологии восприятия, в ценностных категориях своего *я-для-себя*. Ср. «...жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как *я*, в форме отношения к себе самому, в ценностных категориях моего *я-для-себя*: понять – значит вжиться в предмет, взглянуть на него его же собственными глазами, отказаться от существенной своей вненаходимости ему» (Бахтин 1979: 176).

[349] В таких случаях текст служит не только механизмом памяти культуры, но и генератором новых смыслов.

[350] Интерпретация сообразуется в таком случае с такой герменевтической установкой, как применение: *subtilitas applicandi* [→ Герменевтика].

как условию бесконечной игры означаемых. Так, «вчитываясь» в поэму Малларме « Salut », Л. Финас совершенно произвольно преобразует некоторые означаемые на основе ничем не мотивированной, кроме случайного звукового сходства, связи: *vers* «стих» в *verre* «стакан», *vierge* «девственный» в *verge* «мужской детородный орган», *troupe* «команда» в *croupe* «крестец», *écume* «пена» в *écu* «экю» и т. д. (Finas 1974). По справедливому замечанию Ф. Растье, обоснованность таких преобразований ничтожна, во всяком случае для тех, кого не устраивает игра без правил (Растье 2001: 240). Так изо всего можно вывести решительно все.

Подытожим.

- Читатель – такой же равноправный участник художественного события, как и автор.
- Даже не будучи лично адресованным, текст содержит в себе образ аудитории, для которой предназначается – неопределенной по объему, но определенной по свойству общей памяти как необходимому условию адекватной рецепции.
- Отношения между читателем и текстом строятся по типу диалогических отношений.
- В художественной коммуникации *intentio lectoris* является таким же неотъемлемым моментом произведения, как *intentio auctoris*.
- Чтение – творческий акт по воссозданию произведения в новом контексте.

Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПБ, 2002. С. 169–174.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005.

Eco U., *Lector in fabula*, Paris, Grasset, 1985.

Eco U., Intentio lectoris. Notes sur la sémiotique de la réception, in *Les limites de l'interprétation*, Paris, Bernard Grasset, 1992, p. 19–47.

Lecteur, in Démougin J. (sous la direction de), *Dictionnaire des littératures*, Paris, Larousse, 1994, p. 881.

Экстенсионал. — В отличие от интенсионала [→ Интенсионал], под экстенсионалом понимают значение языковых выражений, установленное на основе сугубо внешних связей с обозначаемыми ими реалиями. Например, чтобы пояснить, что означает *оранжевый*, можно говорить о «предрасположенности» слова вызывать в нашем сознании образ данного качества, объяснять, что оранжевый цвет образуется в результате смешивания желтого с красным или, что проще, указать на объекты, обладающие этим свойством – апельсин, мандарин или фломастер оранжевого цвета. В экстенсиональном определении путь к значению лежит

через обозначение, через референцию [→ Референция] к обозначаемым словами реалиям в согласии с положением: «…обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению» (Шухардт 1950: 206).

Логика и философия языка издавна занимаются экстенсиональным анализом значения [→ Значения «значения»]. Поскольку в экстенсиональном исчислении анализ языковых выражений подчиняется изучению отношений между этими выражениями и внеязыковыми реалиями, основная задача сводится к идентификации «состояний, процессов и объектов внешнего мира» (Бирвиш 1981: 194–197; ср. Даммит 1987: 152; МакКоли 1983: 183–185) как условиям, которым языковое выражение должно удовлетворять, чтобы правильно обозначать. Высказывание признают истинным тогда и только тогда, когда известен его экстенсионал. Например, чтобы определить истинностное значение высказывания *Человек высадился на Луне*, требуется установить, существует ли на самом деле человек, который высадился на Луне. С этой целью в экстенсионале понятия «люди» выделяют какого-то индивидного представителя, существование которого и обеспечивает истинность анализируемого высказывания[351].

Установка на экстенсионал в угоду «чувству реальности» (Б. Рассел) оборачивается вместе с тем трудноразрешимыми проблемами. Основная сложность, с которой сталкивается экстенсиональная семантика [→ Семантика], это даже не безденотатные имена вроде *химер, русалок* или *единорогов*, а размытость экстенсионала. С референтной неопределенностью мы сталкиваемся действительно всякий раз, когда отсутствует лингвистический и/или прагматический контекст [→ Контекст]. Возьмем такое предложение из школьного учебника по грамматике: *Пожилой джентльмен часто ходил по улицам города*. Даже если нам известно значение образующих его слов, можно ли уловить, спрашивает Ф. Джонсон-Лэрд (1988: 235–236), смысл (significance) утверждения, то есть пропозицию, которую оно выражает в контексте? В экстенсиональном определении высказывание действительно неопределенно, а для кого-то даже и неоднозначно [→ Неоднозначные высказывания], поскольку *прозрачной* в экстенсиональном анализе интерпретация может быть только при известном, причем обязательно реальном референте, когда мы знаем, что *город* соотносится с Принстоном, *пожилой джентльмен* – с Эйнштейном[352].

[351] Интенсионал «проверяют» в таком случае путем соотнесения с экстенсионалом. В этих целях, вероятно, и разработаны теории номинации [→ Номинация] и определенных дескрипций.

[352] Во избежание «истинностного провала» различают два употребления определенных дескрипций – атрибутивное и референтное. Высказыванию приписывают атрибутивное толкование, когда неясно о ком идет речь; референтное толкование, когда речь идет об определенном индивидном объекте (Доннелан 1982: 139–144).

В референтном толковании выражения *пожилой джентльмен* и *Эйнштейн* можно в принципе считать, раз они указывают на тот же объект, равнозначными и соответственно взаимно заменять salva veritate по правилам простой подстановки. Но, пусть эти выражения и тождественны по экстенсионалу, можно ли говорить о тождестве смысла [→ Смысл и значение]? Очевидно, нет, поскольку каждое из этих выражений характеризует объект по-разному: в первом случае это дескрипция, во втором – имя собственное. Вероятно, поэтому Х. Патнэм призывает к четкому разграничению экстенсионала от интенсионала со ссылкой на другой не менее убедительный пример: именные выражения *существо, имеющее почки* и *существо, имеющее сердце*, пусть и совпадают по экстенсионалу, различаются по интенсионалу (Патнэм 1982: 377; ср. Растье 2001: 20).

Не меньшие затруднения вызывает, кроме того, и так называемый «экстенсиональный произвол» (Н. Д. Арутюнова). Даже не касаясь смещенного словоупотребления [→ Номинация вторичная], можно вспомнить немало случаев, когда экстенсионал расходится с интенсионалом, когда по неведению, недоразумению или какой-то другой причине объект называют «чужим» именем или приписывают ему несвойственные для него качества. Например, за отсутствием познаний в ботанике бук называют *вязом*, вяз – *буком*, негодяя – порядочным, безнравственного человека – хорошим семьянином и т. п.[353]

Экстенсионал чужд «фактору смысла», поскольку учитывает только дескриптивные характеристики объекта. Когда хотят понять, осмыслить, «семиологизировать» действительность, превратив ее в поддающийся прочтению текст, от внешних признаков объекта переходят к способу его представления в том или ином контексте мнения. Экстенсионал тем самым как бы подправляется интенсионалом в релевантном для человека контексте жизни (Арутюнова 1998: 515–516, 526).

Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследования оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.

Тондл Л. Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1975.

[353] Ср. пример из «Княжны Мими» В. Ф. Одоевского: *...мы здесь перемешали значения всех слов, и до такой степени, что если ты назовешь безнравственным человека, который обыгрывает в карты, клевещет на ближнего, владеет чужим именем, тебя не поймут, и твое прилагательное покажется странным*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Августин. Об обучении оглашаемых // Богословские труды. 15. М.: Издание Московской патриархии, 1976. С. 25–55.

Августин. Исповедь // Богословские труды. 19. М.: Издание Московской патриархии, 1978. С. 71–264.

Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996.

Айдукевич К. Язык и смысл // Логос # 7. Философско-литературный журнал. 1999. № 17. С. 67–93.

Анисимова Н. П. Современные французские семантические теории (историко-эпистемологический анализ). Тверь: Тверской гос. университет, 2002.

Апресян Ю. Д. Избранные труды в двух томах. М.: Языки русской культуры, 1995.

Апресян Ю. Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–22.

Апресян В. Ю., *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. редактор Ю. Д.Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.

Аристотель. Категории // Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. З. Н. Микеладзе; прим. И. С. Нарского и Н. И. Стяжкина. М.: Мысль, 1978. С. 51–90.

Аристотель. Об истолковании // Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. З. Н. Микеладзе; прим. И. С. Нарского и Н. И. Стяжкина. М.: Мысль, 1978. С. 91–116.

Аристотель. Топика // Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. З.Н. Микеладзе; пер. М. И. Иткина; прим. И. С. Нарского и Н. И. Стяжкина. М.: Мысль, 1978. С. 347–531.

Аристотель. Поэтика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645–680.

Аристотель. Риторика. Книга III / Пер. и коммент. С. С. Аверинцева // *С. С. Аверинцев*. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 367–432.

Арнольд В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1982.

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 5–40.

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984. С. 5–23.

Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Речевые действия / Под ред. Н. Д. Арутюновой и Н. К. Рябцевой. М.: Наука, 1994. С. 302–316.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.

Арутюнова Н. Д., *Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го франц. издания Е. В. и Т. В. Вентцель; ред., вступ. ст. и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.

Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.

Баранов А. Н., *Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН. СЛЯ. 1976. № 1. С. 11–21.

Барвайс Дж., *Перри Дж.* Ситуация и установки // Философия. Логика. Язык / Сост. и предисл. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 264–292.

Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 442–448.

Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика / Сост. и вступ. ст. И. Р. Гальперина. М.: Прогресс, 1980. С. 307–312.

Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.

Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // *И. Гофман*. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. / Пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. ст. Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 7–56.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Прим. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.

Беллерт М. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 172–207.

Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.: МАЛП, 1996.

Беляевская Е. Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 60–72.

Беляевская Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. Сб. науч. трудов. М.: ИНИОН, 2006. С. 67–86.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.

Бендикс Э. Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии / Общая ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983.

Березин Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1975.

Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 177–199.

Бирвиш М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 93–152.

Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат; коммент. Е. С. Кубряковой; под ред. и с предисл. М. М. Гухман. М.: Прогресс, 1968.

Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001 (электронная версия).
Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001.
Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 200–234.
Бочкарев А. Е. Эпистемологические аспекты значения. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007.
Бочкарев А. Е. Об эпистемологических основаниях категоризации: классифицирующее понятие – понятие – концепт // Вопросы когнитивной лингвистики, 2, 2007. С. 15–20.
Боэций. Комментарий к Порфирию // Утешение философией и другие трактаты / Отв. ред. и сост. Г. Г. Майоров. М.: Наука, 1996. С. 5–116.
Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Семиотика/ Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1985. С. 429–436.
Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной; вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993.
Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 370–387.
Вайсгербер Й. Л. Язык как форма общественного сознания // Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. М.: Изд-во Московского университета, 1993. С. 90–103.
Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост. и общая ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.
Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
*Ван Дейк Т.*А., *Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 225–252.
Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 336–369.
Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997.
Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1970. С. 163–249.
Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176.
Вендлер З. Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 203–236.
Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык / Сост. и предисл. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 293–317.
Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.

Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. С. 123–170.
Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство АН СССР, 1963.
Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Сост. Т. Г. Винокур; предисл. В. П. Григорьева. М.: Высшая школа, 1991.
Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., прим. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994.
Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / Вступ. ст. Н. Л. Васильева; сост., прим., библ. указ. Д. А. Юнова. СПб.: Аста-пресс Ltd, 1995.
Вригт Г. Х фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986.
Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.
Выготский Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
Выготский Л. С. Педология подростка // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 5–242.
Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1971. С. 78–96.
Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971 / Отв. ред. С. К. Шаумян. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977.
Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
Гаспаров М. Л. Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. С. 91–169.
Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В четырех томах. М.: Искусство, 1968–1971.
Гипотеза в современной лингвистике / Отв. ред. Ю. С. Степанов. М.: Наука, 1980.
Гиро П. Разделы и направления стилистики и их проблематика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика / Сост. и вступ. ст. И. Р. Гальперина. М.: Прогресс, 1980. С. 35–68.
Гладкий А. В. О значении союза *если* // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 35. М.: Языки русской культуры – Русские словари, 1997. С. 153–183
Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. ст. Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
Греймас А.-Ж. К теории интерпретации мифологического нарратива // Зарубежные исследования по семиотике фольклора / Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 109–144.
Греймас А.-Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 483–550.

Грифцов Б. А. Психология писателя / Вступ. ст. С. Зенкина. М.: Художественная литература, 1988.
Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика / Сост., ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1989. С. 209–258;
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984.
Гуссерль Э. Общее введение в чистую феноменологию // Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
Даммит М. Что такое теория значения? // Философия. Логика. Язык / Сост. и предисл. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.
Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация/ Пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989.
Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы / Под общ. ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В. В. Бибихина и Н. С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 13–234.
Дильтей В. Возникновение герменевтики // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы / Под общ. ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В. В. Бибихина и Н. С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 235–254.
Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Под ред. Н. Д. Арутюновой и Н. Ф. Спиридоновой. М.: Индрик, 2003. С. 47–55.
Доннелан К. С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 134–160.
Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 99–120.
Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность // Философия. Логика. Язык / Сост. и предисл. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 213–233.
Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. Общая риторика / Пер. с франц. Е. Э. Разлоговой и Б. П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986.
Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 263–291.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа brahmodya // Паремиологические исследования / Сост. и ред. Г. Л. Пермякова; предисл. Т. В. Цивьян. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 14–46.
Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.
Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах / Общ. ред. и вступ. ст. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Отв. ред. Ю. Д. Левин и Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1977.

Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Языки русской культуры, 1999.
Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во Московского университета, 1957.
Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967.
Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Московского университета, 1973.
Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 38–53.
Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики 1980 / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1982. С. 5–19.
Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1–4. М.: Языки русской культуры, 1998–2007.
Изенберг Х. О предмете лингвистической теории текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост. и общая ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 43–56.
Из работ московского семиотического круга / Сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Языки русской культуры, 1997.
Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1–2 / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Изд-во Индрик, 1994–1999.
Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987.
Кант Э. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского; сост., вступ. ст. В. А. Жучкова; прим. В. В. Васильева и В. А. Жучкова. М.: Наука, 1999.
Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.
Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1976.
Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.
Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Пер. Н. Н. Воробьева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: Изд-во Шиповник, 1912.
Кассирер Э. Философия символических форм. В трех томах. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вступ. статья В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 33–49.
Кёнгэс-Маранда Э. Теория и практика анализа загадок // Паремиологические исследования / Сост. и ред. Г. Л. Пермякова; предисл. Т. В. Цивьян. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 47–60.
Кибрик А. Е. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 337–396.
Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 333–348.
Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 7–21.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 143–343.
Коул П. Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 391–405.
Кох В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост. и общая ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 149–171
Кронгауз М. А. Семантика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
Кронгауз М. А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 137–141.
Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 194–241.
Куайн У. В. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 24–98.
Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 90–93.
Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28–34.
Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.
Кубрякова Е. С., *Демьянков В. З.*, *Панкрац Ю. Г.*, *Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997.
Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1986.
Куно С. Некоторые свойства нереферентных именных групп // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 292–339.
Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978.
Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 350–368.
Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Перев. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
Лакофф Дж., *Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.
Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора / Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 9–76.
Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов. Коллективная монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011.
Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 161–178.
Логический анализ языка: Знание и мнение / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1988.
Логический анализ языка: Референция и проблемы текстообразования / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1988.
Логический анализ языка: Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1989.
Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990.
Логический анализ языка: Культурные концепты / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1991.
Логический анализ языка: Ментальные действия / Под ред. Н. Д. Арутюновой и Н. К. Рябцевой. М.: Наука, 1993.
Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1995.
Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.
Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского университета, 1990.
Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Избранное / Вступ. ст., сост. и прим. В. П. Филатова. М.: Правда, 1991. С. 13–334.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
Лотман Ю. М. О сюжетном пространстве русского романа XIX столетия // Актуальные проблемы семиотики культуры: Труды по знаковым системам, 20. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1987. С. 102–114.
Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПБ, 1994.
Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998.
Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПБ, 2000.
Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПБ, 2002.
Льюис К. И. Виды значения // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 211–224.
МакКоли Дж. Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 235–301.
МакКоли Дж. Д. Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 177–200.
Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории Луи Ельмслева» // Новое в лингвистике. Вып. I / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 437–461.
Мейлах М. Б. Русский довоенный театр абсурда (К пятидесятилетию пьесы Александра Введенского «Елка у Ивановых») // Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990. С. 356–385.
Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Отв. ред. Ю. Б Виппер. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1986.
Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1990.
Миллер Дж. А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория ме¬тафоры. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 236–283.
Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Изд-во Мир, 1966.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Сост. и коммент. Ю. М. Лотмана и О. М. Малевича, вступ. ст. Ю. М. Лотмана. М.: Искусство, 1994.
Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство – СПБ – Набоковский фонд, 1998.
Найда Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 61–74.
Никитин М. В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983.
Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост. и общая ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 5–39.
Николаева Т. М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 27–57.
Ору С. История. Эпистемология. Язык / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 2000.
Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык / Сост. и предисл. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 48–95.
Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Под ред. Д. П. Горского. М.: Мысль, 1983.
Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 184–226.
Падучева Е. В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 187–203.
Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии / Пер. с англ. Е. Е. Ледникова. М.: Идея-Пресс, 2002.
Паремиологические исследования. Сб. статей / Сост. и ред. Г. Л. Пермякова. М.: Гл. редакция восточной литературы, 1984.
Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга. 1982. С. 377–390.
Патнэм Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. М.: Праксис, 2002.
Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Типография В. М. Саблина, 1914.
Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистка. Москва: Восток – Запад, 2007.
Потебня А. А. Эстетика и поэтика / Сост., вступ. ст., библ. и прим. И. В. Иваньо и А. И. Колодной. М.: Искусство, 1976.
Пирс Ч. С. Grammatica Speculativa // Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков / Пер. с англ., предисл. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 40–223.
Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1969.
Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 566–584.

Радбиль Т. Б. Норма и аномалия в парадигме «реальность – текст» // Филологические науки. 2005. № 1. С. 53–63.
Радбиль Т. Б. Языковая аномальность и художественный дискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2005. Вып. 1 (6). С. 110–116.
Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. Монография / Науч. ред. А. Д. Шмелев. М.: Изд-во МПГУ, 2006.
Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 41–54.
Рассел Б. Исследование значения и истины / Пер. с англ. Е. Е. Ледникова и А. Л. Никифорова. М.: Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с франц., прим., предметно-именной указатель А. Е. Бочкарева. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Сб. науч. ст. Вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 274–323.
Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии / Общая ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 261–300.
Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 435–455.
Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / Пер. с франц., послесл., прим. И. С. Вдовина. М.: Искусство, 1996.
Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика / Сост. и вступ. ст. И. Р. Гальперина. М.: Прогресс, 1980. С. 69–97.
Розина Р. И. Когнитивные тенденции в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 60–78.
Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.
Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 43–78.
Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы) / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 147–187.
Серл Дж. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 179–202.
Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык / Сост. и предисл. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
Серл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.
Серл Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 242–263.
Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. под ред.

и с предисл. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. С. 228–271.
Соловьев В. С. Достоверность разума // Сочинения в двух томах / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; прим. С. Л. Кравца и Н. А. Кормина. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 797–813.
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Пер. с франц. А. М. Сухотина, переработанный А. А. Холодовичем. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.
Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975.
Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 55–86.
Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 109–133.
Стросон П. С. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 130–150.
Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.
Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983.
Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / Отв. ред. Уфимцева. М.: Наука, 1981.
Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1986.
Тертуллиан К. С. Ф. Избранные сочинения / Сост. и общая редакция А. А. Столярова. М.: Издательская группа Прогресс, 1994.
Терц А. Путешествие на Черную речку // Синтаксис. 1994. № 34. С. 3–51.
Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 450–463.
Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Л.: ГИЗ, 1925.
Томашевский Б. В. Стилистика / Отв. ред. и автор послесл. А. Б. Муратов. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983.
Тондл Л. Проблемы семантики / Перев. с чешского Ю. И. Зуева и А. А. Корчагина под ред. и послесловием А. И. Уемова. М.: Прогресс, 1975.
Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 99–132.
Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 193–238.
Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического: Избранное / Ред. В. П. Руднев. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995.
Топоров В. Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга / Сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 455–515.
Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 579–707.
Топоров В. Н., *Цивьян Т. В.* Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19 / Сост. Н. Богомолова, вступ. ст. Г. Анджапаридзе. М.: Художественная литература, 1990. С. 420–447.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Отв. ред. В. А. Каверин и А. С. Мясников М.: Наука, 1977.
Ульдалль Х. И. Основы глоссематики (Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике) // Новое в лингвистике. Вып. I / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 390–436.
Успенский Б. А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 265–278.
Успенский Б. А. Поэтика композиции // *Б. А. Успенский*. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 9–218.
Уфимцева А. А. Лексическая номинация // Языковая номинация (Виды наименований) / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 5–85.
Уэллек Р., *Уоррен О.* Теория литературы / Вступ. ст. А. А. Аникста, комментарий Б. А. Гиленсона. М.: Прогресс, 1978.
Филлмор Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.
Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1983. С. 23–60.
Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
Фреге Г. Смысл и денотат / Перев. Е. Э. Разлоговой // Семиотика и информатика, 8. М.: ВИНИТИ, 1977. С. 181–210.
Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000.
Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 1998.
Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с нем. Я. Когана. СПб.: Алетейя, 1998.
Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., подготовка текста, коммент. и послесл. Н. В. Брагинской. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Сост., пер., вступ. ст., прим. А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993.
Ханзен-Леве Оге А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001.
Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. Сборник избранных статей / Сост. и вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Садовского и В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1980.
Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высшая школа, 1988.
Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 183–195.
Хэллидей М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 138–148.
Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. С. 171–207, 272–317.
Чейф У. Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. Г. С. Щура; послесловие С. Д. Кацнельсона. М.: Прогресс, 1975.

Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцева; пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. Ю. Городецкого. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.
Шенк Р., *Бирнбаум Л.*, *Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика / Сост., ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1989. С. 32–47.
Шестов Л. Афины и Иерусалим // Сочинения в двух томах. Т. 1 / Сост., науч. подготовка текста, вступ. ст. и прим. А. В. Ахутина. М.: Наука, 1993. С. 317–664.
Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика. Сб. по теории поэтического языка, 1–2. Петроград: Опояз, 1919. С. 101–114.
Шкловский В. «Тристам Шенди» Стерна и теория романа. Петроград: Опояз, 1921.
Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1984.
Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.
Шмелев Д. Н. Языковая небрежность и поэтическая вольность // Res Philologica. М., Л.: Наука, 1990. С. 460–464.
Шпербер Д., *Уилсон Д.* Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 212–233.
Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345–472.
Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1989. М.: Наука, 1989. С. 231–268.
Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию / Пер. с нем. А. С. Бобовича; ред., предисл., и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 198–209.
Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1 / Отв. ред. М. И. Матусевич. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1958. С. 54–91.
Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005.
Энгельгардт Б. М. Формальный метод в истории литературы. Л.: Academia, 1927.
Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика. Сб. по теории поэтического языка, 1–2. Петроград: Опояз, 1919. С. 151–165.
Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969.
Языковая номинация. Общие вопросы / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977.
Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977.
Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.

Arrivé M., Pour une théorie des textes poly-isotopes, *Langages*, 31, 1973, p. 53–63.
Auroux S., Qu'est-ce que l'épistémologie ?, in *Dialogue*, 1976, Nº 15, p. 302–320.
Auroux S, *La philosophie du langage*, Paris, P.U.F., 1996.
Barthes R., *Œuvres complètes*, Paris, Seuil, 1993–1995, t. 1–3.
Bremond C., Le message narratif, in *Communications*, 1964, № 4, p. 4–32.
Bremond C., La logique des possibles narratifs, in *Communications*, 1966, № 8, p. 60–76.
Breton A., Signe ascendant, in *La clé des champs*, Paris, Jean-Jacques Pauvert éd., 1967, p. 173–178 ; coll. 10/18.
Cauquelin A., Temps du silence, in Sfez L. (éd.), *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 164–178.
Coquet J.-C., Sémiotiques, in *Langages*, 31 (Sémiotiques textuelles), sept. 1973, p. 3–12.

Coquet J., L'implicite de l'énonciation, *Langages*, 70, 1983, p. 9–14.
Coquet J.-C., *La quête du sens. Le langage en question*, Paris, P.U.F., 1997 ; coll. « Formes sémiotiques ».
Coseriu E., Lexikalische Solidaritäten, in *Poetica*, 1967, Nº 1, p. 293–303.
Courtés J., *Analyse sémiotique du discours. De l'énoncé à l'énonciation*, Paris, Hachette, 1991.
Dummett M., What is the Theory of Meaning, in Guttenplan S. (ed.), *Mind and Language*, Oxford, 1975, p. 67–137.
Derrida J., La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines, in *L'écriture et la différence*, Paris, Seuil, 1967, p. 409–428.
Ducrot O., Todorov, T., *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Paris, éd. du Seuil, 1972.
Dubois J., *Problèmes de l'analyse du discours*, Langages, 13, mars 1969, p. 3–7.
Dubois J. e. a., *Rhétorique générale*, Paris, Larousse, 1970.
Dubois J. e. a., *Rhétorique de la poésie : Lecture linéaire, lecture tabulaire*, Paris, P.U.F., 1977.
Dubois Ph., La métaphore filée et le fonctionnement du texte, *Le français moderne*, 43, 1975, p. 203–213.
Dubois Ph., La métaphore filée, in *Stratégies discursives*, Lyon, P.U.L., 1978, p. 267–279.
Ducrot O., *Dire et ne pas dire*, Paris, Hermann, 1972.
Ducrot O., Todorov T., *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*, Seuil, 1972 ; coll. « Points ».
Ducrot O., Les lois du discours, *Langue française*, 42, mai 1979, p. 21–33.
Eco U., *L'œuvre ouverte*, Paris, Seuil, 1965 ; coll. « Points ».
Eco U., *Lector in fabula*, Paris, Grasset, 1985.
Eco U., *Sémiotique et philosophie du langage*, Paris, P.U.F, 1988.
Eco U., *Le signe*, Paris, Gallimard, 1992.
Eco U., *Les limites de l'interprétation*, Paris, Bernard Grasset, 1992 ; coll. « Biblio essais ».
Fauconnier G., *Espaces mentaux*, Paris, éd. de Minuit, 1984.
Fontanier P., *Les figures du discours*, Paris, Flammarion, 1977.
Fontanille J., *Sémiotique du visible. Des mondes de lumière*, Paris, P.U.F., 1995 ; coll. « Formes sémiotiques ».
Fontanille J., *Sémiotique et littérature. Essais de méthode*, Paris, P.U.F., 1999 ; coll. « Formes sémiotiques ».
Genette G., *Figures* III, Paris, Seuil, 1972 ; coll. « Poétique ».
Genette G., *Palimpsestes. La littérature au second degré*, Paris, Seuil, 1982 ; coll. « Poétique ».
Greimas A.-J., *Sémantique structurale*, Paris, Larousse, 1966.
Greimas A.-J., *Du sens*, Paris, Seuil, 1970.
Greimas A.-J., Courtés J., *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*, Paris, Hachette, 1979.
Groupe Mu, *Rhétorique de la poésie*, Bruxelles, Complexe, 1977.
Harris Z., Analyse du discours, *Langages*, 61, 1969, p. 8–45.
Hjelmslev L., *Essais linguistiques*, Paris, Minuit, 1971, 275 p.
Houdé O., Kayser D., Kœnig O., Proust J., Rastier F., éd., *Vocabulaire de sciences cognitives*, Paris, P.U.F., 1998.
Jauss H. R., *Pour une herméneutique littéraire*, Paris, Gallimard, 1982.
Jakobson R., Two aspects of language and two types of aphasic impairments, *Selected Writings*, vol. II. The Hague – Paris, 1971, p. 239–259.
Jakobson R., *Essais de linguistique générale*, Paris, éd. de Minuit, 1963.
Katz J. J., Fodor J. A., The structure of semantic theory, in *Language*, 1963, v. 39, 2, p. 170–210.
Kerbrat C., *L'implicite*, Paris, Armand Colin, 1986.
Kerbrat-Orecchioni C., *La connotation*, Lyon, P.U.L., 1977.
Kerbrat-Orecchioni C., *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*, Paris, Librairie Arman Colin, 1980.

Kerbrat-Orecchioni C., Implicite, in Sfez L. (éd.), *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 251–253.
Kerbrat-Orecchioni C., Pragmatique, in Sfez L. (éd.), *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1, p. 257–260.
Kleiber G., Phrases et valeurs de vérité, in Martin R. (éd.), *La notion de recevabilité en linguistique*, Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.
Kleiber G. Quelques réflexions sur le vague dans les langues naturelles, *Etudes de linguistique générale et de linguistique latine offertes en hommage à Guy Serbat*, Paris, Société pour l'information grammaticale, 1987, p. 157–172.
Kleiber G., *La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical*, Paris, P.U.F., 1990 (réédition 2004).
Kleiber G., Prototype et prototypes: encore une affaire de famille, *Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité*, Paris, CNRS, 1991, p. 108–129.
Kleiber G., Contexte, interprétation et mémoire : approche standard *vs* approche cognitive, in *Langue française*, 103, sept. 1994, p. 9–22.
Klinkenberg J.-M., Le concept d'isotopie en sémantique et en sémiotique littéraire, *Le français moderne*, 41, 3, 1973, p. 285–290.
Kristeva J., *Recherches pour une sémanalyse*, Paris, Seuil, 1969.
Kristeva J., *La révolution du langage poétique*, Paris, Seuil, 1974.
Lakoff, G., Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts, *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Chicago, 1972, p. 183–228.
Langacker R. W., An introduction to Cognitive Grammar, in *Cognitive Science*, 1986, X (1), p. 1–40.
Le Gern M., *Sémantique de la métaphore et de la métonymie*, Paris, Larousse, 1978.
Maingueneau D., *Initiation aux méthodes de l'analyse du discours. Problèmes et perspectives*, Paris, Hachette, 1976.
Martin R., *Pour une logique du sens*, Paris, P.U.F., 1983.
Mazaleyrat, J., Molinié, G., *Vocabulaire de la stylistique*, Paris, P.U.F., 1989.
Molinié G., Les lieux du discours littéraire, Plantin Ch. (éd.), *Lieux communs, topoï, stéréotypes, clichés*, Paris, Ed. Kimé, 1993, p. 92–100.
Molinot J., Soublin F., Tamine J., Problèmes de la métaphore, *Langages*, n° 54, 1979, p. 5–40.
Morris Ch., Fondements de la théorie des signes, in *Langages*, 35, 1974, p. 15–21.
Mounin G., *Dictionnaire de la linguistique*, Paris, P.U.F., 1974.
Ogden C. K. & Richards I. A., *The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*, London, K. Paul, 1923 (reprint 1969).
Pottier B., Vers une sémantique moderne, *Travaux linguistiques et littéraires*, 1964, p. 107–138.
Pottier B., *Linguistique générale. Théorie et description*, Paris, Klincksieck, 1974.
Pottier B., *Représentations mentales et catégorisations linguistiques*, Louvain – Paris, Editions Peeters, 2000.
Putnam H., *Reason, Truth and History*, Cambridge, Cambridge University Press, 1981.
Putnam H., Models and Reality, *Journal of Symbolic Logic* 45, 1980, p. 464–482.
Putnam H., *Représentation et réalité*, Paris, Gallimard, 1990 ; « Coll. nrf essais ».
Rastier F. Pour une systématique des isotopies // Greimas A.-J. (éd.)., *Essais de sémiotique poétique*, Paris, Larousse, 1972, p. 80–106.
Rastier F. Ah ! Tonnerre ! Quel trou dans la blanquette ! Essai de sémantique interprétative // *Langue française. Sémiotique et enseignement du français*,1984, Nº 61 (février), p. 27–54.
Rastier F., *Sémantique interprétative*, Paris, P.U.F., 1987 ; coll. « Formes sémiotiques ».
Rastier F., Peut-on définir sémantiquement le prototype ?, in *Sémiotiques*, 1988, vol. 1, n° 1, p. 38–48.
Rastier F., *Sens et textualité*, Paris, Hachette, 1989.
Rastier F., La triade sémiotique, le trivium, et la sémantique linguistique, *Nouveaux actes sémiotiques*, 9, 1990.
Rastier F., *Sémantique et recherches cognitives*, Paris, P.U.F., 1991; (réédition 2001).

Rastier F. Catégorisation, typicalité et lexicologie // *Sémantique et cognition. Catégories, prototypes, typicalité*, Paris, CNRS, 1991, p. 259–277.
Rastier F., La sémantique des textes et l'approche interprétative, *Champs du signe : Sémantique. Rhétorique. Poétique*, Presses universitaires de Mirail, 1992, p. 181–192.
Rastier F., Le problème du style pour une sémantique du texte, in Cahné P. & Molinié, G., éd., *Qu'est-ce que le style ?*, Paris, PUF, 1994, p. 263–282.
Rastier F., La sémantique des thèmes ou le voyage sentimental, in *L'analyse thématique des données textuelles*, Paris, Didier, 1995, p. 223–249.
Rastier F., La sémantique des textes – concepts et applications, in *Hermes. Journal of Linguistics,* n° 16, 1996, p. 15–37.
Rastier F., *Arts et sciences du texte*, Paris, P.U.F., 2001 ; coll. « Formes sémiotiques ».
Rastier F., *La Mesure et le Grain. Sémantique de corpus*, Paris, Honoré Champion, 2011.
Récanati F., Le développement de la pragmatique, in *Langue française*, 42 (La pragmatique), mai 1979, p. 6–20.
Richard J.-P., *Poésie et profondeur*, Paris, Seuil, 1955 ; coll. « Essais ».
Richard J.-P., *Proust et le monde sensible*, Paris, Seuil, 1974 ; coll. « Points ».
Ricœur P., *Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique*, Paris, éd. du Seuil, 1969.
Riffaterre M., La métaphore filée dans la poésie surréaliste, *Langue française*, 1969, 3, p. 46–60.
Riffaterre M, *Essais de stylistique structurale*, Paris, Flammarion, 1971.
Riffaterre M, L'intertexte inconnu, *Littérature*, 41, février 1981, p. 4–7.
Riffaterre M., *Sémiotique de la poésie*, Paris, éd. du Seuil, 1983.
Rochlitz R., Herméneutique, in Souriau E., *Vocabulaire d'esthétique*, Paris, P.U.F., 1990, p. 822–823.
Rosch E., Natural Categories, *Cognitive Psychology*, 1973, Nº 4, p. 328–350.
Rosch E., Human categorization, Warren N. (ed.), *Advances in Cross-Cultural Psychology*, vol. 1, London: Academic Press, 1977, p. 1–72.
Rosch E., Principles of Categorization, Rosch E. & Lloyd B. (eds.), *Cognition and Categorization*, Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978, p. 27–48.
Rosch E. & Mervis C., Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories, *Cognitive Psychology*, 1975, Nº 7, p. 573–605.
Rosch E. et al., Basic Objects in Natural Categories, *Cognitive Psychology*, 1976, Nº 8, p. 382–436.
Ruwet N., Synecdoques et métonymies, *Poétique*, 23, 1975, p. 271–388.
Salanskis J.-M., Rastier F., Scheps R., *Herméneutique : textes, sciences*, Paris, P.U.F., 1997.
Schleiermacher F. D. E., *Herméneutique. Pour une logique du discours individuel*, Paris, éd. du Cerf, 1989.
Sfez L., *Dictionnaire critique de la communication*, Paris, P.U.F., 1993, t. 1–2.
Souriau E., *Vocabulaire d'esthétique*, Paris, P.U.F., 1990.
Sperber D., Wilson D., *La Pertinence : communication et cognition*, Paris, Minuit, 1989.
Szondi P., *Introduction à l'herméneutique littéraire*, Paris, Editions du Cerf, 1989.
Todorov T., *Poétique. Qu'est-ce que le structuralisme*, Paris, Seuil, 1968.
Todorov T., *Théories du symbole*, Paris, Seuil, 1977.
Todorov T., *Symbolisme et interprétation*, Paris, éd. du Seuil, 1978.
Todorov T., Empson W., Cohen J., Hartman G., Rigolot F., *Sémantique de la poésie*, Paris, Edition du Seuil, 1979 (coll. « Points »).
Van Dijk T., Aspects d'une théorie générative du texte poétique, in Greimas, A.-J., éd., *Essais de sémantique poétique*, Paris, Larousse, 1972.
Vernant D., *Du discours à l'action*, Paris, P.U.F., 1997.
Zadeh L. A., Quantitative fuzzly semantics, *Information sciences*, 3, 1971, p. 159–176.
Zadeh L. A., A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges, *Journal of Cybernetics*, 1972, 2, p. 4–34.
Zumthor P., Intertextualité et mouvance, in *Littérature*, 41, février 1981, p. 8–16.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абсурдные высказывания
автор
адресант
адресат
анализ
– имманентный
– компонентный
– семантический
– семный
– текста
антиципация смысла
аксиология, аксиологический
аллегоризм
аллотопия, аллотопный
анаграмма
аналогия
аналитическая философия
анафора
аномалия, аномальный
антонимия
антитеза
ассоциация
ассумптивный универсум
афференция, афферентный

Бессмыслица
бихевиоризм

Верификация
внутренняя форма слова
возможный мир
вторичная моделирующая система
вчувствование
вывод, выведение
высказывание
– абсурдное
– аллотопное
– аномальное
– истинное
– ложное
– неоднозначное
– проблемное
– противоречивое (контрадикторное)
– «странное»

Генеративная лингвистика
герменевтика
герменевтический круг
гипаллага
гипероним
гипоним, гипонимия
гипотеза
гипотеза лингвистической относительности
глоссематика
грамматичность

Деконструкция
денотат, денотативный
деонтология, деонтологический
дескриптивная лингвистика
диалект
дизъюнкция
дискурс
дистрибутивный анализ
дистрибуция
диффузные понятия
допустимость, допустимый
достоверность

Жесты

Загадка
звукоподражания
звукосимволизм
знак
знания
– фоновые
– специально-научные
– таксономические
– энциклопедические
значения «значения»

* Для часто встречающихся терминов в Указателе отмечены только наиболее показательные случаи употребления.

значение
– истинное
– истинностное
– лексическое
– ложное
– понятийное
– переносное
– словарное
значимости теория
значимость

Игра слов
идеализированные когнитивные модели
идиолект
избыточность
изотопия
– афферентная
– взаимоналоженные
– видовая
– ингерентная
– минимальная
– пересекающиеся
– родовая
иллокутивная сила
иллокуция
импликация
индекс
интенсионал
интенция
интенциональность
интенциональное состояние
интерпретант
– внутритекстовый
– затекстовый
– текстовый
– экстралингвистический
интерпретатор
интерпретации операции
интерпретация
– атрибутивная
– внутритекстовая
– затекстовая
– непрозрачная
– прозрачная
– психоаналитическая
– референтная
– семантическая
– символическая
интерсемиотичность
интертекст, интертекстуальность
информация
истина и правдоподобие
истинностный провал
истинность, истинный

Каламбур
картина мира
– наивная
– научная
– языковая
категориальный сдвиг
категоризация
квантификация
квантор
– всеобщности
– существования
класс (ср. множество)
– компаративный
– контекстуальный
– онтологический
– **семантический**
– системный
классема
когезия (связность)
когниция
код
коммуникативный провал
коммуникация
компаративная связка
компаративное иносказание
компетенция
– интерпретирующая
– прагматическая
– семантическая
– языковая
компонентный анализ
конвенция
коннекция
коннотация, коннотативный
контекст
– активный
– ближний
– дальний
– лингвистический
– прагматический
– текущий
– экстралингвистический
контрадикция
– через антонимию
– через отрицание
концепт
концептосфера, концептуальная система
концептуализация

конъюнкция
корпус текстов
корпусная лингвистика
критерий
– анализа
– адекватности
– верификации истинностного значения
– релевантности
культура

Лексикализация
лексикография
лингвистика
– порождающая (генеративная)
– знака
– сокращенная
– текста
логика
– двузначная
– многозначная
– формальная
– условно-истинностная
логический анализ
литературность
ложь, ложность

Метафора
метафора развернутая
метафора с метонимическим основанием
метонимия
микросемантика
мир
– ассумптивный
– возможный
– действительный (реальный)
– контрафактический
– фиктивный
миф
многозначность (полисемия)
множество (ср. класс)
модель (картина) мира
– мифопоэтическая
– научная
– онтологическая
– языковая
московско-тартуская школа
мотив
морфема

Намерение (интенция)
нарратив
неоднозначность, неоднозначный
неоднозначные высказывания
неопределенность
– интенсиональная
– экстенсиональная
несовместимость, несовместимый
номинация
номинация вторичная
норма языковая
нормы социальные

Обозначение
объект мнения
ограничитель
область семантическая
означаемое
означающее
оксюморон
омонимия
омонимы
ономасиология
оппозиция
определительное множество
остенсивное определение
отношение
– аллотопии
– дизъюнкции
– конъюнкции
– изотопии
– импликации
– интерсемиотическое
– подобия
– субъектно-предикатное
– эквивалентности
отправитель
ошибка
оценка

Парадигматика и синтагматика
парадокс
паремия
перевод
перечисление по типу «кучи»
перифразировка
письмо
плеоназм
полиизотопия
полисемия
получатель
понимание
понятие
постулаты Грайса

правдоподобие (ср. истина и правдоподобие)
прагматика
прагматическое окружение
предикат
предикация
презумпция
– изотопии
– тайны
пресуппозиция
– прагматическая
– семантическая
принцип
– адекватности
– дополнительности
– заместительный
– имманентности
– когнитивного соответствия
– когнитивной экономии
– композиционности
– кооперативного общения
– литературной эволюции
– обратной связи
– остранения
– подстановки
– рациональности
– эпистемологического консерватизма
произвольность языкового знака
пропозициональная установка
пропозициональное содержание
пропозиция
противоречие, противоречивость
прототип
прототипов теория
психоанализ

Расподобление
релевантности критерий, релевантность, релевантный
референция
– к внеязыковым объектам
– к возможному миру
– к действительному миру
– к контрафактическому миру
– неопределенная
– определенная
– расщепленная
– фиктивная
референт
референтное впечатление
речевой акт
речевых актов теория

Связность
селекция
сема (см. семантический признак)
семный анализ
семантема
семантика
– бихевиористская
– генеративная (порождающая)
– возможных миров
– интенсиональная
– интерпретирующая
– **когнитивная**
– логическая
– текста
– **условно-истинностная**
– формальная
– экстенсиональная
семантический признак
– афферентный
– видовой
– ингерентный
– родовой
семантический треугольник
семасиология
семема
семантический класс
семиозис
семиотика
– общая
– частная
– культуры
семная молекула
сигнификат
символ
синекдоха
синонимия
синтагматика
синтагматические отношения
синтактика
система языка
систематика
системная инстанция
ситуация
– коммуникативная
– прагматическая
скриптор
смысл
– аллегорический
– анагогический
– буквальный
– вторичный

– духовный
– иносказательный
– коммуникативный
– латентный
– моральный
– первичный
– скрытый
– телесный
– фигуральный
смысл и значение
социальные стереотипы
социолект
сочетаемостных ограничений правила
сравнение
стилистика
стилистический регистр
стимул
стратегия интерпретации
структура
структурная лингвистика
субъектно-предикатные отношения
сюжет

Тавтология
таксема
таксономия
текст
тематика
теория двух смыслов
толкование (см. интерпретация)
топос
транспозиция
треугольник Огдена – Ричардса (см. семантический треугольник)

Умозаключение
умолчание
универсум
– ассумптивный
– возможный
– действительный
– контрафактический
– реальный
универсалия, универсальный
уподобление
употребление
– атрибутивное
– референтное
условия
– интерпретации
– истинности
– рецепции
установка
– герменевтическая
– интерпретации
– мнения
– пропозициональная

Фабула
фон
фонема
фоновые знания
форма и субстанция
фрейдизм
фрейм

Читатель

Экстенсионал
экзегетика
эмпирические правила смысла
энциклопедия
эпистемической адекватности критерий
эффект
– когезии
– комический
– мелиоративный
– неожиданности
– несовместимости
– пейоративный
– семантической аномалии
– стилистический
– реальности

Язык

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

«знак»

vs оппозиция

≅ эквивалентность

‘семема’

|‘нелексикализованная семема’|

/семантический признак/

//семантический класс//

∩ частичное совмещение множеств

∈ принадлежность элемента множеству

∧ конъюнкция

→ транспозиция

В серии STUDIA SEMIOTICA опубликованы

- Ф. Растье. Интерпретирующая семантика / Перевод с французского, примечания, предметно-именной указатель А. Е. Бочкарева. Нижний Новгород, ДЕКОМ, 2001. 368 с.
- А. Е. Бочкарев. Семантический словарь. Нижний Новгород, ДЕКОМ, 2003. 200 с.
- В поисках смысла: живопись В. Грачева / Автор текста и составитель А. Е. Бочкарев. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2004. 160 с.
- Русское в русском искусстве. XVIII–XX вв. Из собрания НГХМ / Авторы вступ. статей и аннотаций А. Е. Бочкарев, И. Н. Кузнецова. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007. 160 с.
- А. Е. Бочкарев. Эпистемологические аспекты значения. Нижний Новгород, ДЕКОМ, 2007. 224 с.

+16

Научное издание

Андрей Евгеньевич Бочкарев
СЕМАНТИКА. ОСНОВНОЙ ЛЕКСИКОН

На авантитуле – гравюра *В. Фаворского*

Редактор *Я. Гройсман*
Компьютерная верстка *С. Сорувка*
Корректор *Л. Зелексон*

Подписано в печать 24.12.2014
Формат 60 × 90/16. Гарнитура «Times»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Физ печ л. 20
Тираж 700 экз. Заказ №

ООО «Издательство ДЕКОМ»
603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 28/7
E-mail: izdat@dekom-nn.ru http://www.dekom-nn.ru.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, ул. Валовая, 28